
Бернгард Гржимек
Михаэль Гржимек
СЕРЕНГЕТИ
НЕ ДОЛЖЕН
УМЕРЕТЬ
Анри Лот
В ПОИСКАХ
ФРЕСОК
ТАССИЛИ

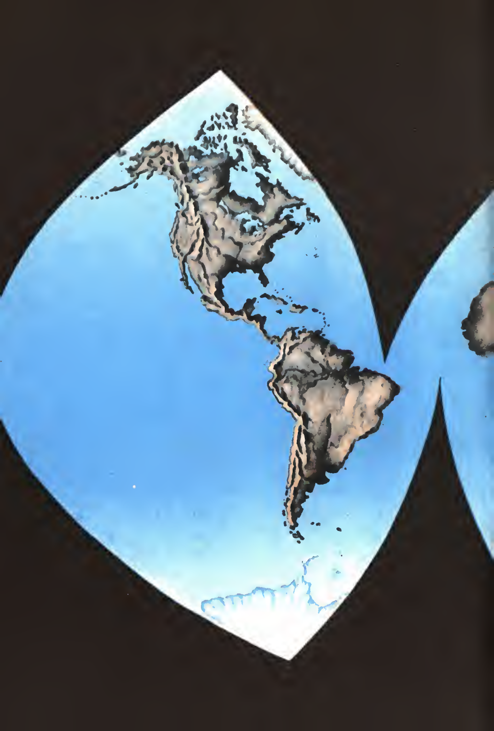
Издательство
«Мысль»

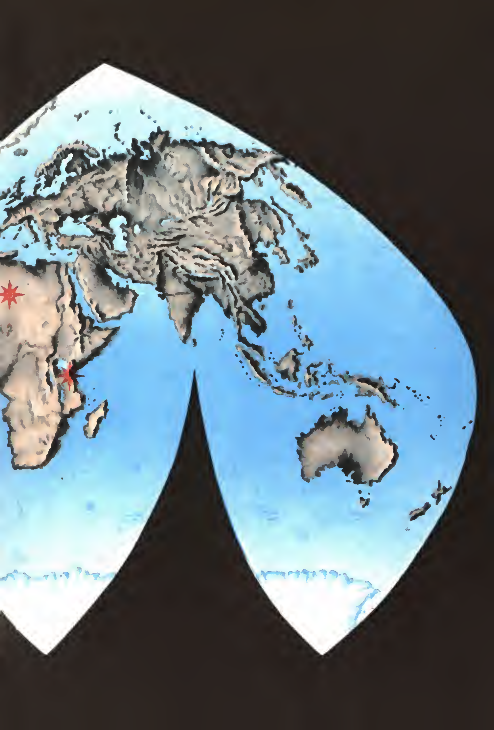
Бернгард Гржимек
Михаэль Гржимек

СЕРЕНГЕТИ НЕ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

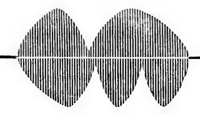
Анри Лот

В ПОИСКАХ ФРЕСОК ТАССИЛИ

**ХХ век: Путешествия
Открытия
Исследования**

57(069)
Г 75

Prof. Dr. Dr. Bernhard
und Michael Grzimek

SERENGETI
DARF NICHT STERBEN

Berlin — Frankfurt/M.—
Wien, 1964

Henri Lhote

A LA DECOUVERTE
DES FRESQUES
DU TASSILI

Paris, 1958

Г $\frac{20901\text{-}111}{004\,(01)\text{-}76}$ подписное

Бернгард и Михаэль Гржимек

СЕРЕНГЕТИ НЕ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

стр. 5

Комментарии доктора биологических наук **А. Г. Банникова** и кандидата исторических наук **А. М. Пегушева**

Перевод с немецкого **Е. А. Геевской**

Анри Лот

В ПОИСКАХ ФРЕСОК ТАССИЛИ

стр. 249

Послесловие кандидата географических наук **М. Б. Горнунга**

Научная редакция и комментарии члена-корреспондента АН СССР **Д. А. Ольдерогге**

Перевод с французского **Н. В. Шилинис**

Издательство «Мысль»
Москва
1976

Бернгард Гржимек
Михаэль Гржимек

Сыновьям Михаэля Гржимека —
Стефану Михаэлю и Христиану Бернгарду
посвящается

СЕРЕНГЕТИ НЕ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

«Какой бы увлекательной ни была любая школьная экскурсия, но, если тебя потом заставляют писать о ней сочинение, она сразу же может ужасно опротиветь. Вот и сейчас мой отец требует, чтобы я описал, как мне пришлось самостоятельно вывозить из Африки во Франкфурт отловленных для зоопарка животных...» — такими словами мой сын Михаэль начинал последнюю главу в моей книжке «Полет в страну шимпанзе». Я поручил написать ему в ней о том, как я вынужден был оставить его, шестнадцатилетнего парнишку, одного в Африке, в районе Берега Слоновой Кости, среди людей, говорящих на чужом языке. На его попечении оставались все отловленные для нашего зоопарка животные, а в его распоряжении был всего лишь один бой. И все же он сумел благополучно погрузиться на французское грузовое судно и в целости и сохранности все доставить в Гамбург.

А теперь Михаэль — соавтор книги, которую Вы сейчас держите в руках. За несколько дней до его трагической гибели мы условились работать над нею вместе. Неважно, что он не успел написать в ней ни строчки,— во всем, о чем здесь говорится, мой сын принимал живейшее участие, им проделана бóльшая часть нашей работы. Так что его имя с полным правом стоит рядом с моим на титульном листе.

Нам очень хочется верить, что эта книга поможет спасти и сохранить то, ради чего мы трудились.

Я же могу только пожелать всем отцам иметь такого сына, каким был мой,— верного помощника и друга, который все понимает с полуслова. Я бесконечно благодарен судьбе даже за те недолгие годы, которые нам посчастливилось прожить рядом.

Бернгард Гржимек

Полет туда

Итак, в свои сорок восемь лет я впервые решился сесть за руль самолета. Пасмурным утром 11 декабря 1957 года я отправился в нашем одномоторном самолете вдоль Рейна на юг, в сторону Швейцарии. Лечу на высоте 200 метров. Желтые концы пропеллера вписывают матово-прозрачный круг в серовато-лиловый ландшафт, виднеющийся сквозь ветровое стекло. Слева со скоростью 200 километров в час скользит горная дорога. Но сейчас вдоль нее не видно той буйно цветущей зелени, которой мы всегда любовались во время наших весенних полетов,— сейчас здесь все пусто, голо и неуютно.

Рядом со мной сидит мой сын Михаэль и, так же как я, держит свою рукоятку управления между колен. Легкий нажим рукой на черный шарик металлической трубки — и правое крыло едва заметно накреняется. Мы подлетаем ближе к Рейну. Придерживаясь реки, наш самолет с пути не собьется, так что есть возможность поразмышлять.

Мне несколько не по себе. Ведь мы решились на весьма опасный перелет. Наш самолет должен преодолеть расстояние в 10 тысяч километров: пересечь Средиземное море, Египет, Центральную Африку и опуститься за экватором!

Я человек пожилой, особенным охотником до воздушных приключений никогда не был и, кроме верховой езды, никаким спортом не увлекался. Ни за что раньше бы не поверил, что вдруг решусь, как заправский летчик, сесть в этакий не внушающий доверия самолетишко да еще отправиться на нем до самого озера Виктория! Однако дело вот в чем.

Я очень рано женился — двадцати одного года. И теперь мои сыновья уже совсем большие. Михаэлю, который сидит сейчас рядом со мной в своей меховой курточке,— двадцать три. Он не только мой сын, это мой единственный настоящий друг. Еще совсем маленьким мальчиком

он помогал мне в моих опытах с волками и собаками[1]. Несколько позже он превзошел меня в фотографировании животных и перешел к киносъемке. Когда ему было всего семнадцать лет, его любительские фильмы уже отмечались как выдающиеся. А потом у него засела в голове мысль отснять цветной фильм по мотивам моей книги «Для диких животных места нет».

Книги, даже если это бестселлеры, прочитывает только несколько десятков тысяч, ну, может быть, 100 тысяч человек. Нам же хотелось, чтобы многие миллионы людей Европы и Америки узнали о том, что львы и слоны, носороги и жирафы, эти удивительные существа, которыми все так восхищаются, постепенно исчезают с лица земли и что последнее их прибежище — национальные парки — все сужается. Осведомить же об этом миллионные массы можно только при помощи кино, телевидения и иллюстрированных журналов.

Государственное гарантийное учреждение, которое в то время финансировало художественные фильмы, взяло на себя поручительство перед банками лишь за половину стоимости нашего фильма. Вернувшись из Африки, мы, к своему ужасу, узнали, что одновременно с нами фильм об африканских животных снимал знаменитый Уолт Дисней. Этот фильм под названием «Тайны степей» должен был демонстрироваться в кинотеатрах одновременно с нашим.

Первое же кинопрокатное общество в Мюнхене, которому мы показали часть отснятых в Африке кадров, от нашего фильма отказалось. В конце концов Михаэлю пришлось подписать вексель на 100 тысяч марок, чтобы получить возможность смонтировать фильм, изготовить цветные копии, озвучить его и выпустить на экран.

Кинодеятели были в претензии на нас за то, что мы показали диких животных слишком мирными. Ведь во всех фильмах об Африке зритель привык видеть, как каждые две минуты хищник нападает на жертву, гигантские змеи душат людей, а злобных, агрессивных слонов в последний момент приканчивают метким выстрелом. Но мы, зоологи, можем показывать животных только такими, какие они есть на самом деле, а не так, как их принято демонстрировать публике с целью пощекотать ей нервы. Так что, когда мы все-таки решились послать свои фильмы на кинофестиваль в Берлин, сердце у каждого из нас екало.

---

[1] B. Grzimek. Wolf Dschingis. Stuttgart, 1943 und 1955.

«Для диких животных места нет» демонстрировался в последний день фестиваля в кинотеатре на Курфюрстендамме. Перед этим мы пригласили представителей прессы на завтрак в Берлинский зоопарк, но ровно в 10 часов разразилась такая гроза, что никто не отважился пробежать через весь парк до ресторана. Так мы и просидели вдвоем перед огромными горами бутербродов...

Потом, на дебюте нашего фильма, мы притаились в самом последнем ряду кинотеатра, чувствуя себя как школьники, сидящие на пасху в актовом зале, когда объявляют, кого перевели в следующий класс, а кто остался на второй год.

Когда три жирафа, словно в теневом театре, медленно 9
проплыли на фоне красного заката, зрители начали горячо аплодировать. Михаэль радостно сжал мое колено.

Кончилось тем, что его вызвали на сцену, и он там стоял в свете прожекторов в своем черном костюме, неумело раскланивался и решительно не знал, что ему делать с огромными букетами сирени, которые ему совали в руки.

Как зачарованные мы шли потом по Курфюрстендамму в Фестивальный комитет, где раздавали призы. Зал был уже наполовину пуст. Журналисты накинулись на нас с упреками: куда это мы запропастились, они нас ищут уже около часа? Оказывается, фильм получил приз «Золотой медведь», потому что собрал большинство голосов; другим призом его удостоило международное жюри, состоящее из специалистов; кроме того, фильму присудили еще и республиканскую премию.

Словом, все шло хорошо. Фильм «Для диких животных места нет» шел в Мюнхене 12 недель подряд в одном и том же кинотеатре, его показывали в 63 странах мира. Когда его привезли в Южную Африку, местная цензура хотела из него кое-что убрать, но газеты выразили протест, и министр внутренних дел был вынужден распорядиться, чтобы ни одного метра пленки не вырезали.

Мы все думали над тем, как сделать так, чтобы миллионы зрителей, просмотревшие наш фильм, могли оказать какую-нибудь действенную помощь диким животным Африки,— ведь у них, безусловно, возникало такое желание. И придумали: пусть деньги, которые они платят за билет, пойдут в пользу наших любимых животных. Ведь фильм протестовал против того, чтобы британское правительство Танганьики[1] сократило на одну треть на-

---

[1] В книге идет речь о событиях, происходивших до 1959 года включительно.

циональный парк Серенгети — последнее пристанище диких животных, а оно собиралось это сделать. И вот мы решили на ту часть денег от проката фильма, которая полагалась на нашу долю, выкупить у английских властей окружающие заповедник земли и присоединить их к нему. Узнав об этом, директор национальных парков Танганьики Питер Моллой приехал со специальным визитом во Франкфурт и предложил использовать эти деньги для гораздо более важной цели.

Дело в том, что в степях Серенгети пасется свыше миллиона крупных животных, однако их огромные стада все время перекочевывают с одного места на другое. Картина здесь постоянно меняется: то степь до самого горизонта заполняется антилопами гну, то они куда-то исчезают, и на несколько месяцев степь словно вымирает. Существует много разных предположений относительно того, откуда эти животные приходят и куда держат путь. Согласно этим гипотезам и были предложены новые, более узкие границы парка. Но никто до сих пор не нашел способа проследить дальше массовые миграции этих животных. Во время сезона дождей даже на вездеходе невозможно проехать по тем немногим «дорогам», которые здесь имеются, а уж через затопленные равнины, горы и ущелья и вовсе не проберешься.

У правительства Танганьики нет денег для подобных исследований, да и у какого правительства на свете найдутся деньги для львов, жирафов, зебр и гну?

Я помню, мы часто лежали на нашем балконе, задрав ноги высоко на перила, и ломали себе голову над тем, как решить эту задачу.

— Мы должны научиться летать,— как-то вдруг осенило Михаэля.

Меня это несколько ошеломило, но я понял, что он прав. Десяток лет тому назад он же вынудил меня научиться водить машину.

В течение нескольких недель у нас шли ожесточенные бои с женами, но победа осталась за нами. И вот в одно прекрасное утро я уже стоял на спортивном аэродроме Эгельсбах, в 20 километрах от Франкфурта. Собственно, он ничем не напоминал аэродром. Это была обычная зеленая лужайка, не очень ровная и даже не огороженная

Страны Танганьика, Кения и Уганда, о которых автор пишет как о колониях, стали независимыми государствами соответственно в 1961, 1963 и 1962 годах. В 1964 году Танганьика и Занзибар создали Объединенную Республику Танзанию.—*Прим. пер.*

забором. На краю ее — малюсенькая гостиница, где под потолком на веревке болтается целый лес галстуков: здесь принято срезать галстук у каждого новичка после его первого самостоятельного полета.

Я предполагал, что сначала последует какая-нибудь лекция, этакое теоретическое обучение «катанию на лыжах в комнатных условиях», но не успел я оглянуться, как уже сидел с преподавателем в маленьком двухместном самолетике «Пайпер кап». И вот я уже пересекаю наискось высоковольтную линию и железнодорожное полотно.

Такой «Пайпер кап» производит очень несерьезное впечатление, словно его купили в игрушечном магазине: весь он как-то наскоро сварганен из тонких железных стержней и холста. Но зато в нем удивительно мало рычагов, циферблатов и прочих механизмов, так что «не ошибаться» в нем довольно легко.

Летать, как выяснилось, дело абсолютно простое, и ему, собственно говоря, и учиться-то незачем. Затруднительны только взлет и посадка. Мне потребовалось вдвое больше летных часов, чем Михаэлю, пока я наконец сумел продемонстрировать перед государственным экзаменатором все положенные крутые виражи и посадку с выключенным мотором точно в указанном месте.

А потом — первый самостоятельный перелет на другой аэродром. До чего же страшно удаляться от своего родного аэродрома, где все изучено наизусть — и уголок леса, и крыша ангара, и соседняя деревенька! Боишься не найти дорогу назад, словно воробей, впервые вылетевший из гнезда. Деревни до того похожи одна на другую! Я стараюсь держаться автострады, по которой уж во всяком случае можно будет отыскать дорогу домой. Во время посадки в Кобленце на горном плато над рекой Мозель ветер подхватил мой самолетик, и не успел я опомниться, как он уже стоял задом наперед на посадочной дорожке.

Несколькими днями позже я должен был в течение получаса продержаться на высоте 3 тысячи метров. Тут надо внимательно следить за тем, чтобы не попасть «под ноги» самолетам гражданской авиации, которые с этой высоты начинают снижаться для посадки на большом Франкфуртском аэродроме. Отсюда уже виден Франкфурт, а сразу за ним — Майнц и Висбаден. Как густо заселены эти места! Запломбированный аппарат за моей спиной отмечает, точно ли я держусь на заданной высоте.

Нет, действительно, летать на «Пайпер кап» совсем не трудно. Сложна только теория, которую необходимо для этого освоить.

Для сдачи государственных экзаменов я прибыл в Дармштадт, где с восьми утра до шести вечера просидел в большом зале правительственного здания, отделенный справа и слева на три метра от соседних экзаменующихся (чтобы мы не могли друг у друга списывать).

Еще четыре недели тому назад я даже не подозревал, что в Германии есть Вигенские горы, а сейчас знаю наизусть, что самая высокая вершина Бёмского леса носит название Арбер и достигает высоты 1457 метров. Ведь я должен уметь на большой слепой карте рядом со всеми городами, реками, каналами и горами проставить их названия. Я даже запомнил, что притоки реки Прегеля называются Анграпа и Инструч,— это на всякий случай, потому что, по слухам, один из экзаменаторов родом из Восточной Пруссии. Я могу с линейкой и циркулем в руках высчитать на миллиметровой бумаге, за сколько времени я — теоретически — могу добраться из Франкфурта в Гамбург, если мне навстречу под углом 63° дует северо-восточный ветер, и сколько мне на это потребуется бензина. Я прочно усвоил, кто кому обязан уступить дорогу, если встречаются одновременно стратостат, планер, самолет и дирижабль.

Я знал тысячу вещей и сдал экзамены с отличием. А два опытных летчика, которые пришли только за тем, чтобы продлить летные удостоверения, провалились, хотя наверняка летали лучше меня во много раз. Я занимался очень усердно, так как знал, что, если провалюсь, об этом обязательно сообщат в газетах и многие знакомые будут смеяться надо мной до упаду.

Наконец настает день, когда вам вручают коричневато-желтое летное удостоверение, вы прячете его в свой бумажник и чувствуете себя заправским пилотом. Но ни один человек почему-то об этом не догадывается, и никто у вас никогда не спрашивает этого документа.

И все же вождение самолетов накладывает кое-какой отпечаток на вашу личную жизнь. Я, например, совершенно отвык от завтраков и позволяю себе выпивать утром только одну скромную чашечку кофе. Ведь в таком самолетике нет никаких специальных удобств ни для мужчин, ни для дам. Как-то из-за этого я в отчаянии решился на посадку в Бингер Лохе, а в Германии вынужденная посадка вне аэродрома влечет за собой самые неприятные последствия. Даже если вам удалось благополучно приземлиться на клеверное поле, вы должны сразу же бежать в ближайшую деревню и сообщить по телефону свои координаты в Агентство гражданской авиации в Брауншвейге,

затем дождаться приезда полиции и получить официальное разрешение для старта. И только после этого вы можете наконец попробовать снова подняться в воздух. Словом, значительно проще отказаться от завтрака...

Я стою на лужайке аэродрома в Эгельсбахе рядом с нашим преподавателем, который занят тем, что аккуратно отмечает время вылета и приземления канареечно-желтых самолетиков. Я приехал сюда, потому что уже несколько недель меня мучают «проклятые сомнения».

— Скажите мне, пожалуйста, господин Реппле, достаточно ли подготовлен Михаэль, чтобы сейчас лететь в Африку? Отпустили ли бы вы его, будь он вашим собственным сыном?

Разумеется, я для того и учился летать, чтобы не отпускать Михаэля одного. Я бы дома ни одной ночи не мог заснуть спокойно, зная, что он летит совершенно один над бескрайней пустыней. Может быть, я учился еще и потому, что отцы обычно не любят, чтобы сыновья их в чем-то переплюнули. Поездку откладывать нельзя, потому что работу в Серенгети нужно начинать немедленно, лучше сегодня, чем завтра, иначе за это время может быть принято окончательное решение о сокращении площади заповедника. Купить или нанять самолет в Африке мы не сможем, потому что нам нужна особая машина, которая способна в случае надобности лететь совсем медленно и приземляться в любых условиях без всякого аэродрома. Может быть, разумнее было бы отправить наш самолет пароходом?

— Но тогда вам пришлось бы тренироваться над безлюдными дебрями Африки, где нет никакой надежды на чью-либо помощь. Нет, я считаю Михаэля одним из своих лучших учеников. Летное мастерство у него в крови. Будете ли вы в дальнейшем летать над нашей страной или над странами Средиземноморья — это совершенно безразлично.

Словом, без такого полета нам все равно не обойтись. В конце концов многие рисковали и бо́льшим ради значительно менее благородных целей. Так что, прежде чем несколько необычным способом обследовать серенгетские степи, нам предстоит еще не менее необычный спортивный трюк. Это хоть и заманчиво, но и страшновато — прямо в дрожь бросает.

И вот мы сидим в своей новой красивой машине и неспеша тарахтим вверх по Рейну. Нас сопровождает только наш «бушбэби»— ручной галаго*. Я все еще жду, когда мы

долетим до определенного ориентира, указанного в автомобильном атласе, а под нами уже вырастает огромное четырехугольное здание с надписью «ГАЙГИ». Это швейцарский конкурент наших фармакологических фирм «Мерк» в Дармштадте и Хёхсте. Один из совладельцев этой гигантской «дьявольской кухни», исследователь Африки, университетский профессор, биолог, недавно рассказывал мне, как под его руководством ежедневно вскрывают сотни мух цеце и аккуратно вытаскивают и сортируют их кишки, желудки и другие органы.

Найти дорогу из Базеля в Женеву для нас не представляет никакого труда. Дело в том, что мы вмонтировали

в свой самолет радиокомпас, так что мне достаточно только поискать в справочнике длину волны Женевского аэродрома и радиомаяков по дороге к нему. Михаэль настраивает компас на эту волну, и стрелка на циферблате приходит в движение. Она стоит ровно на нуле, если нос нашего самолета обращен прямо к невидимой радиостанции. Если мы над ней пролетели, стрелка делает полный оборот вокруг всего циферблата. Все идет гладко, как в сказке. Но в Африке, к сожалению, нет радиомаяков, и, если радиоволны ближайшего аэродрома не будут нас достигать, радиокомпас станет совершенно бесполезным. Однако пока мы еще не в Африке, а в Швейцарии и наш самолет доставляет нам совсем другие хлопоты.

Кстати, я должен его сначала представить. Похож он на обычный спортивный самолет, только больше, весь из металла и более современной формы. В нем свободно помещаются шесть человек. Обычная его скорость — 220 километров в час. Однако с выпущенными закрылками ее можно снизить до 50 километров в час (это, разумеется, удается только тому, кто хорошо владеет машиной). Поэтому его можно посадить даже на картофельном поле, по которому ни на каком автомобиле не проедешь. Правда, у этого самолета всего один мотор, но в случае, когда он отказывает, мы сейчас же выпускаем закрылки и плавно, словно на планере, скользим к земле.

Ей-богу, на таком самолете до смешного безопасно летать, но, как мы ни старались объяснить это нашим женам, они почему-то нам не верили. У него такие длинные ноги, что даже в случае посадки в кустарник или на кочковатую почву пропеллер не погнется. Сидим мы в кабине из сплошного плексигласа, расположенной несколько ниже высоких крыльев. Иногда мне начинает казаться, что я вишу на стуле прямо в воздухе: боковые окна доходят до самого пола и прямо под своей коленкой с

800-метровой высоты я вижу маленькие деревенские домишки.

Называется наша машина «D — Утка». В Германии все самолеты получают букву «D» как первый опознавательный знак, а затем через тире четыре буквы. Нам разрешили самим выбрать слово из четырех букв. Мы хотели, чтобы это было животное, и выбрали «утку». И только позже мне пришло в голову, что мы с таким же успехом могли остановиться на слове «осел», в котором тоже всего четыре буквы.

Вертикальная хвостовая часть, согласно предписанию, окрашена в немецкие традиционные черно-красно-желтые цвета, а весь самолет мы выкрасили под зебру: он белый в черную полоску. Может быть, в таком виде животным Серенгети, где бегают тысячи зебр, он не покажется слишком уж инородным телом. Но сделано это главным образом для того, чтобы в случае аварии в дебрях Африки эту небольшую штуковину легче было отыскать.

Правда, на такой «летающей зебре» неловко приземляться на приличном международном аэродроме в Женеве. К счастью, мы еще не успели облачиться в свои тропические костюмы, а то бы наше появление могло произвести несколько странное впечатление.

На стартовых дорожках стоят 10 огромных пассажирских самолетов, в залах ожидания толкутся сотни пассажиров. Вообще-то эти тяжеленные ящики должны были приземлиться в Милане, но в связи с тем, что над Италией поднимается волна холода и в долине По бушуют ураганы, их переправили в Женеву.

Над Ниццей, говорят, дождевые облака нависли на высоте 120 метров, видимость резко ухудшилась. Марсель передает, что мимо них даже пролететь невозможно, так что ничего не поделаешь — придется провести эту ночь в дождливой Женеве.

На следующее утро все кругом, вплоть до самых гор, затянуто серыми тучами. Только в глубокой низине, расположенной южнее, они не достигают земли. В эту дыру мы и решаем нырнуть. Но зеленый лес на склоне горы оказывается вдруг угрожающе близко, нам становится как-то неуютно, и мы поднимаемся несколько выше. Но тут мы сразу же попадаем в тучи и слепнем в молочно-белом тумане. Когда наконец немного проясняется, мы снова снижаем нашу «Утку», переваливаем через горы и направляемся в Лион.

Час вниз по Роне — и мы в Марселе, где светит холодное солнце. В мрачноватом гостиничном номере мы пок-

рываем весь истоптанный ковер картами Италии. Над Сицилией нависли сплошные низкие облака, там бури и грозы. Если мы полетим вдоль итальянского побережья, дорогу нам то и дело будут преграждать военные запретные зоны.

Таким образом, вместо Африки нам вначале пришлось вплотную ознакомиться с Марселем — к сожалению, перед самым рождеством и без зимних пальто!

Напротив нашей гостиницы стоит церковь, построенная лет 80 назад. Однако на самом деле это вокзал. В наше же время все делается наоборот: сейчас не строят вокзалов, похожих на кафедральные соборы, а сооружают церкви,

напоминающие вокзалы...

Флажки на метеорологической карте в диспетчерской башне аэропорта никак не хотят сдвинуться с места. Штормовая низкая облачность словно застыла над Италией. А нам страшно хочется выбраться наконец из этой дождливой Европы. Ничего не попишешь, придется сделать большой крюк через Испанию и Гибралтар.

И вот наша «зебра» потихоньку тарахтит вдоль французского побережья. Мы с удовольствием сократили бы себе путь — отправились бы прямо через Лионский залив. Но вода там, внизу, выглядит такой холодной и враждебной, что мы не отваживаемся на это и каждый раз снова поворачиваем рычаг управления вправо, ближе к береговой полосе.

С военного аэродрома, куда мы приземлились, услужливые испанцы повезли нас в Картахену; рычаг скоростей в нашем такси был защемлен маленькими деревяшками, чтобы не выскакивал. Я подсчитал, что тысячу километров от Марселя до Картахены мы с попутным ветром пролетели ровно за четыре часа и израсходовали при этом 280 литров бензина.

Отчаянно сигналя, нас провозят по улочкам маленькой Картахены и доставляют в самый большой отель города. Здесь нас покормили, прямо надо сказать, по-княжески: нам подали два стакана вина, три различных горячих блюда, свежих крабов, два кофе. Все это стоило только 2,5 марки. После этого мы еще на две марки взяли омаров. Оказывается, в такой «мертвый сезон», зимой, в Испании не бывает особых цен для туристов.

Телефон на тумбочке возле моей кровати работает только когда придерживаешь рукой штепсель, но это не помешало нам соединиться с Франкфуртом. Мы сообщили

своим женам, что застряли в Испании и сидим в уютном отеле у подножия средневековой крепости.

Теперь они долго не услышат наших голосов.

Испанские летчики вводят нас в искушение:

— Чего ради вы собираетесь делать крюк через Гибралтар? Ведь гораздо проще лететь прямиком через Средиземное море на Оран!

— Но ведь в Алжире сейчас происходят военные действия. Разве можно без специального разрешения лететь в Оран?*

— Да бросьте вы! Туда уже многие не раз летали, и ничего. Мы заранее сообщим о вашем прилете по радио.

Мы с Михаэлем смотрим друг на друга. Нас гложут одинаковые сомнения, но искушение слишком велико. Ведь и так уже потеряно три дня из-за проклятой низкой облачности над Сицилией. Мы соглашаемся.

Я распаковываю оранжевые пробковые жилеты, мы натягиваем их на себя и завязываем на животе. Пояснение, как пользоваться этой новинкой, написано по-английски вверх ногами, так что прочесть его можно, только глядя сверху вниз на свой живот. В специальных карманах находятся свисток и батарея, автоматически включающая в воде лампочку, которая может гореть целую ночь; прилагается и специальное окрашивающее вещество, которое пятном расплывается по морской поверхности и облегчает поисковым самолетам найти потерпевших аварию. Кроме того, у нас с собой маленькая резиновая лодка; попав в воду, она (согласно инструкции) автоматически надувается. Михаэль привязывает к ней еще сумку с хлебом, яблоками и пакетом печенья. Туда же он сует дымовую шашку и пару брикетов из какой-то гадости, отпугивающей акул. Эти брикеты мы специально выписали из Америки.

Мы ввинчиваемся высоко в воздух над Картахеной, и Испания под нами делается все меньше и меньше. Высота — 3300 метров, выше нельзя, а то воздух станет слишком разреженным и мы будем лететь значительно медленнее. Мы поворачиваем черно-белый нос нашей «Утки» точно на юг и вот уже летим над открытым морем.

Нам предстоит покрыть расстояние в 300 километров — это добрых полтора часа лету. На карте такое расстояние выглядит совсем ничтожным — кошка и та перескочит! Но вот уже исчезла из глаз береговая полоса. Только небо и море, больше ничего. В это время года вода в Средиземном море не синяя и теплая, а серая и холодная — граду-

сов десять, не больше. Если в такой поплавать, то через час или два совсем окоченеешь и потеряешь сознание. И куда ни кинь взгляд — нигде ни одного корабля.

Меня почему-то начинает интересовать гул мотора, и мне уже чудится, что в нем прослушиваются какие-то перебои. Невольно бросаю встревоженный взгляд на Михаэля.

С годами я все больше и больше начинаю полагаться на него. Я знаю, что, когда он сидит за рулем, всегда все идет отлично. Михаэль смотрит прямо перед собой сквозь круг, который чертит пропеллер. У него еще нет морщинок у глаз; на лоб, как всегда, свисает прядь волос, а сзади, на макушке, тоже как обычно, торчит смешной вихор. Этот вихор ему никогда не удавалось пригладить, даже когда Михаэль еще был совсем ребенком и гордо отправлялся гулять с нашим волком Чингисом.

Внезапно что-то дернулось, затарахтело, и стук мотора прекратился. Мне показалось, что вместе с ним перестало стучать и мое сердце. Как выбраться из этой металлической «Утки», если надо будет бросаться в воду? Справа от меня над дверью красная ручка, запломбированная тонкой проволокой. «АВАРИЙНЫЙ СБРОС ДВЕРИ» — написано на ней.

Михаэль нажимает на кнопку вспомогательного бензонасоса. Раздается жужжание. Насос с силой загоняет бензин в мотор, и тот снова начинает работать. Он вышел из строя всего на каких-нибудь пять-шесть секунд. Но это были долгие секунды!

Летя над морем, мы не решались выключить вспомогательный бензонасос, хотя мотор, возможно, прекрасно работал бы и без него. Мы боялись даже слово проронить, пока наконец стрелка радиокомпаса не настроилась на длину волны Орана и берег Северной Африки не начал медленно (ужасно медленно!) приближаться.

Над Ораном нависли три мрачных грозовых облака. Из каждого широкой полосой лил дождь. Где же аэродром? Та площадка, на которую мы только что собрались сесть, оказалась предназначенной для строевого обучения, а на других подходящих местах стояли военные самолеты.

Мы делаем два огромных виража вокруг низины, где расположен город Оран. Ну, вот это наконец должен быть аэродром! Я озираюсь по сторонам, чтобы нам не столкнуться с какой-нибудь другой машиной, идущей на посадку. Михаэль в наушниках внимательно слушает указания человека с командного пункта. Оттуда всегда сооб-

щают, с какой стороны и какой силы дует ветер у земли, чтобы можно было сесть против ветра, можно ли идти на посадку или подождать, какую посадочную дорожку занять и другие подобные вещи. Этот голос в эфире нелегко понять, потому что все говорится сокращенно, цифрами, числами и закодированными обозначениями и, по международному соглашению, на английском языке. А здесь наушники почему-то картавят по-французски.

Когда мы уже буквально в холодном поту находим наконец нужную посадочную дорожку и спускаемся на нее, голос в наушниках неожиданно спрашивает, на этот раз уже по-английски:

— How do you pronounce your name? (Как вы, собственно говоря, произносите свое имя?)

Если ваша фамилия Гржимек, то к таким вопросам успеваешь привыкнуть. В Америке и Франции меня часто уверяли, что англичанин или француз такой фамилии даже выговорить не может. Я успокаивал этих людей тем, что и немец тоже не может. Но здесь, прямо в воздухе, этот вопрос меня огорошил.

Оран уже более тысячи лет смотрит с побережья Африки на Испанию. 280 лет город был испанским, затем 40 лет — турецким, а с 1831 года он французский. Шофер такси, который везет нас в город с аэродрома,— француз, но Франции никогда не видел. Его отец и дед уже родились в Северной Африке. Здесь живут два миллиона французов и семь миллионов алжирцев*.

— В Оране теперь все тихо,— успокаивает нас шофер, проезжая на волосок от навьюченного всяким скарбом осла.

Все отели переполнены беженцами и офицерами, так что мы были рады получить у мавританского владельца третьеклассной гостиницы даже нетопленую комнатушку возле кухни.

Портье здесь настоящий фокусник. Пока Михаэль с ним объяснялся, он своим широким рукавом незаметно смахнул со стола обменный чек. Когда мой сын усмехаясь нагнулся за ним, бумажки на полу уже не оказалось. Она очутилась в ящике стола, прикрытая книжкой...

Наша «летающая зебра» пытается пробиться в Алжир, но повсюду еще висят темные, мокрые облака. Они становятся все плотнее и спускаются все ниже. Мы едва успеваем заметить, что ложбина, в которой мы пролетаем, внезапно кончается отвесной стеной гор. У нас,

слава богу, еще хватило времени сделать вираж и полететь назад.

В то время как на автомобиле всегда можно дать задний ход, для летчика попасть в тупик означает смерть. Самолеты уже не раз терпели аварию вот именно в таких ложбинах, потому что часто бывало поздно набрать высоту, необходимую, чтобы перевалить через препятствие, а чтобы развернуться, ложбина оказывалась слишком тесной.

Мы решили попробовать пробраться к Алжиру вдоль берега, над самым морем, но и здесь клочья облаков опустились так низко, что местами сливались с морской пеной.

Спустя полтора часа, совершенно вымотанные, мы вернулись на аэродром в Оран. Служащий аэродрома качает головой:

— Вам бы следовало держаться над горами хотя бы на высоте триста метров! Радуйтесь, что вас не подстрелили. Только три недели назад тут угробился один такой лихач.

На другое утро мы стараемся держаться на почтительном расстоянии от опасных гор. Мы летим вдоль берега, и нам видно, что наделала разбушевавшаяся стихия: мосты напрочь снесены, улицы размыты, в горах и на холмах ни одного более или менее крупного животного. А ведь прежде отсюда, с моря, мореплаватели могли наблюдать за антилопами и даже львами. Еще в 1892 году вот там, напротив, на горе Эду, близ алжирского порта Бон, встречали львов. Последние львы Марокко, весьма мирного нрава, продержались в тех местах даже до 1922 года. Эти черногривые берберийские львы по праву считались самыми красивыми львами в Африке. Их кровь и сейчас еще течет в жилах некоторых обитателей зоопарков.

Нам еще несколько раз приходится попадать в кратковременные ливни. При этом Михаэль старается пролетать под тучами, я же за то, чтобы обойти их стороной. Дело в том, что дверка, которая надо мной, пропускает воду. Под давлением свистящего ветра дождевая вода просачивается в стыках сквозь пенопластовую прокладку. Мне приходится держать над головой тряпку и время от времени ее выжимать. В такой позе рука быстро затекает, и кончается дело тем, что вода мне все-таки попадает за шиворот. А сторона, где сидит Михаэль, остается сухой.

Так мы пробиваемся мимо Алжира, вдоль всего берега, до Туниса, а затем идем к югу. Наконец мы выбрались из этой «хляби небесной». Пускай ливень путешествует

дальше по Италии и мочит даже Балканы. Мы же летим туда, где светит солнце, и никакая «небесная постирушка» больше нас не задержит.

На аэродроме в Триполи мы уже не впервые. Нам не раз случалось торчать здесь ночью около часа, когда мы прилетали в Африку на большом пассажирском самолете. На рифленой жести ворот аэровокзала еще сохранились следы от пуль со времени африканских походов Роммеля. А на банкнотах нового королевства Ливии можно полюбоваться изображением старого короля Идриса эль-Сенусси с феской на голове, но по ним нельзя угадать, сколько пиастров они стоят, потому что цифры обозначены только по-арабски. Хотя и считается, что мы тоже пользуемся арабскими цифрами, но настоящие арабские выглядят совсем по-другому.

Теперь нам хочется семимильными шагами наверстать все наши вынужденные задержки в пути. К счастью, у нашей бравой «зебры» есть «второе дыхание»: мы встроили перед двумя задними сиденьями большой запасной бак для горючего. С помощью маленького ручного насоса из него можно перекачивать бензин наверх, в те два бака, которые размещены справа и слева в крыльях. Таким образом, мы сможем без посадки долететь до Тобрука и даже, может быть, до Александрии в Египте.

По воздуху добираешься очень быстро, вот только на противных аэродромах постоянно застреваешь! Вечно одна и та же волокита! Сначала нужно разыскать бензоколонку и набрать горючего. Потом таможня. Затем следует визит к метеорологам, которые должны нам выдать секреты направления ветра и состояния облачности. И наконец вверх по лестнице, в командный пункт. Там нужно заполнить план полета и получить его одобрение.

В качестве конечного пункта я вписываю Тобрук, но начальник заявляет, что там военный аэродром. Он зачеркивает «Тобрук» и вписывает вместо него «Бенгази». Теперь остается только заплатить налоговые сборы и выписать чек на бензин. На все это уходит не менее двух часов. И вот когда мы наконец со вздохом облегчения снова оказываемся в воздухе, то вспоминаем, что забыли поесть. Поскольку моей жены здесь нет, я чувствую себя обязанным проявлять материнскую заботу по отношению к Михаэлю. Итак, я предлагаю ему бутерброд с сыром, правда уже несколько зачерствевший, потому что приобретен он еще в Марселе. Сын отказывается его есть. Это у него от матери: волнение у них всегда отражается на желудке.

Конечно, этот длительный полет его очень волнует, хотя он и вида не подает. Но яблоко он все-таки соглашается съесть. Затем открывает маленькое окошко из плексигласа, врезанное слева от него в ветровое стекло, и яблочный огрызок летит вниз, прямо на прекрасную асфальтированную дорогу, которую когда-то Муссолини проложил здесь вдоль берега. А за ней лежит пустыня... бескрайняя пустыня... Огромное песчаное королевство Ливия.

Дорога пуста. Лишь изредка можно встретить одинокий грузовик. Ни одного селения, только тут да там палатки бедуинов. Ровно через каждые 15 минут под крылом появляется четырехугольное здание постоялого двора; они похожи одно на другое как две капли воды. Как-то много лет тому назад я уже видел в иллюстрированном журнале эти элегантные «отели пустыни».

Нажимаю рычаг управления и прохожу над одним из них очень низко. Теперь там хозяйничают бедуины; во дворе гора пустых железных бочек, а из-под веранды выскакивают козы.

Ручной насос что-то забастовал, и нам приходится искать место для посадки, чтобы канистрами перелить бензин из запасного бака в основные. В нашей летной карте указано, что здесь должна быть запасная посадочная площадка у Марбл Арч. Тут не селение, а, как и указывает название, только ворота. Это и есть та самая огромная триумфальная арка из белого мрамора, которую Муссолини в свою честь воздвиг прямо посреди дороги, идущей вдоль берега. Рядом заброшенный аэродром, оставшийся, как видно, со времен последней войны. Он построен, по всей вероятности, немцами. Мы идем на посадку и пролетаем на высоте трех метров над широкими асфальтированными дорожками. Они все потрескались, из щелей пробиваются густые пучки травы. Вокруг одни руины домов и казино. Кто, интересно, здесь жил? Кто здесь погиб?

Мы выбираем более или менее ровный отрезок стартовой дорожки и приземляемся. Совсем рядом бедуины пасут стадо дромадеров. Они приводят нам двух ослов, и мы все вместе плетемся за длинноухими к домику из рифленой жести. И какой сюрприз — это действительно бензоколонка! На канистрах аккуратно помечено по-немецки: «Наполнено в мае 1956 г.». Значит, это горючее уже полтора года хранится здесь рядом с забытой триумфальной аркой дуче...

На ослах канистры доставляют к нашей «Утке». Кстати сказать, счет за эти услуги вместе с дюжиной других

счетов из 12 различных стран по истечении года прибыл к нам во Франкфурт.

Сколько, интересно, осталось до захода солнца? Нам объясняют на пальцах: примерно два часа. Но когда мы уже в воздухе проверяем это по справочникам, выясняется, что солнце в этих местах исчезает за горизонтом значительно раньше. Красный шар все быстрее и быстрее скатывается к краю пустыни.

Для этих кочевников там, внизу, оно давно уже зашло. Когда радиокомпас наконец настраивается на Бенгази, становится почти темно. Там, на аэродроме, специально для нас освещают посадочную дорожку. Как две нитки бус, сверкают два ряда керосиновых ламп, из которых языками выбивается пламя.

— Кто из вас командир корабля? — строго спрашивают нас на командном пункте. И затем еще строже:

— Где это вы были так долго?

В столь длительную задержку в Марбл Арч усатый шотландец решительно не верит.

— Если ваш самолет делает 220 километров в час, почему же вы тогда в Триполи записали в своем летном плане, что вам нужно семь часов до Бенгази? Ведь на самом деле требовалось только четыре?

Они, конечно, подозревают, что мы нарочно указали неверное время, чтобы тайком пошпионить по стране.

Весьма удрученные, мы ложимся спать в роскошном бенгазийском отеле. И вот перед сном Михаэля внезапно осеняет: когда начальник диспетчерской башни в Триполи вычеркнул в нашем летном плане «Тобрук» и поставил вместо него «Бенгази», он забыл выправить указанное ранее время!

Над Киренаикой мы с Михаэлем попеременно сменяем друг друга у штурвала, чтобы иметь возможность повнимательнее высматривать животных. Но там, внизу, пасутся лишь одни верблюды, больше никого не видно, не считая нескольких птиц. Тем, что эта территория теперь покрыта зеленью, она, как ни странно, обязана последней войне. Вместе с кормом для лошадей сюда завезли семена одной травы, до того произраставшей только в австралийской полупустыне. Когда окончилась война, зазеленело сначала вокруг Эль-Аламейна, а затем пышный зеленый ковер, достигающий местами двухметровой высоты, протянулся в обе стороны вдоль берега до самой дельты Нила, а также в глубь континента. Новому зеленому пришельцу потому так хорошо удалось здесь

прижиться, что он вначале разросся на устрашающих минных полях, проложенных итальянцами, немцами и англичанами от самого берега в глубь страны на 150 километров. Мины таятся там до сих пор, и никто не решается разгуливать между ними. Только зеленая трава перешагнула через «зону смерти».

Но это единственное, что оживляет пейзаж. В основном же под нами печальные последствия войны — бесконечные окопы, сожженные дома, блиндажи, заброшенная железная дорога, по которой на расстоянии тысячи километров не встречается ни единого поезда, солдатские кладбища.

У египетской границы прекрасная асфальтированная дорога обрывается. Зато море здесь удивительно светлое, лазурное, и мы парим над сверкающей пеной прибоя...

В нашей жизни мало мгновений, когда мы чувствуем себя по-настоящему счастливыми и ничего лучшего не желаем. Вот это — одно из них. Мы здесь совершенно одни между прозрачно-голубой водой и прозрачно-голубым небом — двое мужчин по ту и по эту сторону вершины жизни. У нас общая цель, общие интересы. На молодых руках Михаэля, которые покоятся сейчас на штурвале, еще только начинают набухать вены зрелости. Эти руки продолжат нашу работу, когда мои устанут. Мало кто, как я, может быть так уверен, что его дело попадет в столь горячие и дружеские руки.

В Александрии легко приземляться: весь аэродром в нашем распоряжении. Международные воздушные линии сейчас не проходят через Египет, так что на летном поле стоят лишь несколько самолетов. Когда мы подкатили к месту стоянки, нам навстречу не торопясь вышли пять собак, которые с серьезным видом стали рассматривать нашу машину.

Надо же было нам прибыть как раз в магометанский праздник, когда ресторан и бюро по обмену валюты закрыты! Однако таможенники любезно одолжили нам денег на такси до гостиницы. В служебном отношении они, надо сказать, очень аккуратны. Они спрашивают нас о валюте, и я с готовностью выкладываю перед ними все остатки денег, накопившиеся в моих карманах,— из ФРГ, Швейцарии, Франции, Испании, Алжира, Туниса и Ливии. Все старательно подсчитывается. Затем эти же любезные таможенники предлагают мне подписать какую-то длинную писанину на арабском языке, что я, пожимая плечами, и делаю.

Старательный египетский механик развинчивает фильтр нашего мотора. Оказывается, он полон металлических опилок: в Оране самолет заправили грязным бензином. Опилки стерли поршни ручного насоса на запасном бензобаке, но эти металлические частицы, к счастью, задержались в фильтре мотора. Мы сейчас же покупаем себе собственную воронку и замшу для фильтрования.

После этого случая мы уже никогда больше не отходили от нашей «Утки», когда посторонние люди заправляли ее бензином. И мотор честно проработал еще 300 часов и ни разу не зачихал.

Механик смущенно сообщил нам, что, к сожалению, не может дать нам бензина. Необходимый нам высококачественный бензин (с октановым числом «80») выдается здесь только для нужд военно-воздушных сил Египта. Я спешу вверх по каменной лестнице к военному коменданту аэропорта и показываю ему официальные сведения, которые его правительство помещает в летных каталогах всего мира. Там говорится, что на египетских аэродромах можно свободно купить бензин любого сорта. Майор лично связывается по телефону с военным министерством в Каире, но там отвечают, что продажа разрешена только за доллары. А их у нас с собой нет, и нам ничего не остается, как заправиться автомобильным бензином, что в высшей степени неприятно.

Рано утром мы вылетаем из Александрии и направляемся вверх по Нилу до Луксора. Сверху территория Египта напоминает лунный ландшафт: насколько хватает глаз, повсюду скалы, песок, потом снова скалы и снова песок... Ни деревца, ни листочка, ни травинки. Эту пустыню с севера на юг пересекает лишь узкая зеленая полоса плодородной земли — русло Нила, окаймленное берегами, поросшими буйно цветущей растительностью. Но полоса эта очень узка, всего по три километра с каждой стороны реки, а дальше опять начинается пустыня, где вся жизнь замирает.

Я тяну на себя рычаг управления, машина поднимается выше, кругозор расширяется, но бесконечная пустыня — зрелище столь безотрадное, что сердце невольно сжимается. Уж лучше лететь над Нилом. Когда мы спускаемся ниже, рыбаки со своих лодок машут нам руками. Огромные желтовато-коричневые паруса приветливо кланяются нам снизу.

На поезде от Каира до Луксора 12 часов езды. Из окна вагона пассажиру кажется, что он едет по зеленому цве-

тущему земному раю. Мы же одолели это расстояние за два часа, и за это время нам стали понятны все заботы Насера.

У таможенника в Луксоре не хватает двух пуговиц на мундире, но его это волнует не больше, чем нас. Мы охотно принимаем его приглашение выпить вместе по чашечке кофе. Вечером мы совершаем вылазку к храмам Карнака, затем я принимаю ванну в гостиничном номере, а потом мы распиваем с нашим приветливым чиновником бутылку египетского вина. Он в хорошем настроении и оживленно с нами беседует, не подозревая о том, что на следующий день ему предстоят большие волнения.

26 Отчаянно жестикулируя, он объясняет нам утром, что у нас не все в порядке с деньгами: несколько больше французских франков, а ливийских пиастров не хватает. Оказывается, на той бумаге, которую я, не читая, подписал в Александрии, содержимое моих карманов было указано с разницей в несколько пфеннигов. Но и тут находится какой-то выход из положения, и спустя час мы можем наконец отчалить.

Правда, это была лишь досадная случайность, но она испортила нам настроение, и поскольку мы опять не получили приличного бензина, то остались недовольны страной фараонов. Чтобы сорвать на чем-нибудь свое зло, мы поступаем как озорные мальчишки: начинаем совсем низко петлять над Нилом и рассматривать на самом близком расстоянии знаменитые пирамиды владык. Такие дерзости запрещены предписанием — нас вызывает радист из диспетчерской башни Луксора, в эфире слышна его ругань (правда, добродушная): он требует, чтобы мы сейчас же убирались на высоту 700 метров.

Ну, так уж и быть, уберемся. После круга почета над Асуаном мы ненадолго приземляемся в Вади-Хальфа, расположенном близ египетской границы, но уже в Судане.

Итак, Египет позади; мы летим дальше на юг и наконец решаемся оторваться от Нила как от поводыря и пускаемся наискось через Нубийскую пустыню. Таким образом, нам удается за три часа срезать самую большую петлю, которую делает Нил в своем странствии по Африке. Вот эта пустыня действительно выглядит так, как ее изображают в детских книжках с картинками: ничего, кроме желтого песка. Не видно даже камня, не то что травинки.

Мы никогда бы не решились углубиться в нее, не проходи по ней железная дорога, построенная еще лордом

Китченером для облегчения борьбы с Махди*. Через каждые 100 километров — станция. Сверху это словно игрушечные домики, поставленные на голом полу рядом с детской железной дорогой. Все на один лад.

Поезд нам встретился только один раз; мы пошли на снижение, а все пассажиры высунулись из окон и махали нам руками. По этому песчаному безмолвию поезд тащится, наверное, не чаще чем раз в неделю.

Когда мы снова достигли Нила, и он и зеленые полосы по его берегам стали заметно у́же. Зато теперь в пустыне то тут, то там что-то начинает зеленеть. Мы набираем высоту, чтобы разглядеть в дымке на горизонте следующий поворот реки и срезать его по прямой. Ровно за полчаса до захода солнца мы приземляемся в Хартуме.

На следующее утро я стою в Омдурмане, на противоположном берегу Нила, перед мечетью, в которой погребен великий Мухаммед Ахмед эль-Махди. Она вся разукрашена цветными электрическими лампочками. Памятник его противнику англичанину Гордону-паше* изображает того верхом на бронзовом верблюде. Когда Махди со своими свирепыми дервишами ворвался в Хартум, Гордона-пашу обезглавили, а голову его на длинном шесте выставили напоказ.

Только через 14 лет, в битве за Омдурман (в которой участвовал молодой Черчилль), лорду Китченеру удалось победить сторонников Махди. После этого сожженный до тла старый Хартум расцвел вновь, отстроенный в современном стиле. На улицах, где раньше царил палящий зной, теперь посажено 10 тысяч деревьев, дающих тень и прохладу.

У памятника «Гордон верхом на верблюде» есть своя история. Сначала он стоял на площади Святого Мартина в Лондоне. Затем в 1902 году его решено было переправить в Хартум; при погрузке на корабль он упал за борт, и его с большим трудом пришлось доставать со дна Темзы. То же самое повторилось во время выгрузки уже на Ниле. А на том месте, где он сейчас водружен, он чуть не провалился в рыхлую почву. В Хартуме рассказывают забавный анекдот про этот памятник. Один из прежних английских чиновников якобы регулярно по воскресеньям после посещения церкви гулял со своим маленьким сыном возле памятника Гордону. Обычно они останавливались и несколько минут смотрели на него в почтительном молчании. Через некоторое время сын отправился учиться в Англию и прислал оттуда письмо. В Лондоне, дескать, ему все очень нравится, но не хватает воскресных прогу-

лок с отцом к памятнику. «Да, кстати, отец, а как зовут того человека, который сидит верхом на гордоне?»

Я навестил моего африканского коллегу, директора прекрасного Хартумского зоопарка, в котором многие прирученные животные свободно бегают прямо среди посетителей. Обсуждая, хорошо ли это или плохо, мы незаметно переходим на профессиональные темы.

А Михаэль в это время мучается с нашей «Уткой». Дело в том, что мы, чувствуя себя гордыми обладателями машины новейшей модели, решили продемонстрировать перед англичанами замедленный полет с сильно приглушенным мотором; однако температура мотора при этом

стала угрожающе нарастать, стрелка дошла почти до самого края шкалы. Мы были совершенно ошеломлены. Но местные инженеры показали нам три авиетки, имеющие такой же американский мотор «ликоминг», с которыми во время пробных полетов над Хартумом случилась еще более неприятная история: они просто загорелись. Устройство для охлаждения мотора не выдерживает здешней палящей жары. Если бы Михаэль не следил так внимательно за приборами, наша поездка окончилась бы уже здесь. На всякий случай мы заказываем по телефону соответствующему предприятию в ФРГ дополнительную охлаждающую установку. Мы просим прислать ее сразу в Восточную Африку и зарекаемся здесь, в этой жаре, отваживаться на замедленные полеты. Нет, мы не имеем права ничем рисковать: мы не можем ставить под удар то ответственное дело, которое на себя взяли.

Первых семь жирафов, повстречавшихся нам в дикой местности, мы приветствуем кругом почета. Громыхающая гигантская птица, как ни странно, их не напугала. Может быть, они на самом деле приняли нас за летающую зебру? Во всяком случае они не убежали, а только вытянули свои и без того длинные шеи и с удивлением нас разглядывали.

Здесь, на Белом Ниле, уже нет железной дороги: она сворачивает вместе с Голубым. Река становится все шире; она разветвляется на множество рукавов, большие водоемы чередуются с сочными зелеными коврами болот. Именно здесь и обитает знаменитый челноклюв «абу маркуб», или китоглав, и именно здесь 40 лет назад Бенгт Берг* разъезжал на своем пароходике, замаскированном пучками камыша под плавучий остров. Ему первому удалось заснять этих удивительных птиц на кинопленку, однако и он не сумел найти гнездá с птенцами. Еще ни одному европейцу не удалось разыскать челноклюва,

насиживающего яйца. Пять лет назад Хартумский зоопарк прислал нам во Франкфурт двух таких гигантских аистов с их нескладными клювами; они здравствуют еще и по сей день.

У самого берега то тут то там мы замечаем водяных козлов; местные жители гонят скот с длинными, загнутыми в виде буквы «U» рогами.

И вот наконец мы добрались до Джубы, административного центра самой южной, Экваториальной провинции Республики Судан.

Джуба — это большая деревня. В диспетчерской башне аэропорта сидит радист-африканец. Он рассказал нам, что по утрам на пустынных взлетных дорожках любят играть леопарды: там сухо, а кругом вся трава еще в росе. К радиоаппаратуре нужно подходить очень осторожно, потому что ядовитые змеи — мамбы *—любят греться на теплых трубах.

Мы пошли побродить по Джубе. Какой-то европеец решил с нами заговорить. Он, оказывается, уже два года как здесь, а раньше работал в Омдурмане.

Наш собеседник — врач. Ему здесь нравится, даже несмотря на то что вчера к нему в дом забралась ядовитая змея, которую его слуги разрубили на части, а несколько дней тому назад леопард утащил его ручную обезьяну, привязанную цепочкой к дереву перед домом. Между прочим, из отеля, где мы остановились, леопард вчера утащил двух собак.

В госпитале Джубы работает только пять врачей. Здешние больные явно терпеливее, чем мы, европейцы. Люди с ущемленной грыжей восемь дней тащатся в больницу, причем по дороге еще едят и пьют. Просто каким-то чудом половина из них ухитряется остаться в живых. Недавно в больницу был доставлен мальчик, которому живот насквозь проткнули копьем. Железо в двух местах прорвало тонкий кишечник. Родные мальчика не извлекли копья, а лишь укрепили его так, чтобы оно не шевелилось. И малый выжил!

Мы вылетели сегодня спозаранку и опять ничего не успели проглотить, кроме одной булочки. А сейчас время обеда уже прошло и дело движется к ужину. Хозяин маленького отеля в Джубе, грек по происхождению, утешает нас тем, что в половине восьмого губернатор Экваториальной провинции по случаю рождества устраивает праздничный ужин, на который мы тоже любезно приглашены.

И ведь правда — сегодня сочельник. Мы об этом со-

вершенно забыли. В прошлом году мы с Михаэлем праздновали рождество тоже далеко от дома — в Стэнливиле*, в Бельгийском Конго. Но тогда с нами были жены, и, по бельгийскому обычаю, мы весь вечер должны были старательно плясать. А танцоры мы, надо сказать, никудышние.

Официанты-африканцы украшают ресторан. Это обходится недорого: достаточно только срезать ветви веерных пальм, растущих прямо перед домом, и острым крюком оборвать красные цветы, которых полным-полно на кустарниках вокруг. Рождественская елка напоминает тую, пассажирский самолет доставил ее сюда с гор Бель-
30 гийского Конго. По английскому обычаю, ее украсили разноцветными лампочками, серпантином и воздушными шарами.

Мы сидим за празднично сервированным столом. Уже восемь, половина девятого, а гости все не идут. Хозяин сочувствует нам и приносит виски. Воздух страшно влажный, а термометр показывает больше 40°. Радио передает музыку из Омдурмана. Непривычное для нашего уха гнусавое пение, резкие звуки скрипки, и все это в очень быстром темпе, часами подряд. Постепенно от этого начинаешь стервенеть.

«Наверное, все приглашенное общество задержалось на богослужении в церкви»,— подумал я. Но когда гости наконец явились, оказалось, что все они были в кино.

Губернатор и его заместитель — африканцы примерно пятидесяти лет, в безукоризненных белых смокингах и с хорошими манерами. Их европейские гости, в основном греческие торговцы, без галстуков, некоторые в рубашках с короткими рукавами, зато дамы все в вечерних туалетах.

Сильно перченый суп носит название «а ля Назарет», затем следует коктейль «а ля Вифлеем», в котором плавают какие-то неведомые нам ягоды, напоминающие вишни. Индейка страшно жесткая, ее почти невозможно разжевать.

Губернатор производит впечатление настоящего джентльмена. Преисполненный собственного достоинства, он с вежливой улыбкой слушает болтовню своей молодой соседки по столу. Она жалуется, что скучно праздновать рождество в маленькой Джубе и что гораздо лучше было бы поехать в Гранд-отель, в Хартум. Вероятно, это местная «примадонна».

Пудинг заливают ромом, поджигают, и он стоит весь в голубом пламени. Он приторный и вязкий. В качестве сюрприза в него запечены маленькие суданские монетки,

и не успеваю я опомниться, как две из них уже оказываются у меня во рту. Должен признаться, что до тех пор я их и в руки-то брезговал брать — до того они были грязные.

Рядом со мной сидит швейцарец. Оказывается, ему в Хартуме понадобилось целых шесть дней, чтобы получить разрешение на проезд в Джубу. Теперь он уже восемь дней сидит тут, но не может выехать, потому что денежный перевод задержался, а арендовать машину в этой деревне невозможно.

По углам зала стоят огромные букеты кричаще ярких бумажных цветов; они до того пестры, что я готов счесть это явной безвкусицей. Однако Михаэль установил, что это самые настоящие, живые африканские цветы. А все, что естественно, не может быть безвкусным.

Англичане празднуют сочельник несколько своеобразно, подобно тому как мы устраиваем новогодний карнавал, и суданцы переняли это у них. Каждый из нас получает бумажный колпак и должен его надеть. Губернатор находит, что Михаэлю он очень к лицу. Потом нас снабжают хлопушками и искусственными «снежками» из папье-маше. Кое-кто из греческих торговцев считает очень остроумным окунать их в свой бокал с вином, прежде чем запустить в голову своему визави. К сожалению, эти мокрые шары красятся, и белоснежные смокинги хозяев покрываются безобразными красными пятнами. Я-то заблаговременно натянул себе скатерть до самого подбородка и просто поражаюсь выдержке и любезности губернатора и его заместителя, которые спокойно улыбаются в то время, когда их смокинги приводят в полную негодность. И только когда кто-то из подвыпивших европейских гостей начинает швыряться бананами, их у него вежливо отнимают.

Страшно усталые, мы наконец в первом часу ночи укладываемся спать в павильоне, построенном в парке. Над нами медленно вращается огромный вентилятор. Вот так прошла наша ночь под рождество. Нам надо как следует выспаться «в запас», потому что завтра мы хотим во что бы то ни стало закончить наше путешествие.

Мы летим через Уганду до Энтеббе у озера Виктория, там мы заправляемся и продолжаем наш полет над лесистыми горами до самого Найроби, столицы Кении.

В кратере Нгоронгоро

Ну вот мы и прибыли. Сидим в Восточной Африке, в районе озера Виктория, за 10 тысяч километров от Франкфурта. Это примерно на той же долготе, что Ленинград в СССР, и на той же широте, что Амазонка в Бразилии. Прибыли мы благополучно, Михаэль и я, но на душе у нас тревожно: справимся ли мы с той нелегкой задачей, которую так смело на себя взяли?

Нам предстоит исследовать национальный парк Серенгети в Танзании размером 12 500 квадратных километров. Для огромного материка Африки это в общем немного — примерно 20-я часть Федеративной Республики Германии. Однако границы этого парка можно увидеть только на картах и схемах — словом, на бумаге, в природе их не существует. В длину он тянется не меньше чем на 200 километров; местами его территория расположена на высоте нескольких сот, а иногда более 3 тысяч метров. По парку проложена одна-единственная дорога, и та доходит только до его половины; к тому же по ней три месяца в году невозможно проехать даже на вездеходе.

И все же эта дикая местность отнюдь не слабо населена. По численности обитателей она может потягаться даже с некоторыми европейскими государствами: в Серенгети их свыше миллиона— так во всяком случае указано в различных книжках и проспектах. Правда, речь идет не о людях, а о четвероногих обитателях, начиная со слонов и кончая газелями ростом с козу, не говоря уж о более мелкой живности. Серенгети — это последний клочок земли в Африке, где еще можно встретить поистине огромные стада. Кочуя по степи, они напоминают необозримое море бизонов, некогда топтавших прерии Северной Америки.

Здесь же водятся самые красивые львы.

Мы с Михаэлем придумали способ, как разобраться в этом непрерывно движущемся «муравьином царстве»,

подсчитать его обитателей и выяснить, откуда и куда кочуют эти огромные полчища. Еще никогда никто в Африке такими вещами не занимался. Получится ли у нас что-нибудь путное из этого дела?

Сначала мы намеревались заснять с воздуха все отдельные части территории парка, потом составить фотографии вместе и пересчитать всех попавших в объектив животных. Но антилопа гну на такой гигантской фотографии — только маленькая точка. Чтобы отличить на снимке гну от зебры и зебру от газели, нужно вести съемку с высоты не более тысячи метров, но тогда на фотографию попадет не очень-то большой отрезок степи. А это означает, как мы с прискорбием высчитали, что нам предстоит снять 50 тысяч серийных фотографий! Даже если бы мы взялись их сами проявлять, нам бы это влетело в 250 тысяч марок... Столько мы, разумеется, за свой фильм не выручили. Значит, считать придется прямо на ходу из окна самолета.

Выйдет ли это и получится ли точно, мы решили испробовать над своеобразным естественным «зоопарком», в котором животные со всех сторон огорожены и не смогут убежать во время наших подсчетов. Кстати сказать, это самый большой зоопарк мира. В нем живут 10 тысяч крупных животных! Окружающая его плотная стена, не имеющая ни единой лазейки, достигает 600—700 метров высоты. В этом зоопарке свободно разместился бы весь Берлин с пригородами. Не удивляйтесь — все это не что иное, как огромный потухший кратер Нгоронгоро, самый большой на нашей планете. Там, где когда-то кипела лава, сейчас простирается громадный зеленый луг, окруженный со всех сторон отвесными стенами кратера.

Тех, кого нам предстоит распознавать с воздуха, надо сначала хорошенько рассмотреть на земле, ведь различать животных с птичьего полета далеко не просто. Поэтому мы решили съездить на своем вездеходе к гигантскому кратеру, находящемуся в четырех часах езды от Аруши. К нему ведет довольно приличная, даже до половины заасфальтированная дорога.

Машина катится по кустарниковой степи вдоль нагорья; сначала дорога спускается в глубокую долину, затем поднимается снова вверх. Чем выше мы поднимаемся, тем гуще становятся деревья, пока не превращаются наконец в настоящий лес. У самого края кратера заросли редеют, и мы заглядываем вниз.

Михаэль, словно испугавшись чего-то, резко тормозит, и мы вылезаем. Сын закидывает голову назад и раздувает

2 № 3485

ноздри — он всегда так делает, когда его что-нибудь особенно поразит. Меня тоже охватывает необычайное волнение. Но возгласы удивления мы обычно издаем только в присутствии спутников, которые их от нас ждут. А здесь этого не требуется. Мы молча взираем на одно из чудес нашей планеты.

Трудно описать размеры и форму этого гигантского «сооружения» — не хватает сравнений. Вот тот пруд, на противоположной стороне, вдвое больше озера Мюггель[1]. Если бы мы оба уже не были летчиками, то именно здесь у нас возникло бы непреодолимое желание перелететь через отвесную стену зеленого края кратера и вольно парить над этим сказочным зоопарком, созданным самим господом богом.

Мы переночевали у Гордона Харвея, одного из двух Game Wardens национального парка. Game Wardens — это то же самое, что лесничий, работник, ответственный за охрану природы.

В саду возле его дома сплошные заросли красных, синих и золотых цветов, среди которых вьются птицы-нектарницы и поблескивают ярко-зеленые хамелеоны. Дом Харвеев построен на опушке леса. Здесь сыро. На стенах жилых комнат там и сям темные пятна. От них не избавишься. Но госпожа Харвей не унывает: она пририсовала этим пятнам глаза, толстые щеки, локоны и ручки-ножки. Получились пухлые амурчики, которые дуют, надувая щеки, на зебр, скачущих по облакам.

Когда мы садимся за стол, повар Харвеев приносит уксус и подсолнечное масло, приговаривая:

— Немцы любят этим приправлять салат.

Оказывается, он 25 лет назад работал у немецкого фермера; он нам с гордостью показал пожелтевшую и захватанную справку.

После ужина снова выходим в сад. Напротив, на опушке леса, стоят два кафрских буйвола. Они мирно жуют жвачку и рассматривают нас.

— Вечером в каминах ярко пылают дрова. Мы ведь здесь на высоте 2700 метров.

На другое утро мы отправляемся в своем полосатом вездеходе в путешествие вдоль края кратера. Дорога такая, по которой обычная легковая машина никогда не пройдет. Нам нужно на три четверти обогнуть кратер, который, между прочим, в диаметре имеет 22 километра. Там, на противоположной стороне, отвесная стена становится

---

[1] Озеро под Берлином.— *Прим. пер.*

немного более пологой, и, петляя по бесконечному серпантину дороги, можно спуститься вниз. Следовательно, нужно затратить два с половиной часа, чтобы очутиться на том же месте, только 600 метрами ниже.

Наконец мы достигли равнины на дне кратера. Огромные стада гну не спеша расступаются в 40—50 метрах от машины, чтобы дать нам проехать. Зебры бегут рядом с нами и стараются перед самым носом в бешеном галопе перебежать нам дорогу. Похоже, что ими движет спортивное честолюбие.

Невдалеке, за овражком, лежит самка носорога с детенышем. Мы осторожно подъезжаем к ним на расстояние 40 метров. Те не спеша поднимаются на ноги. Михаэль тормозит. Однако животные не убегают и не стараются напасть на нас: ведь здесь, в кратере Нгоронгоро, уже десятки лет запрещено стрелять.

В обращении с носорогами я знаю толк. Во Франкфуртском зоопарке нам впервые в Европе удалось развести этих африканских черных, или, как их еще называют, остромордых, носорогов. Наша самка носорога по кличке Екатерина Великая разрешает себя доить и даже играть со своим детенышем в ее присутствии. Она приблизительно такая же домашняя, как корова. Самец же несколько агрессивнее. Однако ведь и к незнакомому домашнему быку не всякий решится подойти.

Но и ручная Екатерина недавно чуть не нанизала меня на свой рог, потому что я пренебрег основными правилами, которые соблюдает каждый крестьянин и каждый конюх в обхождении с животными.

Во время обхода зоопарка я обычно захожу в стойло Екатерины, протиснувшись между толстыми железными прутьями. Если она в это время дремлет, я поглаживаю ее закрытые морщинистые веки. Она это любит.

Однажды утром я снова решил ее навестить. Я обошел вокруг спящего животного, совершенно забыв при этом, что надел туфли на каучуке. И вот, когда я, стоя позади носорога, заговорил, Екатерина внезапно высоко подпрыгнула, засопела и устремилась на меня с опущенным рогом. Я позвал ее по имени. Она узнала мой голос и остановилась в самый последний момент. Я был несколько обескуражен, но она тут же сделалась снова любезной, как обычно, и миролюбиво со мной «беседовала».

Это послужило мне уроком. Дело в том, что у носорогов очень крепкий сон. В Серенгети мальчишки племени масаев используют это для своих проделок. Они подкрадываются к спящему носорогу и кладут ему камень на спи-

ну. Следующий должен подойти и осторожно этот камень снять; так продолжается до тех пор, пока носорог не проснется. Игра эта, конечно, отнюдь не безопасна, но и масаи не трусливы.

Мне захотелось узнать, как поведет себя при приближении человека носорог, живущий на воле. Я вылез из машины и направился к мамаше с детенышем. Бросится ли она на меня? Михаэль в это время наблюдал за мной через телеобъектив нашей камеры, который мы часто используем в качестве полевого бинокля.

Четыре воронкоподобных уха поворачиваются в мою сторону. Детеныш прячется за спиной матери. Ему, судя по размеру, около года. Я приближаюсь еще на метр — мне не хочется показаться пугливым. Однако мои шаги невольно все укорачиваются. Но вот раздается злобное сопение, и самка носорога устремляется на меня. Через мгновение Михаэль разражается громким смехом: оказывается, только он успел увидеть на матовом стекле грозно несущегося носорога, как за мной уже с треском захлопнулась железная дверца машины.

— Ты на своих длинных ногах словно пролетел по воздуху,— смеется он.

При этом мне еще пришлось обежать вокруг машины!

Впрочем, самка носорога решила со мной не связываться и остановилась, не добежав нескольких метров до автомобиля. Ее вполне устроило то, что я исчез, и она затрусила назад, к своему детенышу. Если бы она вздумала действительно нас атаковать, то такому вездеходу, в котором свободно размещаются 10 человек, это все равно не принесло бы никакого вреда: ведь носороги не бросаются со всего размаху своей полуторатонной тушей на машину, а останавливаются возле нее и уж потом ударяют рогом. При этом обычно образуется только незначительная вмятина на железе. Мне приходилось видеть людей, раненных кафрскими буйволами, но ни разу за все мои поездки я не слышал, чтобы кого-нибудь убил носорог. Но в виде исключения такое все-таки возможно.

Меня могут считать слишком пристрастным к диким животным, поэтому я хочу процитировать сообщение специалиста, немецкого путешественника и исследователя Африки Оскара Баумана, побывавшего здесь за 70 лет до нас, в 1891 году. Он открыл невдалеке от озера Виктория два других озера — Маньяра и Эяси — и был одним из первых европейцев, спустившихся в этот гигантский зоопарк — Нгоронгоро.

В те времена путешествовали иначе. Бауманн спросил в Аруше у какого-то масая, не знает ли он дороги на озеро Виктория. Когда выяснилось, что тот ее знает, Бауманн тотчас же велел надеть ему на шею железную цепь и приставить к нему вооруженного аскари. Так они и двинулись в путь. Вот как описал Еауманн приключения, случившиеся с ним здесь, в кратере:

«Мы устроили привал в Нгоронгоро, который я решил использовать для осмотра нескольких масайских краалей. Меня встречали очень приветливо. Постепенно вокруг ограды нашего лагеря собралась толпа несчастных существ — жителей той страны. Здесь были женщины, напоминавшие скорее скелеты, из запавших глаз которых глядело безумие голода, дети, похожие больше на лягушек, чем на людей, воины, которые едва могли передвигаться на четвереньках, и тупоумные умирающие старцы. Эти люди поедали все. Дохлые ослы были для них настоящим лакомством, они не отказывались даже от костей, кожи, рогов забитого скота. Я распорядился выдать этим несчастным хоть какое-нибудь продовольствие, а наши сердобольные носильщики делились с ними своим рационом; однако аппетит их был неутолим, и все новые голодающие шли к нам со всех сторон. Это были беженцы из Серенгети, где голод опустошил целые районы; нищие, они приходили попрошайничать к своим землякам, которые сами жили в страшной нужде. Стаи грифов следовали за ними по пятам в ожидании верной добычи.

Теперь мы ежедневно становились свидетелями этой страшной нужды, которой практически бессильны были помочь. Родители предлагали продать нам своих детей за кусочек мяса, а когда мы отказывались от такой сделки, ловко прятали их где-нибудь в лагере и скрывались. Вскоре в нашем караване оказалось полно этих маленьких масаев, и было трогательно наблюдать, как наши носильщики заботились об этих бедных малютках. Крепких женщин и мужчин я использовал в качестве пастухов и спас таким образом многих от голодной смерти.

21 марта мы двинулись дальше по дну кратера Нгоронгоро. Следующий лагерь мы разбили в красивой роще из акаций, недалеко от озера. На лугу возле нас паслось множество носорогов, одного из которых я уложил из ружья. Мои люди несколько раз за время нашей экспедиции стреляли носорогов, потому, что охота на этих животных отнюдь не так сложна и опасна, как это могло бы показаться после сообщений профессиональных охотников.

Прежде всего носорог не слишком пугливое животное, и если подходить с подветренной стороны, то вполне можно приблизиться к нему на расстояние 30 шагов, не возбуждая у него никакого подозрения. Чтобы попасть с 30 шагов в носорога, не надо быть первоклассным стрелком. Если пуля попала в переднюю часть туловища или (из мелкокалиберного ружья) в голову, то животное обычно тут же падает замертво. Если же носорога ранить в какое-нибудь другое место, то он либо удирает (притом с такой быстротой, что всякое преследование бесполезно), либо переходит в атаку. Этот момент охотники обычно описывают особенно впечатляюще. Проводники в таком случае, как правило, «разбегаются в разные стороны», и охотник остается один на один с разъяренным чудовищем. Хотя это и выглядит очень страшно, но нападающий гигант все равно что слепой: достаточно сделать один шаг в сторону, и он промчится мимо, а затем остановится и будет удивленно озираться, куда же девался охотник. А тот тем временем совершенно спокойно с самого близкого расстояния может всадить в него вторую пулю.

Не успел я уединиться в своей палатке, как раздался выстрел. Все поспешили к ограде, и при магниевой вспышке были пойманы два абсолютно голых охотника-масая, пытавшиеся пробраться в загон для скота. Тогда мы всерьез задумались о возможности настоящего нападения на нас, однако ничего подобного больше не повторилось. Правда, однажды ночью какие-то тощие фигуры приблизились к лагерю, и наша охрана, не поинтересовавшись, кто они такие, открыла по ним огонь. На другое утро я, к своему большому сожалению, обнаружил под забором двоих из этих несчастных, прошитых пулями насквозь. Над ними возвышалась длинная тощая фигура какого-то старца с растрепанными седыми волосами. Он осыпал нас злобными проклятиями. «Вы тут захлебываетесь в молоке и мясе,— кричал он,— и стреляете в нас, умирающих с голоду! Будьте вы прокляты!»

Я распорядился выдать этому несчастному кусок мяса, который он тут же со звериной жадностью проглотил прямо сырым, но тотчас же после этого опять принялся что-то дико выкрикивать. Наш караван уже пустился в путь, а проклятия несчастного старика все еще неслись нам вслед...»

Такой страшный голод бывал здесь только во время войн, когда Танганьикой управляли европейцы — сперва немцы, а затем англичане.

Мы же находим сейчас в кратере все таким, каким оно было семь лет назад: прелестная роща из акаций возле самого озера, в которой пасутся слоны и носороги; все те же краали масаев; девушки, увешанные стеклянными бусами, и грифы...

Оскару Бауманну потребовалось целых 23 дня, чтобы пересечь Серенгети и добраться до озера Виктория. В общей сложности ему пришлось проделать 4 тысячи километров. Из 195 африканцев, которые его при этом сопровождали, 40 погибли.

Равнины и стада животных в кратере Нгоронгоро остались такими, какими были, а вот творения рук человеческих возникают и вновь исчезают...

Зебра с хорошеньким жеребеночком, завидя нас, переходит вброд на другую сторону ручья и поднимается вверх по склону холма. Там, наверху, виднеются какие-то глыбы. Это оказались руины двух каменных домов: здесь когда-то жил немецкий поселенец Адольф Зидентопф, а за лесом на противоположном краю кратера стоял дом его неженатого брата Фридриха Вильгельма Зидентопфа. В 1908 году они здесь держали около 1200 голов рогатого скота, выращивали страусов в неволе и пытались одомашнивать зебр. Я старался разузнать о них побольше.

Прежний немецкий окружной уполномоченный из Аруши писал мне, что оба Зидентопфа и их приятель, по имени Хартунг, были самыми беспокойными поселенцами в Германской Восточной Африке. Хартунгу, например, присудили штраф в 200 рупий за то, что он стрелял под ноги местным рабочим, когда они пытались убежать. Во время войны масаи его зарезали прямо здесь, в кратере Нгоронгоро.

Братьев Зидентопф в 1914 году англичане выселили в Индию, и им так никогда и не удалось вернуть свои фермы. Адольф стал фермером в Соединенных Штатах и скончался в 1932 году от инсульта. Фридрих Вильгельм погиб во время воздушной катастрофы, когда он вместе с летчиком Удетом охотился в Серенгети за львами. Еще в 1914 году германская администрация почти договорилась о покупке зидентопфовских ферм, чтобы создать в кратере резерват. Англичанин, которому они достались после войны, жить там не стал, и, таким образом, эти фермы, слава богу, пришли в полный упадок и перестали существовать.

Один весьма энергичный человек, по фамилии Роте, служивший управляющим у Зидентопфов, еще в 1913 году

раскопал в северной части кратера древнее поселение и погребение времен неолита. Эти люди, жившие здесь за несколько веков до нашего летосчисления, уже тогда пасли свой скот так, как это делают сейчас современные масаи.

Этот Роте жил здесь под чужой фамилией, его звали как-то совсем иначе. Во время первой финской революции, в 1905 году, он в течение короткого времени был министром, но затем русским царским правительством был арестован и заточен в Кронштадтской крепости. Там он перестрелял свою охрану и бежал со шведским паспортом. В Египте русская тайная полиция продолжала его преследовать, поэтому он был вынужден, нанявшись погонщиком мулов, перебраться в Восточную Африку. Царская охранка все вновь и вновь предпринимала попытки его разыскать то через Общество Красного Креста, то через приезжих охотников.

А сейчас об угол каменной ограды разрушенного дома Зидонтопфа чешутся две зебры. Сначала к углу прижимает свой крепкий зад хорошо упитанный самец, потом его оттесняет в сторону кобыла и почти сладострастно трет о камни свою полосатую шею.

Наш вездеход вновь карабкается вверх по склону кратера. Нам нужно подыскать место для посадки самолета, и мы находим его в кратере Маланья шириной в пять километров, расположенном выше кратера Нгоронгоро. Конгони и антилопы топи* то и дело уступают нам дорогу, когда мы разъезжаем там взад и вперед в поисках ровной площадки длиной 160 метров без гиеновых нор и обломков скал. Несколько африканцев из охраны парка тут же принимаются раскладывать вокруг будущей посадочной площадки кучки камней и белить их известью.

Из двух лесничих парка и их помощников пока ни один не решается с нами лететь. Они живут на расстоянии 130 километров друг от друга и еще дальше от директора парка, который находится в городе Аруше. Поэтому ежедневно в половине седьмого, половине десятого и половине второго они переговариваются при помощи маленьких раций. Каждый докладывает то, что ему необходимо, затем говорит «стоп», нажимает кнопку, и тогда может говорить другой. Только при таких переговорах начинаешь замечать, как неудобно разговаривать, когда нельзя беспорядочно перебивать друг друга. Часто в эфире начинает что-то страшно скрежетать, и тогда уже ничего

не услышишь. Приходится пережидать несколько часов до следующего сеанса передачи.

Когда мужчины заканчивают обмениваться своими служебными новостями, разрешается немножко поболтать и их женам. Если целый день никого не видишь, кроме львов, аистов и антилоп, особенно хочется воспользоваться случаем немножко посудачить с приятельницей...

Когда эти любящие супружницы узнали, что мы лишь в этом году научились летать, они после небольшого военного совета сообщили директору парка свое совместное решение: их мужья только в том случае сядут в полосатый самолет, если будут предварительно застрахованы на 10 тысяч фунтов стерлингов, то есть на 110 тысяч марок. Это решение было твердым и окончательным. Директору пришлось телеграфировать в Лондон, чтобы увеличить сумму страхования наших пассажиров. А пока что мы с Михаэлем продолжали летать одни.

Впрочем, это даже к лучшему. В последний раз мы отметились на пассажирском аэродроме в Аруше, и теперь нам больше не надо составлять план полета, ведь мы летим прямо в дикую саванну и приземляться будем на любых приглянувшихся нам «аэродромах». А когда составляешь план полета, нужно вовремя прибывать в указанный порт. В случае задержки сейчас же снаряжаются поиски. Теперь же нас никто искать не будет, мы полностью предоставлены самим себе.

Мотор поет свою монотонную песню. Полосатые крылья взмывают в воздух и поднимают нас высоко над землей. Колеса продолжают еще некоторое время крутиться вхолостую, словно едут по воздуху, а степь тем временем уплывает все дальше и дальше вниз... Потом колеса наконец останавливаются. Обернувшись назад, я вижу сквозь стеклянную кабину нашего самолета возвышающиеся над облаками белые ледники Килиманджаро. Те огромные кратеры, к которым мы сейчас спешим, находятся на втором после него по высоте горном массиве в Танзании.

Когда-то давно, миллионы лет тому назад, земная кора с треском разломилась. Африку с севера на юг пересек глубокий разлом — Большой грабен. Он берет свое начало в Иорданской долине. В одном из его углублений скопились воды Мертвого моря, в другом — Красного. Затем он тянется через всю Эфиопию и спускается далеко вниз, в Восточную Африку. Тут в нем образовалось едкое си-

нее озеро Натрон с красными соляными корками по берегам, а дальше, там, внизу под нами, виднеется озеро Маньяра, открытое в свое время Бауманном.

Михаэль выпускает закрылки, потому что впереди уже вырастает нагорье с гигантскими кратерами. Наша «зебра» замедляет ход и поднимается ввысь. Однако долго на такой высоте нам держаться нельзя из-за разреженного горного воздуха — мотор может перегреться.

Видимо, разломы земной коры между озерами Натрон и Маньяра были особенно глубокими, давление из земных недр стало невыносимым, и кипящая лава со стоном устремилась наружу через жерла гигантских вулканов.
 Огнедышащие горы возникали одна возле другой, лава изливалась и сплавляла воедино их подножия... Таким образом под экватором появились каменные громады с огненными жерлами. Эти вулканические горы тянутся на сотни километров и имеют 60 километров в ширину; великаны поднимаются в небеса почти на 4 тысячи метров!

В Италии туристы с благоговейным трепетом взирают на всемирно известные вулканы Флегрейских полей близ Неаполя. А ведь это — «холмики» от 200 до 400 метров высотой, кратеры их имеют всего несколько сот метров в диаметре. Здесь же, в Восточной Африке, горы достигают высоты 3—4 тысяч метров, а кратеры занимают несколько, иногда даже целых 20 километров! Все здесь вдесятеро грандиознее.

Подножия этих великанов абсолютно голые, но, чем выше поднимаешься в гору, тем гуще становится растительность. Зацепившись за кроны деревьев, висят облака, в них грохочет гром и сверкают молнии. Эти вулканические горы задерживают восточные ветры с Индийского океана. Все, что находится западнее их, обречено на засуху.

Внутри кратеров покоятся озера с облесенными берегами, их можно увидеть только с самолета. Словно розовая пена, окаймляют их стаи фламинго.

Излившаяся лава быстро растекалась, и вершины вулканов стали круглыми и плоскими. Когда верхний слой лавы начал застывать, нижний, еще жидкий, начал уходить назад, внутрь земли; при этом застывшая сверху корка провалилась. О том, что эти гигантские кратеры возникли именно так, а не вследствие взрывов, говорит то, что склоны гор сложены из сплошной лавы, а не покрыты туфом и пеплом. Вулканы подобного же происхождения можно наблюдать на Гавайях и сегодня; лавовая

поверхность их кратеров «дышит» — то поднимается, то опускается.

Оно еще не слишком древнее, это высокогорье, высотой от 2200 до 2600 метров. Однако образовалось оно здесь еще перед последним оледенением, которому у экватора соответствовала эпоха дождей. Это видно хотя бы по тому, что озеро в кратере Нгоронгоро, имеющее сейчас глубину всего полтора метра, прежде достигало 16- или даже 25-метровой глубины и занимало треть всей площади кратера.

Мы пролетаем над девственным лесом, покрывающим горы вокруг кратера. Кроны деревьев так густы, что сплетаются в сплошной зеленый шатер. Внезапно земля под нами проваливается на глубину 700 метров — ощущение такое, что у вас под ногами вдруг разверзлась зияющая пропасть. Но нам не страшно: мы ведь парим в воздухе. Потом нажимаем рукоятку вперед и влетаем внутрь этого гигантского котла. Мы держимся на высоте примерно 160 метров, почти у самого дна этой огромной «суповой миски», и летаем взад и вперед, от одной стенки к другой. Таким образом мы постепенно обозреваем всю территорию кратера.

Гул нашей «Утки» вспугивает стадо гну. Михаэль орет мне что-то в ухо, но я ничего не могу разобрать. Дело в том, что наш самолет изнутри совершенно ничем не обит — видны все его металлические конструкции. Мы нарочно не заказывали мягкой обивки, как это принято в обычных машинах (во всяком случае в приличных), потому что наша «Утка» вечно набита какими-нибудь ящиками и тюками и любая обивка вскоре бы приобрела жалкий вид. Мы это сделаем, когда вернемся в Европу, перейдем к оседлому образу жизни и будем пользоваться нашей «Уткой» исключительно для воскресных прогулок. Вот тогда-то мы ее украсим мягкими обивками и будем себя чувствовать как в большом автомобиле. А пока что грохот мотора ничем не приглушен, и поэтому не удивительно, что мы не слышим собственного голоса. Даже ночью, в кровати, еще продолжает гудеть в ушах; если так будет продолжаться неделями или месяцами, кончится тем, что дома, в Европе, нам придется приобрести слуховые аппараты для глухих.

Чтобы беседовать друг с другом, мы надеваем наушники и говорим в ларингофон.

Михаэль, оказывается, спрашивает меня:

— Как тебе кажется, папа, сколько гну в этом стаде, вон там, справа?

Я смотрю вниз. Когда смотришь вот так отвесно вниз, то темно-серые гну напоминают муравьев во встревоженном муравейнике: они точно так же беспорядочно снуют взад и вперед. Подсчитать их совершенно невозможно! Я пожимаю плечами. Михаэль тоже. Потом он расстроенно морщит нос. Признаться, мы все это представляли себе совсем иначе, во всяком случае значительно проще.

Но затем меня осеняет одна мысль. Я подталкиваю сына:

— Ну-ка, пролети над ними еще разок!

Заметив небольшую обособленную группу животных, я их подсчитал — оказалось 10 штук. На некотором расстоянии бежит следующая группа, на первый взгляд такой же величины,— значит, еще 10. Потом я приучаю себя охватывать взглядом одновременно 30 животных и учусь подсчитывать их не поодиночке, а сразу дюжинами или даже группами по 50 особей. Разумеется, тут могут быть расхождения в три или четыре штуки, но постепенно мы приобретаем опыт в этом деле.

Мы еще раз пролетаем мимо этого стада, и каждый считает молча, про себя. У Михаэля вышло 780, у меня — 820. Но дальнейший подсчет прекращается: начинает перегреваться мотор, и мы вынуждены лететь быстрее.

Набираемся терпения и подсчитываем одни и те же стада несколько раз подряд, но каждый про себя. Полученные цифры мы записываем и сравниваем. То, что нас только двое, очень усложняет работу, так как мы должны одновременно следить и за тем, чтобы, увлекшись подсчетами, не врезаться в стенку кратера, и придерживаться определенной высоты, чтобы испуганные животные не кидались в разные стороны. Кроме того, нам нужно отмечать точки на склонах кратера, чтобы не пролетать по одной и той же трассе дважды и не подсчитать тех же животных повторно.

Мы разделили 250 квадратных километров кратера на равные параллельные полоски. Таким способом нам удалось подсчитать, что гну здесь вовсе не 10 тысяч, как это прикидывали лесничие, а только 5360; кроме того, здесь обитают 117 антилоп канн, 1170 газелей, 19 носорогов, 46 слонов, 24 гиены (их наверняка больше, но они сидят по своим норам) и 60 павианов.

Все эти подсчеты мы повторим уже вчетвером, когда лесничих наконец застрахуют. Если с каждой стороны будут считать по два человека, результаты станут более достоверными.

Усталые, измученные и наполовину оглохшие после непрерывных виражей от стены к стене, мы наконец наби-

раем высоту и штопором вывинчиваемся из этого гигантского котла. Мы находим на Маланье отмеченную белым посадочную площадку и мягко приземляемся на зеленую траву. Нам это удается сделать довольно ловко, несмотря на то что посадочная дорожка слишком коротка и мы не приняли в расчет разреженный здесь, в горах, воздух.

Когда машина останавливается, Михаэль выключает мотор, мы поднимаем с двух сторон наши дверки, вываливаемся наружу и тут же падаем навзничь в траву: мы готовы — спеклись.

Вокруг столпились любопытные масаи, которые возбужденно переговариваются и сплевывают на землю.

Мы с Михаэлем закрываем глаза. Постепенно ощущение, будто земля качается, проходит. Солнце светит нам прямо в лицо. Мы счастливы. Будут еще трудности, многое надо будет усовершенствовать в нашей работе, но она пойдет. Задуманную нами «большую перепись четвероногого населения» таким способом все же удастся провести.

Четырехугольный загон из колючей проволоки, в который мы собираемся закатить машину, еще не готов; он необходим, чтобы колеса не пострадали от зубов гиен. Михаэль не решается оставить нашу «крылатую зебру» на ночь одну среди гиен и львов: они, чего доброго, еще что-нибудь попортят. Мы ввинчиваем металлические стержни глубоко в землю и крепко привязываем к ним крылья, колеса и хвост нашей «Утки»; кроме того, мы еще заклиниваем колеса камнями и ставим их на тормоз, чтобы никакая горная гроза не смогла укатить нашу машину.

Потом Михаэль забирается вовнутрь, удобно укладывается и зажигает свет. Для чтения он, как нарочно, прихватил с собой «Черную кожу» Руарка — про восстание мау-мау * в соседней Кении со всеми его ужасами. Мне думается, что ночью в одиночестве среди гигантских кратеров ему покажется здесь не слишком уютно...

Львы из Серенгети

Ну конечно же, это должна быть Серонера! Наполовину высохшая река, плоское здание, окруженное несколькими хижинами местных жителей, холм, поросший редким леском... А вот и посадочная дорожка. Нигде ни дымка, ни какого-либо флага. Как определить, откуда дует ветер? Если он боковой или попутный, то не очень-то просто будет проскользнуть в узкую просеку между деревьями. Мы спускаемся как можно ниже, чуть ли не задевая за кроны, выпускаем закрылки для торможения и все же в конце посадочной площадки едва не врезаемся в деревья — до них остается лишь пара метров. Этак недалеко и до аварии.

Поднимая тучу пыли, к нам приближается вездеход. Майлс Тернер, лесничий западной части Серенгети, в восторге:

— Потрясающая посадка! Вы первые, кто здесь решился приземлиться, ведь посадочная дорожка еще не готова — она должна быть вдвое длиннее...

Мы с Михаэлем озадаченно переглядываемся.

Оказывается, мы спутали Серонеру с Банаги. Но все в порядке — мы прибыли как раз туда, куда нам надо. Майлсу Тернеру было поручено поставить наш сборный домик из нескольких дюжин специально пронумерованных алюминиевых листов. Он соорудил его примерно в километре от своего жилища.

— Это как раз то, что вам нужно: вы там будете жить прямо среди львов,— объясняет он нам.

Майлс Тернер любит львов.

То, что он выбрал действительно подходящее место, я понял в первую же ночь. В Африке я часто не сплю по ночам, потому что они там очень длинные: весь год напролет по 12 часов. Что касается Михаэля, то он как с вечера заляжет, так и спит до утра, как сурок.

Я сразу же услышал, когда львы начали подавать го-

лос возле нашего домишки. Что-то очень родное было для меня в этом реве: ведь во Франкфурте я живу на территории зоопарка. Но здесь рев раздается гораздо ближе и громче, так как стенки домика сделаны из тонкого алюминия, а окна открыты. Моя раскладушка прямо сотрясается от этого раскатистого рыка. Михаэль продолжает безмятежно спать; он лежит на животе, точно так же как спал еще совсем маленьким мальчиком.

Меня разбирает смех. Еще три недели назад я имел довольно невразумительный междугородный разговор с Аддис-Абебой: служащий эфиопского министерства хотел знать, какой ширины должен быть ров, чтобы львы не могли его перепрыгнуть. А теперь я лежу прямо среди львов, которые бегают вокруг на расстоянии всего каких-нибудь двух-трех метров, и наша дверь при этом даже не заперта!

Я вытаскиваю из-под матраца край своей москитной сетки, затем высвобождаю сетку Михаэля и толкаю его. Он что-то бормочет недовольным голосом разбуженного ребенка, но, как только слышит львиный рык, сон с него как рукой снимает! Он сейчас же включает магнитофон, стоящий наготове между нашими кроватями. Какой-то лев орет, видимо, в самый микрофон, установленный нами в 20 метрах от дома.

Вдруг раздается треск, магнитофон падает с табуретки на пол, и кто-то тащит его сначала под мою кровать, а потом к двери. Кабель защемляется, и дверь не выпускает магнитофон наружу, а разыгравшийся лев все продолжает дергать. Вся алюминиевая хижина сотрясается от этих «игр». Мы вскакиваем с постелей и светим большим фонарем сквозь щель в дверях. Снаружи стоит огромный лев, настроенный по молодости лет весьма легкомысленно. Он тоже разглядывает нас с большим интересом. На заднем плане светится еще пара глаз. На всякий случай мы запираем дверь и приставляем к ней несколько стульев.

Когда наутро из-за гор Банаги выглядывает розоватое солнце, мы обнаруживаем, что фотоштатив, на котором был укреплен наш микрофон, перегрызен пополам. Кроме того, разыгравшийся лев с такой силой тянул за кабель, что прогнул нашу дверь наружу. Мы снимаем ее с петель, кладем на землю и прыгаем на ней до тех пор, пока она снова не распрямляется. Возле входа у нас висел резиновый мешок для воды; внизу у него кран, который открываешь, когда хочешь помыть руки. Этот мешок — предмет нашей гордости. За день вода нагревается, и у нас получается настоящая «теплоцентраль». Так вот, наш ноч-

ной гость решил испробовать мешок на прочность и в нескольких местах располосовал его когтями. Нам пришлось немало помучиться, пока мы его снова заклеили.

А наш сотрудник Рихард, приехавший сюда только на несколько недель, отправился утром в «места не столь отдаленные» — в домик из рифленой жести, расположенный в 40 метрах от нашего жилья. В это время мы увидели, как пять львиц не спеша стали приближаться к уборной; вот они уже всего в каких-нибудь четырех или пяти метрах от ничего не подозревающего Рихарда. Мы с Михаэлем завопили что было мочи:

— Выходите, выходите! Скорее! Скорее!

Мы подняли такой шум, что перепуганный Рихард выскочил, не успев привести в порядок свой туалет. В таком виде мне и удалось его заснять на фоне львиц. Однако хищников нисколько не смутил ни наш крик, ни появление Рихарда: они продолжали следовать своей дорогой, едва удостоив нас взглядом.

Здесь, в Серенгети, все последующие недели наши львы продолжали заботиться о том, чтобы мы не скучали. Как-то раз мы наткнулись на леопарда, зарезавшего газель Томсона и втащившего ее на дерево, как это любят делать эти хищники. Он защемил ее в развилке ветвей и спокойно обедал. Через некоторое время под деревом появилось семейство из десяти львов, которые весьма заинтересовались добычей леопарда. Тому ситуация показалась малоприятной, он спрыгнул на землю и был таков. Тогда на дерево забрался большой лев. Он благополучно преодолел 10 метров, отделявшие его от мертвого «томми» (как здесь называют газель Томсона), но, сколько ни рвал и ни тянул газель, не мог высвободить ее из развилки. Леопарды часто закрепляют свою добычу очень прочно. Тогда лев разорвал газель на две половины и удалился, захватив заднюю часть.

Однажды ночью львица поймала дикобраза, который довольно регулярно повадился навещать садик около кухни лесничего Майлса Тернера. Старый дикобраз недешево отдал свою жизнь; на другое утро мы это сразу заметили по следам борьбы. Кто знает, какой ценой досталась изголодавшейся львице ее победа!

Затем стая из 11 львов у самого водопоя, неподалеку от нашего дома в Банаги, набросилась на старого самца-жирафа. Они его ели целых три дня.

Проводнику Реговерту, заночевавшему на равнине в палатке, две львицы, одна за другой, сквозь москитную сетку заглянули в самое лицо.

Африканский повар лесничего Пульмана как-то раз готовил ужин на кухне лагеря Серонера. Вдруг он услышал, как под самой дверью с чем-то орудует гиена. Он отворил, чтобы бросить в нее камнем, и... замер от ужаса: прямо на него, не мигая, уставился огромный лев, который лежал на земле в трех метрах от двери. Повар мгновенно захлопнул дверь, загородил ее стулом и перелез через перегородку под самой крышей в свою спальню. В следующую же минуту лев бросился на гиену, раздался страшный визг, грохот и топот. Утром под дверью лежала мертвая гиена, но кругом валялись и клочья львиной гривы — доказательство того, что физи, как здесь на языке суахили называют гиен, отчаянно защищала свою жизнь.
Рихард приколол клок львиной гривы к своей шляпе.

Если ты родился львом, то лучшего места для себя, чем Серенгети в районе гор Банаги, ты не найдешь. Дичи всегда вдоволь, а поскольку вода здесь для людей недостаточно хороша да к тому же много малярийных комаров и мух цеце, эта местность никогда никем не заселялась. Однако вскоре про Серенгети пронюхали люди, слывшие у себя дома храбрыми охотниками на львов.

Когда после первой мировой войны Танганьика попала под британское владычество, в район Банаги устремились охотники из соседней Кении, так как Серенгети расположен недалеко от ее границы *. Они охотно перестреляли бы всех львов, считавшихся в те времена вредными хищниками. Некоторые охотники за одно только сафари убивали 100 львов. Но они были не в состоянии тащить с собой столько шкур и поэтому довольствовались тем, что у каждой жертвы в качестве трофея отрубали хвост.

В 1929 году здесь наконец догадались объявить заповедными 260 квадратных километров, начиная от открытых равнин Серенгети до озера Виктория. Всякая охота отныне категорически запрещалась. Тогда же был отстроен небольшой дом в Банаги, в котором в 1931 году поселился лесничий Монти Мур. С тех пор вплоть до наших дней для львов здесь райское блаженство. Это место получило мировую известность как «львиный рай» на Земле.

Посетители заповедника вскоре поняли, что львов совершенно не обязательно фотографировать ночью при вспышке магния, как это делалось во времена Шиллинга и Максвелла, а что это гораздо удобнее делать днем. В 30-х годах стало очень модным привязывать убитую зебру к машине и волочить ее за собой на веревке на виду у львов. Те сейчас же подбегали и начинали рвать ее на части, а в это время их фотографировали.

Под конец львы настолько привыкли к этой забаве, что, заслышав шум мотора, моментально стали выбегать из-под тенистых кустов у сухого русла реки.

У Монти и его жены, однако, оставалось еще много забот хотя бы потому, что их любимцы — полуручные львы — часто уходили за пределы заповедника, где разрешалось охотиться. Монти то и дело приходилось заманивать своих подопечных назад, в безопасные места, подкладывая им добычу; но не раз случалось так, что какая-нибудь компания охотников гордо швыряла к порогу лесничего свежеснятую львиную шкуру какого-нибудь Симона или Серой Бороды, к которым супруги давно привя-
50 зались и долго оберегали от всяких опасностей. Несмотря на то что животные были застрелены явно «со всеми удобствами» — прямо из машины (что безошибочно можно определить по состоянию ботинок посетителей), Монти, стискивая зубы, вынужден был выслушивать, какие ужасающие приключения пришлось пережить охотнику из-за этого «чудовища», да при этом еще изображать любезную улыбку гостеприимного хозяина. На сегодняшний день вся местность стала заповедной, так что с точки зрения львов лучшего и желать нельзя.

Один из моих коллег по Франкфуртскому зоопарку, доктор Герхард Хааз, два года назад провел любопытную работу: он денно и нощно сидел в павильоне для хищников и отмечал, как долго львы спят. Зная и раньше, что это весьма ленивые животные, мы все же были поражены результатом наблюдений. Наши львы спали (в зависимости от возраста и пола) от 10 до 16 часов в сутки! Кроме того, они еще дремали от одного до четырех часов, лежали бодрствуя от одного до пяти часов, а на ногах бывали всего один час и лишь в редких случаях до семи часов.

Кто видел львов только в зоопарке, может подумать, что они потому такие ленивые, что им корм кладется прямо под нос. Но здесь, в Серенгети, мы увидели то же самое: они и на свободе совершенно не стремятся к активной деятельности. В зоопарке они уделяют еде обычно 20 минут, иногда час в день. А здесь, на воле? Немногим больше, ведь лев может поймать свою жертву за пару минут, а часто даже секунд. Заразных болезней, которым подвержены гну и жирафы, у львов не бывает.

Таким образом, жизнь львов в Серенгети могла бы превратиться в сказку, если бы не... старость. Львы ведь тоже стареют. Четырнадцати—шестнадцати лет от роду они уже глубокие старики.

Однажды мы повстречали такого покинутого всеми

«старичка». Он лежал в тени дерева. Губа у него отвисла и обнажила тупые желтые зубы, ребра можно было пересчитать все до одного. Нижние веки отекли, а когда животное двигалось, то по горбатой спине и негнущимся ногам было видно, что это причиняет ему сильную боль. Таких львов рано или поздно разрывают на части гиены или гиеновые собаки. Майлс Тернер однажды видел, как стая гиеновых собак окружила старого льва; они подпрыгивали и плясали вокруг него, как это делают обычно собаки, затевая игру; «старик» шипел и замахивался на них лапой, и они вскоре отстали.

Ночью я никак не мог уснуть, потому что одинокий старый лев не выходил у меня из головы; у меня даже возникло искушение застрелить для него газель. Как странно мы все же устроены: чтобы помочь одному, мы готовы погубить другого. Подозреваю, что Майлс Тернер выезжал за пределы национального парка, чтобы раздобыть пропитание для этого одинокого «пенсионера»... Ведь Майлс питает слабость к львам. Кстати сказать, он не исключение. Когда посетители парка видят такого старого, больного льва, они постоянно спрашивают лесничего, «что он с такими делает». При этом нельзя забывать об основном принципе работников заповедников: ни в коем случае не вмешиваться в дела природы, предоставить ей решать все самой.

На днях второй лесничий, Гордон Пульман, живущий в Серонере, вернулся из многодневной поездки по «коридору». Коридором мы, то есть те, кто входит в штаб сотрудников Серенгети, называем узкую часть парка ближе к озеру Виктория. Гордон рассказал нам любопытный случай, который произошел с ним накануне в полдень. Он увидел льва, поймавшего гну и подмявшего свою добычу под себя. Лесничий подъехал поближе на своем вездеходе, прогнал льва и вылез, намереваясь отрезать себе от только что убитой дичи окорок. Не дойдя нескольких шагов до жертвы льва, он обернулся и крикнул своему провожатому, чтобы он кинул ему охотничий нож. Но в этот момент тот испуганно закричал: «Бвана, обернись! Обернись!»

И каково же было изумление Пульмана, когда, обернувшись, он увидел, как «мертвый» гну вскочил на ноги и нацеливается в него своими острыми рогами. Гордону только в самый последний миг удалось схватить его за рога, удержать и, пятясь задом, втиснуться в машину. И как раз вовремя — в ту же секунду животное вырва-

лось: никому еще не удавалось в одиночку справиться со взрослым гну.

Наутро я навестил Конни, жену Гордона. Она сидела перед их домиком в Серонере. Я пересказал ей все это происшествие, но так, словно оно приключилось со мной:

— Представляешь себе, я наткнулся на льва, который как раз зарезал гну и подмял свою жертву под себя... и т. д.

Конни таращит на меня удивленные глаза. Она прямо не находит слов — так поражена. Под конец она не может сдержать своего возмущения и выпаливает:

— Но это же все случилось с моим мужем!

— Да, дорогая Конни, я знаю. Но видишь ли, такие

истории нельзя рассказывать человеку, который пишет книги об Африке. Обычно потом, когда они появляются в печати, оказывается, что все приключилось лично с ним... Недаром пословица гласит: кто прибыл издалека, тому врать легче...

Не так уж редко случается, что, кажущаяся мертвой, жертва льва убегает невредимой, лишь только его прогонишь. Однажды я видел, как львице пришлось отпустить маленького зебренка и тот убежал, громко крича. Детенышу повезло! За несколько недель до этого подобная сцена разыгралась на глазах у Майлса Тернера, но только с козликом томми. Многим животным, за которыми охотится лев, видимо, свойственно инстинктивно замирать, когда он их хватает, точно так же, как замирают маленькие львята или котята, когда мать берет их голову в свою пасть и перетаскивает с места на место. Если бы жертвы вырывались и сопротивлялись, лев тут же сжал бы клыки сильнее и переломил бы им хребет или задушил. А так у жертвы остается еще хоть небольшая надежда на спасение.

Я думаю, что животные эти, попав в пасть льва, не испытывают ни боли, ни испуга, у них наступает что-то вроде шока. Я почти готов утверждать это.

Мы, люди, в большинстве стран уже тысячи лет не подвергаемся нападениям хищных животных. И все же в подобных случаях такое же шоковое состояние свойственно и нам, оно входит в число инстинктивных действий наравне с сосанием материнской груди и зажмуриванием глаз от яркого света.

Известного исследователя Африки Давида Ливингстона однажды схватил лев и утащил в кусты. Вот что он позже сообщал об этом:

«Лев отвратительно зарычал мне в самые уши и потряс так, как фокстерьер трясет пойманную крысу. Я впал

как бы в шоковое состояние, вызвавшее ступор — ощущение, испытываемое, наверное, мышью, когда ее схватила кошка: у меня пропала всякая восприимчивость к боли, несмотря на то что я совершенно не терял сознания. Это напоминает состояние пациента, находящегося под местным наркозом: больной видит все манипуляции хирурга, но ножа уже не чувствует. Это ни с чем не сравнимое состояние не было следствием каких-либо душевных переживаний, просто шок начисто стер все ощущения страха и выключил всякое чувство ужаса даже от непосредственной близости разъяренного льва».

Товарищи Ливингстона, к счастью, через минуту сумели отогнать хищника.

В первые десятилетия нашего века лесничие Африки еще не разъезжали на машинах и вынуждены были ездить верхом, а поклажу перевозить на воловьих упряжках. В те времена приходилось брать с собой собак и каждый раз возводить вокруг лагеря высокую изгородь из срубленных колючих кустарников, так как львы шли по пятам за тягловым скотом.

Здесь все лесничие по сей день помнят историю, приключившуюся с одним из их товарищей, по имени Волхутер. Сумерки застали его в 10 километрах от сторожки. В сухом русле реки на его лошадь внезапно набросился лев; та рванулась в сторону и сбросила седока прямо в пасть второму подоспевшему льву. Лев схватил Волхутера за правое плечо и потащил прочь.

Вначале лесничий тоже был как бы парализован и не ощущал никакой боли. Затем он подумал, что это была бы постыдная смерть для такого знаменитого охотника, как он, и решил действовать. Пока его тело волоком скользило по земле под животом льва, шпоры то и дело за что-нибудь цеплялись и в конце концов оторвались. Волхутер вспомнил про свой охотничий нож, который обычно выскальзывал у него из-за пояса, когда он слезал с лошади. Осторожно пощупав левой рукой, он, к своему удивлению, обнаружил, что на этот раз нож оказался на месте. Когда лев наконец опустил его на землю (как впоследствии было установлено, через 90 метров), он левой рукой дважды всадил ему нож в брюхо.

Хищник зашипел и отступил. Тогда этот человек начал осыпать льва всеми ругательствами, которые только мог припомнить. А сзади на льва с громким лаем стала наскакивать собака лесничего. И лев, видимо, решил убраться подобру-поздорову. Несмотря на раненое плечо, Волхутеру удалось залезть на ближайшее дерево. Однако лев

не ушел, а стал кружить вокруг дерева. Несколько минут спустя к месту происшествия подоспели друзья лесничего и прогнали хищника.

Лесничий, опираясь на своих помощников, с трудом дотащился до сторожки. Чтобы оказать ему необходимую врачебную помощь, его два дня пришлось тащить на носилках до ближайшей железнодорожной станции да еще день везти в вагоне.

Руку вылечить так и не удалось — она перестала сгибаться. Однако Волхутер не оставил своего любимого дела и никогда не мстил львам за нападение.

О случившемся каким-то образом пронюхал один репортер из далекого Иоганнесбурга, и с его легкой руки сообщение об этом происшествии со всякого рода преувеличениями стало публиковаться на страницах всех газет мира.

Когда одна лондонская газета начала утверждать, что Волхутер собственноручно задушил трех львов, тот не выдержал, написал в газету, как все было на самом деле, и потребовал опровержения. И получил следующий ответ: «Мы проверили все факты. Наш корреспондент в Иоганнесбурге — человек вполне надежный, так что мы не видим никаких оснований для опровержения».

Когда Волхутер спустя несколько лет приехал в Лондон, он по телефонному справочнику разыскал магазин, в котором когда-то покупал свой охотничий нож. Он поехал туда на автобусе, купил точно такой же и, между прочим, сказал продавцу:

— Да, это хорошие ножи, я таким собственноручно заколол льва.

Он ожидал вызвать своим сообщением удивление или восхищение, но ничего подобного не последовало. Обслуживавший его молодой столичный продавец ответил совершенно равнодушно:

— Вполне возможно, этими ножами часто пользуются те, кому приходится резать овец!

«9 октября после обеда, примерно часов около четырех, я заметил трех львов-подростков, один из которых в зубах нес что-то странное. Когда он выронил свою ношу, я увидел, что это черепаха. Предприимчивая троица, оказывается, разгрызла панцирь, и животное было уже наполовину съедено».

Это прочел мне Майлс Тернер из своей записной книжки. Есть там и другие любопытные записи:

«15 марта я увидел большого льва, только что распра-

вившегося с гиеной. Когда животное перестало шевелиться, лев пошел дальше и погнался за второй гиеной, которой только чудом удалось спастись.

21 марта один посетитель утверждал, что по пути от Олдувайского ущелья до Серонеры из окна своей машины он якобы насчитал 75 львов.

22 июня львица вблизи дома в течение одного часа поймала подряд четырех томми».

Майлс Тернер живет вместе со своей молоденькой женой Кай в старом глинобитном доме лесничества у подножия горы Банаги. Случается, что у него бывает плохое настроение — это во время приступов жестокой малярии. Тогда ему хочется уничтожить и себя, и всех вокруг. Но там, где требуется его помощь, он появляется как из-под земли. С пятнадцатилетнего возраста Майлс начал каждый вечер записывать в блокнот свои наблюдения за животными. Поэтому всему, что он рассказывает, безусловно, можно доверять.

Попробуйте как-нибудь понаблюдать за собой, и вы обнаружите, как в происшествии, которое вы охотно пересказываете по нескольку раз, опасность постепенно все увеличивается, расстояния сокращаются, а скорость возрастает, и притом совершенно незаметно для самого рассказчика.

Многие наблюдения, которые я привожу в этой книге, сделаны Майлсом. Сейчас ему тридцать восемь лет, а в Кению он приехал, когда ему было три года. У его отца в районе Румурути была скотоводческая ферма. Уже в девятилетнем возрасте Майлс получил в подарок ружье и отправился стрелять зебр. В те времена их там было такое же огромное множество, как сейчас здесь, в Серенгети. Теперь же там не встретишь ни одной. Дело в том, что фермеры рассматривали зебр и гну как вредителей, поедающих на пастбищах корм, предназначенный для их коров. По этой же причине и маленький Майлс отстреливал зебр, притом пулями; они прошивали такую полосатую лошадку насквозь и после этого уходили еще далеко в землю. У зебры отрезали хвост и сдавали, за что правительство выдавало премию в размере одного шиллинга.

Школу Майлс посещал в Найроби, столице Кении. Затем работал в качестве «white hunter»[1]. Он сопровождал

---

[1] В переводе с англ. буквально — белого, здесь — профессионального охотника.— *Прим. пер.*

туристов-охотников во время сафари. Но в скором времени ему это дело осточертело.

Многие лесничие африканских национальных парков были прежде, как и он, профессиональными охотниками, но впоследствии приходили к выводу, что животных лучше охранять, чем убивать. В своей компании «Сафари» Майлс и познакомился с Кай, служившей там секретаршей, и теперь эти двое уже в течение нескольких лет отлично хозяйничают там, где мало воды и много пыли, в окружении львов, мамб и зебр.

В Европу Майлс впервые выбрался в тридцатилетнем возрасте. Легко себе представить ощущения человека, попавшего из дебрей Африки сразу в такой огромный современный город, как Лондон. Точно так же, как нас глубоко поражают львы, разгуливающие вокруг нашей постели, так Майлсу казались чем-то необычным толпы людей на улицах, яркие витрины, театры, высокие дома, сжимающие с двух сторон узкие улочки.

Я не имею возможности проводить в Африке больше нескольких недель, потому что я в первую очередь все-таки директор зоопарка. Правда, Михаэль остается дольше, но важно, чтобы здесь постоянно, круглый год, жили такие внимательные сотрудники, как Майлс и другие добрые друзья парка. Они ведут для нас записи, в которых отмечают, где они видели такое-то меченое животное и что еще происходило за время нашего отсутствия.

Крупные антилопы канны здесь, в Серенгети, не подпускают к себе ближе чем на 500—600 метров, после чего они тотчас же пускаются в галоп. Только много позже мне удалось выяснить, почему это происходит.

А вот вести наблюдения за львами, наоборот, очень просто, не труднее, чем в зоопарке. К ним можно приблизиться и на 30 метров, и на 20, и на 5, и, если угодно, даже на метр. Лишь бы вы сидели в машине. Подобная ситуация всегда необыкновенно возбуждает.

Сегодня нам совсем не хочется заниматься львами; мы собираемся из нашего ярко раскрашенного вездехода пострелять в томми, конечно наркотическими шприцами. Но внезапно обнаруживаем, что окружены: впереди два льва, сбоку две львицы, сзади еще одна большая львица, которую мы, проезжая, даже не заметили в траве. Она медленно поднимается, но смотрит застывшим взглядом мимо нас, в сторону высохшего русла реки. Там пасется одинокий козлик томми. Львица медленно направляется к нему. В тот момент, когда он поднимает голову, она мо-

ментально застывает на месте, даже поднятая лапа повисает в воздухе; но вот козлик снова опускает голову и продолжает пастись.

Те два льва, впереди, тоже подкрадываются к козлику. При этом они проходят в трех метрах от нас, один даже совсем рядом, так что я могу до него дотронуться, вытянув руку из окна нашей машины. Я издаю легкий свист, но лев даже не оглядывается в мою сторону: все его внимание сосредоточено на добыче.

Итак, эти львы с трех сторон подкрадываются к ничего не подозревающей газели. Но вот у затаившегося с четвертой стороны молодого льва со смешно торчащей в разные стороны еще не отросшей гривой лопается терпение: хотя расстояние еще явно слишком велико, он вскакивает и бросается к козлику. А тот, конечно, тут же убегает.

Будь я старым львом, я бы в подобном случае залепил такому олуху пару затрещин. Но львы так не поступили. Каждый из них невозмутимо улегся там, где стоял.

Мы подъехали к одному из них на расстояние в восемь метров. Человеку очень тягостно сознавать, что кто-то, пусть даже лев, не обращает на него никакого внимания, словно он пустое место. Я открываю дверцу и вылезаю. Тогда лев поднимается, грозно рычит и делает мне навстречу несколько шагов. Разумеется, я тут же исчезаю в машине.

Если лев нападает на вас в открытой местности, нужно остановиться и смотреть ему прямо в глаза. В большинстве случаев он тогда теряется, тоже останавливается и в конце концов уходит. Если же убегать от него, он наверняка воспримет это как игру в «кошки-мышки» и схватит вас. Правда, в Африке я еще ни разу не попадал в такое положение и все мои познания основываются на тех опытах, которые я 20 лет тому назад проделывал с хищниками на манеже [1].

Какое ни с чем не сравнимое удовольствие наблюдать за семейством львов, отдыхающим в тени дерева! Только непонятно, кому принадлежат эти восемь львят. Трое из них примерно вдвое больше пяти остальных. Значит, они не могут быть братьями, у них должны быть разные матери. Но все шесть взрослых львиц одинаково ласковы со всеми малышами. Когда львенок проходит возле взрослой

---

[1] B. Grzimek. Unsere Brüder mit den Krallen. Ullstein, Frankfurt M. — Berlin, 1961.

львицы и даже льва, жесткий язык непременно нежно пройдется по его мордочке или спине.

Маленькие львята устроили настоящую «охоту» за черной кисточкой хвоста одного из самых больших львов. Они подкрадываются, бросаются на нее и впиваются зубами. Острые молочные зубки наверняка причиняют немалую боль, тем не менее лев только ворчит, недовольно морщит нос, но не трогает своих мучителей. Проходя мимо его головы, они трутся своими мягкими мордочками о его подбородок, точно так же, как трутся домашние кошки о нашу штанину. Один из «дядей» снисходит даже до того, что опрокидывает малыша на спинку и катает его лапой из стороны в сторону. Львиным деткам, видимо, все дозволено. Им разрешается даже дергать за кусок мяса, который «паша» держит в своей пасти. А это у львов коечто да значит!

Хотя львы и принадлежат к семейству кошачьих, однако это отнюдь не наши домашние кошки. Они никогда не мурлыкают и умываются далеко не так уж тщательно. Лев моет себе морду обычно только после еды, и то лишь слегка, никогда не захватывая далеко за ушами. В крайнем случае он вылизывает еще передние лапы и грудь, но никогда — ни живот и бока, как это принято у наших чистюль, домашних кошек. Свои испражнения львы никогда не закапывают.

Разумеется, во время брачных игр львы дерутся между собой, причем так, что на поле боя остаются лежать целые клочья желтых волос из гривы. Конечно, без травм и увечий не обходится. Но мне ни разу не довелось слышать, чтобы когда-нибудь один из противников был убит.

Эти желтые огромные кошки ловко умерщвляют зебр и антилоп. Они быстро перегрызают жертве горло или переламывают хребет. При этом животное испытывает меньше страха, чем наши свиньи и коровы на бойне. Но чтобы один лев убил другого, то есть своего собрата по виду, этого у них не бывает. Мы же, люди, во время последней мировой войны уничтожили много миллионов своих собратьев. Дело явно обстояло бы лучше, усвой мы формы обхождения львов!..

9 мая, а потом 15 и 16 июня Майлс видел большого льва со сломанной ключицей. По-видимому, эту травму нанес ему какой-нибудь самец жираф или кафрский буйвол. Этого льва, который мог передвигаться лишь с большим трудом, сопровождал другой взрослый лев. Судя по тому,

что инвалид был весьма упитанным, можно было предположить, что он находился на иждивении у своего приятеля.

Несколько дней спустя близ заброшеного старого рудника мы видели семейство из 16 львов и среди них больную львицу. Эту львицу тоже явно подкармливали ее сородичи.

Между Банаги и Серонерой возле бензоколонки в николин день все время держался сильно исхудавший, больной, старый лев с тремя львами-подростками. Двумя днями позже этих же львят видели уже в сопровождении великолепного молодого льва и львицы. По-видимому, больной лев погиб, а дети нашли себе опекунов.

Однажды какие-то посетители национального парка вылезли из своей машины и, решив устроить пикник, расположились на земле с термосами и закусками. Желая помыть руки после еды, они на некоторое время покинули место своей трапезы и пошли к ручью. Каково же было их удивление, когда, вернувшись, они увидели семью львов, которая расположилась прямо на их скатертях и тарелках. Остатки холодных закусок бесследно исчезли. Кроме того, львята разорвали чемоданы и весело играли с фотоаппаратами и одеялами. Львы ни за что не хотели добровольно покинуть столь прекрасное, на их взгляд, место отдыха. Так что туристам пришлось до тех пор просидеть в машине, наблюдая за тем, как расправляются с их имуществом, пока этим большим кошкам не наскучила такая возня и они не ушли по собственному желанию.

Нет, я конечно, далек от мысли изображать львов ангелами. К тому же я говорю все время только о наших львах — в Серенгети и вокруг Банаги. И вот, чтобы напустить на вас немного страху, как это и полагается в сообщениях о львах, я чувствую себя обязанным пересказать историю о львах-людоедах, без которых уже с давних пор не обходится ни одно повествование об Африке.

В 1898 году в районе теперешнего Цаво-парка, совсем недалеко отсюда, в Кении, два льва-людоеда в течение почти девяти месяцев осаждали строителей Угандийской железной дороги; они утащили и сожрали одного за другим 28 кули и под конец закусили инспектором железной дороги. Тот как раз караулил этих злоумышленников в закрытом вагоне с ружьем на коленях, но, видимо, уснул. Львы вытащили его через окно.

В Уганде, близ Анколе, в 1955—1956 годах львы, говорят, утащили 45 человек. Вся дичь, которой они до этого питались, была выбита местным населением.

Некто господин Брэдшоу года два назад сообщил, что застрелил львицу, которая отрыгивала человеческое мясо, чтобы накормить им своих детенышей.

Даже здесь, по соседству, в прошлом году лев умертвил одного приезжего охотника. А дело было так. Охотник застрелил льва и только собрался поставить ногу на убитое животное, чтобы сфотографироваться, как «мертвый» лев вскочил и разорвал его. Оказалось, что он был еще жив. «White hunter», сопровождавшего гостя, из-за этого случая на пять лет лишили работы.

Здесь же, в Серенгети, у львов достаточно пищи и поэтому нас, людей, они не рассматривают как нечто съедобное. Это особые, знаменитые львы, которые, можно сказать, «родились в сорочке».

Несмотря на это, нам все же пришлось приделать замок на дверь нашего алюминиевого домика, хотя на 160 километров вокруг не было никого, кроме Гордона Пульмана, Майлса Тернера, африканцев-проводников, ну и, конечно, львов и нескольких сот тысяч других животных...

Германская крепость в Африке

— Эй, Миха! — Я толкаю сына в бок, наклоняюсь и ору ему в ухо: — Смотри, там, справа, на горе стоит замок! 61

Прямо посреди Африки настоящий рыцарский замок. Нет. Невозможно. По-видимому, это был обман зрения. Тут частенько попадаются обломки скал, иногда похожие на развалины церкви, а иногда — на огромные памятники.

Но это вот определенно не скалы, нет! Мы надеваем наушники и совещаемся. Потом наша «зебра» делает поворот направо, и мы летим назад, к горе с руинами замка. На этот раз это действительно оказался замок. У него толстые стены с зубцами, сохранились остатки отдельных строений и обширное подворье. Замок расположен немного севернее национального парка Серенгети, среди гор и холмов, поросших редколесьем. Мы спускаемся все ниже и летим вдоль склона горы, пока массивная угловая башня оказывается почти над нами.

Сегодня мы направляемся в Масаби, на равнину в «коридоре» (узкая часть национального парка вблизи озера Виктория). Там мы собираемся переночевать в глиняной хижине местных проводников, чтобы спозаранку попасть к водопою и наблюдать, кто из животных приходит туда пить. Сзади нас в самолете сидят два проводника, а внизу, на равнине, у самой опушки редкого кустарника, нас ждут еще два. Они должны выбрать для нас ровную площадку, свободную от камней и ям, и встать таким образом, чтобы нам приземлиться как раз между ними.

На «открытие» замка у нас ушло лишнее время, и теперь уже довольно поздно; солнце у самого горизонта, и слепит нам глаза во время посадки. Сын озабочен тем, чтобы не наехать на этих двух там, на земле. Поэтому он выпускает все закрылки для торможения и приземляется несколько ближе намеченного места.

Внезапный толчок, мотор глохнет, и мы садимся брюхом на землю. Такое случается иногда и с большими пассажирскими самолетами, когда пилот либо забывает выпустить шасси, либо оно застревает и никак не выходит наружу. Но длинные ноги нашего-то самолета никуда не втягиваются. И все же они куда-то исчезли.

Оказывается, одно колесо во время посадки попало в нору бородавочника *, и таким образом отломилась сначала одна, а потом вторая «нога» самолета. Из-за этого пропеллер уперся в землю и даже погнулся. Во всем остальном самолет выглядит неповрежденным. Только конец одного крыла немного вмят. Кто не знает, что этой ма-

шине полагается стоять на высоких ходулях, тот может подумать, что так и надо.

Для начала мы вытаскиваем длинный рулон ярко-оранжевой светящейся материи, расстилаем его на земле и придавливаем черепами и костями гну, которых кругом валяется множество. Так нас с воздуха легче обнаружить. Затем мы расчищаем от засохшей травы примерно метровую полосу вокруг машины, чтобы она, не дай бог, не загорелась, если начнется степной пожар. Спать мы можем прямо в самолете.

Спустя некоторое время из самолета показывается «бушбэби» — галаго, которого мы всюду возим с собой. Он прилетел вместе с нами из Франкфурта на свою старую родину. Но он не хочет вылезать из самолета — это древесное животное чувствует себя весьма неуверенно на бескрайней голой равнине.

Два наших помощника поначалу даже не заметили, что мы потерпели аварию. Они первый раз в жизни сели в самолет и думали, что так все и должно быть.

Оказавшаяся для нас роковой нора бородавочника была уже наполовину засыпанной и заросшей, во всяком случае отнюдь не глубокой. Примерно в 100 метрах от нас стояли два взрослых бородавочника с четырьмя поросятами и с интересом нас разглядывали. У всех шести хвостики торчат свечками кверху, словно антенны на автомобилях. Но, заметив, что и мы пристально их разглядываем, они поворачиваются и убегают. Бородавочники — приятные животные. Кто видел их в зоопарке, тот обычно приходит в ужас от 15-сантиметровых наростов на морде борова и от его опасных, торчащих в стороны и вверх клыков. Морды у них действительно малопривлекательные, во всяком случае для человеческого глаза. Но на воле они похожи на маленьких носорогов или даже антилоп и очень мало напоминают диких кабанов или домашних свиней

(у них совсем нет подкожного жира, даже если они хорошо упитаны).

Поскольку мясо бородавочников весьма по вкусу львам, им приходится рыть себе глубокие норы, в которых ночью они становятся недосягаемыми. Бородавочники охотно пользуются и теми ходами, которые прорывают себе трубкозубы *, чтобы снизу проникнуть в термитники.

Жилая нора бородавочника состоит из просторной камеры, в которой спят отец, мать и подросшие дети. Отсюда поло́го вниз идет ход, ведущий в следующую камеру, где осенью, с сентября по ноябрь, появляются на свет хорошенькие поросятки; их бывает обычно не больше четырех. Там, внизу, у них довольно жарко, примерно 30° тепла, как это удалось установить профессору Гайги из Базеля. Может быть, именно поэтому бородавочники до сих пор очень редко размножаются и выращивают детей в зоопарках.

Когда молодые животные подрастают, они охотно остаются жить с родителями; бородавочники вообще примерные семьянины. Когда встречаются двое, принадлежащие к одному семейству, более молодой подходит к отцу или тетке и слегка поддает тому головой под подбородок.

Если преследовать самку с поросятами, то малыши зачастую бросаются на землю и притворяются мертвыми. Но попробуйте поднимите хоть одного! Он завизжит как резаный, и тогда мать сейчас же подбежит к нему. В таких случаях лучше всего поскорее отпустить поросеночка; он бросится к матери, и весь выводок — вслед за ним.

Один из обходчиков парка однажды увидел, как леопард преследовал самку бородавочника с поросенком. Мать внезапно повернулась и напала на леопарда; тот тут же удрал. В другой раз бородавочник чем-то прогневал слона. Слон громко затрубил и бросился в атаку. Бородавочник не струсил и пошел прямо на слона. Тот от неожиданности даже отступил.

Зайдя как-то на лужайку перед домом одного из лесничих, бородавочники не пожелали оттуда уйти, даже когда на них набросилась большая собака. Более того, они сами начали гоняться за собакой и заставили ее убежать.

Только мы завернулись в свои одеяла, собравшись спать на сиденьях самолета, как где-то далеко показались два огня. Ну конечно же, это Майлс Тернер на своем вездеходе! У него все с собой: горячий кофе в термосе, водка, бинты, всякая еда, складные носилки, одеяла, шины, а также молодая жена Кай и в корзинке их бэби нескольких

недель от роду. Поскольку мы не вернулись до захода солнца, он сейчас же выехал нас искать. Это очень характерно для него. На такого можно положиться: он непременно появится, если в этом будет необходимость. Боясь оставить свою жену на ночь одну, он взял ее с собой, так что вынужден был прокатиться и бэби.

На другое утро мы передали по радио телеграммы в Найроби и домой. Мы сфотографировали повреждения со всех сторон и послали пленку в Мюнхен, чтобы на заводе могли установить, какие запчасти нам следует прислать.

Затем мы приступили к строительству лагеря. К нам выехали два инженера из Найроби. На поездку им потребовалось три дня, так как один из них поклялся никогда больше не садиться в самолет. Пять лет тому назад он попал в авиационную катастрофу, сломал позвоночник и в течение года был почти парализован. Но сейчас он снова очень бодр и энергичен. Эти двое, англичанин и шотландец, работают как лошади. От нас требуется лишь одно: в эту жару старательно снабжать их пивом. Кроме того, им ужасно хочется выучить немецкие ругательства. Мы старались познакомить их с самыми трудновыговариваемыми.

Кстати, одного из них зовут Майк, следовательно Михаэль. Моего же сына во всей окрестности величают Майклом, поэтому его легко отличить от всех других Майков.

Я заметил, что англичане обращаются друг с другом значительно менее чопорно, чем мы. Едва познакомившись поближе, на службе или еще где-нибудь, они уже зовут друг друга по имени, даже девушек и женщин. Зато они не трясут при каждом удобном случае руку, как это принято у нас; они делают это, только когда прощаются перед длительной разлукой или возвращаются откуда-нибудь. Мне это нравится куда больше.

Пройдет не менее трех недель, пока наша «зебра» снова сможет подняться в воздух. Мы бродим по земле с подрезанными крыльями и чувствуем себя какими-то неповоротливыми и беспомощными. Зато у нас оказалось время поближе осмотреть сказочный рыцарский замок. Он расположен на землях, принадлежащих племени икома, а наш шофер Мгабо как раз икома. Его отец во времена германского владычества работал бригадиром в одном из рудников, и Мгабо еще ребенком часто играл среди руин этого форта, принадлежащего немецкому гарнизону. Судя по его рас-

сказам, англичане с немцами вели здесь ожесточенные бои.

Поднимаясь на своем зебровом вездеходе в гору по старой, заросшей травой дороге, мы вспугиваем стаю антилоп топи, которые резво отбегают в сторону.

В толстенной высокой стене — пролом. Хотя сложена она всего лишь из обломков скал и глины, тем не менее простояла 50 лет. Это потому, что здесь мало дождей и не бывает морозов.

Через пролом мы проникаем в просторный двор форта. Три зебры, испугавшись нас, галопом несутся к большому парадному въезду и исчезают с подворья. Здесь сохранились даже стены домов— в тех местах, где их не разрушили корни деревьев.

Мгабо ведет нас через форт. Вот здесь, в большом доме с парадной лестницей, жил лейтенант; там, сбоку, была кухня, а в домике поменьше, напротив, жил один сержант. По отметинам на стенках глубокого колодца можно определить, как высоко когда-то стояла в нем вода. У самого его края распустились два красных цветка.

Вокруг всего форта проходит полуразрушенная траншея. Михаэль, порывшись в мусоре возле унтер-офицерского дома, обнаружил несколько монет. Мы очистили их от грязи и прочли: «D. O. A. 1916. Fünf Heller»[1]. Значит, это колониальные деньги из бывшей немецкой Восточной Африки чеканки военного времени. Во Франкфурте в банке нам потом предложили по 10 марок за каждый геллер.

По просьбе Мгабо его дядя принес нам в одну из последующих недель купюру в 50 рупий с изображением кайзера Вильгельма с лихо закрученными усами. По словам Мгабо, немцы, прежде чем покинуть форт, сложили все свое оружие и боеприпасы в шахту, которую вырыли за пределами форта, зацементировали, а затем сверху засыпали. Оружие пролежало 40 лет, пока англичане в начале 50-х годов не вскрыли тайник и не увезли все, что там лежало. По всей вероятности, они опасались, что оружие, зарытое так близко от границы с Кенией, может попасть в руки повстанцев мау-мау.

Мы с Михаэлем облокотились рядом на бруствер и смотрели вниз. Далеко уходят волнистые зеленые холмы, сливаясь где-то на горизонте в матовой голубизне...

Интересно, как чувствовали себя в этом форте два наших земляка, жившие здесь совершенно одни? Для немецких

[1] «Немецкая Восточная Африка. 1916. Пять геллеров».

солдат пребывание здесь наверняка было тягостным. В те времена все эти бесконечные расстояния надо было преодолевать пешком, не было ни машин, ни радио, ни настоящих консервов. Поскольку в колонии не хватало средств на проведение телеграфной линии, постам приходилось общаться друг с другом при помощи больших зеркал, которыми они передавали световую морзянку.

Окольными путями, через старого генерала фон Леттов-Форбека и его племянника, мне удалось установить, что последним командующим этого округа был один майор по фамилии фон Хакстхаузен, который сейчас живет в Дегерндорфе, расположенном возле реки Инн. На мой запрос он любезно ответил, что форт был построен около 1900 года. Его гарнизон, состоявший из одного офицера и одного унтер-офицера с пулеметом, был призван следить за порядком в округе. Дело в том, что племя икома непрерывно сражалось с не менее воинственным племенем гайя. В основном они крали друг у друга скот.

Местность было трудно охранять, так как она находилась на самой границе с английской колонией Кенией. Однако история Танганьики началась отнюдь не с того времени, когда в 1885 году германский кайзер составил охранную грамоту для этой области. Первооткрывателями этих мест были даже не европейцы, а скорее всего азиаты. Нам потребовались тысячелетия, пока мы на своих кораблях отыскали морской путь вокруг южной оконечности Африки. Для азиатов же попасть в Восточную Африку оказалось значительно легче, потому что ежегодно с ноября по февраль там дует северо-восточный муссон, который пригоняет их корабли прямо к африканскому побережью. С апреля же по сентябрь муссон дует в обратную сторону — с юго-запада и гонит корабли прямехонько назад, на их родину. Первые арабы и индийцы уже за несколько веков до нашего летосчисления таким путем добирались до берегов Танганьики. Там по сей день еще находят древний китайский фарфор и монеты, чеканенные 1200 лет назад. Арабы из персидского Шираза основали города на островах возле побережья. В Килве до наших дней сохранилась арабская «Хроника», описывающая исторические события начиная с 1060 года и в течение 500 лет вплоть до появления португальцев.

Португальский мореплаватель Васко да Гама, открывший морской путь в Индию вокруг Африки, во время своего третьего индийского путешествия в 1502 году пристал к берегу в Килве, на побережье Танганьики. Он гарантировал эмиру Мухамеду Киваби свободу, однако нарушил

слово, взял его в плен и отпустил только после того, как тот признал португальское владычество и уплатил 5 тысяч крусадо (примерно 20 тысяч марок) выкупа. На эти деньги Васко да Гама во имя прославления всевышнего заказал золотую статую, которая по сей день хранится в Белемской церкви в Лиссабоне.

В 1593 году португальцы построили гордый форт Иисуса в Момбасе; мятежи, войны, нападения различных племен из глубинных районов страны продолжались до тех пор, пока наконец не приплыли арабы из Омана в Персидском заливе, которые после 33-месячной осады в 1696 году захватили крепость [1].

Новых султанов Занзибара очень привлекала их вторая империя на побережье Танганьики, но им то и дело приходилось возвращаться к себе домой, в Персидский залив, чтобы наводить там порядок, так как родственники без конца оспаривали у них трон.

Власть этих арабских султанов никогда по-настоящему не распространялась в глубинные части страны. Правда, они засылали работорговцев и охотников за слоновой костью все дальше от побережья, пока не достигли наконец в 1840 году озера Танганьика. Их караванный путь лежал через Табору (вдоль него немцы впоследствии построили железную дорогу). Хотя над арабскими стоянками на этом торговом пути и развевался красный флаг султана, тем не менее два или три араба, которые там жили и продавали караванам за бешеные деньги свой товар, на самом деле целиком зависели от вождей близлежащих племен.

Торговля рабами у арабов в Восточной Африке никогда не достигала таких чудовищных размеров, как потом в Западной Африке у европейцев и американцев. У арабов и индийцев судьба рабов была куда менее жестокой, чем на плантациях европейцев в Северной и Южной Америке. И тем не менее работорговля совершенно расшатала племенной уклад аборигенов и привела к тому, что целые огромные территории, например возле озера Танганьика, полностью обезлюдели. Тот, кто сегодня, комфортабельно расположившись в вагоне-ресторане, едет в поезде из Дар-эс-Салама через Табору в Лисанзу у озера Виктория и разглядывает из окна окрестности, даже не подозревает, что вся земля здесь пропитана кровью и усеяна костями тысяч рабов, которых бичами гнали по этой бесконеч-

---

[1] Окончательно португальцы были изгнаны арабами с побережья современной Танганьики только к 1730 году.

ной дороге, и которые, не выдержав, обессиленные, падали и умирали, что земля эта напоена слезами матерей, у которых отнимали детей и кормильцев.

Все больше европейских и американских судов (до постройки Суэцкого канала) огибало Африку, чтобы попасть в Восточную Азию. Поэтому один из арабских правителей Занзибара, Саид бин-Султан, стал из предосторожности заключать договора (в 1833 году с Соединенными Штатами Америки, затем с Англией, Францией и, наконец, в 1859 году с Германией), по которым эти страны обязывались соблюдать монополию султана и не покупать на побережье Танганьики слоновую кость и каучуковую смолу. Его интересовала исключительно эта сторона дела, а не вопрос господства во внутренних областях страны. Однако жестокая работорговля и погоня за слоновой костью завлекали арабов все дальше в глубь Черного континента. Так, некто Саид бин-Хабиб бин-Салим Сафифи, покинув в 1850 году город Занзибар, вернулся туда лишь спустя 16 лет. За это время он трижды добирался до Луанды на западном берегу Африки и, таким образом, первым, задолго до Стэнли, пересек материк.

Рассказы таких путешественников, разумеется возбуждали безудержное любопытство европейцев. Две причины заставили нас в прошлом столетии проникнуть в глубь Африки: стремление обратить «несчастных невежественных негров» в христианскую веру и желание исследовать эти незнакомые страны; торговлей стали заниматься уже потом, тогда же возникла и алчность.

Первым таким исследователем был французский морской офицер, по фамилии Мезан. Ему пришло в голову отправиться в путь именно в сезон дождей; кроме того, у него с собой были такие роскошные ящики с провиантом, что не успел он отойти 80 километров от побережья, как был убит.

Глазами, полными изумления, рассматривали в 1848 году два немецких миссионера — Иоганн Ребманн и Людвиг Крапф — снежные вершины Килиманджаро.

«У этих двух миссионеров полностью отсутствовали какие бы то ни было физические данные, необходимые для подобных путешествий»,— пишет один англичанин.

Вряд ли они обладали и необходимыми для этого научными знаниями. Крапф таскал с собой ружье, с которым вечно случались какие-то неожиданности. Вьючные животные из его каравана то и дело удирали. Самым примечательным предметом из его снаряжения был зонтик, под которым он и его люди спали в плохую погоду. Этот зон-

тик, если его внезапно открыть, мог сослужить в пустыне и другую службу: однажды таким способом удалось отогнать льва, а в другой раз насмерть перепугать банду грабителей, пустившихся наутек.

Рассказы этих людей о больших озерах, возле которых они побывали, вызывали недоверие и любопытство профессиональных географов. Поэтому вскоре, в 1857 году, туда отправились англичане Ричард Бёртон и Джон Спик, которым принадлежит открытие озера Танганьика. Оставив больного Бёртона в Таборе, Спик продолжал свой путь в глубь страны и в августе 1858 года достиг крупнейшего озера Африки. Он дал ему название озеро Виктория. Оно в 130 раз больше Боденского [1], на его территории могла бы свободно разместиться вся Ирландия. Бухта в этом озере со стороны национального парка Серенгети названа именем этого знаменитого исследователя. Когда Бёртон в Таборе услышал сообщения возвратившегося коллеги о том, что из озера Виктория вытекает Нил, он в этом усомнился. Поэтому Спику пришлось отправиться туда вторично, уже в 1860 году, на этот раз в сопровождении Джеймса Огастеса Гранта, имя которого сейчас носят красивые большие газели, живущие в нашем парке. В июле 1862 года оба путешественника стояли как зачарованные перед огромными водопадами, которыми Нил начинает свой бег из озера Виктория.

Еще в самом начале своего путешествия они встретили на побережье гамбуржца Альбрехта Рошера. «Разжалованный» король Людвиг I Баварский снабдил его деньгами «для поисков внутриафриканских озер». По-видимому, денег было негусто, поскольку Рошера сопровождали всего двое слуг и двое носильщиков. И тем не менее его вскоре убили, польстившись на его жалкий скарб. Власть султана Занзибара была в то время еще настолько значительной, что по его приказанию убийцу изловили и доставили для наказания к побережью.

Рошер считал себя первооткрывателем озера Ньяса. Однако еще за несколько недель до него к этому озеру по реке Замбези поднялся миссионер и исследователь Ливингстон. С 1866 по 1869 год Ливингстон продолжал двигаться дальше в глубь страны вдоль берегов озера Танганьика. Когда он спустя три года вернулся назад в Уджиджи, то напоминал «мешок с костями». Велико было его разочарование, когда он узнал, что часть заказанного им провианта расхищена, а часть находится за 400 километ-

---

[1] Озеро на границе ФРГ, Австрии и Швейцарии.— *Прим. пер.*

ров, в Таборе. И что важнее всего — из Европы не было никакой почты.

Поскольку в Европе в течение пяти лет о нем не было ни слуху ни духу, газета «Нью-Йорк геральд» в 1870 году выслала на его поиски репортера Генри Мортона Стэнли. Однако Стэнли удалось тяжелобольного исследователя довезти только до Табора. Дальше Ливингстон ехать отказался. Более того, он не изъявил никакого желания возвращаться в Европу, а, наоборот, передохнув, отправился в новую экспедицию для обследования восточного берега озера Танганьика. Во время этой экспедиции однажды утром его нашли мертвым: он умер, стоя на коленях возле своей кровати. Двое преданных ему африканских слуг доставили его тело и все его бумаги и инструменты на побережье. Вестминстерским аббатством Ливингстон причислен к наиболее выдающимся людям нации.

В 80-х годах в район озера Виктория направился немецкий врач доктор Г. А. Фишер. Однако на безлюдной восточной стороне озера, где расположен и Серенгети, было так трудно с пропитанием, что вскоре после возвращения он слег и умер. Добросовестным исследователем был и англичанин Джозеф Томсон, по имени которого названы красивые желто-черно-белые газели.

Томсон и Фишер долгое время оставались последними *настоящими* исследователями Восточной Африки. Все, кто направлялись туда позже, как правило, имели тайные побочные цели.

Хотя немецкие торговцы уже в 1840 году появились в Занзибаре, а немецкие исследователи, такие, как Рошер и Карл фон дер Деккен, первыми проникли в Танганьику, в Германской империи только в 1884 году возникло «Немецкое колониальное общество», которое всячески пропагандировало приобретение колоний. По поручению этого общества доктор Карл Петерс и граф Пфайль в составе небольшой группы под вымышленными именами выехали из Триеста в Занзибар. Несмотря на то что там их ждала телеграмма от Бисмарка, который предупреждал, чтобы они не рассчитывали на поддержку германского правительства, они все же занялись составлением контрактов с местными вождями племен. Те должны были подписаться под заявлением, в котором говорилось, что они не считают себя подданными султана Занзибара. Началось настоящее состязание с генералом Ллойдом Мэтьюзом, которого султан направил в ту же местность с отрядом из 180 солдат. Вожди высказывались то за Петерса и немцев, то за Мэтьюза и султана. Один из них даже

заявил, что отдаст предпочтение тому, у кого будет красивее материя на флаге... Большинство этих «вождей» на самом деле были лишь чем-то вроде «деревенских старост», родственниками настоящих правителей племен.

Когда Петерс с папкой договоров вернулся в Берлин, Бисмарк под давлением общественного мнения полностью изменил свою точку зрения и предоставил «Немецкому колониальному обществу» императорскую охранную грамоту для вновь приобретенных территорий. Напрасно султан Занзибара заявлял, что он держит там уже несколько гарнизонов; немецкая эскадра быстро заставила его признать эти территории немецким протекторатом.

А Карл Петерс тем временем предпринял новую тайную поездку, на сей раз в Уганду, где он снова занялся сбором подписей. Вернувшись на побережье, он узнал, что на этот раз зря старался: Бисмарк и британское правительство за это время поделили сферы влияния в Африке и Уганда досталась Англии. Была создана комиссия, состоящая из англичанина, немца и француза, в которой султан Занзибара даже не был представлен; ей поручили обследовать, что, собственно, входит во владения султана. Англия порекомендовала султану отказаться от земель вокруг Килиманджаро в пользу Германии. В обмен за Гельголанд Германия в 1890 году признала английскую опеку над Занзибаром. 1 января 1891 года Германское государство взяло на себя управление новым протекторатом Танганьика под названием Германская Восточная Африка.

Наполненное до отказа кладбище бенедиктинцев в Дар-эс-Саламе свидетельствует о том, что новая колония потребовала немало жертв от немцев, которые хлынули в нее мощным потоком.

Уже в 1888 году начались первые мятежи. Это было еще тогда, когда немцы по поручению султана Занзибара взимали пошлину на побережьях. Предводитель мятежников Бушири вначале держался даже по-рыцарски: он сам спас епископа от гнева разъяренной толпы и под надежной охраной переправил его и пять европейских женщин на побережье. Но бои становились все ожесточеннее, пришлось из Португальской Восточной Африки подтянуть на помощь войска имперского комиссара фон Виссманна, состоящие из египтян и зулусов. Виссманн взял крепость Бушири и подавил мятеж. Предводителя нашли полураздетым и умирающим от голода в одной из хижин. Закованного в цепи, его привезли в Пангани, где 15 декабря 1889 года он был повешен.

Восстание хехе под предводительством вождя Мквавы было уже куда опаснее. Мквава взимал пошлину со всех караванов, проходящих через его владения. Это привело к стычкам с новой германской администрацией.

Кончилось тем, что лейтенант фон Зелевски выступил с отрядом из 1000 солдат против могущественного африканского короля. Мквава решил пойти на мировую и выслал им навстречу делегацию с подарками. Однако то ли по недоразумению, то ли еще почему-либо по делегации был открыт огонь; единственный оставшийся в живых человек вернулся к Мкваве и поведал о несчастье.

Тогда король устроил засаду и убил 260 африканских и 10 немецких солдат, добыв при этом 300 винтовок, 3 орудия и много боеприпасов.

Мквава продержался вплоть до 1898 года, пока новый немецкий губернатор не назначил за его голову награду в 5 тысяч рупий. Это возымело действие. Молодой парень, которого немцы взяли в плен, сознался, что он слуга Мквавы, и выдал его, сказав, что его господин, тяжелобольной, лежит в лесу на расстоянии трех часов ходьбы от этого места. Майор Меркл действительно обнаружил в указанном месте две фигуры, лежащие на земле. Он сейчас же выстрелил одной из них в голову. Это был действительно Мквава, но давно уже мертвый и застывший. Оказывается, он задолго до этого умертвил выстрелом в живот своего старого слугу, а затем и себя самого.

Отрубленную голову этого знаменитого вождя послали в Германию в один из исторических музеев. А туловище народ хехе захоронил с большими почестями. Эта народность продолжала его оплакивать и отпевать в каждую годовщину его смерти. Когда страна попала под британское владычество, первой ее просьбой было вернуть голову знаменитого вождя. Но германское правительство ответило, что этой головы в Германии нет.

После второй мировой войны губернатор Танганьики взялся уладить это дело. Он связался с директором музея в Бремене. Доктор Хельмут О. Вагнер, мой добрый знакомый, тут же согласился выдать пробитый пулей череп. Таким образом, спустя полстолетия, в 1953 году, голова погибшего вождя была возвращена его народу. Адам Запи, внук Мквавы, выслал директору музея в знак благодарности целую коллекцию очень ценных этнографических предметов.

Другим великим борцом освободительного движения был вождь Зики; когда его победили, он вместе со всей семьей заперся в пороховом складе и взорвался.

Карл Петерс, который, собственно говоря, и заставил Бисмарка объявить Германскую Восточную Африку протекторатом, был назначен главным имперским комиссаром области вокруг Килиманджаро. Однако вскоре оттуда в главную администрацию в Дар-эс-Саламе стали поступать дурные вести. Из уст в уста передавали, что там творятся бесчинства — грабежи, побои и запугивание населения. Самая страшная весть касалась одного молодого африканца, повешенного якобы за кражу сигарет; на самом же деле поговаривали, что вся вина его состояла в том, что он осмелился посетить одну из наложниц Петерса.

В 1893 году Петерса отозвали и после трех лет непрерывных расследований лишили полномочий «за злоупотребление служебным положением».

Одним из самых крупных немецких колонизаторов, широко прославившимся своими многочисленными политическими авантюрами, был Эмин-паша. Он родился в Оппельне в 1840 году, и звали его тогда Эдуард Шнитцер. Он изучал медицину и в Албании, куда позже поехал работать, принял ислам, то есть перешел в мусульманскую веру. Тогда-то его и переименовали в Эмина. В 1876 году он поступил на службу к египтянам, где стал сначала эфенди, затем поднялся до бея и в конце концов стал пашой. Вскоре он перестал заниматься врачебной практикой: его назначили губернатором южной провинции Судана. Я уже рассказывал, как недавно мы с Михаэлем в столице этой провинции Джубе справляли рождество у ее теперешнего африканского губернатора.

Как только началось грозное восстание Махди, Эмин-паша бежал в Центральную Африку, и долгие годы после этого о нем ничего не было слышно. Когда его наконец обнаружил там Стэнли, он не пожелал с ним уйти, а перешел в Восточную Африку и нанялся на службу к немцам. Губернатор Виссманн послал его в 1890 году в район озера Виктория, чтобы не допустить там засилья англичан. Вместе с ним отправился доктор Франц Штульманн, крупный специалист в области этнографии, зоологии, ботаники и астрономии. Кроме того, его сопровождали капитан Вильгельм Ланхельд и немецкий ефрейтор по фамилии Куне.

В октябре 1892 года на территории бывшего Бельгийского Конго арабские работорговцы перерезали Эмину-паше горло. Они, оказывается, не могли ему простить, что он, мусульманин, работает на христиан.

В официальном справочнике, выпущенном несколько лет назад британскими властями Танганьики, перечисля-

ются бесконечные восстания, происходившие в начале немецкого владычества, и поясняется, что Германия была последним европейским государством из числа тех, которые старались захватить колонии. Поэтому все мероприятия проводились в спешке; первыми колониальными чиновниками были преимущественно офицеры, состоявшие до того только на европейской службе. Но некоторые немецкие чиновники, безусловно, по-настоящему интересовались народом, которым им приходилось управлять, и относились к нему с симпатией и дружелюбием.

В 1905 году распространился слух, что в одном из притоков реки Руфиджи живет чудовище. Вода, с которой соприкасается это животное, якобы целебна и лечит от болезней, голода и других неприятностей, безразлично, выпьешь ли ее или побрызгаешь себе на голову. Вскоре к реке началось настоящее паломничество, которое, разумеется, не вызывало никаких подозрений у немецкой администрации.

Однако спустя некоторое время стали ходить слухи, что чудодейственная вода заставляет европейские ружья вместо пуль стрелять водяными струями или что пули при попадании отскакивают от тела и скатываются по нему в виде капель воды. Даже если таких чудес не произойдет, все равно каждый убитый, попивший перед смертью целебной воды, встанет через три недели целым и невредимым.

Правда, «непробиваемым» новым повстанцам не хватало такого вождя, как Бушири или Мквава. Кроме того, им приходилось изготовлять пули из телеграфной проволоки и стрелять осколками от бутылок. Но, несмотря на это, с 1905 по 1907 год они причиняли колониальной власти немало хлопот.

Это новое огромное восстание вызвало большие опасения в Германии, тем более что только перед этим пришлось подавить мятеж гереро в Юго-Западной Африке. Когда же в довершение всего был убит епископ бенедиктинцев Касьян Шпис, германское правительство выслало в Восточную Африку подкрепление — два легких крейсера, роту морской пехоты и цветных солдат с Меланезийских островов Тихого океана. В разразившейся войне погибло около 100 тысяч человек, в основном из-за голода: урожай был уничтожен, а скот угнан.

После этих больших восстаний в Германии было создано имперское колониальное управление. Его первым министром стал доктор Бернгард Дернбург, директор Дармштадтского банка. Он прежде всего отправился лично оз-

накомиться с состоянием дел в протекторатах и, после того как объездил их вдоль и поперек, в феврале 1908 года доложил финансовой комиссии рейхстага: «...плантаторы настроены воинственно по отношению ко всем — ко мне самому, к правительству, к местным чиновникам и, конечно уж, к местному населению. Производит крайне неприятное впечатление, когда такое множество белых людей разгуливает с плантаторскими бичами в руках».

Он назначил вместо военной штатскую администрацию, которой, однако, суждено было просуществовать только семь лет.

За полгода до того, как началась первая мировая война, в Танганьику прибыл немецкий генерал фон Леттов-Форбек. К этому времени он уже успел пройти «огонь и воду и медные трубы» — участвовал в подавлении боксерского восстания в Китае, был ранен во время мятежа гереро в Германской Юго-Западной Африке и командовал колониальными войсками Камеруна. Словом, это был стреляный воробей.

В Танганьике под его началом было всего лишь 250 немецких офицеров и 25 тысяч африканских солдат. Против одного немецкого крейсера «Кёнигсберг» в водах Танганьики действовали три английских крейсера. Несмотря на это, немецкому крейсеру удалось дважды в открытом море при помощи вспомогательных судов пополнить свои запасы угля, утопить один английский крейсер и затем отойти в реку Руфиджи, где английские суда не могли его преследовать из-за своей низкой осадки. Пришлось срочно привозить из Англии тяжелые гаубицы, чтобы уничтожить «Кёнигсберг» с берега. Однако вся команда корабля, захватив пушки и боеприпасы, успела сойти на берег и продолжала воевать под командованием Леттов-Форбека. Немецкие вспомогательные суда дважды прорывали береговые заслоны и подвозили оружие и боеприпасы.

Леттов-Форбек со своим небольшим отрядом то нападал на поезда, нарушая движение по железной дороге в Кении и Уганде, то нарушал покой Родезии и Бельгийского Конго. Английские войска, перевезенные из Индии, он загонял назад на корабли. Так он продержался до 1916 года.

За это время Германская Юго-Западная Африка сдалась. Оттуда в Танганьику были переброшены многочисленные войска генерала Смэтса, однако его солдаты почти все страдали малярией, так что мало чем могли быть полезны в борьбе против немцев. В ноябре 1917 года Леттов-Форбек вступил со своим маленьким отрядом в порту-

гальские владения, где в течение десяти месяцев вел партизанскую войну, затем в сентябре 1918 года внезапно появился вновь на немецкой территории и опять ворвался в Родезию. Сдался он только 25 ноября 1918 года, спустя несколько дней после того, как Германия сложила оружие.

Располагая самыми ограниченными возможностями, он сумел удержать большую часть войск союзников в Восточной Африке, мешая тем самым переброске их на другие фронты.

Местному населению, за право «охранять» которое дрались англичане с немцами, эта война европейцев принесла
76 только горе и бедствия.

В Танганьике, как и во всем мире, тогда свирепствовала инфлуэнца, скосившая 80 тысяч африканцев. В довершение всего в 1924 году не было дождей и по обеим сторонам железнодорожного полотна можно было видеть черепа умерших от жажды, которые напрасно думали хоть здесь найти воду.

Англичане получили от Лиги наций всю Танганьику до границ королевств ватусси — Руанды и Урунди, которые были присоединены к Бельгийскому Конго *.

Когда Танганьика находилась еще под немецким владычеством, ее население составляло примерно 3 миллиона. Поскольку нам с Михаэлем предстоит подсчет сотен тысяч животных, нам небезынтересно узнать, как в такой полудикой стране проводилась перепись населения без бюро прописки и без «загсов». Оказывается, в 1931 году вождям племен было предписано сдать четыре различных сорта семян. Черные и толстые семена означали мужчин, коричневатые зерна с двумя волосками на конце символизировали женщин, маленькие круглые зернышки — девочек, а маленькие продолговатые — мальчиков. За каждого подданного — зернышко в мешочек. Это довольно удобный метод, но, к сожалению, для зебр и гну он не подходит. При помощи такой «переписи», которая была уже, безусловно, более точной, чем прежние приблизительные оценки, новая администрация выявила уже 5 миллионов африканцев. Их число возрастает ежегодно на два процента.

Части выселенных и экспроприированных немецких поселенцев в 1925 году разрешено было вернуться. Третья империя щедро снабжала их денежными ссудами и займами, так что к 1939 году, когда разразилась вторая мировая война, в Танганьике уже жили 3205 немцев, владевших 558 фермами; британцев там было ненамного больше —

всего 4054 с 499 фермами; из других европейцев там жили еще 893 грека.

Последняя перепись населения показала, что здесь живут 8,6 миллиона африканцев (следовательно, их число за последние 50 лет утроилось), 72 тысячи индийцев, 20 600 европейцев и 19 тысяч арабов *. Индийцев в большинстве случаев завезли сюда в качестве кули и вообще дешевой рабочей силы, в частности для постройки дорог. В самых отдаленных местах, где бы не выдержал ни один европеец, они пооткрывали маленькие лавчонки. Большинство индийцев живет сейчас вполне зажиточно. Торговля в основном в их руках.

Один из самых любезных среди них — британский таможенник в Аруше, который каждый раз проверяет наши документы и пожитки. Он неподкупен и корректен и при этом услужлив и добросердечен. Михаэлю и мне за всю нашу жизнь не слишком часто приходилось встречаться с индийцами, так что этот таможенник, безусловно, способствовал тому, что мы теперь всех индийцев представляем себе симпатичными. Каждый человек на чужбине своим поведением может сделать для своей страны либо много хорошего, либо причинить ей немалый вред.

Мы считаем животных

Каждое утро я теперь бегаю наперегонки с 3 тысячами желто-черно-белых газелей Томсона.

На радиаторе нашего полосатого вездехода сверху укреплена запасная шина. Туда, в середину, я заталкиваю подушку, сажусь на нее и упираюсь ногами в запасные канистры с водой, укрепленные впереди машины, рядом с фарами. Так я сижу крепко, и при резких поворотах или остановках меня не так-то легко сбросить. Наш водитель Мгабо ездит быстро и лихо, однако при этом никогда не попадает в ямы и не допускает, чтобы какая-нибудь колючая ветка полоснула меня по лицу.

Сижу я в одних трусах. Я давно уже не боюсь экваториального солнца и в Африке зачастую не ношу даже шляпы. Горячий ветер обдает мое тело, я прямо чувствую его волны.

Несколько газелей перестают пастись и мчатся наперегонки с нами. Это заражает других. И вот уже сотни, даже тысячи хотят принять участие в этих гонках; похоже, что состязание доставляет им какое-то удовольствие. Их предельная скорость — 56 километров в час. Если не слишком гнать машину, то они стараются непременно перед самым ее носом перескочить на другую сторону. А стройные большие антилопы импала прямо-таки принципиально считают своим долгом пересечь нам дорогу и при этом подскакивают в воздух сразу всеми четырьмя ногами.

Таким образом, мы ежедневно совершаем двухчасовую поездку от нашего алюминиевого домика до того места, где два механика привинчивают нашей подбитой «Утке» новые ноги. Бедняги обливаются потом: здесь, в степи, где нет электричества, приходится сотни дырок для шурупов просверливать вручную. Несмотря на то что эти двое уже много лет живут в Африке, им здесь все в диковинку. Это потому, что они жители большого города— Найроби.

Каждое утро они с восторгом рассказывают нам, что к самолету совсем близко подходили зебры или что ночью гиены выли прямо возле хижины. Самое большое их желание — увидеть вблизи львов. Это мы можем им устроить: достаточно только отвезти их на машине за два километра отсюда, в степь.

Глиняная сторожка, в которой они спят, в обычное время служит пристанищем для африканских служителей парка во время их обходов. У нее конусообразная соломенная крыша. Два месяца назад двое из этих отважных людей обнаружили перед ее запертой дверью кровавые пятна. Пойдя по следу, они нашли череп какой-то женщины. По-видимому, она была ранена или тяжело больна
и искала убежища и защиты в домике. Однако дверь оказалась запертой, и ночью ее разорвали хищные животные. Кто она и откуда, так и не узнали.

Когда мы как-то проезжали вне границ парка в районе Икомы, нас остановил маленький мальчик и попросил о помощи. Мы взяли его в машину, и он указывал нам дорогу. Наконец мы подъехали к просторной хижине. На полу лежал тяжелораненый старик. Он громко стонал. Его родственники подложили под него бычьи шкуры. Хотя тело его и было забинтовано, но кровавая лужа под ним становилась все больше и больше. Он тяжело дышал. Возле его дома стоял африканский фельдшер, который возглавляет что-то вроде маленького госпиталя в этом районе. Он безуспешно старался починить свой пикап. Мы помогли ему поднять домкратом машину, одолжили свой насос, а Мгабо в течение двух часов латал ему шину. Односельчане старика охотно ему помогали — они болтали и смеялись, в то время как старик в полутьме хижины хрипел и задыхался. Когда машина была уже наконец на ходу, больной категорически отказался в ней ехать: «Не надо, дайте мне здесь умереть, в моем доме, среди моих жен!» Мы его понимали.

Старик умер несколько часов спустя на своем ложе из бычьих шкур.

Его близкие рассказали нам, что на него на пашне напал кафрский буйвол и вспорол ему бок. Тут, конечно, что-то не так. По всей вероятности, он браконьерствовал и ранил животное отравленной стрелой; кафрские буйволы ни с того ни с сего не нападают.

Мы знаем кафрских буйволов как достаточно безобидных животных. У нас есть фотографии, где мы сняты прямо посреди стада буйволов. Я считаю, что они ничуть не опаснее наших домашних быков и коров, которые тоже

время от времени нападают на людей, ранят их или даже убивают.

Майлс Тернер, лесничий западной половины Серенгети, в прошлом ведь был профессиональным охотником. Я решил у него справиться насчет агрессивности кафрских буйволов. Майлс задумался, подсчитал что-то в уме и ответил:

— Ну, примерно восемьсот или девятьсот буйволов я за свою жизнь уже застрелил.

Подвергался ли он при этом особой опасности?

— Нет. Может быть, только один раз. Буйвол был ранен. Он убегал дважды или трижды, стараясь спрятаться
 в кустарнике. Но мы опять и опять выгоняли его оттуда. Наконец ему это надоело и он перешел в наступление.

Примерно в двух километрах от нашего лагеря, на горах Банаги, рабочие занимались изготовлением «кирпичей»: слепив из глины четырехугольные блоки, они клали их сушить на солнце. К сожалению, выбранная ими для этой цели площадка оказалась местом постоянной стоянки старого буйвола. Тот и не подумал уступить его ради каких-то там кирпичей, погрузил копыта прямо в мягкую, еще не застывшую массу и упрямо встал под дерево, под которым привык дремать в полуденный зной. В национальном парке стрелять нельзя, так что пришлось терпеливо ждать, пока ему надоест там стоять и он уйдет.

Никогда нельзя предвидеть, что придет в голову такому буйволу. 14 дней назад мы, приземляясь, пролетели очень низко над домом Майлса и при этом побеспокоили стоящего поблизости буйвола. Тарахтящее в воздухе чудовище настолько его вывело из равновесия, что он начал выделывать дикие прыжки и в гневе бросился в атаку на ... куст.

Между домом лесничего и нашей алюминиевой сторожкой ежедневно проходят куда-то четыре буйвола. Один кажется слепым или почти слепым: он следует всем движениям своего молодого спутника и всегда держит голову возле самого его бока.

Другой старый и подслеповатый буйвол уже два месяца как стал угрозой для велосипедистов, проезжающих по дороге из Банаги в Икому. Он почти ежедневно стоит под деревом примерно в 50 метрах от дороги, и как только появляется велосипедист, припускается за ним. Из-за этого к нашим бóям стали гораздо реже приезжать гости из Икомы, а те, которые прорываются, рассказывают такие жуткие истории про этого старого кафрского буйвола, что волосы на голове встают дыбом.

Африканские студенты из Высшего инженерного училища в Кампале обычно на четверть года выезжают на практику в национальный парк королевы Елизаветы *, чаще всего на строительство дорог. Один из них ехал в субботу домой и вез на багажнике своего приятеля. По дороге они потревожили спящего буйвола, тот разозлился и погнался за ними. Хотя велосипедист изо всех сил жал на педали, тем не менее буйвол его догнал и уже приготовился боднуть. Но в это время сидящий на багажнике студент со страху нахлобучил ему на глаза свою шляпу. Буйвол опешил, отскочил в сторону и убежал.

Когда в стране начинается чума рогатого скота, случается, что больные кафрские буйволы ведут себя совершенно иначе, чем обычно. Тогда они могут и неожиданно напасть; бывали даже случаи, когда они бросались на автомашины. Что касается храбрости, то им ее не занимать. Случается, что буйвол поддевает рогами нападающего льва и пробуравливает хищника насквозь. Растерзанного льва потом при случае могут съесть крокодилы.

Как-то маленькое стадо кафрских буйволов вступило в драку с двумя львами, которые только что убили двух гну и собирались ими позавтракать. Буйволы отогнали львов от добычи и не подпускали их к ней в течение часа; за это время грифы ухитрились почти ничего от нее не оставить.

У кафрских буйволов есть общая черта со слонами: они не оставляют раненых собратьев в беде. Они толкают их мордами, понуждая встать. В отличие от носорогов, бегемотов и жирафов, которых уложить относительно легко, буйволы довольно стойко борются за свою жизнь. Если в них не очень удачно попали, они могут еще долго бегать, прячась где-нибудь в зарослях, и напасть на преследующего их охотника. В этом-то некоторые люди и видят особое «коварство» и «злобность» кафрских буйволов...

Долго провисела наша «крылатая зебра» на блоке под треножником из ошкуренных деревьев. Но вот она опять обрела собственные крепкие ноги, на которых может мчаться по степи, чтобы затем подняться в небо. Все остальные повреждения тоже исправлены. Мы предлагаем обоим механикам участвовать в нашем пробном полете. В конце концов ведь это они снова поставили нашу «зебру» на ноги и кому, как не им, лучше знать, можно ли ей довериться. Но они вежливо отказываются. Ведь один из них поклялся никогда больше не садиться в самолет, а второй тоже предпочитает остаться на земле и поехать на авто-

мобиле. Подойдя к машине, я замечаю, что Михаэль не привинтил сиденья для второго пилота. Неужели он намеревается лететь один? Я спрашиваю его об этом. Он отвечает:

— Если что-нибудь случится, хотя бы один из нас должен остаться в живых, иначе мы все затеяли напрасно.

Я вскипаю, между нами начинается своего рода поединок. Михаэль осмеливается еще и дерзить:

— Ты ведь знаешь, что только пилот имеет право решать, брать ли с собой пассажиров или нет.

Ну это уж слишком! Я взбешен. Обычно это случается с отцами, когда сыновья пытаются ими командовать. Но

кругом стоят посторонние люди, и я не хочу, чтобы они что-нибудь заметили.

Зато когда Михаэль в своих шортах цвета хаки наклоняется, чтобы поднять и поставить в самолет канистры с водой, я размахиваюсь и изо всех сил отвешиваю ему шлепок по соответствующему месту. Эта неделикатная привычка отвешивать друг другу шлепки, причем в самый неожиданный момент и в самом неподходящем месте, укоренилась у нас с давних пор. Тщетно наши жены старались нас от этого отучить. Со временем я развил очень сильный и ощутительный удар. На этот раз шлепок мне показался особенно удачным. Во всяком случае рука моя прямо-таки горит. Михаэль же, как всегда, делает вид, словно он ничего не почувствовал. Ни о чем не догадывающиеся гости часто страшно пугаются, когда нечто подобное случается между нами посреди, казалось бы, совершенно мирной беседы. Они не знают, что в такие минуты мы особенно хорошо понимаем друг друга.

Так и сейчас. Сопротивление сломлено. Мы ввинчиваем второе сиденье для пилота и медленно катим по степи, чтобы найти ровную взлетную площадку, затем даем газ; слышится знакомое урчание и мы оставляем наших друзей далеко внизу, на земле.

Все идет отлично. Так бывает всегда, если ждешь какой-нибудь неприятности. Настоящие же удары судьбы обрушиваются на нас неожиданно, как гром с ясного неба.

Вчера рано утром мы связались по нашей полевой рации с полковником Моллоем, директором национального парка, проживающим в Аруше, и попросили его отрядить сюда из Найроби маленький самолетик из тех, что берутся напрокат. Он должен доставить домой обоих механиков с их инструментами. Тот, кто не хотел больше летать, на этот раз скрепя сердце все же согласился.

Такие переговоры через парковый радиопередатчик — дело отнюдь не простое. Наши сотрудники во Франкфурте всегда удивляются, что мы им телеграфируем только по-английски. А вы попробуйте через хрипящее радио, которое все время трещит, визжит и грохочет, передавать по буквам немецкие слова, о значении которых принимающий даже не догадывается. Однажды директор парка сам взял на себя труд передать нам по буквам текст полученной немецкой телеграммы. Она содержала больше 100 слов, и передача заняла почти два часа. И все же нам с Михаэлем после этого пришлось просидеть еще целый вечер и под вой гиен разбираться в этом словесном винегрете.

На этот раз нам передали, что одно место будет занято дамой. Это нас страшно возмутило. Значит, пилот нанятого нами самолета собирается притащить с собой жену или какую-нибудь приятельницу! В конце концов ведь мы оплачиваем машину и имеем право использовать все места.

Но наш гнев оказался напрасным. Из маленького самолетика «Цессна» вылез один только пилот, правда женского пола.

Выздоровление нашей «зебры» решено было обмыть. Мы приглашаем в гости всех лесничих с их женами и в темноте перед нашим алюминиевым домиком устраиваем настоящий глинтвейн с «огненными языками». Михаэлю велят встать на колени. Гордон Харвей ударяет его по плечу плоским концом масайского меча и преподносит ему маленькую полосатую лошадку с двумя крыльями.

Госпожа Харвей вырезала этого Пегаса из жести, разрисовала и приложила к нему грамоту:

> «Крылья Серенгети,
> которыми награждается
> Михаэль Гржимек.
>
> От служащих восточного и западного Серенгети и их жен за его заслуги в области низких полетов и в знак признательности за высокий полет его души, его бережное отношение к жизни людей и животных, за его готовность каждого отвезти в любое время в любое место, за то, что он улыбается, когда мы злимся, за то, что он никогда не жалуется, а прежде всего за все его неоценимые заслуги в деле охраны диких животных».

Вечер грозит стать слишком уж торжественным; у Конни Пульман уже слезы навертываются на глаза. Тогда я, чтобы спасти наш веселый праздник, добавляю Михаэлю еще один «рыцарский удар», но уже сзади, когда он склоняется в поклоне.

Глинтвейн получился очень крепким и ударил всем в голову. «Пушечный выстрел», который раздается внезапно по металлической крыше, чуть не опрокидывает всех на пол. Это Герман решил нас напугать. Михаэля ловят, вяжут и опоясывают желтым нейлоновым ошейником. Такими ошейниками мы метим зебр. Забыв о том, что воду здесь надо беречь, гости начинают поливать друг друга, и вскоре все промокают до нитки. Во время фейерверка Михаэль обжигает себе руку. Когда наконец Пульманы с двумя механиками отъезжают, Герман незаметно ставит на крышу их джипа, прямо против верхнего выходного люка, таз с водой. Во время езды вода постепенно выплескивается, заливая пассажиров, но те в пьяном благодушии воображают, что идет дождь.

На другой день Конни сказала мне с восторгом: «It was a wonderful party, like Christmas Eve!» («Какая была чудесная вечеринка, прямо как на рождество!»)

Сначала меня такое заявление несколько озадачило, но потом я вспомнил о нашем рождественском вечере в Джубе и о том, что англичане справляют рождество несколько своеобразно.

Какая красота иметь свой собственный домик вот так, прямо посреди степи! Даже если он только из алюминия. Иной раз в Европе, когда в пасмурный зимний день спешишь на работу или когда нам до чертиков надоедят наши европейские собратья, мы вспоминаем с тихой грустью бескрайние зеленые волны Серенгети и нашу вторую родину на Африканском континенте, наш серый алюминиевый домишко в окружении львов и зебр. Он столь мал, что с воздуха его не так-то легко найти. Для этого нужно все время лететь вдоль берегов реки Серонеры, пока не наткнешься на гору Банаги. И тут уж вы его обязательно увидите в просвете между редкими деревьями.

Пола в нашем домике нет: листы алюминия свинчены шурупами и все это сооружение, словно опрокинутая крышка коробки от торта, поставлено прямо на голую землю. А это значит, что можно не подметать! Пол покрыт слоем тончайшей чуть красноватой пыли. Поэтому перед сном лучше не разглядывать собственные пятки, особенно тогда, когда с водой туговато. Да и в голове чесать не рекомендуется: ногти сразу же приобретают траурную каемку. Мы с Михаэлем часто задаем себе вопрос, что сказали бы наши жены, если бы увидели все это.

По ночам в комнате прохладно, а в полдень становится ужасно жарко, но мы ведь днем никогда не бываем до-

ма. Наши бои там тоже не сидят; они готовят в открытом сарайчике из рифленой жести, стоящем в нескольких метрах от дома.

Однажды ночью наш «бушбэби» ускакал через открытую дверь наружу. Я думаю, что у него не было намерения нас покинуть, но кто знает, что вдруг может приключиться с таким маленьким существом. Тут ведь и змеи водятся. Мы слышим, как он скачет снаружи вдоль стены, намереваясь, видимо, проникнуть через одно из окон назад в дом. Но окна зарешечены. Тогда мы берем два больших фонаря и идем его ловить. Но этот маленький чертенок решил поиграть с нами в «кошки-мышки». Он обнаружил рядом с домом дерево и вмиг забрался на самую верхушку.
Сидя в пяти метрах над крышей, он смотрит на нас вниз. В луче карманного фонаря его прекрасно видно, ведь в это время года на дереве нет ни единого листочка. Мы зовем, осторожно швыряем камешками, но беглец не трогается с места. Тогда я сажаю Михаэля себе на плечи, он влезает на крышу и длинной палкой ударяет по суку, на котором сидит «бушбэби». Раздается мягкий шлепок —зверек падает на крышу. Такому прекрасному прыгуну это, слава богу, никакого вреда не причинило.

Не так-то просто прокормить этого пассажира, проделавшего вместе с нами 10 тысяч километров — из моего рабочего кабинета во Франкфурте до степного домика в Серенгети. Поскольку мучных червей в Серенгети не купишь, мы вынуждены для нашего маленького питомца ловить кузнечиков. А это гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Этих кузнечиков чрезвычайно трудно отличить от кусочков засохшей травы. Обнаружить их можно, только когда они скачут. Но даже если вы уже уверены, что накрыли его шляпой, одеялом или просто рукой, всегда оказывается, что он успел в последний момент удрать.

Постепенно нам удалось освоить два способа охоты на кузнечиков. Либо надо точно заметить, куда он прыгнул, и медленно, сантиметр за сантиметром приближаться к тому месту, пока рука не окажется прямо над ним (такие медленные движения кузнечики, по-видимому, не могут заметить), либо надо брать этого попрыгунчика измором— идти за ним следом, пока он не сделает подряд 40, 50, 60 прыжков и наконец устанет. Нашим боям поручено ежедневно ловить дуду, как здесь зовут кузнечиков, и складывать в стеклянную банку из-под конфитюра, чтобы мы вечером могли увидеть, сколько штук им удалось поймать. Кроме того, наш «бушбэби» не отказывается и от сухого

печенья с сыром и любит совать свой нос в банки с вареньем.

В нашей хижине зверьку живется привольно и вольготно, потому что вдоль стены мы нагородили, один на другой, пустые ящики открытой стороной наружу. Они служат нам полками. Туда мы складываем запасы своих продуктов. На одну полку — все пакетики с сухими супами, на другую — овощные консервы, на третью —мясные консервы и грозди свежих бананов, которые должны еще дозреть; потом идет полка с капустой, апельсинами и яблоками. У нас ведь свой самолет, и через каждые два дня мы можем подвозить свежие продукты из Найроби или Аруши.

Кроме того, у нас есть «сверхмодный» холодильник, разумеется, не электрический, а керосиновый. Так что мы можем делать здесь самое настоящее мороженое, правда, для этого нам приходится каждый раз переводить нашему старательному повару африканцу Дезузе способ приготовления, написанный на банке: он ведь не знает английского языка.

Симпатичный человек этот повар — интеллигентный и способный. Мы еще ни разу не видели, чтобы он медленно расхаживал, вечно бежит рысцой.

— Бвана макуба ест черный хлеб, чтобы не пополнеть. Я тоже не хочу стать толстым, оттого и бегаю,— так он объясняет свою вечную спешку.

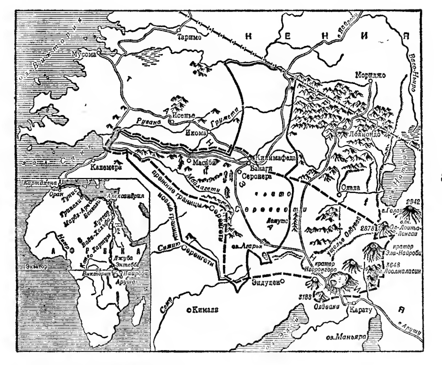
«Бвана макуба» на суахили означает «большой господин». Так повар величает только меня. Михаэля и временных наших жильцов и помощников он и все африканские слуги зовут просто по имени.

Но между прочим, «бвана макуба» — титул, по-видимому, не особенно высокий: я слышал, как африканцы при случае так обращались и друг к другу.

Когда наш холодильник перестает как следует работать, его нужно выключить, оттаять и, что, наверное, не слышала ни одна домашняя хозяйка, поставить вверх ногами. В таком перевернутом положении он должен простоять целый день. Но однажды и это не помогло.

Мы заметили, что и керосиновые фонари, изготовленные в ФРГ, которыми, между прочим, пользуется половина Африки, тоже что-то стали плохо светить. Ведь обычно у них яркий свет; раньше их вешали над торговыми рядами на ярмарках. Такая лампа обходится довольно дорого, но для долгих темных вечеров в Африке она совершенно необходима.

Когда погасли последние тусклые язычки пламени, Михаэль снял фитили и вдел новые. Но тщетно он старался

Национальный парк Серенгети

подливать спирт для предварительного обогрева горелки — все старания были напрасными: лампы не горели.

Потом мы все-таки докопались до причины. Все объяснилось очень просто: новый продавец из индийского магазина в Икоме продал нам вместо керосина целую канистру средства для уничтожения насекомых. На этом деле он явно здорово проторговался, но мы удивлялись, как эта пакость вообще могла гореть, и были рады, что он нам не всучил вместо нее бензин. Здесь ведь все наливают в одинаковые канистры. Несколько месяцев тому назад в Кении кто-то не то по недосмотру, не то по глупости налил в керосиновые лампы бензин и при взрыве сгорел.

На «ящичных» полках вдоль стен лежат и наши книжки, фото- и киноаппараты, пишущие машинки, веревки, инструменты. Это напоминает индийскую лавку в Африке.

«Бушбэби» может прыгать и скакать сколько ему влезет по всем полкам, а также по тем вещам, которые мы под-

вешиваем за крючки к потолку, чтобы они не валялись повсюду.

Когда мы сидим за столом, он прыгает по нашим головам и забирает себе с тарелок все, что ему понравится. Вечером его нужно сажать в закрытый ящик, иначе он будет всю ночь возиться, карабкаясь по москитным сеткам. Но поймать его не так-то просто. Например, ящик с медикаментами и термометрами он считает своей штаб-квартирой. Если попытаться его там схватить, он сейчас же укусит за палец. Поэтому я должен дождаться момента, когда этот маленький бесенок захочет со мной поиграть. Тогда он нападает на одну из моих рук, становится на задние

лапки, широко растопыривает передние, ругается и дерется со всеми моими пятью пальцами. При таких обстоятельствах его можно незаметно пересадить в его домик и он на это не обидится.

Я боюсь, что теперь ко мне опять начнут поступать письма от многих людей с просьбой привезти им такого «бушбэби». Поэтому я считаю своим долгом открыть и теневую сторону содержания такой забавной игрушки. Дело в том, что у этих животных есть неприятная привычка опрыскивать мочой собственные лапы, растирать ее по шерсти, а потом прямо этими же мокрыми лапами лезть кому-нибудь в лицо. Кроме того, все стены и мебель пропитываются резким запахом, и, если в комнате невозможно держать окна открытыми, начинает дурно пахнуть.

Несколько раньше я говорил о реке Серонере. Надо сказать, что она оживает только в сезон дождей; в это время действительно иногда приходится по нескольку дней пережидать, пока появится возможность пересечь этот бурный поток на машине. В сухое же время года, то есть с июня по октябрь, это лишь высохшее русло, в котором только кое-где остаются бочажки с водой. Туда-то и приходят на водопой все животные, а семьи служащих, живущие в хижинах вокруг тернеровского дома, стирают в них белье, черпают из них воду для домашних нужд и ежедневно моются в них с мылом с головы до ног. Можно себе легко представить, как выглядит и пахнет эта непроточная вода.

Мы привозим эту жидкость в больших железных бочках на машине, и бои стирают в ней наше белье. В этом кроется причина, почему в африканских тропиках лучше носить желтую одежду или цвета хаки. Наше нижнее белье, по идее белое, с каждой стиркой все больше желтеет. Когда мы его «чистым» привозим с собой во Франкфурт,

наши супруги брезгливо берут его двумя пальцами и бросают в грязное белье.

Как следует отстирать тут что-нибудь можно только дождевой водой, а ее очень мало. В Банаги и Серонере эту воду во время дождей по специальным трубам отводят с крыш в подземные зацементированные резервуары. Туда же по зацементированным канальцам стекает вода с ближайших холмов. Эти резервуары запираются на замки и засовы. Нам оттуда выдается только одна бочка воды в неделю для готовки пищи и для чистки зубов. Из предосторожности мы ее пропускаем еще и через бактериальный фильтр. Но как-то я застал поваренка Ямбуну набирающим воду не через фильтр — так, дескать, «быстрее».

Над этим Ямбуной нам приходится то плакать, то смеяться. То он стоит возле кипящих яиц и глубокомысленно глядит на песочные часы, забыв их предварительно перевернуть; то в воде из-под яиц он заваривает чай, приобретающий подозрительно синевато-зеленоватый оттенок. Так как он боится львов, мы каждый вечер вынуждены отвозить его на машине до домиков, где спят другие слуги. Вечно мы его пичкаем пилюлями, потому что он подвержен приступам малярии. Нам давно бы следовало с ним расстаться, да уж очень мы к нему привязались.

Все бои любят таскать сахар, да и спички тоже исчезают с поразительной быстротой. Наш повар смеясь рассказывал нам, как его отучила от этой скверной привычки прежняя хозяйка, у которой он мальчишкой обучался готовить. Несмотря на то что его ни разу не поймали на месте преступления, она все же в конце месяца вычла из его жалованья деньги за один фунт сахара.

«Откуда она знает?» — недоумевал он.

А объяснялось все очень просто: его хозяйка ежедневно сажала в сахарницу живую муху. Часа через два муха исчезала — значит, Дезуза опять открывал крышку сахарницы.

Однажды вечером мы сидели при свете фонаря за столом перед нашим домиком. Внезапно до нас донесся стук копыт, и едва мы успели вскочить, как в лагерь ворвался взрослый гну и остановился как вкопанный, не добежав двух метров до нашего стола. Мы, разумеется, вскочили и заорали, а животное вытаращило на нас глаза, потом повернулось и убежало прочь. Не успели мы сесть, как опять послышался топот, и гну вторично вынырнул из темноты. На этот раз странное животное не добежало до стола только полметра. Мы замахнулись на него своими

куртками, и оно снова исчезло в темноте. С нас довольно. Мы выносим из дома ракетницу и ждем его возвращения. Гну не заставляет себя долго ждать. На этот раз топот приближается с неимоверной быстротой, нагоняя на нас непонятный ужас. «Гну-призрак» появляется в третий раз, но теперь опрокидывает стулья, чудом не сворачивает стол, проносится мимо нас и с громким плеском прыгает в бочажок позади дома.

Нам так и не удалось узнать, какой бес вселился в этого гну.

Наконец служители парка застрахованы в Лондоне в
90 качестве пассажиров самолета; теперь нам с Михаэлем можно приниматься за перепись четвероногого населения Серенгети. Для этой цели мы поделили наше огромное «государство» на 32 района, каждый из которых обследуется отдельно. Это дело отнюдь не простое, потому что у нас нет настоящей карты местности, мы располагаем лишь схемой, на которой большинство рек и холмов даже не обозначено. Расстояния тоже не совпадают. Поэтому нам приходится запоминать границы каждого района либо по какой-нибудь особенной скале, либо по высохшему речному руслу, либо по какому-нибудь вулкану, маячащему на горизонте. А там, где и это не удается, мы сбрасываем бумажный пакет с известкой — пакет лопается, и получается белая метка.

Михаэль все время за пилота. Ему надо чертовски внимательно следить, чтобы все время оставаться над выбранным районом, и не отклоняясь от курса, летать все время туда и обратно, отмеривая равные полоски.

Мы летаем по компасу точно с востока на запад и обратно; при здешнем постоянном восточном ветре он для нас всегда либо попутный, либо лобовой, так что нас не заносит вбок. Как правило, мы летим на высоте 60—100 метров. С такой высоты хорошо просматриваются 500 метров территории с каждой стороны, легко различить животных и даже выделить молодняк. Обычно кроме Михаэля в самолете сидят еще два «счетчика», одним из которых неизменно бываю я. Мы оба смотрим в одну сторону, чтобы затем сравнить, что у каждого получилось. Это необходимая страховка от ошибочных подсчетов. Каждый из нас держит на коленях разграфленный листок, в котором указано 20 наиболее важных видов животных.

Когда под нами пусто или время от времени пробегает лишь одинокая гиена или группа страусов, мы летим со

скоростью 220 километров в час. Если же внизу животных много, Михаэль выпускает закрылки, и мы замедляем свой полет до 50 километров в час. Однако в здешнем горном воздухе часами этак не полетаешь: может перегреться мотор. Каждый из наших «счетчиков» должен научиться с высоты правильно определять полосу шириной 500 метров. Для этого мы в Банаги отметили равные отрезки территории побеленными известью камнями и для начала совершили с дюжину пробных полетов вместе с нашими помощниками, чтобы они научились определять нужное расстояние. В конце каждой полосы следует крутой вираж, а это у непривычных людей часто отражается на желудке.

Благодаря хорошей видимости Михаэль сразу же может замедлять полет, как только впереди показываются какие-нибудь животные. Так километр за километром мы и «прочесываем» степь Серенгети и высокогорье с исполинскими кратерами.

В районы, где ведется подсчет, мы прилетаем из Банаги, а вечером возвращаемся домой. Можно себе представить, какие огромные расстояния нам приходится покрывать и сколько безумно дорогого бензина расходовать. Бензин нам привозят из-за океана. Его переправляют по железной дороге через всю Танганьику к озеру Виктория, затем снова погружают на пароход, а уж после этого на грузовиках (когда дороги проходимы) развозят по нашим опорным пунктам. С каждым километром стоимость его повышается, и чаще всего канистры и бочки прибывают наполненными лишь до половины... Вот так вместе с этим бензином и улетучивается все наше состояние...

Интересно, что думают степные животные о такой грохочущей в воздухе «зебре»? Одиночно пасущиеся антилопы конгони, гну, топи и зебры почти не обращают на нее внимания. Однажды мы не смогли приземлиться лишь потому, что один самец томми не соблаговолил встать и уйти. Небольшие же группы животных, состоящие из 5—15 зебр или гну, наоборот, как правило, при появлении нашей машины отбегают в сторону, но не дальше чем на 100 метров. Часто они спешат пересечь нам дорогу, так же как они это делают с автомобилями.

Большие стада, состоящие более чем из 50 животных, убегают значительно дальше, подчас за многие сотни метров, потом останавливаются и глядят нам вслед. Отсюда, сверху, нам прекрасно удалось проследить, отчего это происходит: отдельные особенно пугливые животные внезапно бросаются бежать, увлекая за собой все остальное

стадо. Чем больше гну пасется вместе, тем больше вероятность, что среди них найдется одно или несколько животных с особо чувствительными нервами,— потому-то большие стада чаще удирают, чем маленькие группы или отдельно пасущиеся животные.

Газели обычно сохраняют полное спокойствие; убегают они только тогда, когда мы спускаемся совсем низко, на высоту 20—10 метров от земли, причем делают они это очень своеобразно, совсем не так, как большие гну и зебры. Эти малютки стремительно разлетаются в разные стороны и, петляя зигзагами, удирают. Наверно, такой способ помогает сбить с толку нападающего на них орла.

Даже тогда, когда мы выключаем мотор, и спускаемся в планирующем полете, зебры все равно нас замечают уже на высоте 50 метров. Жирафы, стоящие под деревьями, никак не реагируют на самолет; к ним вообще можно подлетать совсем близко: в лучшем случае они отбегут метров на 50, не больше. Точно так же обстоит дело и со страусами. Чаще всего они распускают хвост и крылья и начинают танцевать воинственный танец — наверное, хотят нагнать страху на врага. Павианы же спасаются на ближайших деревьях.

Труднее всего подсчитать огромное стадо гну, этак в 5 тысяч голов, потому что при снижении самолета они начинают беспорядочно бегать в разные стороны и в такой момент действительно напоминают растревоженный муравейник. Заметив издали такое скопление, мы сейчас же резко набираем высоту. Ведь наша прекрасная «Утка» способна подниматься кверху почти так же круто, как лифт. Там, наверху, мы уже совершенно спокойно кружим над стадом и прикидываем примерную его численность. Заодно устанавливаем, куда оно направляется, чтобы не посчитать его вторично в другом районе.

Часто мы находимся в воздухе три часа подряд. Это не так-то просто беспрерывно обшаривать глазами землю, боясь что-нибудь пропустить, да при этом еще подсчитывать в уме и запоминать, чтобы в удобный момент быстро занести в блокнот. Перерывов нам делать нельзя, потому что с тремя или четырьмя пассажирами на борту мы не хотим приземляться и взлетать в неприспособленных для этого местах.

Вскоре я замечаю, что мы уже даже во сне начинаем бормотать цифры. Однажды вечером мне показалось, что у меня от вечного гула что-то случилось с ушами: в них что-то свистело, гудело и жужжало. Но когда я приподнял подушку, то обнаружил под ней малюсенький транзистор,

который потихоньку подложил мне Михаэль. Его дала нам с собой одна фирма, чтобы мы его опробовали в Африке. Он очень чувствителен, однако здесь почему-то принимает только шорохи, помехи и завывания.

В ту ночь мне приснилось, будто мы с Михаэлем летим над Брюсселем, откуда мы прежде часто отправлялись в Бельгийское Конго. Внезапно глохнет мотор. Пытаясь элегантно приземлиться на узкой улочке, мы повисаем на крыльях меж двух проводов. Одно крыло при этом ломается. Наши пассажиры (я даже не знаю, кто они такие) выбираются наружу, и один из них говорит: «Никогда больше не соглашусь летать на этом драндулете!» Мы выгружаем свой скарб, и вдруг из одного ящика выползает габунская гадюка и кусает меня. Михаэль бежит в ближайшую аптеку. «Змеиной сыворотки у нас нет,— говорит ее владелец,— но я сейчас же выпишу ее из Парижа...»

Сыну в ту ночь тоже снился самолет. Как будто Михаэль на нашей новой машине въезжает в какой-то ангар, ворота которого недостаточно широко открыты. Оба крыла обламываются, и он остается сидеть в этом обрубке.

Таким образом, мы летаем не только с утра до вечера, но еще и ночью... в кровати.

Грифы и другие хищные птицы, сидящие на земле возле какой-нибудь падали, завидя нас, обычно не трогаются с места. Зато к летящим птицам мы сами должны относиться с величайшей осторожностью. Аисты и хищные пернатые всегда только в самый последний момент уступают дорогу самолету. До них, видимо, не доходит, с какой бешеной быстротой летит такая металлическая птица.

Поскольку мы, «счетчики», должны все время смотреть на землю, Михаэлю одному приходится следить за тем, чтобы не столкнуться с птицами. Он держится от них подальше, так как мы знаем, что столкновение даже с небольшой птицей означает нашу неминуемую гибель. Господин Реппле, наш летный инструктор, однажды чуть не разбился, потому что дикая утка со всего размаха врезалась в крыло его самолета, пробила в нем глубокое отверстие и так там и осталась.

Если сарычи и грифы парят где-то в стороне от нашей воздушной трассы, они не проявляют ни малейшего страха, а лишь очень внимательно наблюдают за самолетом. Это объясняется тем, что в воздухе у них, по-видимому, нет врагов. Поскольку мы всегда их быстро обгоняем, мне часто кажется, что они летят задом наперед.

Бегущие по степи большие кафрские дрофы при нашем внезапном появлении обычно прижимаются к земле и силь-

но вытягивают вперед шею. При этом они голову поворачивают так, чтобы одним глазом наблюдать за самолетом. В такой странной позе эти птицы обычно отбегают куда-нибудь в сторону и только очень редко поднимаются на крыло. И наши европейские аисты, которые как раз в это время здесь зимуют, и красивые венценосные журавли отлетают в сторону от нашего самолета не больше чем на 20 метров даже в тех случаях, когда мы держимся на высоте всего лишь 40 метров.

Хотя я почти всегда сидел слева, а остальные «счетчики» сменяли друг друга справа, итоговые цифры показали, что с правой стороны животных оказывалось примерно столько же, сколько с левой. До нашей «переписи» все время считалось, что в Серенгети живет еще более миллиона крупных животных.

Нам же во время наших многочисленных полетов удалось подсчитать:

газелей (Gazella thomsonii thomsonii u Gazella granti robertsi)	—	194 654
гну (Connochaetus taurinus albojubatus)	—	99 481
зебр (Equus burchellii boehmi)	—	57 199
антилоп топи (Damaliscus korrigum eurus)	—	5 172
антилоп канн (Taurotragus oryx pattersonianus)	—	2 452
импала (Aepyceros melampus melampus)	—	1 717
кафрских буйволов (Syncerus caffer aequinoctialis)	—	1 813
конгони (Alcelaphus buselaphus cokii)	—	1 285
жираф (Giraffa camelopardalis tippelskirchii)	—	837
водяных козлов (Kobus defassa raineyi)	—	284
аистов (Ciconia ciconia)	—	178
антилоп бейза (Oryx beisa callotis)	—	115
слонов (Loxodonta africana)	—	60
лошадиных антилоп (Hippotragus equinus langheldii)	—	57
носорогов (Diceros bicornis bicornis)	—	55
страусов (Struthio camelus massaicus)	—	1 621

Следовательно, в общей сложности в национальном парке Серенгети обитает 366 980 крупных животных. Возможно, их и больше на какой-нибудь десяток тысяч: может быть, мы кого-нибудь и пропустили. Но все равно это составляет только треть того, что предполагали. Однако и приведенные цифры показывают, что животных здесь огромное множество. Но смогут ли они и дальше здесь существовать? Хватит ли корма в долинах, горах и кустарниковых степях парка для того, чтобы сохранились эти последние гигантские стада? Мы уже и сейчас не раз встречали стада гну за пределами парка. А теперь его еще собираются урезать и передвинуть границы. И ведь никто не в состоянии проследить за путями кочевок целых армий гну и газелей, никто не ездил за ними вслед, никто не знает, куда топают эти сотни тысяч копыт. Мы полны беспокойных предчувствий *.

Как покрасить зебру в желтый цвет?

Сегодня нам предстоят серьезные дела. Но прежде всего я вспоминаю за завтраком, что у нас нынче «пилюльный день». Поскольку на этот раз мы прибыли в Африку в четверг, значит, каждый четверг должны проглатывать по две пилюли резохина. Герман полагается на свой настенный календарь, в котором он каждое утро вычеркивает по одному дню, и утверждает, что еще только среда. Он спорит со мной на бутылку джина и, разумеется, проигрывает ее, так как упускает из виду, что у меня на руке швейцарские часы, показывающие не только число, но и день недели и какая сегодня луна. Во время экспедиции все это зачастую важнее знать, чем время суток.

Резохин горький, как желчь, но ничего не поделаешь, глотать надо. Один из двух механиков, которые недавно чинили наш самолет, год тому назад внезапно слег. Ему пришлось пять недель проваляться в больнице с тяжелейшей малярией. Живя постоянно в городе Найроби, где малярия практически ликвидирована, он и не подумал принять профилактические таблетки, когда вылетел к озеру Виктория, где надо было поменять пропеллер у самолета, потерпевшего аварию. Во время наших первых поездок в Африку Михаэлю и мне приходилось принимать еще атебрин, от которого все тело постепенно становилось желтым.

— Ямбо, бвана.— Четырнадцатилетний мальчик, появившийся в дверях, хочет продать нам четыре яйца. Мы вежливо отказываемся, так как предпочитаем привозить свежие яйца самолетом из Найроби. Тогда юноша объясняет, что он хочет нам подарить эти яйца. Ну, разумеется, нам не хочется оставаться в долгу, и мы тоже делаем ему подарок, намного превышающий стоимость яиц. Яйца, как выяснилось потом, все оказались тухлыми.

Между прочим, сегодня мы отправляемся ловить зебр. Ведь теперь нам известно, что у нас, в Серенгети, 367 ты-

сяч подопечных и среди них 57 тысяч «тигровых лошадок», то есть здесь только наполовину меньше лошадей, чем в конюшнях у всех крестьян Швейцарии, вместе взятых. Теперь нам с Михаэлем хочется узнать, как нашим полосатым лошадкам живется здесь, в степи. С самолета нам этого никогда не удастся выяснить. Мне хочется привести один пример. В наших записях за прошлый год 25 января помечено, что большие стада гну ведут себя крайне странно. Дойдя до небольшого обмелевшего ручья шириной не больше 60 сантиметров и, может быть, 20 сантиметров в глубину, они долгое время бегут вдоль берега до какого-то определенного места, где гуськом переходят его вброд. Между

тем они могли бы запросто пересечь такой ручеек в любом месте. Более того, когда над ними пролетаешь в бреющем полете и они бросаются бежать, то возле такого ручейка создается толкучка, животные не решаются его перейти, разбегаются в разные стороны вдоль берега, а еще охотнее поворачивают назад. Четыре недели спустя Михаэль приписал на полях: «Ерунда!» Дело в том, что за это время мы успели сходить к этому «ручейку». Оказалось, что на самом деле он достигает в глубину двух метров, а в ширину — шести. Трава, казавшаяся нам сверху совсем обычной, была полуметровой и даже метровой высоты.

Так и с зебрами. Откуда нам знать, то ли самое стадо мы видели вчера у холма Лемута, которое пасется сегодня в 40 километрах от него? Да и те ли самые зебры пасутся в национальном парке в декабре, что паслись здесь в июле?

Теперь мы заняты именно тем, что изыскиваем способ пометить отдельных зебр и целые стада, чтобы их потом можно было узнать. А это не так просто.

Добрых советов мы получаем предостаточно: рыть западни, подсыпать усыпляющие средства в питьевую воду. Но я ведь ветеринар и прекрасно знаю, как долго любая лошадь будет терпеть жажду, прежде чем решится выпить такую подозрительную бурду, и как важно точно знать дозу такого снотворного. Если животное выпьет слишком много, то погибнет, а доза, рассчитанная на зебру, окажется пагубной для других видов животных, которые приходят пить из того же бочажка. Во время сезона дождей водоемов повсюду много, так что неизвестно, куда сыпать, да и в сухое время пришлось бы развозить усыпляющее средство целыми центнерами.

Но есть в Восточной Африке, а именно в соседней Кении, несколько отличных ловцов зверей. Самого опытного среди них, Кэрра Хартли, я знаю много лет. В последнее

время он, правда, уже редко отлавливает животных, потому что сейчас зоопарки сами разводят таких обычных степных животных, как зебры, гну и наиболее часто встречающиеся виды антилоп, и не платят за них тех больших денег, что раньше. Зато он теперь постоянно держит на своей ферме полуприрученных львов, леопардов, гиен, кафрских буйволов и жираф, чтобы американские и немецкие кинокомпании могли снимать свои приключенческие фильмы без особой затраты времени и лишних хлопот.

Один из лесничих парка Серенгети, Гордон Пульман,— сводный брат Кэрра Хартли, он много лет работал вместе с Кэрром. Один палец его правой руки до сих пор не сгибается, и вот почему. В одно прекрасное воскресенье к Кэрру прибыл один американец, которому понадобилось срочно отснять кадры борьбы леопарда с африканцем. Разумеется, речь шла не о совсем взрослом леопарде, к тому же приученном играть со своим служителем-подростком. Заснятые на пленку, эти игры выглядели потом страшно опасными.

Но Кэрр Хартли по воскресеньям не работает. Американцу же очень жаль было потерянного времени, поэтому он стал все больше и больше набавлять цену, пока Хартли наконец не смягчился и не дал своего согласия на съемки. Поскольку паренек, обслуживающий леопарда, был в церкви, его пришлось заменить другим. Но этот бой не очень-то доверял леопарду, ему вдруг стало страшно, и он бросился бежать. Животное настигло его в два прыжка, схватило зубами за шиворот, а когтями разодрало грудь. Подоспевший Гордон сунул в пасть хищнику все пять пальцев и затолкал ему его собственные губы меж зубов. Леопарду волей-неволей пришлось разжать клыки, но зато когтями он все сильнее впивался в кожу мальчика. Киношники побоялись вмешаться. Подбежавший наконец Кэрр Хартли был вынужден застрелить этого ручного леопарда. А мальчика пришлось зашивать в больнице.

Гордон невероятно смелый парень, но он ничуть этим не кичится. Его жена Конни родом из Лондона. Как-то, уже после долголетнего знакомства, она мне призналась, что я с первой же минуты, сам того не подозревая, завоевал ее сердце. А дело в том, что, зайдя в их столовую, я сказал, что удивляюсь, какие у них чистые и блестящие полы — на них прямо есть можно.

— Знаешь, ли,— призналась она мне потом,— вот так хозяйничаешь год за годом, посреди степи, и никто не замечает, сколько приходится возиться, чтобы содержать

кухню и комнаты в чистоте. А тут вдруг приезжает этакий знаменитый профессор из Европы и нахваливает твои полы...

При этом глаза доброй Конни наполнились слезами.

Что мы только не вытворяли с Гордоном Пульманом за рулем нашего полосатого вездехода! Носились со скоростью 50—60 километров прямо по степи, по высокой траве. Гордон либо обладает шестым чувством, либо у него особый ангел-хранитель, во всяком случае он никогда не угодит колесом в какую-нибудь нору, отчего обычно сразу ломается ось, и не врежется в термитник.

Вот, к примеру, сейчас он едет рядом с большим страусом-самцом. Эта громадная птица, высотой в два с половиной метра, в беге, шутя и играя, делает трехметровые шаги. Гордон едет именно с такой скоростью, которая позволяет мне со своей фотокамерой «Практисикс» все время оставаться на одном уровне с бегущей птицей и спокойно снимать ее обыкновенным объективом с выдержкой 1/1000 секунды. Михаэль снял с петель дверку и лежит на животе, привязанный веревкой. Он проводит рапидную съемку, с помощью которой потом можно будет тщательно проследить все движения бегущей птицы. Спидометр показывает 50 километров в час, страусу этот бег наперегонки, повидимому, не составляет особого труда; когда через 22 минуты мы останавливаемся, он продолжает бежать еще два километра, значит, он никоим образом не выбился из сил. У страусов, должно быть, исключительно выносливые сердца.

У них *мужественные* сердца. Недавно мы встретили страуса и страусиху с восемью птенцами. Гиена надумала одного их них утащить. Началась дикая суматоха, визг и писк; страус взял на себя охрану потомства, а страусиха смело погналась за гиеной и бежала за ней добрый километр. Через два дня мы опять встретили то же семейство, но на этот раз с ними было уже только шесть птенцов.

В другой раз мы видели, как пара страусов неподвижно стояла посреди голой, выжженной степи, взъерошив крылья. Оказалось, что они таким способом создавали тень для своих детей.

Если вы будете наблюдать за убегающим страусом, может случиться, что он внезапно исчезнет из поля вашего зрения. Если пойти вслед за ним, то можно увидеть, что он сидит где-нибудь прижавшись к земле и вытянув вдоль нее шею. Отсюда, наверное, произошла сказка о птице

страусе, которая прячет голову в песок и думает, что ее не видно. Первыми об этом написали древние арабы, а уж за ними через все века повторяли римские и прочие составители книг. Чаще всего таким образом ложатся на землю молодые страусы. Когда же к ним приближаются, они мгновенно вскакивают и стремглав убегают.

Страусы умеют громко трубить, реветь и даже рычать, как львы. Для этого они набирают полный рот воздуха и с силой проталкивают его в гортань, которая при этом заметно расширяется. Клюв и пищевод наглухо закрываются, так что воздух не может выйти или проникнуть в кишечник. Их голая красная шея раздувается, словно баллон, и они испускают глухой рев, который, по-видимому, для других страусов и страусих должен означать: сюда не ходить — здесь моя резиденция!

Когда страус влюблен, он ведет себя не менее странно, чем мы в аналогичном состоянии. Страус в таких случаях садится на свои длинные ноги, ритмично бьет крыльями, запрокидывает голову назад и трется затылком о собственную спину. Шея и ноги у него в это время бывают ярко-красного цвета. Нам такое поведение самой крупной птицы на Земле кажется весьма комичным, но молоденькие страусихи отлично понимают, что он этим хочет сказать. Они кокетливо убегают, а он семимильными шагами мчится за ними вслед.

У древних египтян страус служил символом справедливости. Они заметили, что только у страусиного пера опахала, расположенные по обе стороны стержня, имеют равную ширину. У любой другой птицы перья всегда имеют узкую и широкую сторону, то есть разделены «несправедливо». Уже древние египтяне заметили, что страусовые перья могут служить прекрасным украшением для шлемов, и до тех пор, пока только рыцари средневековья украшали ими свои головные уборы, диких страусов вполне хватало. Но когда в прошлом столетии эти перья вошли в моду у дам, страусы оказались в самом плачевном положении. В Аравии и Персии их давно уже всех истребили; в Северной Африке, севернее Сахары, сегодня можно найти в лучшем случае лишь скорлупу от страусиных яиц, оставшуюся от прежних времен...

Охотились исключительно на самцов, что наиболее пагубно для вида. На страуса-самца ложится очень много обязанностей по продолжению рода. Он настоящий, заботливый отец. Для начала он роет себе ямку в песке и садится в нее. Самки кладут яйца прямо ему под нос, и он закатывает их клювом под себя. «Папаша» насижи-

вает яйца с раннего вечера до позднего утра, так что «мамаше» приходится сидеть на гнезде значительно меньше. Мы и по сегодняшний день не знаем точно, живут ли страусы на воле моногамно или у каждого самца несколько самок. Во всяком случае, когда самцов отстреливают и их становится все меньше, самки чуть ли не дерутся за последних оставшихся в живых. В таких случаях насиживающему самцу кладут под нос столько яиц, что в конце концов у него их образуется целая гора, которую он не в состоянии прикрыть своим телом. В результате ни один птенец не вылупляется.

Страусы только потому избежали полного истребления,
 что люди научились разводить их в неволе.

Подобная же судьба постигла и тех животных, мех которых входил когда-либо в моду: шиншиллу, нутрию, черно-бурую лисицу и норку.

Только по наблюдениям на страусиных фермах и еще больше в зоопарках мы знаем теперь, как страусы размножаются. Первая такая ферма была создана в 1838 году в Южной Африке, а, поскольку цены на перья все росли, вслед за ней были организованы и другие — в Алжире, Сицилии, Флориде, даже в Ницце на юге Франции.

Добиться размножения страусов в неволе совсем не так трудно, если только предоставить им для этого достаточно места. Ограда должна быть не ниже двух метров, иначе страус с разбегу запросто может ее перескочить. Взбешенного страуса следует серьезно опасаться. Он может ударить человека своей сильной двухпалой ногой прямо в лицо и отшвырнуть на несколько метров. До первой мировой войны за хорошего производителя платили до 30 тысяч марок. Если в 1840 году из Южной Африки вывозили только 1000 килограммов перьев, то в 1910 году это число выросло до 370 тысяч. Перья у самцов не выдергивают, а аккуратно срезают у самого основания. Перья самок не в ходу, однако, когда у этих птиц вырезают яичники, у них появляется такое же оперение, как у самца.

Страусиное яйцо весит от 1,5 до 2 килограммов, следовательно, столько же, сколько 25—36 куриных яиц. Скорлупа такая толстая, что скорее напоминает черепки фарфоровой посуды. Остается только удивляться, как птенцу страуса, вылупляясь, удается самостоятельно раздавить столь твердый футляр.

Не только вывести, но и вырастить маленьких страусят в европейском зоопарке удалось лишь однажды, а именно в Базеле несколько лет назад *. Птенцов базельцы вывели так же, как это делается на страусиных фермах,— в ин-

кубаторе, но из вылупившихся 11 страусят в живых остались только два, и то лишь потому, что к ним приставили постоянную служительницу, которая все время занималась с ними и научила их клевать пищу.

Маленькие страусы растут как грибы — каждый день на один сантиметр. Как только страусята начинают твердо стоять на ногах, они сразу же принимаются исполнять те же самые сумасшедшие танцы, что и взрослые страусы: они внезапно срываются с места, бегут без всякой видимой цели, затем начинают кружиться на одном месте, бьют при этом крыльями и под конец садятся на землю. Вид нашего полосатого самолета тоже часто вдохновляет страусов Серенгети на подобные дикие пляски.

Маленькие страусы, которых в Африке часто искусственно выращивают в домашних условиях, настолько привязываются к людям, что следуют за ними как преданные собачонки. Когда семья отправляется купаться, маленький страус бесстрашно плавает между людьми, словно утенок.

Здесь, в Серенгети, страусы приступают к насиживанию в сентябре, а на рождество уже бегают по степи со своими цыплятками. Надеемся, что нашим 1600 страусам, живущим в Серенгети, никогда не придется пережить того, что выпало на долю страусов Юго-Западной Африки. Незадолго до первой мировой войны там было решено строжайше охранять этих птиц из-за дороговизны их перьев. Во время войны ни у кого не было особой надобности в них стрелять; а поскольку страусовые перья за это время вышли из моды, то после войны пришли к выводу, что этих птиц расплодилось слишком много, и разрешили их свободный отстрел.

Сейчас же нашлись предприимчивые люди, которые стали их преследовать на автомобилях и отстреливать пачками. После одной только такой прогулки они зачастую возвращались с четырьмя-пятью сотнями страусиных шкур, которые шли на изготовление бумажников и дамских сумочек. 100 и даже 150 килограммов мяса, которые дает такая птица, никого не интересовали, особенно когда такому страусу было уже около 30 лет. Поэтому их разлагающиеся туши встречались по всей окрестности, а гиенам и грифам не под силу было сразу справиться с такой неожиданной благодатью...

На человеческую любовь и доброжелательность и без того не очень-то можно полагаться. Если же при этом они еще приходят в противоречие с кошельком или дамской модой, то могут легко перейти в свою противополож-

ность. Поэтому-то нам так и хочется, чтобы здесь, в этих просторных саваннах, где люди все равно не могут посеять хлеб, животные жили в полной независимости от нас. Приехав сюда, в Серенгети, наши внуки и внуки африканцев когда-нибудь смогут увидеть, какой была Африка до того, как европейцы навязали ей христианство, работорговлю, пулеметы и автомобили.

Но пока что сегодня утром мы собрались ловить зебр и малевать их в разные цвета. В просторной долине реки Грумети, окаймленной редколесьем, пасутся 50 или 60 зебр и не обращают никакого внимания на наш полосатый вездеход. Прямо посреди лужайки лежит мертвый, еще теплый детеныш жирафа... Никаких следов ранения не видно, не понятно, отчего он мог умереть.

Михаэль направляет машину в сторону шести зебр, пасущихся отдельно. Те настораживаются, поднимают головы, поворачивают к нам свои уши, а затем галопом удирают. Однако догнать их на машине не представляет особого труда.

На крыше вездехода притаился Гордон Пульман с длинной бамбуковой палкой в руках. На конце у нее сделана зарубка, в которой укреплена петля из толстой пеньковой веревки. Михаэль ведет машину так, чтобы зебра бежала все время рядом с радиатором. Я высовываюсь со своей фотокамерой в окошко, и круглый зебриный зад заполняет всю матовую пластинку. Веревка должна попасть под подбородок зебры и затем скользнуть ей на шею. Но нам приходится изрядно попотеть с этим делом, потому что наша машина все время подпрыгивает, скользит и спотыкается в траве, так что мы без конца стукаемся головой об обшивку; ветер колышет петлю, а зебра все время отклоняется вправо. Поворачивать же мы можем только плавно: при резком торможении Гордон слетел бы вперед, под самые колеса. При крутом повороте его может сбросить вбок, а привязать себя он не захотел — это могло бы создать при аварии еще большую опасность.

Наконец петля на голове зебры. Михаэль очень осторожно тормозит, чтобы она не соскочила с шеи. Гордон спрыгивает, мы за ним; все хватаемся за веревку, а жеребец, сопротивляясь, тянет нас за собой. Но наконец он останавливается. Тут-то мы его хватаем и мажем краской.

Нам казалось, что окраска зебры в красный или зеленый цвет не представит особой сложности. Судя по головам наших дам, искусство окраски волос достигло весьма высокого уровня. Но тут нас ждали нежелательные сюр-

призы. Оказывается, для того чтобы женские волосы сохранили красный или лиловый цвет, их надо специально парить или травить. Простым полосканием, мытьем или припудриванием никакой долговечности достигнуть невозможно. Мы советовались с самыми опытными специалистами лакокрасочной промышленности, но и они не могли нам подсказать, как «холодным» способом покрасить зебру. Лошадиная шерсть очень короткая, поэтому ни о каких «горячих» операциях не могло быть и речи, даже если бы мы возили с собой парикмахерский салон на колесах... Таким образом, нам пришлось вернуться все к той же испытанной пикриновой кислоте, которая окрашивает кожу и волосы в ярко-желтый цвет.

Прочнее всего она, кажется, окрасила наши руки и штаны; зебры могут утешаться тем, что не они одни пожелтели. Однако ярко-желтый цвет спустя некоторое время становится грязно-бурым, а после линьки вместо желтых волос вновь вырастают белые. Мы придумали уже кое-что новое, но оно пока еще находится по дороге к нам в Африку. А сегодня нам надо проверить, как остальные зебры будут относиться к такому ярко-желтому родичу. Не станут ли они считать его прокаженным, избегать или даже кусать? Тогда нет никакого смысла их метить.

Мы отпускаем крашеного жеребца на волю, следуем за ним на почтительном расстоянии и наблюдаем в полевые бинокли, как он присоединяется к своему стаду. Прогонят ли его? Укусят ли? Ничуть не бывало. Зебры ведут себя так, словно он отроду был таким желтым. Прекрасно, это поможет нам в дальнейшем.

Обычно уже после трех — пяти минут бега загнанная зебра начинает задыхаться и вынуждена бежать медленнее. И все же, несмотря на это, со второй, которую мы загоняем, дело что-то не клеится. Она все время ускользает от нас среди деревьев. Хотя стволы и далеко отстоят друг от друга, тем не менее какой-нибудь из них то и дело преграждает нам дорогу. Михаэль никак не может подобраться поближе к беглянке.

Тогда Гордон с Михаэлем решают поменяться местами. Я, между прочим, против того, чтобы мой сын изображал из себя ковбоя на сильно качающейся крыше машины, тем более что свои услуги предлагает и Мгабо. Однако Михаэль настаивает на своем:

— Ты ведь понимаешь, папа, что дела, связанные с какой-либо опасностью, нельзя всегда перекладывать на других.

Ну ладно, я сдаюсь. Теперь мы гоняемся за кобылкой. Она ловчее предыдущего жеребца. Каждый раз, когда петля ложится ей на лоб и съезжает ниже глаз, она сейчас же опускает голову чуть не до земли. Михаэль стучит нам сверху, мы останавливаемся. Оказывается, запуталась веревка, ее привязывают заново. Мы снова быстро догоняем нашу кобылку.

Внезапный толчок заставляет Гордона резко затормозить.

Михаэля швырнуло вниз с машины. В мгновение ока я возле него. «Миха!» — И тут же вижу рану у него на шее. Кровь. Михаэль почти без сознания. Мы с Пульманом осторожно приподнимаем его и прислоняем спиной к колесу. Я обследую рану. Кровоточит она не слишком сильно, но, по-видимому, очень глубока. Я боюсь, не разорваны ли дыхательное горло или какая-нибудь артерия, что может вызвать внутреннее кровоизлияние.

Михаэль заметно слабеет и бледнеет. Я поднимаю его веко, чтобы проверить, осталась ли слизистая розовой. Это было бы хорошим признаком. Но она стала серовато-белой.

Михаэль теряет сознание. Я быстро укладываю его на спину, но при этом мне приходится задвинуть его частично под машину, потому что там единственное тенистое место. Сейчас полдень, солнце стоит совершенно вертикально над нами. Гордон Пульман тем временем вскрыл пакет «первой помощи», который, к счастью, оказался с нами; обычно он всегда лежит в самолете.

Оказавшись в лежачем положении, Михаэль приходит в себя. Он открывает глаза. Первые его слова:

— Ты не забыл все записать и сфотографировать?

— Молчи, Михаэль, молчи, тебе сейчас нельзя разговаривать!

Теперь, задним числом, мне стало ясно, что, собственно, произошло. Зебра опускала голову все ниже и ниже; Михаэль со своей бамбуковой палкой тоже свешивался все ниже с крыши, пока шест при каком-то наклоне машины не уперся в землю. Он вонзился в почву, а, поскольку мы продолжали ехать на полной скорости, другой его конец воткнулся Михаэлю в горло.

Удар свалил его с машины. Какое счастье, что он не был привязан, иначе шест наверняка пронзил бы его насквозь!

Но эта рана! Я с ужасом думаю о том, что в ней могло остаться. Грязь, наверняка занозы. Чего доброго, еще окажутся разорванными сухожилия.

Мы укладываем Михаэля в машину и везем к самолету.

На это уходит 20 минут. Мимоходом замечаю, что высоко в развилке дерева стоят две львицы и разглядывают нас. В другое время мы бы не преминули остановиться и их заснять.

«Ну же, ну же, езжай быстрее, Гордон Пульман (это я мысленно говорю), езжай быстрее, но осторожно. Только бы никаких резких сотрясений, только бы не это...» Но вот он тормозит уже у самого самолета.

Я подсаживаю сына, устраиваю его на место второго пилота и привязываю к креслу. Опускаю верх кабины, включаю зажигание, проверяю вспомогательный насос. С нетерпением жду, пока температура масла поднимется до должной высоты. Наконец-то!

Мы летим наискось через степь по направлению к озеру Виктория. В Мусоме есть маленький госпиталь; об индийском хирурге, который им руководит, идет добрая слава.

Поскольку Михаэль не может здесь лежать, а вынужден сидеть, ему опять становится хуже. Я держу в руке штурвал и смотрю то на компас, то вперед в пространство, не заблестит ли наконец спокойная гладь озера. Одновременно я наблюдаю за Михаэлем. Его голова качается. То и дело он сползает вперед, но усилием воли заставляет себя вновь подняться. Руки его покрыты испариной.

В Мусоме я еще никогда не бывал. Следовательно, надо внимательно следить, чтобы не заблудиться при посадке среди гор и плантаций местных жителей. Михаэль чувствует мою тревогу, догадывается, что мне страшно, страшно за него; он старается мне улыбнуться и делает едва заметное движение рукой: мол, пустяки, пап!

Но я считаю минуты и молю судьбу, чтобы скорее показались озеро и Мусома...

Посадочная площадка этого городишки сверху выглядит огромной и весьма современной. Но это только кажется, на самом деле она страдает одним очень важным недостатком — она неровная. Это выясняется сразу же, как только я касаюсь колесами земли. Когда я после бесчисленных скачков наконец останавливаюсь, то рядом с машиной мгновенно вырастает африканец и протягивает мне книгу, в которой я должен отметиться. Ни слова не говоря, я бегу мимо него через площадку в поисках какой-нибудь машины. Но нигде ничего нет, все пусто и словно необитаемо.

Наконец добегаю до какого-то дома. Стучу, мне открывает молодая дама. Я с ходу кричу ей, что мне необходима машина, чтобы отвезти раненого в больницу.

Она тут же принимает во мне живейшее участие. Двумя минутами позже мы уже сидим в легковой машине, правда с выбитым ветровым стеклом, но это не беда.

Индийский врач в госпитале производит очень хорошее впечатление. Он внимательно осматривает рану, качает головой и говорит, что должен немедленно подвергнуть Михаэля наркозу, чтобы проверить, что у него творится в горле. Его ассистенты-африканцы надевают белоснежные маски, закрывающие нос и рот.

Операционная, как и вся маленькая клиника, скромная, без кафельных стен, но безукоризненно чистая.

Мне предложено подождать за дверью. Проходит вечность. Наконец спустя два часа еще спящего Михаэля перевозят в палату. Тем временем приветливая сестра приготовила постель. Доктор, оказывается, вынул длинную занозу, прочистил рану и затем зашил. Михаэлю придется по крайней мере три дня пролежать в госпитале.

Я сижу возле его кровати и смотрю на него. Читать не могу. Я думаю о том, как легко все это могло бы кончиться печально, и размышляю: «Стоит ли на самом деле из-за львов и зебр подвергать себя смертельной опасности? Ведь может статься, что правительство, не считаясь со всеми нашими заботами и хлопотами, все равно решит сократить границы парка и проложит их таким образом, что животным будет грозить неминуемое истребление».

Вопросы, вопросы и никакого ответа.

Михаэль просыпается и настаивает на том, чтобы я шел в отель: посетители обязаны покидать больницу до десяти часов вечера.

На улице темно, фонарей здесь нет; кроме того, судя по небосводу и моим часам, сейчас новолуние. Как и в других африканских городах, дома расположены далеко один от другого, ведь здесь ездят на машинах, а не ходят пешком.

Я узнал, что единственный в городе отель находится на набережной. Однако мне пришлось основательно поплутать, прежде чем я его нашел. Ну, разумеется, в баре уже все знают, что с нами стряслось, но я слишком устал, чтобы отвечать на расспросы.

Здесь, возле озера Виктория, и по вечерам жарко, а я избалован прохладой нашего степного высокогорья в Серенгети. Принимаю горячую ванну и ложусь в постель, но никак не могу уснуть.

Утром я отправляюсь вместе с хозяином гостиницы по магазинам. Я заказываю себе у индийского портного шорты и закупаю нитки, иголки и пуговицы всех раз-

меров. Наконец-то мы снова сможем нормально застегивать свои рубашки.

Около 11 часов я возвращаюсь в отель, чтобы отнести в больницу свежие яблоки, и обнаруживаю у себя в номере Михаэля, который, видите ли, еще недоволен, что прождал меня два часа... Это на него похоже. Он понял, что в больничных условиях все равно не вытерпит, и выписался, договорившись о том, что в течение трех дней я буду делать ему инъекции, а через неделю вытащу нитки из шва...

Спустя 20 минут мы уже летим назад в Банаги. Из Мусомы мы сначала следуем вдоль берега до бухты Спика. В этом месте парк Серенгети подходит к самому озеру.
Потом мы летим на восток через «коридор», по которому реки бегут к озеру. Берега их окаймлены узкими полосками леса, а между ними простираются серовато-зеленые просторы степей. В этой низине, зараженной мухой цеце, стада животных во время засухи легче всего могут найти себе воду и пропитание.

Затем следуют возвышенности, которых нет ни на одной карте, многие из них и названий-то не имеют! Их пологие склоны поросли редколесьем, только изредка виднеются скалистые обрывы.

Мы вдоль и поперек изучили каждую из этих 300- или 400-метровых гор, потому что целыми неделями кружили над ними, обследуя их облесенные склоны.

Там, где цепочка гор кончается и открывается необозримый простор безлесной степи, мы выключаем мотор. Впереди, на горизонте, виднеется высокогорье с гигантскими кратерами — там высится Нгоронгоро. Мы же скользим вдоль склона горы Банаги и приземляемся.

Неделей позже мы уже ловим зебр в кратере Нгоронгоро. Нам надо выяснить, выбираются ли пасущиеся там стада во время сезона дождей на просторные луга Серенгети. Об этом во всяком случае с давних времен рассказывают охотники, и то же самое предполагает профессор Пирсел из Лондона, составивший два года назад очень подробное сообщение о Серенгети для правительства Танганьики. Во время сезона дождей эти стада доходят якобы до самой середины травянистых равнин, с противоположной стороны туда же устремляются стада из «коридора», и там они встречаются.

Следовательно, если уменьшить границы национального парка, то есть провести линию прямо поперек открытой степи, то диким животным из «коридора» все равно

еще хватит места для свободного передвижения. Они используют в дождливые месяцы якобы только западную половину степи. Все же стада, пасущиеся в восточной половине, поблизости от гигантских кратеров, приходят якобы из Нгоронгоро.

Никто этого до сих пор по-настоящему не исследовал и не доказал. Во время дождей невозможно разъезжать по степи. Еще в 1906 году энергичный профессор геолог Фриц Егер, до сих пор здравствующий в Цюрихе, сообщал, что немецкие поселенцы Зидентопфы предпринимали неоднократные попытки с помощью масаев выгнать стада гну из кратера. Зидентопфы хотели, чтобы в нем

паслись только их собственные стада домашнего скота. Но им этого так и не удалось добиться: антилопы увертывались от загонщиков и оставались в кратере. Во время наших бесчисленных полетов нам тоже ни разу не пришлось заметить ста́да, переваливающего через край кратера. Недавно во время подсчета животных мы заметили 6-, 7-тысячное стадо гну, пасущееся на равнинах восточного Серенгети. Мы сейчас же перелетели в кратер Нгоронгоро и еще раз пересчитали находящихся там животных. Ведь по старой теории предполагалось, что в степь стада́ приходили из кратера. Однако в Нгоронгоро их оказалось ровно столько же, сколько было прежде. Это нас встревожило, потому что именно на таких устарелых взглядах основываются планы сокращения территории парка.

Итак, мы решили метить зебр и гну в кратере Нгоронгоро, чтобы потом проследить, появятся ли они вне его, на равнине. Мы влетаем в кратер и приземляемся там на участке степи, по углам которого Гордон Харвей уже расставил своих людей. Из своего домика на краю кратера он тащился сюда в машине два с половиной часа. С ним приехала и супруга. Госпожа Харвей распаковывает огромную корзину с провизией. Эти двое живут там, наверху, среди облаков, как в раю: у них растут не только цветы, но и салат, и лук-порей, и помидоры — словом, все овощи, а также клубника.

По английскому обычаю, мы едим салат прямо из горсти или кладем его на бутерброды. Чета Харвей — гостеприимные, очаровательные люди. Их взрослые сыновья сейчас разъехались во все концы земного шара.

Мы здорово промахнулись, затеяв ловлю зебр в кратере. Дело в том, что здесь, наверху, значительно прохладнее, зебры дольше не выдыхаются и выдерживают значительно более длительную погоню. К тому же они быстро

сообразили, что от машины гораздо лучше бегать по кругу, чем по прямой, причем все время уменьшая круги. На этой скользкой траве да еще на огромной скорости мы не можем делать резких поворотов, поэтому, пока мы, чертыхаясь, разворачиваемся, наши жертвы трусят не спеша, затем переходят на шаг, а то и вовсе останавливаются и с интересом наблюдают за нашей эквилибристикой.

Потом начинается дождь, и в довершение всего наш вездеход переворачивается набок. Прямо с камерой в руках я лечу лицом в грязь; к счастью, никто не попал под машину. Мы никак не могли поставить ее снова на колеса, потому что было ужасно скользко. Это длилось до тех пор, пока мы наконец не выкопали рядом с задними колесами две ямы. И только тогда, раскачав машину, мы снова водворили ее в нормальное положение. Слава богу, удалось. Однако, когда автомобиль уже стоит на всех четырех, выясняется, что вытекло все масло. А без масла Гордону Харвею не доехать до дому.

Тут Михаэлю приходит в голову спасительная мысль. Мы мчимся к нашему самолету. Только два дня тому назад мы заправились маслом, так что восемь литров там еще наверняка осталось. Поскольку мотор прекрасно может обойтись и шестью литрами, мы совершенно спокойно можем отлить два.

К сожалению, подходящий гаечный ключ недавно в одной из мастерских Найроби кто-то «увел». Но другой, от автомашины, подошел. Когда Михаэль отвернул крышку, горячее масло вдруг полилось ему на пальцы. Тем не менее он, пересилив боль, успевает закрыть отверстие, прежде чем убежало все масло, иначе мы бы на целые сутки были арестованы в кратере. Затем мы переливаем эту черную жижу в машину.

Тем временем надвигается гроза, в восточной части кратера уже грохочет и сверкает. Но прежде чем над нами сомкнулись тучи, мы успели сесть в свою «Утку» и выпорхнуть через последнюю оставшуюся дырку. Лететь в облаках мы не решаемся, потому что можно наткнуться на какой-нибудь вулкан.

Над степями Серенгети небо совсем чистое. Мы берем курс на гору Банаги, маячащую далеко на горизонте. Наши планы сегодня сорвались. Но мы уже придумываем новые.

Мы обнаруживаем браконьеров

 Как много людей в наше время, совершая дальние перелеты, спит или поглощает жареную курицу с зеленым горошком, которую им любезно подает стюардесса, в то время как в нескольких километрах под ними сверкают чудесные девственные леса! Таким вечно спешащим куда-то пассажирам «воздушных автобусов» мы советуем хоть раз в жизни полетать по-настоящему. Вот хотя бы так, как мы с Михаэлем сегодня.

Изумительно свежее утро. Мы не собираемся ни считать животных, ни подвозить продукты из Найроби; мы решили просто так, бездумно парить в воздухе — мы сегодня отдыхаем. Виражами поднимаемся все выше и выше, пока горы Банаги и Серонеры не делаются совсем крохотными. Белая стрелка высотомера медленно ползет по циферблату. Нашим 250 лошадиным силам надо поднять в воздух добрых 12 центнеров груза. Поскольку Банаги расположен на высоте 1650 метров над уровнем моря, воздух здесь примерно столь же разрежен, как над горами Шварцвальда, так что поднимаемся мы медленно.

Кругозор наш все расширяется и расширяется. Теперь нам уже видна Ленгаи — «гора господня», острая вершина которой в отдельные годы еще продолжает дымиться. А с другой стороны на горизонте начинает светиться серебристая полоска озера Виктория.

Закрылки на наших полосатых крыльях выпущены до предела, а плоскости пропеллера повернуты таким образом, что дают три тысячи оборотов в минуту. Вот так, шаг за шагом, наша добрая «зебра» одолевает небо.

Мы достигаем белых кучевых облаков и прямо влетаем в одно из них. Нас сразу же обступает слепящий светлый туман, восходящий воздух внутри облака заносит нас еще выше. Тем временем маленькая стрелка на циферблате все приближается к критической желтой полосе. Это означает, что мотор начинает перегреваться: в таком

разреженном воздухе мы слишком медленно летим. Здесь уже не хватает спасительного ветра, который бы охлаждал тяжелоработающую машину.

Ничего не поделаешь. Приходится втягивать закрылки подальше и менять поворот лопастей винта; теперь мы летим уже в горизонтальном направлении. Стрелка высотомера замирает, а через 10 минут и мотор начинает остывать. Снова начинается борьба за высоту — шаг за шагом, метр за метром.

Наконец Михаэль говорит:

— Ну все, выше она не потянет: воздух слишком разрежен.

Мы сейчас парим на высоте 5733 метра над уровнем моря, или в 4100 метрах над нашим алюминиевым домиком, там, внизу, в степи. Но мы ничего этого уже не видим, так как висим высоко над белыми кучевыми облаками. Под нами простирается какое-то неземное царство... Мы выключаем газ и зажигание.

Наступает тишина. Жуткая тишина. Пропеллер замедляет свой бег и наконец безжизненно повисает в воздухе — теперь это обыкновенная планка с концами, окрашенными в желтый цвет. Закрылки мы выпускаем с наклоном в 45 градусов — это их крайнее положение. Теперь наша «Утка» превратилась в планер, и у нас появляется ощущение настоящего полета — самолет парит в небе, точно гриф. Ветер со свистом проносится под нашими 12-метровыми крыльями. Высотомер показывает, что в секунду мы снижаемся на три-четыре метра. Когда мы опустимся ниже, где воздух станет плотнее, спуск несколько замедлится. Я прикидываю, что так мы можем продержаться в воздухе больше четверти часа.

Где-то недалеко над белым облачным ландшафтом высятся глетчеры Килиманджаро. Даже здесь, в этом прекрасном заоблачном мире, он остается царственной горой. Так как теперь вокруг нас тихо, можно говорить друг с другом без микрофона. Мы смотрим вниз на белоснежные поля и беспорядочное нагромождение облачных гор. Неправдоподобный мир, созданный какими-то сверхъестественными силами, как умиротворяющий мираж той суровой твердой земной поверхности там, внизу. Хотелось бы «приземлиться» среди этого радующего глаз облачного ландшафта, лечь и слушать шепот духов... Мы единственные живые люди в этом потустороннем мире; мы закрываем глаза и, держась за руки...

Шлеп! Ощутительный шлепок по соответствующему месту выводит меня из мечтательного настроения. Горят

отпечатки всех пяти пальцев. Михаэль же продолжает смотреть в пространство отсутствующим взглядом своих серовато-голубых глаз и едва подавляет насмешливую улыбку. В этом-то и заключается негласная договоренность между нами: надо не только застать другого врасплох, но и сделать это как раз в самую поэтическую минуту. Михаэлю это удалось.

Теперь мы квиты, счет сравнялся: один — один.

Однако нас что-то начинает познабливать в наших рубашках с короткими рукавами; это оттого, что мотор больше не греет. Согревает только сознание, что достаточно одного нажатия пальца, чтобы его снова включить.

Шесть месяцев тому назад здесь пролетал один пилот на маленькой «Цессне». Он ввинтился высоко в воздух, чтобы над облаками беспрепятственно пересечь горы, однако не нашел потом «окошка», сквозь которое мог бы разглядеть землю. Ведь приземляться вслепую сквозь облака страшно опасно. Никогда не знаешь, как низко они нависают над землей — может быть, в 10 метрах, а возможно, в виде туманной пелены опустились на самую земную поверхность; бывает, что облака предательски скрывают горные вершины. В порту Найроби слышали, как этот пилот передал по радио, что через пять минут у него кончится бензин и что он не знает, где находится. С тех пор никто больше ничего о нем не слыхал, никто не знает, потонул ли он в жгучем рассоле озера Натрон или лежит, разбитый, в одном из глубоких ущелий в горах.

Мы влетаем в одну из темных пропастей меж облаков и, словно в лифте, спускаемся по краю облачного чудовища. И вот уже под нами снова широкая степь Серенгети, пестрая от солнечных бликов и теней облаков.

Вдруг Михаэль меня толкает:

— Пап! Посмотри-ка, что это там, внизу, прямо под нами? Видишь?

Поперек равнины, зажатой с двух сторон облесенными берегами рек, тянется какой-то странный плетень. Вдоль него бегут человеческие фигурки. Нас они не замечают, потому что мы опускаемся с выключенным мотором. Это, оказывается, они протянули прямо поперек степи изгородь из колючего кустарника, словно заграждение из колючей проволоки. Через каждые 20—30 метров оставлены лазейки, сквозь которые гну, газели и зебры вынуждены пробираться во время своих кочевок по степи.

Но в эти отверстия запрятаны железные петли-кап-

каны — это мы знаем наверняка. В них животные медленно умирают или еще живыми становятся жертвой гиен и шакалов. На деревьях возле реки сидят в ожидании падали сотни грифов.

— Браконьеры! — говорит Михаэль гневно.

Мы решили пока не включать мотор, а спланировать поближе к злоумышленникам. Пять человек там, внизу, разрубают тушу зебры; затем двое из них, перекинув красные куски мяса через палку, перетаскивают их в укрытие под деревья.

Я нажимаю на красную кнопку зажигания, мотор чихает раз-другой, потом пропеллер снова начинает вертеться. «Крылатая зебра» с грохотом проносится в каких-нибудь четырех-пяти метрах над землей. Браконьеры с перепугу все бросают, пробегают несколько шагов и падают плашмя на землю. Такого сюрприза с ясного неба они не ожидали. На краю поляны мы взмываем кверху, делаем вираж и снова назад. Несколько человек пытаются убежать к реке, чтобы спрятаться под деревьями, но мы налетаем, как шквал, и они снова бросаются на землю.

При следующем налете некоторые из них поднимаются на колени и целятся в нас из лука. Смешно, что они надеются попасть.

Не приземлиться ли нам прямо здесь? Хорошо бы арестовать парочку этих мучителей животных. Но кто знает, где тут в траве скрываются норы бородавочников? Кроме того, мы не вооружены, а у браконьеров наверняка полно ядовитых стрел. И к тому же мы ведь не правомочны кого-либо арестовывать. У нас нет ни малейшего желания объясняться потом с полицейским управлением.

Но мы вспоминаем, что у нас есть ракетница, предназначенная для подачи сигналов бедствия. Хотя это оружие отнюдь не смертельное, но такой выстрел, направленный в сторону разбойников, безусловно, их изрядно напугает. Ну что ж. Отстегиваюсь от сиденья и выуживаю из ящика позади него «боеприпасы». Протягиваю Михе несколько красных картонных патронов, он вдавливает их в медную трубку, завинчивает ее, и мы разворачиваемся для нового налета.

— Огонь! — Михаэль нажимает на спусковой крючок.

Результат оказался, прямо скажем, ошеломляющим. Но не для тех там, внизу, а для нас. Прежде чем мы успеваем сообразить, что, собственно, произошло, сквозь отверстие в плексигласовом потолке со страшной силой врывается ветер. Оказывается, затвор ракетницы был

неисправным и патрон устремился не вниз, а вверх, прямо между нашими головами. А что было бы, если бы патрон попал не в стекло, а в одного из нас? Только этого нам еще не хватало!

Лишь для того, чтобы сохранить собственное достоинство, мы еще раз налетаем на разбойничью шайку, но затем круто поднимаемся на высоту 150 метров и направляем своего полосатого коня в сторону его стойла.

А браконьеры-то все-таки не промахнулись! Когда мы закатывали свою машину за ограду из колючего кустарника, то обнаружили стрелу, застрявшую в крыле. Конец загнулся, и вытащить ее оказалось вовсе не так

просто. Мне пришлось посадить Михаэля себе на плечи, и он осторожно щипцами вытащил злополучный «снаряд».

— Будь осторожен,— предупреждаю я его,— ты ведь знаешь, что стрелы отравлены!

Кто такой стрелой оцарапает палец, того ждет неминуемая гибель. Против этого яда пока еще нет противоядий. Приготовляется он из особого, на вид совершенно безобидного, дерева (Apocanthera frisiorum), похожего на чахлую итальянскую оливу. На нем растут небольшие красные ягоды, из которых варится довольно приятное на вкус повидло. Далеко не каждое дерево этого вида ядовитое. Смертоносны только совсем немногие, и их очень трудно разыскать. Те из местных жителей, которые специально этим занимаются, определяют их, видимо, по трупам мелких птиц, насекомых и грызунов, в изобилии валяющимся под такими деревьями. Для изготовления яда корни и ветки мелко нарубаются, а затем развариваются до кашеобразного состояния. Варится эта каша до тех пор, пока не загустеет и не превратится в вязкую массу. Затем ее разливают по жестяным банкам, обвязывают листьями и в таком виде завозят контрабандой в местности, где орудуют браконьеры. Кусок величиной с небольшое туалетное мыло, которого хватает как раз на одну стрелу, стоит один шиллинг.

Обладая отравленными стрелами, совсем не обязательно быть хорошим стрелком. Вполне достаточно ранить животное или человека в ногу — жертва уже никуда не уйдет. Правда, этими стрелами далеко не так просто и безопасно убивать львов, как современными ружьями, но все же с ними тоже чувствуешь себя в степи господином над жизнью и смертью. Мясо убитого таким способом животного совершенно безвредно, необходимо лишь предварительно срезать и выбросить кусок вокруг раны.

Ловкие люди, которые гонятся за легким заработком,

разбавляют яд для стрел черной землей или продают вместо него вообще какое-то другое месиво. Но мне сказали, что это можно легко проверить. Для этого достаточно сделать себе на ноге маленький надрез, чтобы кровь потекла вниз. Если к этой кровяной дорожке поднести яд, то на ней сейчас же образуются пузыри, которые будут подниматься все выше по ноге. Однако, прежде чем они достигнут маленькой царапины, кровяной след надо скорее стереть. Я испробовал этот способ, но у меня почему-то никакие пузыри образовываться не хотели.

Только что вернулся на своем вездеходе из «коридора» Гордон Пульман. Он единственный из нас, который всегда носит на поясе кобуру. У него вчера тоже было небольшое приключение. Недалеко от реки Дума он увидел одинокого старика. Гордон пожалел его и усадил в машину, но все же отнесся к нему с некоторым подозрением: как он мог один попасть в такое заброшенное место и зачем? Дряхлый старец рассказал, что он был не один, а с молодым парнем. Но того в сухом русле реки Дума укусила змея, и он через несколько минут скончался. Старик якобы положил его под нависавшую над берегом скалу и прикрыл ветками.

Гордон Пульман поехал к тому месту реки, где, по словам старца, произошло это несчастье. Когда же они туда подъехали, старик задрожал и отказался выйти из машины, однако с точностью указал, куда именно он положил труп. Наш друг Гордон нашел там лишь пару костей и много следов гиен...

Мы старательно прикрепляем кусок фольги, чтобы закрыть пробоину на ветровом стекле, а потом по радио передаем по буквам текст телеграммы, которую из Аруши должны отправить в Мюнхен. Совсем не просто все это объяснить по-английски: кто его знает, как, например, по-английски «ветровое стекло». Но, слава богу, у нас здесь, в степи, под рукой достаточно словарей, справочников и карт. Мы давно уже обзавелись в Африке второй библиотекой: перевозка книг стоит слишком дорого. Даже рубашки, белье, брюки и обувь остаются здесь, так как все эти вещи цвета хаки все равно в Европе не носят. Таким образом, у нас в Африке образовалось целое хозяйство, ведь один из нас или кто-нибудь из наших английских сотрудников почти всегда здесь. Но одновременно такое двойное хозяйство создает и двойные заботы.

Я часто встречаю здесь европейцев, которые утверждают, что жить среди африканцев — сплошное мучение: то и дело исчезают ложки, бьется посуда. Что хозяйка забудет запереть, то стащат. Слуги заявляют, что у них, мол, малярия или что в деревне больна мать, садятся на велосипед и уезжают. И возвращаются не через два дня, на которые они отпрашивались, а спустя неделю. Им дарят одежду и обувь, но они не знают чувства благодарности и только наглеют от этого. Таскают все без разбору, как сороки, и при этом не умеют даже как следует почистить ботинок, несмотря на то что им неоднократно показываешь, как это делать.

Я заметил, что так чаще всего говорят те, кто дома, в Европе, не имеет дела с прислугой. Такие люди воображают, что белые слуги всегда неизменно услужливы, работящи и честны. Они не верят, что и в Англии, и в ФРГ можно огорчаться по тому же поводу, что и в Африке. Мне очень знакомо это брюзжание; я вспоминаю, как 40 лет назад меня, тогда еще мальчика, на все каникулы отправляли к родственникам на ферму в Восточную Пруссию. Во всем, в чем здесь обвиняют цветных, там попрекали белых поденщиков.

Я не политический деятель, а биолог. И только как таковой могу высказать кое-что о проблеме «черные — белые».

Вполне возможно, что африканцы в своей массе душевнее, но зато менее интеллигентны, чем европейцы. Однако никаких точных доказательств этого по сей день не найдено. Более того, известно, что среди всех народов и человеческих рас примерно одинаковую часть составляют преступники и убийцы, энтузиасты и равнодушные.

Недавно один европеец, родившийся и выросший в Африке, рассказывал мне, какое неизгладимое впечатление произвели на него итальянские соборы, когда он в шестидесятилетнем возрасте впервые попал в Европу. «Вы только сравните эти шедевры с жалкими глинобитными хижинами наших африканцев!»

Однако это совсем не говорит о том, что африканцы не в состоянии построить такие соборы. Я ответил этому человеку, что если бы египтяне времен постройки гигантских пирамид явились тогда в Англию или Германию и увидели наших предков, облаченных в звериные шкуры, в их деревянных халупах, крытых соломой, то, безусловно, сочли бы их за бездарную, низшую расу, как сейчас многие белые думают об африканцах.

На основании того, что прусский король Фридрих Великий не умел без ошибок писать по-немецки, а обходился французским и привозил себе строителей и архитекторов из Франции, французы, видимо, могли считать себя более одаренным народом, чем немцы. Точно так же в наших немецких книгах можно было прочесть, что мы во многом превосходим русских и поляков только потому, что в прошедшие столетия немецкие мастера воздвигали в Кракове, Москве и Киеве весьма значительные сооружения. В книге Гитлера «Майн кампф» я прочел, что русские настолько неспособная раса, что они не в состоянии сделать даже нормального автомобиля. А они строят спутники! Кто может сейчас предсказать, чего достигнут африканцы через 100 лет, даже если они сегодня еще бегают нагишом?

В той же пресловутой книге Гитлера было написано, что рождение ребенка от брака белого человека с черным — явление ненормальное. Это так же «против природы», как скрещивание лошади с ослом, в результате которого получаются лишь бесплодные мулы. Это чистый вымысел, и говорит он о вопиющей необразованности. Скрещивание лошади с ослом соответствует примерно скрещиванию человека с шимпанзе. На Земле существует только один вид человека. Монголоиды, европейцы и негроиды всего лишь расы. От смешанных браков рождаются метисы, обладающие наследственностью промежуточного характера. Если это происходит в массовых масштабах, возникают новые народности. Все наши народы и нации возникли в результате смешения древних народностей *. В Южной Америке такое народообразование происходит и в наши дни. Эти «цветные» счастливо сочетают в себе жизнерадостность и «тропикоустойчивость» негров с предприимчивостью европейцев. Научно доказано, что нет таких браков, в которых потомство унаследует лишь «плохие» качества обоих родителей. Дети от смешения индейцев с белыми или от африканцев с европейцами только там становятся «неполноценными», где они вынуждены с малых лет скитаться среди нищих или преступных элементов.

Многие расисты выслушивают с удовольствием, что у африканцев мозг в среднем несколько меньше (1315 граммов), чем у европейцев (1360 граммов). Но при этом нельзя забывать, что мозг китайца в среднем весит еще больше (1430 граммов). К интеллекту ни то ни другое не имеет ни малейшего отношения, так как число клеток у всех трех рас одинаковое, а именно 15 миллиардов, только

каждая отдельная клетка у африканца несколько меньше, а у монголоида больше.

Если покопаться в собственном генеалогическом древе, то можно обнаружить, что наши деды и прадеды приводили себе жен из ближайших деревень, в лучшем случае из другого города. Вся родня сидела в одном районе. Сегодня же у каждого из нас родственники и далеко на севере, и на юге, у многих даже в Америке или в Австралии. С каждым десятилетием люди все больше разъезжают по свету и женятся все в более отдаленных местностях. По-видимому, благодаря этому свежему кровосмешению люди от года к году становятся все более рослыми и раньше созревают. Известно, например, что в Европе средний рост свежеиспеченных рекрутов за последнее столетие все время увеличивается *. Так, сейчас средневековое рыцарское снаряжение вряд ли комунибудь из нас налезет. Ведь каждому специалисту-селекционеру известно, что гибриды обычно жизнеустойчивее и крупнее своих исходных форм. От смешения человеческих рас можно ожидать того же. Будущее целых континентов будет зависеть от мирного смешения различных народов, при котором обычно появляется особенно много талантов и гениев. Лишь бы африканцы и индонезийцы не переняли у нас, белых, такие чувства, как национализм и расовая дискриминация.

Человек из так называемых цветных ничем от нас не отличается и имеет равные с нами права, поскольку мы ничем не можем доказать его «неполноценность». Разумеется, нельзя, как это часто делается, сравнивать неграмотного африканского деревенского парня с приезжим европейцем. Ведь если мы сравним африканского банковского служащего из Аруши с конюхом какой-нибудь отдаленной баварской деревушки или африканского учителя или профессора университета с английским докером или русским крепостным двухсотлетней давности, тогда все уже будет выглядеть по-другому. Разве не возмутительно, что даже сегодня в той или иной стране индийскому министру, как цветному, отказываются предоставить номер в гостинице, в то время как необразованного европейского фермера пускают туда охотно даже небритого?

Для меня лично африканец — равноправный человек и брат.

Про ядовитых змей

В один из октябрьских дней мой сын Михаэль сидел под деревом возле нашей алюминиевой хижины и читал книгу. Внезапно до него донесся крик нашего повара Ямбуны. Громко вопя и жестикулируя, тот бежал к дому с палкой в руке. Оказывается, с дерева, под которым сидел Михаэль, примерно в полуметре от его плеча не спеша спускалась черная мамба; она достигала в длину около четырех метров.

Змея намеревалась укрыться в кустарнике возле самого нашего дома, Михаэль же попытался длинной бамбуковой палкой отвести ее в другую сторону. Однако мамба не давала себя сбить с заранее намеченного пути; язык ее непрерывно вибрировал, а голову она приподнимала примерно на полметра от земли. Михаэль не отважился схватить ее за хвост. Так она и исчезла в колючих низких зарослях.

Столь близкое соседство ядовитой змеи совсем не приводило нас в восторг. Хотя черная мамба и пользуется громкой славой, но известна отнюдь не своей красотой, а смертоносностью.

Особенно мы боимся за нашего «бушбэби». Поэтому мы решили сжечь кустарник, в котором она укрылась. Однако змея, по-видимому, спряталась в норе и не желала оттуда вылезать. Ничего не поделаешь, пришлось смириться. Постепенно мы позабыли о неприятном соседстве, тем более что в течение последующих недель мамба ничем не давала о себе знать.

На этом и кончаются все наши л и ч н ы е познания, касающиеся страшной мамбы, по крайней мере здесь, в Африке; во Франкфурте-то у нас в зоопарке предостаточно ядовитых змей. Хотя мамба в Африке считается и не редкой змеей, лично я на воле не видел там ни одной из них (в то же время я не хочу оспаривать, что, возможно, уже не одна мамба видела меня).

Но я могу рассказать потрясающие истории о злодеяниях черной мамбы, которые я вычитал в книжках или слышал от «очевидцев». Ведь находится немало любителей создать этой змее скандальную репутацию...

Вот, например, рассказывают такой случай. Жених с невестой решили прокатиться верхом. Вдруг из травы им навстречу поднялась черная мамба, держа голову на высоте лошадиной морды. Парочка немедленно поворачивает и, пришпоривая лошадей, галопом мчится обратно, однако мамба их настигает, кусает жениха, кусает невесту, а затем и обеих лошадей. Все умирают.

Или. Один фермер, повстречав мамбу, тут же убивает ее выстрелом в голову. Желая отучить свою молодую жену бояться змей, он кладет убитую мамбу на полу их спальни, свернув ее кольцами, словно живую. Спустя два часа подвыпившие гости заметили, что молодая женщина так и не вернулась к столу после того, как пошла укладывать детей спать. Перепуганный муж нашел ее мертвой на полу, а рядом с ней вторую, живую мамбу, которой он тут же размозжил палкой голову.

— О боже, я же должен был знать, что супруг мертвой змеи всегда приходит, чтобы отомстить за убитую подругу! — закричал он, ломая руки.

И еще. Один государственный чиновник вел машину по пустынной местности, увидел мамбу, переползавшую через дорогу, и решил ее переехать. Тогда змея поднялась, догнала машину и на полном ходу прыгнула в окно. Двое укушенных пассажиров упали замертво.

Теперь я должен внести некоторые пояснения. Во-первых, змеи не живут парами, а следовательно, у них не бывает никаких «мужей» и «жен». Они встречаются только для короткого спаривания и расползаются в разные стороны. Когда встречаешь двух змей вместе, то это могут быть как два самца, так и две самки. Если ядовитая змея наткнется на мертвую подругу, она отнюдь не может догадаться, как и кем та была убита, и уж никоим образом не может испытывать жажды мести.

Ядовитые змеи на человека не охотятся. Проглотить человека они не могут, так как вынуждены заглатывать свою добычу целиком: грызть и жевать они не в состоянии. Такое крупное существо, как человек, от укуса змеи умирает отнюдь не так молниеносно, как мелкая добыча этих рептилий; он еще в течение нескольких минут, а то и получаса в состоянии убить укусившую его змею или хотя бы ранить ее. Поэтому даже самые опасные ядовитые змеи избегают встречи с людьми. Завидя нас, они ста-

раются спрятаться в кусты, уйти в нору или расселину между камнями. Даже если змея ползет вам навстречу, это еще не значит, что она собралась на вас напасть; иногда вы просто стоите перед входом в ее нору, и она проскальзывает в нее меж ваших ног или опрометью бросается туда через ваше плечо с дерева, не имея ни малейшего намерения вас укусить.

Я сотни ночей провел в Африке, причем очень многие из них — в хижинах местных жителей, на голой земле в палатке, а порой прямо под кустом. Тем не менее я должен признаться, что ни разу мне не пришлось проснуться в холодном поту от того, что на моей груди свернулась кобра и не мигая смотрит мне в лицо; ни разу, засовывая по утрам ноги в ботинки, я не наткнулся на африканскую гадюку. Между прочим, в Африке я никогда не ношу высоких сапог, а только спортивные тапочки или сандалии. Но я все-таки не стану отрицать, что подобные вещи *могут* с кем-нибудь случиться.

Так, ранней весной этого года в Банаги один из африканских рабочих парка лежал с тяжелым приступом малярии в своей сторожке. Вдруг он почувствовал, что рядом с ним кто-то шевелится, стал ощупывать пол возле постели, и тут его укусила в руку мамба. Наш друг Майлс Тернер сразу же приехал к нему с «аптекой от укусов змей». Это очень разумно составленный набор сывороток в специальном жестяном ящике, которые выпускает змеиный питомник «Фиц-Симонс» в Дурбане (Южная Африка). Мы всегда возим с собой такой ящичек в машине и в самолете. Майлс сделал укушенному глубокие надрезы на руке, только вдоль (поперек их ни в коем случае нельзя делать, чтобы не повредить какие-нибудь сухожилия, нервы или кровеносные сосуды), втер в раны перекись марганца и затем ввел ему сыворотку. Пострадавшего отвезли в госпиталь в Икому. Вернулся он только через два месяца. Так как змеиный яд имеет способность омертвлять большие участки мускульной ткани, этот человек впоследствии мог показывать такой фокус: всовывал палочку в одно отверстие на руке и вытаскивал ее 20 сантиметрами выше из другого.

Кай, молодая жена Майлса, одно время очень волновалась из-за того, что каждую ночь на чердаке над тонким потолком их спальни возилась огромная мамба. Она охотилась там на летучих мышей и крыс. Кай так настойчиво приставала к мужу с этой мамбой, что он наконец вместе со своим заместителем разобрал полкрыши и с охотничьим ружьем и большим зарядом дроби пополз

по чердачному перекрытию. Он нашел два целых выползка[1] с сохранившейся роговицей от глаз, а также остатки от многих змеиных пиршеств, но самого чудовища отыскать не смог. Так змея и продолжает шуршать над потолком, и Кай со временем пришлось привыкнуть к этому.

Я не собираюсь, боже сохрани, утверждать, что от змеиных укусов нельзя умереть. Очень даже можно. У меня был друг, испанец Луис де Лассалетта, который поймал в Западной Африке двух молодых горилл для Франкфуртского зоопарка; он же привозил нам гигантских камерунских лягушек. В январе прошлого года ядовитая змея, которую он хотел засунуть в ящик, вырвалась и укусила его в шею. Через десять минут он был мертв.

Но ведь обыкновенные смертные обычно не ловят в Африке ядовитых змей и не пересаживают их голыми руками из ящика в ящик...

С другим моим знакомым, Мерлином Перкинсом, директором одного из двух больших зоопарков Чикаго, дважды чуть не случилось то же самое. Когда он был куратором по рептилиям зоопарка в Сент-Луисе, его укусила кассава (или африканская габунская гадюка). Эти толстые, неповоротливые змеи могут издавать такое же громкое шипение, как проткнутая автомобильная камера. Укус был не самый опасный — в указательный палец. Кроме того, только о д и н из двух ядовитых зубов проник в кожу. Рану сейчас же разрезали и высосали. Перкинс обратился за советом по телефону в Нью-Йорк. Но поскольку в то время сыворотка против яда этой змеи еще не была найдена, пострадавшему стали вводить все сыворотки против других ядов — гремучей змеи, кобры и южноамериканской копьеголовой гадюки. Несмотря на все старания, пациент все же потерял сознание, пульс его упал до 50 и вскоре совсем перестал прослушиваться, зрачки неестественно расширились и не сужались от резкого света, моча была насыщена кровью. Когда смерть уже казалась неминуемой, больному сделали переливание крови, которое ему сразу помогло. Через три недели ему уже разрешили выписаться из госпиталя. В 1951 году его снова укусила змея, на этот раз южноамериканская, и тут понадобилось уже несколько переливаний крови; случилось это во время телевизионной передачи *.

Обыкновенные люди, которые, разумеется, не участвуют в подобных опасных телевизионных выступлениях,

---

[1]Выползок — сброшенная змеей во время линьки кожа.— *Прим. пер.*

могут подвергнуться укусу ядовитой змеи только в том случае, если наступят на нее нечаянно ногой, сядут на нее в траве или заденут головой за сук, на котором она отдыхает. Еще чаще змея может укусить, когда кто-нибудь хочет ее убить или поймать и ей приходится защищаться. Но в общем-то почти всегда можно спастись бегством, исключая лишь те случаи, когда змея делает совершенно неожиданный бросок.

Мы часто переоцениваем скорость передвижения этих созданий. Ни одна змея не может догнать человека. Джеймс Оливер, куратор по рептилиям в Нью-йоркском зоопарке, написал целую книгу об истинном поведении змей и суевериях; кстати, рассуждая здесь о змеях, я в основном на нее и опираюсь. Однажды Оливер с секундомером в руках проследил, что самая «быстроходная» из всех ядовитых змей — черная мамба — может развить скорость примерно лишь 11 километров в час. В то же время лошадь и даже человек на короткой дистанции могут развить скорость до 30 километров в час. Убегать от слонов, львов, горилл, носорогов или бегемотов нет особого смысла, а порой и опасно, так как вид убегающего всегда может вызвать у них желание напасть. Что же касается ядовитых змей, то от них можно и нужно улепетывать во все лопатки.

Даже отрубленная змеиная голова способна еще на смертельный укус. Однако бросок ядовитой змеи происходит отнюдь не «быстрее молнии». Когда однажды при помощи съемок проверили быстроту броска гремучей змеи, то выяснилось, что ее голова движется со скоростью примерно 2,7 метра в секунду. Бросок кобры происходит еще медленнее *. Секунда ведь достаточно долгая: даже неподготовленный человек наносит удар кулаком со скоростью 6 метров в секунду — это вдвое быстрее, чем бросок гремучей змеи. Форель плавает со скоростью 2,3 метра в секунду, пчела пролетает 2,8 метра в секунду, а стрекоза — 7,5 метра в секунду.

Умелые «заклинатели змей», шутя и играя, стукают кобру по голове прямо во время ее броска. Большинство змей могут настигнуть свою жертву, только если она находится на расстоянии трети или половины длины их собственного тела. Однако те африканские змеи, которые плюются ядом, целясь прямо в глаза, могут попасть в свою жертву и с двух, а иногда и с трех метров. Яд вызывает в глазах страшную боль и тяжелейшее воспаление. Иногда люди при этом на две-три недели теряют зрение, а в исключительных случаях и совсем слепнут *.

Заклинатели змей, сидящие вдоль обочин дорог с кобрами в корзинках, играя перед ними на флейте, отнюдь не заклинают этих рептилий, а используют именно их медлительность. Тот, кто знаком с повадками кобр, может легко избежать смертельного укуса. Например, днем кобры, как правило, совершают только ложные броски — с закрытой пастью. Фокусники специально выбирают себе те экземпляры, которые не стараются все время уползти, а, наоборот, подолгу стоят с вертикально поднятой головой. Заклинатель поводит флейтой из стороны в сторону, чтобы раздраженное состояние животного не ослабевало и чтобы змея, оставаясь в вертикальном положении, поворачивала голову вслед за всеми его движениями. При этом она совершенно не слышит звуков флейты, так как змеи глухи, они не воспринимают воздушных звуковых волн, у них нет даже ушных отверстий. Когда однажды очковой змее заклеили лейкопластырем глаза и рот, она продолжала гневно подниматься, когда кто-нибудь проходил мимо; когда же при ней стучали палкой по пустой жестянке, она этого шума совершенно не замечала. Эти животные воспринимают лишь вибрацию почвы и запахи. Тем не менее до сих пор некоторые верят в то, что змей можно «заворожить» музыкой.

Несмотря на всю свою ловкость, многие заклинатели змей рано или поздно погибают по милости своих питомцев. Это объясняется очень просто: со временем эти люди становятся чересчур уверенными в себе и оттого легкомысленными. С нами, работниками зоопарков, такое тоже легко может случиться. 20 лет тому назад я держал у себя дома отечественных гадюк, ядовитость которых обычно сильно преувеличивают. Погибнуть от их укуса могут разве что дети или ослабленные, больные люди, и то только в виде исключения. У меня тогда еще не было опыта в обращении с ядовитыми змеями, но я заметил, что они совершенно спокойно разрешают брать себя в руки. Брал я их обычно сверху, чуть позади головы. Но однажды я где-то прочел, что они могут сильно сдвигать нижнюю челюсть вбок и при этом, извернувшись, вонзить в палец ядовитые зубы верхней челюсти. На другой день я надел на всякий случай кожаную перчатку, и первая же змея, которую я взял в руку, продемонстрировала мне этот прием...

Большинство людей переоценивают вероятность встречи с ядовитыми змеями в тропиках. Однако они себе при этом не представляют, что значит погибнуть от змеиного укуса. Ведь маленькие жертвы, для которых предназна-

чена эта дьявольская отрава, погибают от нее молниеносно, возможно даже безболезненно. Мы же больше их в десятки, сотни раз и потому мучаемся от укуса долгие часы, а то и дни.

Далеко не все змеиные яды уже полностью исследованы. Но мы знаем, что одни из них поражают нервную систему, другие — кровь и ткани и что существует множество комбинаций из них. Яды, поражающие нервную систему, вызывают судороги и параличи в первую очередь дыхательного центра. В то время как дыхание уже прерывается, сердце часто продолжает еще некоторое время биться. Определенные составные части ядов делают стенки кровеносных сосудов проницаемыми; тогда кровь проникает непосредственно в ткани, конечности становятся красными, затем черными, ужасно набухают, у пострадавшего поднимается кашель и рвота, в его испражнениях появляется кровь, глаза тоже наливаются кровью. Человек при этом может погибнуть от кровоизлияния в брюшную полость. Другие составные части ядов вызывают разложение тканей: они предназначены для подготовки добычи к лучшему перевариванию в змеином желудке, ведь змея не способна жевать и вообще размельчать свою пищу. Умерщвленная ядом крыса переваривается змеей за четыре дня, на переваривание дохлой крысы змее необходимо 13 дней. Даже в тех случаях, когда пострадавшего с помощью сывороток удается спасти, яд часто все же приводит к отмиранию конечностей, вызывает страшное жжение, длительные воспаления; укушенный может ослепнуть, оглохнуть или остаться частично парализованным.

Здесь, в Танганьике, люди племени киока прекрасно умеют обращаться с ядовитыми змеями. Несколько лет тому назад один молодой американец, собиравший змей для американских музеев, подружился с вождем этого племени Калолой и его племянником Ньокой. Однажды юный американец стал свидетелем того, как Ньоку укусила в ногу черная мамба. Американец страшно разволновался, но пострадавший успокоил его, уверяя, что ничего особенного с ним не случится, что он якобы «змееустойчив». Однако искреннее участие белого так его тронуло, что он обещал посвятить его в ритуальные тайны своего племени.

Американцу пришлось принять участие в целом ряде колдовских церемоний. Так, ему сделали много маленьких надрезов по всему телу и втерли туда порошок под названием «лукаго», состоящий из самых различных

компонентов, среди которых основную роль играли высушенные и измельченные в пудру головы и хвосты ядовитых змей. Под конец он должен был схватить мамбу и позволить ей себя укусить.

Молодой человек был убежден, что сделал большое открытие, и хотел свои новые познания использовать на благо человечества. К счастью, он прихватил с собой в лагерь экспедиции нескольких подаренных ему ядовитых змей. Когда сведущие специалисты их обследовали, то выяснилось, что у всех змей удалены ядовитые зубы. Значит, американца кусали совершенно обезвреженные животные.

Однако далеко не всегда можно быть уверенным в том, что уличные фокусники манипулируют с безвредными змеями. Иной турист, уверенный в этом, начинает трогать змею, а «заклинатель» делает только вид, что хочет этому помешать, чтобы спасти себя от штрафа: ведь всякий несчастный случай для него только реклама.

Так, в Гане один такой «заклинатель змей» предлагал какое-то колдовское средство против змеиных укусов. Чтобы обставить дело как можно интереснее, он принес с собой кобру и двух кассав. «Заговорив» кобру, он дал подержать ее одному из зрителей. Змея укусила этого человека в щеку, и через час он умер. После выяснилось, что все три змеи имели совершенно целые ядовитые зубы и железы их были полны яда. «Факир» получил три года тюрьмы за непреднамеренное убийство.

А в общем и целом в Африке с ядовитыми змеями дело обстоит точно так же, как со львами и слонами: если не задаваться специальной целью их найти, их никогда и не увидишь.

Сложные манипуляции с „чудо-ружьем“

Мы с Михаэлем лежим рядом на своих раскладушках в нашем алюминиевом домике, гримасничаем и размышляем. Гримасничаем мы потому, что бреемся. Бриться здесь электрическими бритвами не так-то просто, ведь до ближайшей электросети 400 километров. Эту тяжелую задачу каждый из нас решил по-своему: я пользуюсь электробритвой, в которую прямо закладывается батарейка от карманного фонарика. Такие батарейки можно купить в любой индийской лавчонке в самой отдаленной африканской деревне, достать их не труднее, чем гуталин. Одной хватает на четыре — шесть недель.

Белый элегантный аппарат Михаэля стоит вдвое дороже, и заряжать его надо от электросети, если таковая имеется. Михаэль считает, что мы все равно каждые две недели бываем в Найроби или Аруше, где в отеле это всегда можно провернуть. Он заявляет, что мой аппарат, видите ли, слишком громко жужжит и слишком медленно бреет. Я же в свою очередь утверждаю, что в Найроби он летает специально лишь затем, чтобы заряжать свою элегантную аппаратуру.

Вот так каждое утро мы отстаиваем свои принципы — каждый свои. Люди ведь испокон веков привыкли отстаивать свои принципы, и часто они ненамного важнее этих.

Итак, мы надуваем то одну, то другую щеку и строим всяческие гримасы. Одновременно мы напряженно размышляем: у нас есть для этого серьезные причины. Так же как сегодня, мы совещались уже не раз за последние недели. Мы теперь точно выяснили, что все наши 367 тысяч крупных четвероногих в сезон дождей целые недели и даже месяцы пасутся за пределами новых восточных границ парка. Животные, ради которых был основан национальный парк, ежегодно должны будут жить какую-то часть года вне границ заповедника. Во время дождей

они собираются огромными стадами и кочуют по открытой степи. Мы каждый день можем летать вслед за ними и таким образом знаем, где находится то или иное стадо.

В сухое время года все выглядит по-иному. Стада разбиваются на небольшие группы, состоящие из 100 или 150 голов. Бóльшая часть их пасется в «коридоре» возле озера Виктория, а других мы встречали на севере, далеко за пределами парка. Но те ли это самые, которые в сезон дождей огромными армиями пересекали степь? Нас неотступно преследует мысль: их необходимо покрасить, чтобы иметь возможность распознать среди других. Может быть, загнать их между двумя заборами, сходящимися наподобие воронки? Там, в конце этой воронки, каждое животное должно будет переплыть лужу с красной краской. Нет, мы уже давно убедились в том, что из этого ничего не выйдет. Их шерсть должна быть предварительно хотя бы обезжирена. Наши 99 481 гну — черные, а черные волосы нельзя выкрасить в красный цвет, в лучшем случае их можно покрыть масляной краской.

Михаэль бросает окурок сигареты прямо возле кровати, спускает ногу и вдавливает его каблуком в рыхлый песок. Это очень практично, когда в комнате вместо пола грязный рыхлый песок. Не надо тратить времени и энергии на подметание: всякий мусор можно прямо бросать на землю и закапывать. Хорошо, что здесь одни мужчины! Михаэль говорит:

— А кстати сказать, попробуй-ка загнать стадо гну или зебр туда, куда тебе надо! Разве ты не помнишь, как мы однажды пытались это проделать с помощью двух машин? Как только животные заметят, что их куда-то теснят, они непременно вырвутся и побегут в обратном направлении.

Ушные метки слишком малы. Если их сделать даже побольше и цветными, все равно такую зебру трудно отличить среди трех тысяч остальных. Ведь они должны бросаться в глаза всякому, включая посетителей парка, которые тогда тоже смогут сообщать о месте их нахождения. А нельзя ли отдельным животным вешать на шею маленькие батарейные передатчики, которые будут запеленгованы? Но такой батареи хватит не больше чем на пару недель.

И мы решили остановиться на ошейниках. Но не на кожаных, которые мы уже пробовали использовать: те портятся от сырости и солнца; кроме того, краска держится на них не очень крепко — она соскабливается, осыпается, и вскоре такой ошейник уже становится незаметным. Нам пришла в голову мысль использовать новую

яркую синтетическую ткань, которой теперь обтягивают шезлонги. Такая ткань совершенно невесома, прочна и в любых условиях сохраняет свою кричащую окраску. Мерку мы сняли со своих зебр в зоопарке. Для изготовления ошейников материал нашивается один на другой в пять слоев, правда, для маленьких газелей только в два слоя. Такие воротники не стесняют движений животных, не цепляются за кустарник и, главное, не могут потеряться. Зато с воздуха их прекрасно видно.

Во всем этом деле только одна загвоздка: как ухитриться надеть цветные воротнички на шею газелям и гну? Это не так-то просто. Ведь сначала их нужно изловить. И притом всю операцию проделать очень быстро, иначе стадо, к которому относится данное животное, убежит, и оно не сможет уже к нему присоединиться. Зебру, которой мы 4 мая надели красный нейлоновый ошейник и вдели в ухо метку № 21, один из лесничих увидел 12 сентября на 100 километров севернее, вне границ национального парка; она весело резвилась среди своего стада. 31 октября это животное вновь видели примерно в двух километрах от того места, где мы в мае пристегивали ему ошейник. Даже с воздуха, с высоты 500 метров, его можно было довольно легко отыскать в стаде.

Последние два года в специальной литературе стали рекламировать «чудо-ружье». Действует оно якобы почти как соль, которую в сказке сыплют на хвост какому-нибудь животному, чтобы его поймать. Один профессиональный ловец диких животных в Африке предлагал мне такое ружье за 600 долларов. Он писал, что с его помощью я смогу за несколько минут усыпить и посадить в клетку любого слона, гориллу или льва, прежде чем они опомнятся.

Разумеется, мы приобрели такой волшебный инструмент, правда за четверть этой цены, непосредственно у той американской фирмы, которая их выпускает. Выглядит оно как обычное охотничье ружье, но вместо пороха заряжается стальными баллончиками с углекислотой — точно такими, которые используются для сифонов. Когда нажимаешь на курок, ударник вызывает взрыв заряда с углекислотой. Это создает давление в 50 атмосфер, и заряд летит на расстояние от 20 до 30 метров.

А заряд этот не что иное, как настоящий шприц для инъекций, только не стеклянный, а стальной. На конце его полая игла, которая и вонзается в тело животного. От удара при выстреле в заднем отсеке шприца таблетка карбида попадает в воду, отчего выделяется газ, который

5 № 3485

толкает вперед поршень. Таким образом наркотическое средство и вводится через полую иглу в организм животного.

Весьма хитроумное изобретение. Однако до сих пор его, видимо, применяли только на запертых в загонах оленях. Наши же зебры не желали подпускать нас даже на 120 метров. А «шприцемет» в свою очередь был очень чувствителен ко всякого рода толчкам. Заряды нельзя было возить с собой в готовом виде (т. е. с наркотиком впереди и с водой и карбидом сзади), их каждый раз надо было заново приготавливать перед выстрелом, как в аптеке. А ведь животные обычно так долго не ждут. Кроме того, такой медицинский заряд пролетал то 20, то 35 метров, и поэтому попасть нам удавалось крайне редко.

В один прекрасный день шприц вонзился прямо в круглый зад жеребца зебры. Мы с Михаэлем ждали-ждали, но ничего не произошло. Тогда нам пришлось догнать жеребца на машине и на полном ходу вытащить эту штуковину обратно. Оказывается, она не сработала и все снадобье было еще внутри. Если бы мы не заполучили назад этот шприц, то могли бы решить, что доза наркотика слишком мала. А удвоенная доза при следующем выстреле вполне могла бы оказаться смертельной для «пациента». В общем все очень сложно.

Так день за днем мы подкрадывались со своим ружьем к животным. Однако вскоре такая стрельба показалась нам слишком опасной для наших подопечных. Поэтому мы запаковали это «чудо-ружье» и на пассажирском самолете отвезли его во Франкфурт.

Михаэль задумал реконструировать «шприцемет» и в течение 14 дней не выходил из механической мастерской. Он развешивал сложенные вчетверо или впятеро мокрые одеяла и по ним стрелял. У мясника он брал целые туши, выносил их в сад и устраивал там настоящий тир.

Теперь мы привезли в Банаги американское «чудо-ружье», реконструированное по эскизу Михаэля. Поскольку мы все равно подбираемся к животным на машине, нам не мешает то, что ружье присоединено теперь шлангом к большой бутыли со сжатым воздухом. Она создает давление в 200 атмосфер, поэтому заряд пролетает уже расстояние в 40 метров и значительно точнее.

Сам «заряд-шприц» теперь тоже устроен иначе. Прежде карбид смешивался с водой при толчке от выстрела. Таким образом, наркотик начинал выливаться из иглы уже во время полета, отчего часть его терялась, не достигнув цели. Теперь поршень шприца приходит в дви-

жение только после удара о тело животного, и мы можем быть уверенными, что весь наркотик попал в организм, а не расплескался наполовину по дороге. Кроме того, мы заранее заготовляем у себя дома 10 или 15 таких зарядов и берем их с собой в машину; теперь им не страшны ни тряска, ни резкие толчки.

Наш шофер Мгабо очень интересуется всем происходящим. Он внимательно следит за нашими сборами и старается, чтобы все шло как по маслу. Мгабо помнит каждый аппарат и каждый штатив, знает наперечет все наши чемоданы и ящики. У Германа, который сопровождает нас в течение нескольких недель, «лейка». Мгабо почему-то очень расстроен тем, что она изящнее моей «Практисикс». Голосом, полным сожаления, он все время повторяет на суахили:

— Германи камера кидорко!

При этом он сильно растягивает букву «о»: «Кидо-о-орко, во-о-т какой маленький аппарат у Германа!»

Однако это не мешает ему зорко следить за тем, чтобы мы ничего не забыли из нашего охотничьего снаряжения.

Мы потешаемся сами над собой: надо же такое придумать — отец и сын Гржимеки отправляются с ружьем на охоту! Мы знаем, что кое-кто с удовольствием заснял бы нас в этот момент, поэтому тут же делаем это сами.

Ну, допустим, выстрелить и кое-как попасть этим аптечным оружием мы еще сможем. А вот чем наполнять летящие шприцы — еще вопрос. Это самая сложная проблема во всем деле.

— Разумеется же, одним из усыпляющих средств, которые сейчас вводят больным перед операцией,— скажете вы.

Но все не так-то просто. Больному для этой цели предварительно перетягивают резиновым шлангом руку, чтобы под кожей совершенно явственно проступили вены; затем врач осторожно вводит иглу в кровеносный сосуд и вливает наркотик медленно и постепенно. Проделать такое с гну совершенно невозможно, так как для этого его надо предварительно изловить и связать. Но тогда уже отпала бы необходимость его усыплять — можно было бы прямо надевать ошейник.

Поэтому нам нужно выбрать средство, которое вводится не в вену, а просто под кожу. Но в таком случае всегда требуется двойная доза, чтобы достичь действия внутривенного вливания; в то же время наркотик должен быть сильно разбавленным, потому что, попав в ткань, он

больше жжет и вызывает воспаление. Следовательно, в мускул приходится вводить гораздо больше жидкости. А наш заряд вмещает только пять кубических сантиметров. Сколько мы ни советовались с фармацевтами, все они в один голос заявляли, что в пяти кубических сантиметрах воды невозможно развести то количество наркотика, которое необходимо для усыпления лошади.

При этом следует добиться, чтобы животное, в которое попал заряд, не было бы в состоянии долго бежать, ведь оно может удрать так далеко, что мы потеряем его из виду. Но в то же время вскоре после наркоза оно должно вновь очнуться и окончательно прийти в себя. Иначе его стадо успеет далеко уйти, а другие зебры могут его еще и не принять. Если же животное долго будет находиться в бессознательном состоянии или нетвердо держаться на ногах, то легко может стать жертвой хищников, у которых на такие вещи глаз очень хорошо наметан. Когда год тому назад полковник Питер Моллой предложил нам попробовать разгадать загадки Серенгети, мы и не подозревали, что для этого нам придется стать еще и анастезиологами.

Мы знаем очень немного веществ, обладающих молниеносным действием; одно из них — это широко известный страшный южноамериканский яд для стрел — кураре. Но поскольку он парализует не только мускулы, но и диафрагму, то всегда может привести к удушью. Поэтому мы не стали даже пробовать его на наших животных.

Та самая доза наркотика, после которой люди спокойно спят, пока им удаляют аппендикс, в течение долгого времени может не оказывать никакого действия на собаку. Если эфиром легко усыпить кошек, то коровы от него приходят только в крайнее возбуждение. Лошадь хотя и весит примерно в 10 раз больше человека, однако от десятикратной дозы усыпляющего средства даже не теряет сознания. Мозг ее устроен примитивнее и потому не столь восприимчив к ядам — чтобы снадобье подействовало на лошадь, ветеринару приходится увеличивать «человеческую» дозу почти в 100 раз.

Мы с Михаэлем очень осторожно приближаемся к стаду гну. Мы не едем прямо к нему, а делаем вид, что проезжаем мимо, стараясь, однако, держаться как можно ближе. Потом Мгабо медленно тормозит, а Михаэль поднимает ружье и прицеливается. В тот самый момент, когда Мгабо поворачивает ключ от зажигания, раздается

выстрел. Сейчас все гну моментально поднимут головы и отбегут в сторону.

Из предосторожности мы испробовали свое усыпляющее средство еще в Европе на козах. До четырех с половиной миллиграммов на каждый килограмм веса тела они переносили без всякого вреда для себя. Несмотря на это, мы решили для начала нашим большим черным антилопам дать только третью часть такой дозы на каждый килограмм.

Старому, хорошо упитанному самцу заряд попадает в правое бедро. Рана не кровоточит. Я смотрю на секундомер и напряженно жду. В поведении животного ничего не изменилось, оно даже начинает снова пастись.

Но вот через пять с половиной минут гну задрожал, движения его стали неестественными, и спустя еще полторы минуты он упал как подкошенный. Когда Михаэль стал к нему приближаться, гну, шатаясь, поднялся, пытаясь его боднуть. Рога этой антилопы растут вертикально вверх и остры, как кинжалы. Поэтому мы на всякий случай накидываем животному на шею две веревки и валим его на землю.

Этому здоровенному бородачу мы вдеваем в правое ухо алюминиевую метку, такую же, какими принято метить коров или овец. На метке выгравировано по-английски: «10 шиллингов вознаграждения за доставку в национальный парк Аруша». На ухе гну и у нас в списках теперь значится № 25.

Однако мы не уверены, что гиены или львы не сожрут когда-нибудь этого гну вместе с его меткой, поэтому мы еще пристегиваем ему на шею яркий зеленый ошейник. Затем мы оставляем этого старого господина в покое, запаковываем наши шприцы, пассатижи для укрепления меток, ошейники и веревки, садимся в свой полосатый вездеход и отъезжаем на 50 метров. Там мы ждем, пока животное встанет и уйдет.

Проходит восемь часов, а мы все ждем. За это время мы не раз пытались поднять животное на ноги, но оно шаталось и снова ложилось на землю. Правда, теперь гну лежит уже не на боку, а на животе, подняв голову кверху, но он все еще не пришел в себя.

Темнеет. Мы не можем оставить своего пациента одного, потому что на него сейчас же набросятся гиены. Эти физи, как их здесь называют, уже окружили нас довольно плотным кольцом и выжидают. Как только мы тушим фары, они нахально подбегают совсем близко. Тем временем гну, кажется, начинает чувствовать себя

лучше. В половине девятого он принимается жевать жвачку. Когда Михаэль в 11 часов ночи приблизился к нему, чтобы проверить пульс и дыхание, он вскочил на ноги и бросился в атаку. Преследовал он Михаэля не больше чем десять метров, а потом снова свалился.

Ожидание продолжается. В половине второго ночи мы снова вспугиваем гну. Он начинает описывать большие круги, примерно 50 метров в диаметре. Наша машина стоит прямо посредине, но он ее даже не видит. Не замечает он и того, что мы освещаем его карманным фонариком. Когда мы загораживаем ему дорогу, он несется прямо на нас. На звуки он тоже не реагирует, но идет совершенно уверенно, не шатается.

Чтобы зря не возбуждать животное, мы решили отъехать в сторону и выключить свет.

Через пять минут мы его вновь включаем. Как раз в этот момент на нашего пациента прыгает гиена и вцепляется ему в хвост. Гну не оказывает никакого сопротивления, не старается спастись бегством, он просто продолжает идти, а физи, испугавшись света, удирает.

Прокружив таким образом полчаса, гну снова лег на землю. Нам ничего не остается, как оберегать его сон. Наконец в половине шестого утра, следовательно за добрый час до рассвета, наш пациент встает и куда-то идет не спеша, но весьма целеустремленно. Мы следуем за ним четыре километра. Теперь животное нас уже явно замечает: если мы приближаемся, оно начинает бежать быстрее. Когда в семь часов рассветает, гну присоединяется к большому стаду. По-видимому, он догнал своих. Во всяком случае ни одно животное не обратило внимания на его ярко-зеленое украшение.

Хотя гну выглядят крепкими и бодрыми, однако оказывается, что для них велика даже та небольшая доза снотворного, которой усыпляют наших домашних коз. Так как нам совсем не улыбается ночевать возле каждого инъектированного животного, мы еще больше сокращаем дозировку. После многих дней выслеживания, стрельбы, ловли и ожидания мы наконец выявили, что для усыпления гну достаточно тысячной доли грамма на каждый килограмм веса. Тогда нам как раз хватает времени на то, чтобы схватить животное и маркировать его; вскоре после этого оно убегает, и гиены не успевают напасть на него.

На маленьких веселых газелей Томсона та же доза не произвела никакого впечатления. Поэтому с каждым выстрелом мы ее увеличивали. Постепенно мы нашли

необходимую дозировку. Теперь мы, можно сказать, уже набили руку на этом деле: почти точно через семь минут после выстрела козлик начинает дрожать, закидывает голову назад, так что рога его, обычно торчащие косо кверху, ложатся почти горизонтально. Еще минута — и животное падает. Тогда надо скорее подбежать и схватить козлика за рога, так как уже через две или три минуты он снова вскочит как ни в чем не бывало. Однако перед этим его нельзя долго гонять: когда он мчится со скоростью 50 километров в час, никакая инъекция на него уже не действует. Стрелять в него можно только в тех случаях, когда он движется медленно, временами останавливаясь. Тогда он вскоре начинает спотыкаться и падает.

Двух козликов, которым мы нечаянно вкатили слишком большую дозу наркотика, нам пришлось забрать с собой в машину и оставить на ночь у себя в домике. Наш «бушбэби» пришел в ужас от соседства с такими «опасными чудовищами».

Итак, гну и томми мы научились ловить при помощи нашего «чудо-ружья». Нам стоило огромных трудов выяснить, что грациозным газелям томми требуется в 5 раз больше наркотика на каждый килограмм веса, чем массивным антилопам гну. Теперь мы знаем точно, что с этим ружьем нельзя прямо так, запросто отправляться в дикую местность, чтобы ловить там носорогов, шакалов, страусов или львов. Надо сперва выяснить, сколько наркотика требуется для каждого вида животных, а на это уходят дни и недели.

Зебр, например, мы не можем ловить при помощи нашего наркотического ружья: они не подпускают нас на столь близкое расстояние. А нам как раз хотелось, чтобы несколько дюжин этих «тигровых лошадок» разгуливало в красных, синих или желтых ошейниках. Они ведь стоят на втором месте по численности среди всех кочующих животных нашей серенгетской степи.

Недавно я прочел в одной зоологической книге, что полосатая окраска африканских тигровых лошадок вовсе не защитное, маскировочное средство, а наоборот: ею зебры как бы афишируют себя на фоне окружающего ландшафта. Я с этим совершенно не согласен. Как часто мы не могли отличить с самолета стадо ослов от зебр. Из окна автомобиля это тоже трудно сделать. С известного расстояния черные и белые полосы начинают сливаться, образуя однородный серый цвет.

Что, собственно, представляет собой окраска зебр?

Что это — черные полосы на белом фоне или белые на черном? Точно так же можно спорить о шахматной доске: что является рисунком, а что основным цветом. У тигровых лошадок основной все же, видимо, белый цвет, потому что квагги, обитавшие когда-то в Южной Африке, на задней половине тела вовсе не имели полос, а шерсть там была коричневатой. Здесь, в Серенгети, живут зебры Бёма, которых англичане называют также зебрами Гранта. У них ярко-белые полосы. Но несколько южнее, в Африке, можно встретить чэпманских зебр, у которых посреди белой полосы проходит желтая. Еще дальше к югу некогда паслась наиболее пестрая бурчеллиева зебра, у которой не белые полосы, а желтовато-коричневые. Теперь она тоже полностью истреблена. Итак, в окраске зебры основной цвет желтовато-коричневатый или белый.

Сегодня после обеда мы поймали и пометили четырех томми. Мы с Михаэлем изрядно устали. На обратном пути я снова забираюсь на радиатор машины, приведя обе свои камеры в боевую готовность. Теплый летний воздух обвевает меня со всех сторон. Внезапно я замечаю, что вокруг нас совершенно «зимний» пейзаж. Покрытый «изморозью» кустарник стоит голый, без единого листочка, зато каждая веточка сверкает в ярком солнечном свете. Это блестят длинные острые шипы, торчащие во все стороны с каждой ветки.

Мы нечаянно вспугиваем двух детенышей гепарда, лежащих в траве возле самой дороги. Они убегают, но тут из травы в 50 метрах от нас выскакивает их мамаша и злобно бросается к машине. Некоторое время она продолжает бежать рядом с нами на расстоянии полутора метров от колес; скорость ее при этом 50 километров в час.

Обычно гепарды побаиваются людей, и я никогда не подумал бы, что материнская любовь может толкать их на столь смелые поступки.

У дороги стоят две самки жирафа с четырьмя детенышами и с любопытством пялят на нас глаза с высоты своих пяти метров. Все четверо детенышей-однолеток тоже уставились на нас, но уже этажом ниже, с высоты двух метров. Бывают ли у жирафов близнецы или они устраивают детский сад и одна сестра присматривает за малышами другой? Ни одного другого жирафа поблизости не видно.

Да, еще полно никем не разрешенных вопросов, касающихся жизни диких животных.

Мы останавливаемся. По ту сторону высохшего русла

реки Грумети под высокими деревьями резвятся 30 или 40 павианов. Их тощие и неловкие детеныши играют в «салочки» — ловят друг друга за хвост, взбираются на кусты и стягивают один другого вниз. Молодая антилопа бушбок тоже хочет принять участие в игре, но павианчики довольствуются собственным обществом и не обращают на нее никакого внимания. А козлик все стоит, опустив голову, приглашая кого-нибудь с ним побороться. Наконец одна из обезьянок подошла и схватила его руками за рожки. Козлик сейчас же принялся забавно скакать из стороны в сторону.

Один из лесничих однажды наблюдал, как маленькие павианы садились верхом на детенышей антилопы импала
и те охотно принимали участие в этой игре.

Жеребец зебры покусывает кобылу за передние ноги. Она, как бы испугавшись, отбегает, но, поскольку он не отстает, она опускается на колени, пряча ноги под туловище. Тогда он кладет свою шею поперек ее и старается пригнуть голову кобылы к земле. Начинается настоящая проба сил. Но вот он на секунду ослабляет внимание, и она сейчас же подминает его голову под свою; ей даже удается опрокинуть жеребца на бок, но он выскальзывает и вскакивает на ноги.

Разыгравшаяся кобылка дергает его зубами за гриву, опускается перед ним на колени и вызывает его на новую потасовку. Когда он приближается, она внезапно вскакивает, делает вид, что хочет убежать, и в это время лягает его задними ногами. Она явно влюблена — это заметно по тому, как широко она разевает рот и прижимает уши. Таким образом у лошадей и ослов принято выказывать свое расположение.

О зебрах нам пока известно еще очень мало. Недавно один немецкий дрессировщик, Гайнц Гибел, приучил зебру различать 20 различных значков — кресты, кружки, треугольники и т. д.— и только под определенными из них искать свой корм. Животное помнило эти значки и спустя десять с половиной месяцев — значит, зебры обладают достаточно хорошей памятью.

Меня всегда беспокоило, что наши зебры в зоопарке так жиреют. Но здесь, в Серенгети, я убедился, что на воле они еще упитаннее. Так и хочется похлопать рукой по их круглому, блестящему крупу.

Во многих частях Африки, в том числе и в Серенгети, европейские лошади жить не могут. Они погибают от болезни нагана (чума скота). До того как был изобретен

автомобиль, европейцы не раз пробовали приучить зебру ходить в упряжке и под седлом. Зебры становились ручными, охотно тянули повозки, но долго не выдерживали и погибали. И не удивительно: из старых отчетов я узнал, что во время засухи их не подкармливали, как лошадей, концентрированными кормами, а пускали пастись на выжженной, сухой траве.

Возможно, с помощью наших ошейников и ушных маркировок удастся заодно установить, до какого возраста может дожить зебра на воле. В зоопарке они живут очень долго. В Амстердамском зоопарке квагга прожила с мая 1867 до августа 1883 года. К концу своей жизни этот экземпляр остался единственным на земном шаре, так как за это время на его родине белые фермеры успели перестрелять сотни тысяч его собратьев и наделать из их шкур мешки для зерна. А зебра Чэпмана в Дублинском зоопарке прожила даже 46 лет.

Мгабо сворачивает с дороги и медленно едет прямо по степи. В тени единственной зонтичной акации сидят гиеновые собаки; они всегда неравномерно пятнистые — черно-бело-желтые, но непременно с белой кисточкой на конце хвоста. Со скучающим видом они осматривают окрестности. Нам нечего беспокоиться, что они убегут, не дав себя заснять: гиеновые собаки не обращают никакого внимания на автомобили и очень мало — на людей. Даже когда я вылезаю из машины, только некоторые поднимаются на ноги, остальные остаются под деревом.

Странные, зловещие создания эти дикие собаки с огромными ушами. Если они всерьез задумают загнать антилопу канну, водяного козла или гну, то жертва обречена. Когда нам пришлось чинить свой охромевший самолет прямо посреди степей Масаби, мы с Михаэлем наблюдали, как семь таких разбойников ловили самку газели томми. Две гиеновые собаки отогнали газель от ее стада и не спеша бежали за ней. Газель же скакала огромными прыжками, отталкиваясь сразу всеми четырьмя ногами, и через несколько минут уже заметно устала. Тогда обе собаки побежали быстрее, а со стороны наперерез кинулась остальная стая, и не успели мы разобраться в том, что происходит, как газель уже была схвачена и разорвана на куски.

Майлсу недавно удалось наблюдать, как после одного такого разбойничьего налета четыре гиеновые собаки деловито направились к двум норам в земле, заскулили возле них и оттуда появилось четверо щенят. Родители

отрыгнули мясо, и малыши с жадностью на него набросились.

Как-то две такие дикие собаки явно потеряли свою стаю. Они звали ее, низко опуская голову к земле, а затем выпрямлялись и прислушивались. Через несколько минут вся остальная братия уже неслась им навстречу с противоположной стороны холма.

Бывали случаи, когда загнанные антилопы в смертельном страхе старались спастись среди людей — вбегали прямо в лагерь или прятались между работающими на поле женщинами. Иногда собак удавалось прогнать криками и камнями, но часто они, не стесняясь присутствия людей, разрывали свою жертву прямо на виду у всех.

Как только одна из собак впивается зубами в добычу, все остальные делают то же самое. Начинается бурная дележка: одна впивается в горло, другая поглощает внутренности, а третья — нерожденного детеныша, вывалившегося из вспоротого живота. Это выглядит омерзительно и страшно, но происходит в столь быстром темпе, что не успеваешь оглянуться, как все уже кончено.

Гиеновые собаки не побоялись как-то напасть даже на бегемота; они прыгали гиганту на грудь, и тот в явной растерянности был рад-радешенек, когда наблюдавший эту сцену человек отвлек разбойников выстрелом; бегемоту за это время удалось добежать до воды. Тогда эти нахалы окружили двух слонов, и те боязливо попятились, подняв кверху хоботы. Если затравленная гиеновыми собаками жертва пускается вплавь, она спасена. В воду они идти не решаются — может быть, из-за врожденного страха перед крокодилами.

А тут на расстоянии не более 100 метров от отдыхающих гиеновых собак мирно пасется целое стадо газелей Томсона в 400—500 голов. Газели наверняка видят собак, но не выказывают ни малейшего страха. Такое поведение может показаться странным, но мы уже не раз замечали, что, когда через стадо гну проходит лев, те не бросаются врассыпную, а лишь отходят на почтительное расстояние, уступая ему дорогу. Дело в том, что лев, которого зебры или антилопы в и д я т, не представляет для них опасности. Стоит им пуститься наутек, и ему вряд ли удастся их догнать. Опасность возникает только в момент, когда лев внезапно и с ч е з а е т. Тогда в стаде начинается заметное волнение, так как это может означать, что хищник где-то затаился и подкрадывается.

А вот гиеновые собаки в любой момент могут догнать кого угодно, и все-таки почему-то их потенциальные

жертвы не скрываются от них. По-видимому, по поведению хищников они определяют, голодные ли те и находятся ли в охотничьем азарте. Наши овцы, козы и коровы тоже ведь не убегают при виде каждого человека, хотя в один прекрасный день непременно погибнут от человеческой руки.

К счастью, человек не числится в «меню» гиеновых собак. Правда, фон Леттов-Форбек в одной из своих книг рассказывает, будто бы слышал, что гиеновые собаки в Танганьике разорвали какого-то европейца. Нашли якобы пять убитых собак, пять пустых гильз от патронов и остатки от его трупа.

140 Я не знаю, было ли это на самом деле, но все равно отдельные исключения не могут опровергнуть общего правила.

Кстати, мне известно, что подобные случаи бывают и в Европе с нашими собаками. Так, в феврале 1959 года в Филлахе (Австрия) 12-летний мальчик бросился с кнутом в руках защищать свою овчарку от напавших на нее двух догов, сорвавшихся с цепи в соседней деревне. Те сначала вцепились в овчарку, потом бросились на мальчика и так покусали несчастного, что его не удалось спасти даже переливанием крови.

У меня собрано несколько сообщений за последние полстолетия, в которых говорится о том, как домашние собаки загрызали людей. Если бы я их опубликовал в какой-нибудь стране, где никогда не видели собак, то ее жители, посетив в один прекрасный день Европу, непременно хватались бы каждый раз за пистолет при виде собаки. Так же обстоит дело и с дикими животными Африки. В книгах и фильмах всячески изощряются, описывая их как можно более кровожадными, чтобы человек, отважившийся к ним приблизиться, мог прослыть у себя дома героем и снискать всеобщее восхищение.

В последние дни августа мы повстречали здесь стаю гиеновых собак — 14 взрослых и 9 молодых. Они только что расправились со своей добычей и трусили дальше. Внезапно оба вожака стаи остановились как вкопанные и уставились на стадо из 40 гну, которое паслось на расстоянии примерно 800 метров. Затем они не спеша двинулись в сторону антилоп. Остальные собаки, тоже не торопясь, последовали за ними на расстоянии 200 метров.

Вдруг откуда-то сбоку появилась большая гиена. Один из вожаков резко свернул и погнался за физи. Та бросилась наутек, но удрать ей, конечно, не удалось. Собака схватила ее за заднюю ногу и опрокинула. Гиена громко

завизжала, но не делала никаких попыток сопротивляться. Укусив ее раза два, собака снова побежала своей дорогой.

Когда оба вожака приблизились к стаду гну примерно на 400 метров, нам показалось, что они в беге прямо распластались по земле. Гну тоже это заметили и бросились врассыпную. На несколько мгновений все скрылось в туче пыли. Тем временем подтянулась остальная стая. Когда пыль осела, мы, к своему удивлению, увидели, что гну разделились на четыре небольшие группы и стояли плотными кругами, рогами наружу, защищая сбившийся посередине молодняк. Гиеновые собаки тоже разделились. Но каждая их попытка прорвать сомкнутый круг терпела неудачу: всюду их встречали низко опущенные острые рога. Мы ждали. Внезапно какой-то беспокойный теленок вырвался из одной группы наружу. С быстротой молнии вся стая оказалась около него. Пока мы успели подойти, теленок был уже растерзан. Стадо снова рассыпалось по степи, а собаки отправились своей дорогой.

В зоопарках редко можно увидеть гиеновых собак. Возможно, потому, что они слишком похожи на обычных собак и не имеют достаточно устрашающего вида. Если у них рождались малыши, то их, как правило, удавалось выкормить только из рожка или с помощью домашней собаки-кормилицы. Гостивший у меня недавно директор Московского зоопарка И. П. Сосновский рассказал мне, что случай неожиданно помог ему вырастить приплод гиеновых собак естественным путем. Служитель, ухаживающий за хищниками, забыл отделить самца от выводка, как это обычно практикуется. И вот служащие Московского зоопарка, к своему удивлению, увидели, как самец брал голову каждого щенка в свою огромную пасть и отрыгивал для него мясо.

Между собой эти жестокие убийцы держатся вообще очень миролюбиво. Когда встречаются две стаи, они радостно обнюхивают друг друга, смешиваются в одну общую и расстаются без малейшей враждебности. Даже когда однажды у горы Меру свора охотничьих собак повстречалась со стаей диких гиеновых, все обошлось также мирно и спокойно.

Щенята гиеновых собак, выкормленные из рожка, становятся впоследствии весьма общительными, однако душат всех кур в окрестности и хватают соседей за ноги. К тому же каждая прирученная гиеновая собака издает такой неприятный запах, что с ней все равно вскоре приходится расстаться. Заметьте: оказывается, вонь тоже хорошее средство сохранить свою свободу!

Поход против браконьеров

142 — Надо же! Приехать встречать меня прямо на аэродром, так далеко от Найроби! — говорит дама впереди меня на чистейшем немецком языке, обнимая какого-то мужчину с аккуратно подстриженными седыми усами.

Я не верю собственным ушам. Целую ночь и почти до обеда мы просидели с ней рядом в креслах самолета, и она мне успела многое о себе рассказать: и о том, что она впервые за шесть лет выбралась из Южной Африки в Европу, чтобы провести там свой отпуск; и о том, что она чувствовала себя неуверенно на автостраде и потому приделала сзади к своей машине щит с надписью: «ЮЖНАЯ АФРИКАНКА В ОТПУСКЕ. ПРОСЬБА БЫТЬ ОСТОРОЖНЫМИ». Все это время мы разговаривали друг с другом по-английски. А теперь выясняется, что она немка и 30 лет назад вышла замуж в Южной Африке!

Не видя за барьером для встречающих Михаэля, я начинаю нервничать. Он уже три недели как здесь, в Африке, а я смог выбраться только сейчас. Я, признаться, не люблю, когда он один летает над Серенгети: мне всегда чудится, что с ним каждую минуту может стрястись какая-нибудь беда. Я пришел к выводу, что мы, мужчины, все-таки неисправимые эгоисты: вот ведь моя жена всегда остается во Франкфурте и должна волноваться не за одного, а за целых двух мужчин!

Из самолета я прихватил кое-что с собой, чего вообще брать не положено. Дело в том, что мы никак не можем выяснить, где покупают всем известные водонепроницаемые пакеты, которые кладут в карман на спинке кресла. Зато я делаю широкий жест и всовываю в эти карманы все красочные карты и проспекты, которые бесплатно выдаются каждому пассажиру. В нашей полосатой «зебре» накопилась уже целая коллекция таких водонепроницаемых пакетов с надписями: «KLM», «Lufthansa», «BOAC», «Sabena», «SAS». Они нам необходимы потому, что время

от времени приходится подвозить то кого-нибудь из местного правительства, то лесничих других национальных парков, то масаев и других африканцев.

Но вот наконец и Михаэль. Он уже загорел, а я пока еще бледный. Мне почему-то пришло в голову, что у русских и поляков есть такой милый обычай обниматься на вокзале и троекратно прикладываться щекой (пусть даже небритой) к щеке. Но у нас не приняты такие сентиментальности, и потому мы просто пожимаем друг другу руку.

Миха что-то похудел. Это и не удивительно, раз никто не следит за тем, чтобы он ел что-нибудь. Рядом с ним стоит Герман, отпустивший за это время рыжую бороду.
Занятно, что каждый молодой человек непременно использует любую возможность, будь то на войне или в экспедиции, чтобы испробовать, как он будет выглядеть с бородой. Михаэль это тоже проделал три года назад в Конго. А Герман выглядит как древний германец в пробковом шлеме! Ему приходится нахлобучивать себе на голову эту смешную посудину, потому что он очень белокожий и легко может получить солнечный удар.

Чтобы не терять времени, мы распределили между собой роли и каждый делает свое: один закупает овощи у индийского зеленщика, другой — хлеб у польского булочника, а третий — остальное продовольствие в итальянском гастрономе. Мы с Михаэлем давно усвоили нехитрую науку наших деревенских бабушек: для хозяйства надо все закупать впрок, на несколько недель вперед. На дверях нашего алюминиевого домика, там, далеко в серенгетской степи, лейкопластырем приклеен листок бумажки и на веревочке болтается карандаш. Туда каждый вписывает, что ему нужно привезти. Чего только нашей «Утке» не приходится тащить в своем «брюхе»: десять больших ананасов, две грозди бананов, мешок картошки, макароны, муку, 200 яиц, 20 килограммов мяса, сахар, спички, батарейки, шесть ящиков с минеральной водой и пивом, капусту, салат, туалетную бумагу, четыре ящика разных консервов да еще в придачу нас троих.

Все это наша славная полосатая «Утка» с рокотом поднимает в воздух и несет через вулканы и долины туда, где нас с нетерпением ожидает настоящий маленький боевой отряд на 12 автомобилях.

Этот отряд должен нам помочь осуществить один наш замысел. Мы задумали здесь целое дело, притом совершенно секретное. Недавно нам с Михаэлем пришлось

дать с воздуха настоящий бой браконьерам. А для того чтобы поймать их «наземным» способом, придется целой автоколонной углубиться в дикую местность. Но вот вопрос: куда ехать? Ведь так можно заехать и туда, где нет никаких животных, а следовательно, и браконьеров. А так как пока еще никто не знает, каким путем здесь кочуют по степи животные, можно только впустую потратить деньги и время. Администрация национального парка и Охотничье управление уговорили полицию принять участие в нашем походе против браконьеров; однако полицейские сразу же потеряют интерес к этому делу, если в течение нескольких дней не увидят ни дичи, ни браконьеров.

Но теперь мы знаем, куда ехать. Недавно на своей «летающей зебре» мы обнаружили с воздуха стадо, откочевавшее за северную границу национального парка, в кустарниковую саванну. Там дикую местность со всех сторон теснят новые деревни и поперек зеленых лугов тянутся искусственные заграждения из колючего кустарника. Эта часть саванны для браконьеров самая удобная. Равнину вдоль и поперек пересекают речки, окаймленные лесистыми берегами. Высохшие в это время года русла врезаются в землю на пять-шесть метров, так что эти места для машин практически непроходимы. Браконьеры об этом прекрасно знают и чувствуют себя привольно.

Но Майлс Тернер, работая когда-то в этих местах профессиональным охотником, имел здесь свои любимые охотничьи угодья и знает, где на вездеходе все-таки можно перебраться через сухие русла.

С тех пор как здесь запретили охоту, европейские охотничьи экспедиции перестали сюда наведываться, так что местные охотники могут безнаказанно творить все, что хотят. Когда заповедники значатся только на картах, результаты зачастую получаются обратные тому, что было задумано: вся живность там полностью истребляется. Если нет возможности поселить в таком месте лесничего, то можно не трудиться и не изображать на карте какой-либо национальный парк или резерват. Они, правда, прекрасно выглядят во всех путеводителях и прочих печатных изданиях, но могут служить лишь для успокоения соответствующих специальных организаций в Европе и Америке. Для этого все эти проспекты с «заповедными местами» действительно годятся. В любой самой отдаленной африканской колонии и, разумеется, во всех вновь созданных самостоятельных государствах всегда можно получить целую пачку официальных правительственных

предписаний, содержащих закон об охране природы, строгие запреты на охоту и постановления о создании заповедников.

Беда лишь в том, что о существовании этих заповедников и законов в самой стране никто даже и не подозревает.

Спустя четверть часа я уже становлюсь таким же загорелым, как Михаэль. Наша автоколонна едет через Икому все дальше на север. Каждая последующая машина глотает красновато-коричневую пыль, поднятую предыдущей.

Но вон того орла эта пылища, видимо, нисколько не беспокоит: на бреющем полете он врезается прямо в семейство полосатых мангуст и хватает одну из них. Эти мангусты, узкие, длинные животные ростом с кошку, сходны с теми, которые водятся в Индии и уничтожают ядовитых змей. Здесь, в Серенгети, мангусты выглядят очень потешно: полоски у них поперечные, как у зебры. Я таких еще не видел ни в одном зоопарке.

Орел, держа в когтях громко кричащую мангусту, летит с нею к ближайшему дереву. Однако 16 или 20 остальных зверьков отнюдь не бросаются в бегство; наоборот, эти маленькие смельчаки запрыгали на своих коротких ножках вслед за птицей, окружили дерево и начали под ним пронзительно кричать и визжать.

Их трогательная сплоченность вознаграждается: орел выпускает свою жертву, она падает на землю и бежит вместе со всей ватагой в сторону рощицы, где они живут. Оказывается, грозного противника с превосходящими силами порой можно прогнать даже одной руганью и криками, важно лишь действовать сообща.

Наша автоколонна сворачивает с проезжей дороги и до пяти часов вечера едет прямо по бездорожью, через рощи и холмы. В семь часов уже темнеет, и мы готовимся к ночлегу. К своему удивлению, мы видим, что наши спутники разбивают палатки, раскладывают удобные раскладушки и шезлонги. Мы сразу кажемся себе какими-то бедными и неприкаянными и потому рады, когда Майлс одалживает нам палатку. У наших боев с собой москитные сетки, а у нас их нет. Кроме того, нашу палатку поставили как раз в какой-то низине, но будем надеяться, что ночью не польет дождь. Мы с Германом купаемся вместе с проводниками в ручейке с подозрительно темной водой, берега которого все изрыты копытами буйволов.

А потом мы сидим у костра и рассказываем истории с привидениями.

Отец Гордона Пульмана в 1940 году сам видел, как жители одной деревни среди бела дня с криком убегали от духа покойника. Старший Пульман работал ветеринаром в этих местах и за год перед этим случаем нашел на дороге в Нануки тяжелораненого молодого человека. На него, неизвестно почему, напал носорог. Обороняясь, юноша воткнул конец своего копья в землю, и носорог со всего размаху на него напоролся. Несмотря на это, животное своим рогом успело рассечь юноше грудь так, что обнажилась часть легкого. Товарищи этого парня

решили, что он мертв, и оставили его на дороге. Отец Гордона отвез пострадавшего в Нанукийский госпиталь. И вот когда юноша появился в своем родном селе, где все, разумеется, давно считали его мертвым, то был принят за привидение, от которого все с ужасом шарахались в сторону.

Мы с Германом отлично выспались и без москитных сеток. Михаэль в этом походе не смог принять участия: он остался собирать гербарий. На другое утро наша армия разделилась на три группы и разъехалась в разных направлениях.

На вездеходе или в седле я могу ехать без устали. Часами мы катим по бескрайним равнинам мимо сероватозеленых холмов, мимо разреженных куртин акаций... Мне кажется, будто я еду верхом прямо так, без дороги, по полям и лугам обширных восточноевропейских равнин. А вокруг догорает золотая осень, и на синий небосклон не спеша поднимаются белые облачные корабли, чтобы затем вновь опуститься там, далеко за горизонтом...

Мощный самец антилопы канны, весом, наверное, в восемь центнеров, хочет во что бы то ни стало перебежать нам дорогу. Во время бега кожная складка у него под шеей раскачивается из стороны в сторону. На минуту он останавливается перед продавленной машинами колеей и мощным прыжком перемахивает через дорогу, не прикоснувшись к ней ни одним копытом. Я не могу задерживать автоколонну, чтобы измерить длину прыжка, но уверен, что она не меньше четырех с половиной метров.

Затем теряются последние, месячной давности, следы от автомашины, и мы едем прямо по степи.

На самой вершине скалистых гор, подпирая рогами темно-синее небо, стоит антилопа прыгун. Эти останцовые горы выглядят как кучки гравия под огромным увеличителем. У глыб закругленные края, повсюду видно, как

порода, растрескавшись от жары, пластами сползала вниз. Гранитный щебень у основания скал гораздо быстрее подвергается выветриванию, чем их вершины. Поэтому у таких останцов нет щебнистой осыпи у подножия, как это типично для наших скалистых гор, и они высятся прямо на голой равнине. Только я успеваю бросить взгляд на редкостную карликовую антилопу, как облако пыли снова скрывает ее от меня.

Мы невольно замедляем темп: наша автоколонна выезжает на равнину с редко разбросанными по ней низкорослыми зонтичными акациями. Поперек этой равнины неровной линией тянется изгородь из срубленных колючих веток. Она невысока, ветки небрежно брошены одна на другую или воткнуты в землю, так что любое затравленное животное могло бы без труда перемахнуть через нее. Но когда животных никто не гонит и стада просто медленно кочуют по степи, они, наткнувшись на такое препятствие, идут обычно вдоль него в поисках лазейки, через которую можно спокойно и осторожно пробраться на другую сторону.

Мы тоже отправляемся вдоль браконьерской загородки и вскоре добираемся до лазейки. Как я установил путем опытов, человек обладает значительно более острым зрением, чем лошади и другие копытные. Поэтому мы сразу же обнаруживаем петлю, подвешенную в этой лазейке на высоте головы гну. Конец проволоки ведет к невысокому деревцу, вокруг которого он дважды обмотан и завязан узлом.

Мы отвязываем проволочные петли и бросаем их в машину. В следующей лазейке в петле еще болтается голова зебры. Хотя от нее остался только череп и лоскутья кожи, тем не менее нет никаких сомнений, что она совершенно свежая. Животное наверняка удавилось только нынешней ночью, а браконьеры, гиены, грифы и шакалы быстро сделали свое дело. Трава вокруг красная от свежей крови.

Изгородь да и вся местность вокруг полна этими петлями. Нам удается собрать только те, что мы обнаруживаем, проезжая мимо. У нас в машине уже больше 40 этих смертоносных орудий, а теплый ветер все вновь и вновь доносит до нас трупный запах...

Вот лежит зебра; внутренности ее съедены, но высохшая кожа еще обтягивает скелет. Браконьеры отрезали у нее лишь хвост, который они продадут в качестве опахала от мух. Об остальном позаботились стервятники. По дороге я подсчитал остатки 22 гну. У них тоже были

отрублены только хвосты. Какая жестокость и какое преступное разбазаривание мяса, которое могло бы пойти на пользу голодающим и бедствующим людям! Даже грифы и те не в состоянии использовать такой обильный «урожай». Все это предоставлено солнцу и тлению.

В бинокль я наблюдаю за носорогом, невозмутимо стоящим у водопоя на берегу речки, из которой торчат головы двух бегемотов. По нему, словно дятлы по дереву, скачут две буйволовые птицы. Между прочим, я совсем не уверен в том, что они служат у носорогов еще и сторожами, предупреждающими об опасности, как утверждают некоторые исследователи. Сколько раз мне приходилось наблюдать, как эти красноклювые птицы испуганно улетали, когда мы приближались, а носорог не двигался с места, в лучшем случае он поворачивал голову в нашу сторону.

Вот и сейчас парочка птиц вспархивает, но не для того, чтобы улететь, а чтобы попить. Создается впечатление, что эти птицы чувствуют себя уверенно только на теле какого-нибудь животного. Ведь они могли бы спокойно сесть на берегу и утолить свою жажду, как это делают все остальные птицы. Эти же предпочитают приземлиться на спине одного из бегемотов, лежащих в воде, и пить воду с такого живого островка.

Свой поход мы строго засекретили. Для всех проводников и боев это самая обычная увеселительная прогулка; никто не должен был знать, зачем мы, собственно, едем или по крайней мере куда едем. Ведь у каждого такого проводника есть родственники в Икоме или близлежащих селах. Почему они, собственно, должны быть менее болтливы, чем европейцы в подобной же ситуации? Наш шофер Мгабо часто рассказывал нам, что во времена своей молодости он тоже был браконьером. Однако у нас создается впечатление, что кто-то здесь все же предупредил воров. Впрочем, нас могли выдать и облака пыли от машин, и рокот моторов, раздающийся на многие километры вокруг. Браконьерам достаточно перебраться на другую сторону речного русла, и между нами возникнет препятствие, на преодоление которого у нас уйдет не менее часа.

Мы бросили искать проволочные петли и трупы; теперь все три наши машины на расстоянии 200 метров одна от другой стараются как можно быстрее прочесать степь.

Вся наша надежда на скорость. Если кто-либо из браконьеров еще не успел убежать и прячется где-нибудь в траве, то он от нас не уйдет.

Однако на опушке леса нам все же пришлось остановиться. Молоденькая зебра попала в петлю, но еще жива. Задние ноги ее уже подкосились, но передними она старается упереться в землю, силясь подняться. Перепуганные, налитые кровью глаза прямо вылезают из орбит, а синий язык свешивается сбоку изо рта. Проволока врезалась глубоко в шею, и та сильно отекла и разбухла. Невдалеке стоят две гиены и ждут. Даже камнями их удается отогнать только на несколько шагов.

Поскольку мы не захватили с собой кусачек, нам приходится сперва накинуть на шею полузадушенной зебре пеньковую веревку, а потом уже отвязывать проволоку от дерева. Это необходимо для того, чтобы перепуганное насмерть животное не убежало от нас сразу же с железной петлей на шее. Но наши опасения напрасны: жеребенок не может даже встать, нам совершенно спокойно удается высвободить его голову из петли.

Я смотрю на часы: только через 20 минут животное снова в силах подняться на ноги. Нет, поистине не следует жалеть зебр, попавших в лапы львов или гиеновых собак,— эти хищники не так жестоки!

Наша погоня продолжается. Внезапно Герман хватает водителя за плечо: там, напротив, у самой опушки леса, он увидел нечто странное, напоминающее маленький садик, который дети устраивают на песке,— низенький забор из сплошных палочек. Мы вылезаем и бежим туда.

Это, разумеется, не садик, а львиная шкура, разложенная на земле для просушки мездрой наружу; по краям она прибита к земле острыми колышками, чтобы не сморщилась под солнцем. В нескольких шагах от нее натянуты для просушки и шкуры зебр. Трава вокруг вся истоптана. Следы ног ведут в кустарник. Наш проводник уже бежит туда.

— Осторожно! — кричу я ему.— Эти парни могут стрелять отравленными стрелами!

Но его уже не удержишь; он раздвигает кусты, и мы бросаемся вслед за ним. Лес здесь тянется узкой полосой вдоль берега сухого речного русла. Мы бежим по протоптанной тропинке в глубь кустарника и вдруг останавливаемся, не веря собственным глазам.

Может быть, это и не совсем удачное сравнение, но именно оно пришло мне в голову: я вспомнил сказку про братца Иванушку и сестрицу Аленушку, которые наткнулись в дремучем лесу на избушку бабы-яги, спрятанную среди высоких деревьев.

Здесь тоже стояла соломенная избушка, а вся площадка

перед ней освещалась причудливым розоватым светом, пробивавшимся сквозь высокий навес. Под навесом на длинных жердях как будто кто-то развесил для просушки белье. Но нет, свешивающиеся сверху лоскутья — это мясо, красные плоские полоски мяса, облепленные мухами. Правда, они тоже развешаны для просушки.

Как видно, браконьеры не решились устроить свою сушилку прямо в открытой степи, а использовали для этой цели лужайку, скрытую среди высоких деревьев. Над тлеющим еще костром нависают косо воткнутые в землю прутья. На них нанизаны куски мяса, предназначенные для копчения и поджаривания. Возле хижины валяется

лук с отравленными стрелами. Видимо, владельцы этого лагеря бежали весьма поспешно.

Я поднял с пола странную трубку, мундштук которой был еще влажным от слюны. Рядом с ней лежал завернутый в сухой лист гашиш, которым продавцы наркотиков в Америке начиняют сигареты «Марихуана». По-видимому, браконьеры спрятались где-нибудь в зарослях совсем поблизости и наблюдают за нами; будем надеяться, что они не вздумают обстреливать нас своими стрелами.

Вокруг валяются кучи костей, на суку висит целая грудная клетка антилопы. В избушке мы нашли початый мешок с мукой маниоки и несколько остро отточенных кухонных ножей, предназначенных, вероятно, для ошкуривания. Здесь же лежали два одеяла и гора проволочных петель.

Гордые своей находкой, мы раздвигаем кусты и выбираемся наружу, собираясь позвать остальных, чтобы всем вместе отправиться дальше на поиски сбежавших браконьеров. Но оказывается, наши товарищи сами нас уже ищут. Как выяснилось, Майлс в двух километрах отсюда обнаружил в зарослях гораздо бо́льший лагерь. Двух браконьеров удалось задержать, остальные, к сожалению, разбежались. Один из проводников чуть было не схватил еще двоих, но, когда он догнал их возле самой опушки, они внезапно обернулись, натянули свои луки и сказали:

— Еще шаг — и ты мертв!

Поскольку у того не было с собой огнестрельного оружия, ему ничего не оставалось делать, как отпустить их подобру-поздорову: с такими молодцами, без сомнения, шутки плохи.

Этот второй лагерь в лесу выглядит как обширная площадка для сушки белья целой сельской общины. Только все белье красное. Мы, пригнувшись, проходим под лоскутьями мяса, часть которых уже успела почер-

неть и съежиться. Вокруг наших голов жужжат полчища мух. Туши зебр и гну в полуобработанном виде небрежно свалены в кучу, они издают страшное зловоние. Часть высушенного мяса уже сложена и увязана в узлы.

Судя по числу спальных мест, здесь обосновалось от 10 до 12 человек. Мне даже трудно себе представить, как они могут жить в этакой вонище среди засилья мух. Кроме того, лагерь не огорожен даже колючей изгородью, а ведь он, безусловно, должен привлекать львов и других хищников. Правда, обладая отравленными стрелами, можно не бояться и львов, ведь достаточно только ранить животное, и рано или поздно оно все равно умрет. А поскольку вокруг лагеря гниет еще больше трупов, то львам вроде и незачем сражаться из-за мяса с браконьерами...

У нас богатые трофеи. Наш грузовик протискивается сквозь кустарник к самому лагерю, и мы погружаем в него снаряжение, провизию, горы проволочных петель и весь остальной скарб браконьеров. Остальное, в том числе и мясо, мы бросаем в кучу, поливаем бензином и поджигаем.

Оба пленника теперь сидят в наручниках. Разумеется, они ничего не знают, они просто случайно забрели в эту местность и только собрались у мертвого гну отрезать хвост, как наши проводники их схватили.

Из года в год десятки тысяч животных умирают мученической смертью. И только ничтожная часть мяса действительно используется; у остальных жертв браконьеры отрубают лишь хвосты, бивни (у слонов), рога (у носорогов), иногда в дело идут шкуры. Какой смысл в национальном парке Серенгети, если заповедные животные вынуждены ежегодно сухое время года проводить вне его границ, где уничтожаются десятками тысяч? В самом парке еще кое-как можно бороться с браконьерством, но поскольку его границы явно не соответствуют местам обитания животных, то нет никакой гарантии, что это последнее чудо природы Африки удастся сохранить.

Все делается так безрассудно! Если в степях и полупустынях Серенгети несколько десятков лет подряд выпасать рогатый скот и отары овец, то эти районы постигнет та же судьба, что и обширные территории Индии, Северной Африки и Северной Кении, то есть они превратятся в настоящую пустыню, каких в тропиках немало. И это в то время, как огромные стада диких копытных дают гораздо больше мяса, то есть больше животного белка, в расчете на каждый гектар площади, чем любой домашний скот. Кроме того, дикие животные невосприимчивы к

тропическим болезням и паразитам и приспособились к местным кормам. Рядом с ними всегда держатся хищники, которые «заботятся» о том, чтобы в стаде не было больных особей. Целесообразно было бы использовать часть этого дарового мяса (вне заповедника и его окрестностей) для пропитания населения. Но, конечно, никто не согласится на такой разумный путь, несмотря на то что его рекомендуют все специалисты.

Да и наши охотники мало интересуются такими обычными, часто встречающимися животными, как зебры, гну или газели Томсона, потому что те стоят в степи, словно коровы у нас на лугах; охотники раздобывают себе специальные разрешения на отстрел редких лошадиных антилоп, носорогов, бонго, антилоп канн, куду или геренук, потому что, чем редкостнее животное, тем ценнее трофей.

Значит, фауна Африки будет и впредь вымирать. По старым картам, а также по развалинам человеческих поселений и костям животных можно судить, что еще 300 лет тому назад южная граница Сахары проходила на 400 километров севернее, чем сегодня. За такой короткий срок здесь пропало около миллиона квадратных километров плодородной земли. В соседней Кении пустыня с севера и северо-востока ежегодно надвигается на леса на 10 километров! Вот как много погибает в Африке земли и с каждым годом будет погибать все больше и больше! Но нельзя допустить, чтобы все здесь превратилось в пустыню, в частные фермы, деревни, города и безжизненные, высохшие степи. По крайней мере на одном небольшом клочке материка все должно остаться в его прекрасном первозданном виде, чтобы люди еще долго могли этим любоваться и вспоминать нас добрым словом.

Пусть хоть Серенгети не умрет!

Через несколько дней мы погрузили на три грузовика всю свою коллекцию — почти тысячу проволочных петель, целые связки луков с искусной резьбой и горы колчанов с отравленными стрелами. Стрелы эти — настоящие маленькие произведения искусства. По рисунку на их концах можно узнать, кому они принадлежат. Это делается для того, чтобы не возникало споров, когда их собирают после охоты. Ведь изготовлять к ним наконечники не так-то просто: их перековывают из больших плотницких гвоздей, которые продаются в индийских лавчонках. Наконечники густо мажут черной ядовитой мазью, похожей на клейстер.

Луки и стрелы можно сжечь, а вот самое опасное оружие браконьеров — проволочные петли не горят. Петли изготовляют в заброшенных рудниках, и торговцы привозят их специально в те местности, где орудуют браконьеры, которым они и сбывают эти изделия. Если мы где-нибудь выбросим петли, их сейчас же подберут и снова пустят в оборот. К сожалению, владельцы этих орудий смерти не штрафуются.

Но Майлс знает хорошее место, где они действительно безвозвратно исчезнут. Ровно в 20 километрах от Банаги, за границами парка, находятся старые немецкие золотые копи Килимафеза, разработка которых несколько лет как прекращена. Мы везем нашу добычу туда. Обветшавшие сараи, развалины разрушенных зданий, домик из рифленой жести с прочной, уцелевшей крышей. Говорят, что в нем заперты врубовые машины. Охраняет все это старый африканец, которого здесь считают безобидным умалишенным.

Мы подходим к самой шахте. Прямо посреди равнины разверзается страшная пропасть, обрывающаяся вертикально вниз на 300 метров. Заглянешь — жуть берет. Там, внизу, лежат мертвецы. Словно огромный фотоштатив, возвышается над шахтой старая рудоподъемная башня, шаткая и поржавевшая. У кого хватит смелости, тот может подняться по железной лесенке на маленькую платформу из полусгнивших досок и заглянуть в зияющую бездну. Но если держаться за одну из железных ног башни, туда можно заглянуть и с края ямы.

Под платформой приделано колесо, с которого свешивается обрывок троса длиной в несколько метров. Шесть лет тому назад он оборвался, и подъемная клеть с 12 рабочими рухнула в бездну.

После этого случая индийский промышленник из Мусомы, купивший за бесценок эти копи в 1918 году, решил полностью прекратить разработку и предприятие закрыть. Оно и так уже перестало себя оправдывать. Трупы 12 сорвавшихся в шахту людей так и остались лежать на дне.

Конец троса тихо покачивается на ветру...

Мы подтаскиваем к краю бездны почти 2 тысячи проволочных петель, скопившихся в Банаги за последние годы. По здешним расценкам, они составили бы неплохой капиталец. Одна связка за другой летит в страшную пропасть. Мы слышим, как по дороге они несколько раз стукаются о скалистые стенки, но звук падения до нас уже не долетает. За петлями следуют луки и стрелы. Что здесь исчезнет, никогда не вернется.

«Вполне возможно, что там, внизу, лежит не один убитый или пропавший без вести человек»,— думаю я.

Но тут же вспоминаю, что в этой стране совсем незачем утруждать себя ликвидацией трупа. Достаточно ему пролежать ночь на открытом воздухе, и гиены уж позаботятся об его исчезновении.

За последние 12 месяцев здесь было поймано и предано суду 88 браконьеров. Вначале кажется, что это очень много. Но когда год тому назад в Цаво-парке, в соседней Кении, были проведены систематические обследования, то там нашли останки 1280 слонов, убитых браконьерами за последние два года. А учитывая, что во многих местах почти невозможны тщательные поиски, на самом деле слонов было, видимо, больше трех тысяч. Поэтому правительство было вынуждено наконец отпустить больше средств и выделить специальные полицейские самолеты на борьбу с браконьерством, спекуляцией и массовым уничтожением ценных животных. В последующие 15 месяцев было конфисковано 25 219 фунтов слоновой кости и 492 фунта рогов носорога. При этом было задержано и оштрафовано 429 браконьеров. Тем не менее люди, проводившие поход против браконьерства, подсчитали, что, несмотря на это, на черном рынке исчезло примерно на миллион марок слоновой кости и рогов носорога. В одном районе были обнаружены заросли со смертоносными петлями и в них несколько сот ям-ловушек, так что животные неминуемо погибали там, либо задыхаясь в проволочных петлях, либо проваливаясь в яму на колья.

До тех пор никто даже не подозревал, какие ужасающие размеры приняло браконьерство.

Мужество по сходной цене

— Не порть нам хоть эти последние годы удовольствие, дай поохотиться всласть,— говорит мой друг Блюз, вытягиваясь во весь свой длинный рост на постели. Ноги у него, как и у меня, обуты в коричневые спортивные тапочки, но Блюз срезал с одной из них самый носок, так что большой палец торчит наружу. Палец болит у него уже давно, но он никак не соберется съездить на неделю в Момбасу.

Блюз — профессиональный охотник, который по заданию какой-нибудь «Сафари-фирмы» сопровождает на охоту богатых немецких и американских туристов. Он обязан зорко следить за тем, чтобы ни один волос не упал с головы гостя, пока тот будет охотиться на львов и слонов. Такие профессиональные охотники, как правило, отличные ребята, которым просто тесно в четырех стенах. Между прочим, мне пока еще не довелось увидеть среди них хоть одного, который бы разбогател на этом деле. Богатеют разве что только фирмы, в распоряжении которых они находятся. Этим людям мила свободная жизнь среди дикой природы; своих клиентов они, как правило, откровенно презирают за то, что вынуждены играть при них роль няньки или ангела-хранителя да еще при этом вежливо улыбаться. Почти любой из них согласился бы даже за половину своего жалованья устроиться лесничим в какомнибудь национальном парке. Но таких вакансий, к сожалению, очень мало.

Многие африканские правительства охотно издают законы о создании национальных парков, но не могут изыскать средств на содержание обслуживающего персонала, которому надлежит следить за заповедником и за безопасностью животных.

Мой друг Блюз вот уже несколько недель добровольно помогает нам без какого-либо вознаграждения за это. Он только что заработал такую сумму денег, которой должно

хватить на то, чтобы его жена и трое детей в Аруше могли безбедно прожить несколько недель; именно поэтому он разрешил себе небольшой отдых и хочет сделать что-нибудь доброе для животных, вместо того чтобы стрелять в них.

Вначале мы с Михаэлем подумали, что он подослан к нам для того, чтобы выведать о каких-нибудь наших неблаговидных делах. Ведь совсем недавно мы узнали, что один немецкий «охотник за дикими животными», рекламирующий себя в газетах бесстрашным победителем горилл и слонов, запрашивал в письменной форме у англичан, живущих в Африке, не знают ли они про нас каких-нибудь гадостей. Ему это было нужно для того, чтобы чинить препятствия нашей работе.

Настроенные подозрительно, мы для начала решили мистера Блюза «прокатить с ветерком», чтобы он потерял желание за нами шпионить, и кувыркали его в самолете до тех пор, пока ему не пришлось воспользоваться нашими незаконным образом приобретенными бумажными мешочками... Но он не струсил. А теперь мы уже давно убедились в том, что он честно хочет нам помочь.

— Нет, я решительно отказываюсь понимать, почему ты так настроен против охоты! — говорит Блюз, выуживая из своего бокового кармана смятую сигарету.

— А кто может сказать, что я не люблю охотников? — отвечаю я.— Правда, я люблю животных и умудрился проработать с ними всю свою жизнь. Но из-за этого я вовсе не стал сентиментален и рассуждаю вполне логично. Например, я никогда не стану требовать, чтобы вообще не убивали никаких животных, я ведь не вегетарианец и с удовольствием ем мясо и колбасу. Мне, как биологу, отлично известно, что существование любой жизненной формы на Земле возможно лишь за счет другой жизни: лев убивает зебру, а зебра уничтожает траву.

Не могу я принципиально возражать и против проведения опытов на животных. Правда, закон должен был бы охранять их строже. Но до тех пор, пока я соглашаюсь делать себе прививки против оспы, пока я готов принимать таблетки от головной боли и оперироваться в момент, когда моей жизни угрожает опасность,— до тех пор я не вправе требовать запрещения вивисекции. Потому что все это вначале испытано на животных, усовершенствовано за их счет. Сотни тысяч людей выживают только благодаря тому, что животных приносят в жертву науке. Животные терпят мучения для того, чтобы избавить нас от боли и страданий.

Мне самому не доставляет ни малейшего удовольствия застрелить какое-нибудь животное. Но я не фанатик, я отнюдь не собираюсь навязывать свои взгляды всем остальным людям. Я прекрасно знаю: не будь у нас охотников, в Европе давно бы уже не было ни серн, ни оленей, ни кабанов, ни зайцев и кроликов. Если бы охотничьи общества не оплачивали убытки, нанесенные этими животными полям и огородам, наших последних диких животных давно бы истребили фермеры, считающие их вредителями сельского хозяйства. Те же охотники заботятся о зимней подкормке животных. Убийство животного у хорошего охотника перестает быть самоцелью и отходит на задний план. Ведь в конце концов и скотовод в один прекрасный день забивает своих животных. Самые искусные охотники возвращаются теперь из-за океана, везя с собой в качестве трофея отснятые пленки. Ведь каждому специалисту прекрасно известно, что получить снимок разъяренного слона значительно труднее и во много раз опаснее, чем застрелить его.

Явная неприязнь у меня только к тому сорту «охотников-бизнесменов», которые между деловыми поездками «заскакивают» недели на две в Восточную Африку, чтобы уложить несколько львов или слонов. При этом они зачастую прежде никогда и ружья-то в руках не держали.

— На пару недель — много ты знаешь! — ворчит Блюз.— На днях мне пришлось за четырнадцать дней свозить в Южную Танганьику целую сафари, разбить там палатки и маркировать белым посадочную площадку, чтобы мой «господин охотник» мог прилететь из Америки на своем личном самолете и удобно приземлиться. Он, видите ли, заключил пари, что ему достаточно одного дня в Африке, чтобы застрелить льва.

И представь, он выиграл пари! Правда, я заранее прикармливал львов в определенном месте, чтобы они держались поблизости; ему достаточно было только пересесть в мою машину и отъехать со мной за километр. Потом мы с ним отошли на двести метров от машины (согласно инструкции) до того кустарника, где отдыхало мое семейство львов. Я настоял лишь на том, чтобы он прошел хотя бы на три шага вперед. Это потому, что я никогда не позволяю подобным возбужденным субъектам с неуравновешенной психикой стоять позади меня: мне еще неохота помирать! Ведь эти гости со своими «пушками» куда опаснее любого льва или кафрского буйвола...

Ну, словом, он пульнул, одновременно с ним выстрелил и я. Но, разумеется, льва убил он (таков сервис на-

шей фирмы). Я его поздравил, и мы выкурили по сигарете, переждав некоторое время, чтобы убедиться, что лев уже мертв и больше не встанет. Затем он гордо, с ружьем в руках, встал возле бедного льва, чтобы, как это водится, запечатлеть себя на снимке для бульварной газетенки у себя дома. Этот деятель тут же полетел в Индию, где какой-то магараджа обещал приготовить ему все для охоты на тигра.

По всей вероятности, у него и на это ушло не больше одного дня.

Тогда я вынул из своего бумажника вырезку из газеты и протянул ее моему другу Блюзу. Мистер Б. С., пуговичный фабрикант из Скерделя, штат Нью-Йорк, вместе со своим четырнадцатилетним сыном вернулся на днях из поездки по Западной Африке. На аэродроме парень гордо сообщил репортерам, что его добыча состоит из трехсот диких животных. Он перестрелял много слонов и носорогов и даже четырех бегемотов. А как-то он повстречал леопарда, которому одним выстрелом «снес череп».

На фото, относящемся к этому тексту, малый был запечатлен с ружьем и шляпой в руках рядом с молодой девицей, взирающей на него с нескрываемым восхищением.

Здесь, у нас, может быть, и не удалось бы устроить такую дикую и ничем не оправданную стрельбу, потому что английские колониальные власти в Восточной Африке позволяют предприимчивым туристам охотиться только под наблюдением профессиональных охотников. Но ведь в Африке существует достаточно других колоний и государств, где нет таких строгостей[1].

[1] Чтобы показать, как обстоит дело в других областях Африки, приведу сообщение охотничьей газеты «Wild und Hund» (1961 г.): «Один французский охотник объездил в Португальской Западной Африке все местности, указанные ему официальными органами как наиболее богатые дичью. Во время трехнедельного сафари этот охотник встретил одно-единственное стадо антилоп бейза, из которого ему удалось подстрелить один экземпляр. В Мауа вообще днчи не было, а в Маррупсе за 12 дней ему удалось обнаружить только одну антилопу бейзу. Однн раз он нашел давние следы антилопы канны и дважды — кафрских буйволов. Слонов же, носорогов, жнрафов, гну, куду, водяных козлов или львов не было и в помине. Результаты этого обследования никого из местной администрации не удивили. Французу удалось выяснить, что в этих местах насчитывается 11 профессиональных охотников. Однажды он видел огромный грузовик, доверху груженный сушеным мясом, который шел откуда-то с севера.

Такие «профессионалы» обязаны заплатить 20 тысяч эскудо за охотничий билет и, кроме того, по одному эскудо за каждый килограмм сухого мяса. Из официальных источннков французу удалось узнать, что за прошедший сезон было сдано и оплачено 700 тонн сухого мяса. При

— Некто господин Т. из Америки даже поспорил, что он сумеет убить слона стрелой из лука. Сообщение об этом его «подвиге» облетело страницы всех газет мира. Мистеру Т., видимо, больше нечем было завоевать себе славу сильного мужчины и смельчака.

— Я знаю, я видел его,— сказал Блюз.— Он приехал сюда, в Восточную Африку, и стал искать кого-нибудь, кто бы согласился его сопровождать и охранять. Я отказался, другие — тоже. Любой профессионал знает, чем это может кончиться. Тогда он переехал в Конго и там выиграл свое пари. Правда, в газетах скромно умалчивалось о том, что его сопровождал прекрасно вооруженный профессиональный охотник, в любой момент готовый свалить слона метким выстрелом.

— И ничего не говорилось о том,— добавил я,— что он всадил в несчастного слона пятнадцать стрел и преследовал его в течение девяти часов кряду, пока у наемного провожатого не лопнуло терпение и он не прикончил замученное животное из ружья. Однако тут уж я позаботился о том, чтобы это было опубликовано во всех газетах того города в Америке, где он проживает!

Один из лесничих западного Серенгети, в прошлом профессиональный охотник, составил за свою долгую жизнь несколько прекрасных альбомов с цветными фотографиями животных и снимками приезжих туристов, которых он сопровождал на охоту. Среди этих фотографий есть одна, которую ему выслал один из его клиентов, вернувшись в Калифорнию. Этот тучный господин изображен на фоне обвешанной трофеями стены: тут и бивни, и рога антилоп, и головы львов и тигров, а между ними огромная рама с фотографией весьма оголенной известной кинозвезды. С помощью лупы мне удалось прочесть даже собственноручный автограф этой дамы на фотографии: «Может быть, ты и на меня захочешь поохотиться?..» Под всеми этими трофеями сидел отважный охотник и рядом с ним его престарелая супруга. Вид у нее при этом был весьма подавленный.

Наши идеалы за последние десятилетия изменились: успех имеет тот мужчина, который умеет «делать» деньги. Во времена наших дедов и бабок все это еще выглядело

этом следует учесть, что вес высушенного мяса диких копытных составляет в среднем 25% от живого веса, а у слонов этот процент еще более низок.

Автор сообщения отмечает, что гостеприимство было на самом высоком уровне, носильщиков ему поставляли в неограниченном количестве, даже с избытком. Не было только одного — дичи».

иначе. В те времена туго набитый кошелек отнюдь еще не давал доступа в любой дом и вообще куда угодно.

Сегодняшнему преуспевающему дельцу вечно некогда. Все свои часы и минуты, даже вечера и ночи, он вынужден тратить на то, чтобы оставаться «преуспевающим». Но чем старше и солиднее он становится, тем все чаще задумывается над тем, что лишал себя многих удовольствий и если упущенное срочно не наверстать, то скоро будет поздно. Он с горечью сознает, что никогда не чувствовал себя настоящим мужчиной, не имел фактически никакой личной жизни, не пользовался успехом у женщин, не любил ни своей жены, ни чужих жен... В часы раздумий он начинает завидовать даже фабричному парню, лихо отплясывающему на танцплощадке. Тогда он начинает собирать доказательства своей мужественности в мимолетных похождениях, кичится своими мнимыми победами, выставляет напоказ увеличенный в несколько раз портрет своей возлюбленной в золоченой раме... Да настоящий мужчина скорее позволит себе руку отрубить, чем согласится выставить предмет своей страсти на всеобщее обозрение!

Однако одними только деньгами не достигнешь мировой известности. Для того чтобы стать коллекционером произведений искусств, нужно в них хоть что-нибудь понимать; чтобы стать знаменитым альпинистом, необходимы тренировки и смелость, а чтобы стать олимпийским спортсменом — выдержка и богатырское здоровье. И только для *одного* занятия «хлипкому» мужчине не требуется ничего, кроме денег,— для охоты на диких животных за океаном. И даже времени на это уходит очень мало. Здесь вы можете приобщиться к славе, которую завоевали себе *настоящие* охотники в конце прошлого столетия, те, которым приходилось с далеко не совершенным оружием месяцами пробираться по бездорожью, рискуя заболеть малярией, сонной болезнью или попасть в руки каннибалам. Вот тем действительно требовалось много смелости и выносливости, чтобы преодолеть все эти трудности. Разбогатевшие коммерсанты, которым недостает потенции, необходимой для доказательства настоящей мужественности, политические деятели, стремящиеся завоевать себе популярность, быстро и без хлопот покупают себе здесь удостоверение своей смелости и отваги, чтобы, вернувшись домой, прославлять себя на страницах газет, иллюстрированных журналов или среди друзей за бокалом коктейля. И от руки подобных-то субъектов должны погибать наши замечательные, благородные животные!

— И должен тебе сказать, что между ними попадаются

Зебра с детенышем

Летящие пеликаны ►

Страусы в степи

Львы спокойно «завтракают»
возле самого самолета

Мы с Михаэлем разрабатываем план действия

◄

Встреча с носорогом

◄

Так дерутся жирафы

«Крылатая зебра» с обломанными ногами

Львица вывела погулять свое потомство

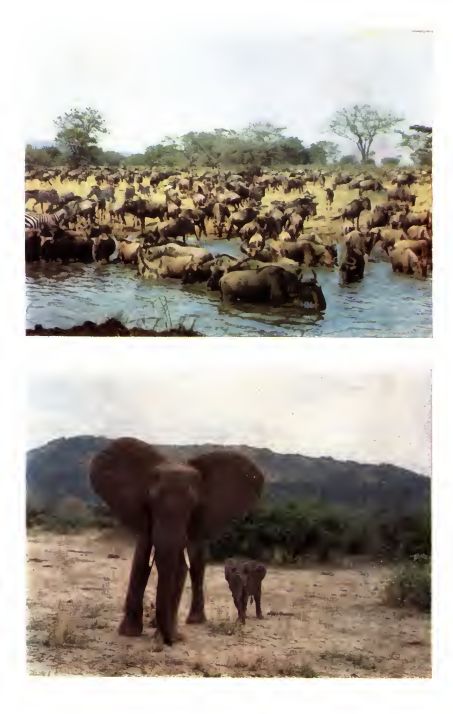
Гну и зебры на водопое

►

Слониха со слоненком

►

Так выглядит «отель» в степях Масаби

◀

В алюминиевом домике

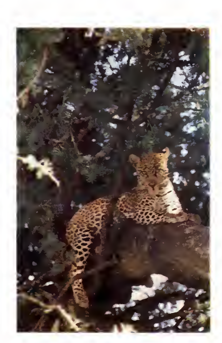
◀

Наш «бушбэби»

Михаэль с осторожностью вытаскивает из крыла самолета отравленную стрелу

Леопард на дереве

Гепард, взобравшись на термитник, озирает окрестности

Зебры на озере

Компания страусов

Каракал с песчаной гадюкой

Трубкозуб

▶

Престарелая дама из племени масаев позирует фотографу

▶

Хамелеон

▶

Львы сыты и отдыхают.
Зебрам бояться нечего

◄

Черные носороги в дружбе
с птицами

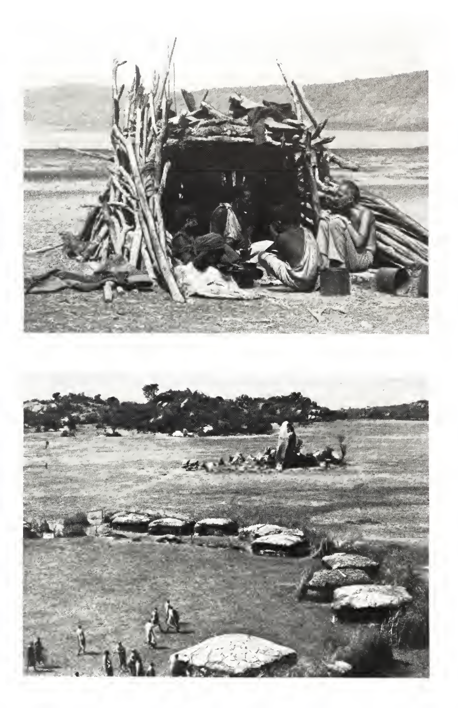

Зебры Бёма пасутся
у основания скалистых гор

Там, где техника сталкивается с природой, погибает природа

Те самые ослики, которые из-за своего упрямства спасли нам жизнь

В таком шалаше я провел ночь среди масаев, когда заблудился в кратере Нгоронгоро

◄

Так выглядит бома масаев

◄

Жирафы на фоне заката

Каракал с добычей

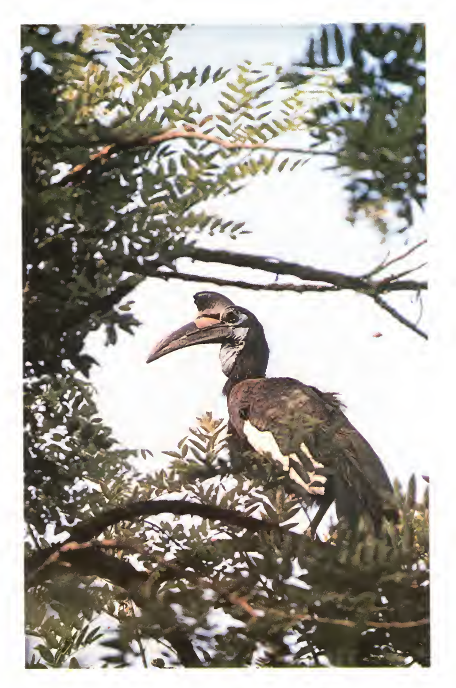

Гиеновые собаки

Зеленая мартышка

Рогатый ворон

прямо жуткие типы,— вздыхает Блюз.— Ты не представляешь, какие огромные ящики с виски мне приходится иногда таскать за собой! Правда, иной раз приезжают сюда и порядочные люди, с которыми я охотно работаю. В конце концов ведь все приезжие оплачивают лицензии, они привозят в страну деньги. И все мы смотрим им в лапу. Браконьеры все равно больше уничтожают, чем они.

Лихой затяжной прыжок — и наш «бушбэби» уже на плече Блюза. Сидя там, он начинает сыпать ему сырные крошки за ворот рубахи. Но когда тот пытается его прогнать, малыш возмущается и цапает его за указательный палец. Маленькие острые зубки прокусывают кожу, и палец кровоточит. Блюз вскакивает с кровати, чтобы чем-нибудь запустить в забияку, но тот исчезает среди мешков, ящиков и мотков шпагата.

— Теперь уже далеко не все туристы приезжают в Африку «пострелять» в животных,— говорю я.— В наши дни находятся десятки тысяч людей, которым хочется хоть раз в жизни увидеть слонов и зебр на воле, а не за решеткой зоопарка. Авиация сейчас развивается с такой быстротой, что года через два можно будет за два-три часа из Лондона долететь до Найроби. Наши дети смогут быстрее и дешевле добираться до Центральной Африки, чем наши родители когда-то добирались до Италии.

Почему люди стремятся в Африку? Мне лично нравится природа Восточной Африки, но по мне судить нельзя: я не беспристрастен, я болельщик. А если трезво рассуждать, то Альпы куда величественнее, Швейцария гораздо прохладнее и свежее, Скалистые горы грандиознее... В Африку туристов привлекает только девственная природа с ее дикими животными. Что касается бывших дикарей, то скоро они будут отличаться от нас только цветом кожи: они ведь и так уже разъезжают на велосипедах и машинах. Если же здесь исчезнет и дикая фауна, как это случилось почти повсюду в остальной Африке, то туристам незачем будет сюда и приезжать.

С каждым годом людям все труднее будет разыскать на Земле места, где еще сохранилась нетронутая природа с ее животным миром. А то, что становится редким, как правило, делается дороже и привлекательнее. Когда наши классики ездили в Италию, их интересовали только развалины Древнего Рима и вообще памятники старины. Дикая красота Альп, которая сегодня привлекает миллионы восхищенных туристов, их нисколько не занимала: горы были для них лишь опасным препятствием на пути.

7 № 3485

Ведь диких мест и нетронутой природы в те времена было повсюду достаточно. В наше же время в Италию каждое лето устремляются миллионы людей. И влекут их туда отнюдь не соборы, а солнце, море и живая природа.

Вот так меняются потребности людей. Еще несколько лет назад считалось, что ежедневно рождается на 80 тысяч людей больше, чем в те же 24 часа умирает. Эти цифры не совсем верны даже для тех лет. А сейчас статистическое бюро Объединенных Наций с помощью электронных машин подсчитало, что число людей ежедневно увеличивается на 171 тысячу, возможно, даже на 187 тысяч человек. Еще до 2000 года нас станет 6, а то и 7 миллиардов. А между тем две трети людей и сейчас уже страдают от недостатка питания, а миллионы ежегодно просто умирают от голода. И при этом каждые восемь лет население Земли получает новое голодающее пополнение, равное населению Китая.

Только начиная с рождества Христова мы, люди, уже истребили 106 видов млекопитающих. То, что дикие животные неминуемо должны пойти на пропитание голодающему человечеству, предрешено. Единственное, что такие люди, как Михаэль и я, полковник Моллой и лесничие, могут сделать для животных,— это отвоевать для них несколько больших «зоопарков» прямо на их родине, то есть создать национальные парки. Звери ведь и на самом деле живут там почти как в зоопарках. Население Европы и Америки, просматривая фильмы и читая книги об Африке, получает совершенно ложное представление об истинном состоянии дел. Крутят чудесные фильмы о нетронутой природе, снятые в парке королевы Елизаветы или в конголезских национальных парках, и ни словом не упоминают о том, что подобные кадры можно теперь заснять *только* там и нигде более во всей Африке. Книги об Африке повествуют о головокружительных приключениях со львами и змеями, их цель — заставить читателя проникнуться должным уважением к отважному путешественнику. Многие думают, что Африка — это рай для животных, единственный континент на Земле, где четвероногим созданиям еще достаточно просторно и вольготно... Года два назад я в Конго повстречал одного швейцарского торговца, прожившего всю свою жизнь в Каире. Теперь у него достаточно денег и времени, чтобы путешествовать, и он решил проехать в глубь материка, чтобы поближе с ним познакомиться. Этот торговец был уже три месяца в пути: путешествовал он и на самолете, и в автобусе, и по железной дороге, и на пароходе по озерам и рекам, и про-

сто в машине. Я спросил его, много ли диких животных пришлось встретить ему по дороге.

— А как же,— ответил он,— целую уйму.

И он сейчас же принялся рассказывать про увиденных им слонов, львов и жирафов. Но когда я расспросил его подробнее, то, как я и ожидал, выяснилось, что всех этих животных он видел только в национальных парках. Вне их границ за время его трехмесячной поездки по Африке ему только однажды встретилось относительно крупное животное — страус.

На днях я получил письмо от графини Эрики Р. Она пишет: «Совсем недавно мне пришлось обсуждать со своими родственниками, мечтающими поохотиться, проблему «Сафари в Восточной Африке». И некоторым из них, настроившимся вернуться с «внушительными трофеями», мне пришлось несколько испортить настроение, разъяснив, что турист в сегодняшней Танганьике во время такой охоты рискует выступить в роли голливудского героя или магараджи... И вот теперь мой двоюродный брат, граф N, переслал мне Вашу заметку и потребовал, чтобы я списалась с Вами. По-видимому, я не расскажу Вам ничего нового. Шесть недель тому назад я вернулась из поездки по Танганьике и Кении, где постоянно жила до войны. Именно поэтому я и езжу туда вот уже третий раз начиная с 1951 года. Все, что Вы написали о строгих охотничьих законах в Кении и Танганьике и их неукоснительном проведении в жизнь, полностью подтвердилось. Подобные законы начинали проводить еще в 30-х годах. И несмотря на это, запасы дичи в Восточной Африке катастрофически сократились, за исключением, может быть, только слонов. Западный и северный склоны гор Килиманджаро и Меру кишели когда-то зебрами, антилопами гну, конгони, Томсона, Гранта и импала, в степи было еще много жирафовых газелей (геренук), часто можно было встретить антилопу канну, жирафа и изредка даже антилопу бейза.

А теперь вокруг Килиманджаро, кроме единичных бушбоков и маленьких антилоп прыгунов, почти не увидишь степных животных. Даже львы и гепарды стали здесь очень редки, и в степи, окружающей эти горы, пасутся только несколько газелей Томсона и Гранта. Картина, прямо скажем, плачевная. Многие животные, видимо, были истреблены во время и после войны. А теперь повсюду развешаны таблички: «No shooting» («Стрелять запрещено»). На 250-километровом пути между Хандени и Багамойо (места, описанные Хемингуэем в его «Зеленых холмах Африки») только одни лишь многочисленные указатели

с надписью «Sables protected» («Лошадиные антилопы под охраной») напоминают о том, что здесь когда-то были знаменитые охотничьи угодья. Никаких следов диких животных, кроме слоновьего помета, я там не нашла».

Да, сегодня в Кении вне границ национальных парков и в местностях, куда можно добраться на машине, не очень легко найти дичь. Поэтому-то сафари так охотно направляются теперь в Танганьику, особенно в южную ее часть. А поскольку они обычно формируются в Найроби, а не в городах Танганьики — Аруше или Дар-эс-Саламе, то и деньги свои туристы оставляют в Кении, расплачиваясь там за снаряжение, провиант и обслуживающий персонал,

а в Танганьику поступают лишь сборы за лицензии. По сравнению со всеми расходами, которые требует подобная охотничья экспедиция, эти сборы составляют самую незначительную долю.

Еще в 1870 году в Германии два человека из трех жили в деревне, а один в городе. Но уже в 1932 году это соотношение изменилось: теперь двое из трех вели свое хозяйство в городе и только один оставался в деревне. В 1871 году горожанином был каждый тридцатый немец, а в 1958 — уже каждый третий. В Англии уже в 1951 году 79 процентов населения жило в городах, та же картина наблюдалась в Австралии. Теперь даже в Африке все стремятся в город: в Южно-Африканской Республике, например, перепись населения в 1951 году показала, что 42,6 процента жителей живет в городах.

Что касается наших дедов и бабок, то они еще держали у себя в курятнике кур, а на скотном дворе коров и лошадей. И даже если они жили в городе, то перед окнами на улице у них стояли лошади, запряженные в повозки. Когда родители отправлялись гулять со своими детьми, то они еще нередко могли показать им аиста, лису, зайца, серну, барсука, сову, оленя и ястреба. С самого начала существования людей на Земле их постоянно окружали четвероногие обитатели планеты.

Сейчас, в наше время, все это изменилось. Все больше людей лишаются возможности общения с живой природой и, кроме собак, кошек и зеленых попугайчиков, не видят никаких животных. И только в том случае, если в городе есть зоопарк, они могут еще изредка полюбоваться привезенными туда животными. Именно по этой причине во всем мире стараются открывать все новые и новые зоопарки, и поэтому число посетителей в них с каждым годом все увеличивается. Так, перед последней мировой войной Франкфуртский зоопарк в течение десяти лет ежегодно

посещало в среднем 313 тысяч человек. А в 1958 году число посетителей достигло уже 1,7 миллиона. Аналогичная картина наблюдается в большинстве зоопарков мира — в США, Советском Союзе и Китае.

Люди чувствуют, что они лишились чего-то, что прежде украшало их жизнь. А неосознанная тоска по утерянному зачастую проявляется в преувеличенной, болезненной форме. Обратите внимание: когда какая-нибудь кошка залезет слишком высоко на дерево и жалобно там мяукает, боясь слезть обратно, непременно соберутся десятки взволнованных прохожих, примут живейшее участие в ее судьбе и даже вызовут пожарных. Льву, разорванному в зоопарке тигром по недосмотру смотрителя, открывшего не ту задвижку, будет посвящено в газете значительно больше строк, чем шестерым пешеходам, сбитым в тот же час на автомобильных дорогах.

Чем меньше будет становиться животных, тем больше они будут цениться. Уже в наши дни с ними проделывают самые бессмысленные вещи: на родине их истребляют, зато всячески стараются разводить прямо в центре больших городов, где искусственно создают условия, имитирующие их природный ландшафт, содержат их в специально отапливаемых домах, строят для них каменные горы, закладывают пруды — словом, создают для них «эрзац-родину». В само́й Африке уже пять больших зоопарков. Наши предки удивились бы, узнав о таком парадоксальном явлении! Но и в Африке эти зоопарки возникли не там, где животные могут чувствовать себя привольно, а там, где больше людей, именно в крупных городах — Каире, Хартуме, Киншасе, Претории и Иоганнесбурге.

А крупные города все разрастаются. В грядущие десятилетия и столетия люди наверняка не станут совершать путешествий, чтобы взглянуть на чудеса современной техники, у них появится желание бежать из угарной городской атмосферы в последние уголки живой природы с ее мирными обитателями. Страны, сумевшие сохранить к этому времени такие уголки, будут вызывать не только всеобщую благодарность и зависть, но получат от этого и немалый доход: в них ринутся потоки туристов. Ведь с природой и ее мирными обитателями дело обстоит совсем иначе, чем с дворцами, разрушенными войной: те можно вновь отстроить. А вот если уничтожат животный мир Серенгети, его уже никому и никакими силами не удастся создать вновь до самого конца существования человечества на нашей планете. Люди борются и умирают за то, чтобы передвинуть границы своего государства или обратить

другие страны в свою веру. Так неужели же мы с Михаэлем не вправе, работая с риском для жизни, добиваться своей цели: сохранить Серенгети для будущих поколений?

Вот мы изловили браконьеров. Но что в этом толку? Ведь в конце концов африканцы, населяющие эти земли, охотились испокон веков. Им трудно понять, почему теперь в отдельных местах их родины это запрещается. Их самих сейчас стало втрое больше, изготовление проволочных петель позволяет без хлопот убивать сколько угодно животных, а на грузовиках мясо можно развозить на любое расстояние. Поэтому сегодня та же охота может привести к полному истреблению животных. Но ни один африканский крестьянин этого так быстро не осознáет. И почему, собственно говоря, ему следует быть сознательнее наших европейских предков, живших несколько веков тому назад?

С помощью полиции и облав можно, конечно, ограничить браконьерство, возможно, даже и совсем пресечь его. Но настоящая победа наступит только тогда, когда местное население поймет смысл организации заповедников. В последнем годовом отчете национальных парков Кении можно прочесть: «То, что охрана природы — один из способов обеспечения благоденствия страны,— это еще должно дойти до сознания самих африканцев. Пока они уверены в том, что животных охраняют ради выгоды белых и их дружков, приезжающих охотиться из-за океана». Они ведь отлично видят, как зажиточные иностранцы отправляются со множеством проводников на охоту, а потом возвращаются через их деревни в машинах, доверху груженных трофеями. А местный охотник почему-то должен понести наказание, если вздумает отправиться на охоту.

В одном африканском государстве, которое мы посетили во время своего путешествия, приступили к строительству телевизионной студии. Разумеется, что в такой бедной стране телевизоры в состоянии приобрести только около 300 семей, принадлежащих к правящим кругам; значит, дорогостоящие телевизионные программы будут обслуживать только этих людей.

Впрочем, это объясняется отнюдь не неблагоразумием ц в е т н ы х народов, ведь наши европейские правители в течение сотен лет вели себя подобным же образом. Правящая каста африканцев просто повторяет то же самое, что прежде делали в их стране богатые европейцы. Ведь и наши предки в чем-то старались подражать римлянам и грекам. Разбогатевшие африканские вожди одеваются

элегантно, по-европейски, разъезжают в роскошных американских машинах, строят себе красивые особняки, отправляются охотиться на слонов, если видят, что так делают богатые европейцы.

А нам, европейцам, следовало бы вести себя совсем иначе и подавать им совсем другой пример. Пока мы еще хоть что-то для них значим, мы должны постараться внушить им, что дикие животные — это их бесценное богатство и украшение страны, что это пример идеальной общественной собственности всего человечества наравне с собором св. Петра, Лувром или Акрополем.

Кто бы сегодня ни правил в Греции, ни одному правительству не пришло бы в голову убрать «бесполезный» Акрополь и на его месте воздвигнуть дорогой универсальный магазин или большой отель. Несколько сот лет тому назад такие вещи с произведениями искусства и памятниками старины зачастую еще случались: римские храмы разбирали, а из их плит строили жилые дома. В наши дни любые правители отлично понимают, что все человечество возмутилось бы и заклеймило их позором как варваров, если бы они только позволили себе что-нибудь подобное.

Разумеется, кое-где при строительстве плотины какая-нибудь красивая старая часовенка или усадьба навсегда исчезает под водой. С этим приходится мириться. Но что бы было, если бы новоявленным богачам разрешили устраивать тир среди старинных картин и скульптур? Вот так же обстоит дело и с последними слонами, львами, стадами зебр и носорогами. Конечно, они должны уступить людям место. Но наша обязанность — на их же родине сохранить для них несколько убежищ, где людям будет запрещено поселяться.

Может быть, кое-кому такое требование покажется несколько сумасбродным. Но через сотню, боюсь, что уже через 20 лет оно станет само собой разумеющимся.

Таковы уж эти масаи

Я нажимаю коленом на рычаг управления, и 12-метровое полосатое крыло сразу же послушно накреняется.

— Это овцы, Миха, ну конечно же, овцы!

Как только мы начали снижаться, животные стремительно сбежались со всех сторон и сбились в тесную кучу. Так поступают только домашние овцы и козы в отличие от крупного рогатого скота и всех диких животных. Поблизости стоят несколько пастухов. Это масаи. Но между прочим, здесь, в западном Серенгети, им делать абсолютно нечего!

Вот именно из-за этих масаев нам и пришлось научиться управлять самолетом, пересечь экватор и улететь так далеко от своего дома во Франкфурте; именно из-за них вот уже в течение долгих недель и даже месяцев мы должны подсчитывать здесь диких животных, ловить их, красить и так далее. Вот и сегодня мы вновь разыскиваем повсюду эти огромные стада, чтобы отметить их на своих картах. Ведь из-за масаев собираются на добрую треть уменьшить национальный парк, отрезать от него высокогорье с гигантским кратером Нгоронгоро.

Национальный парк — это кусок дикой, нетронутой природы, который должен всегда оставаться таким, каким он был в далекой древности. Люди жить в нем не должны. Правда, англичане в своих колониях вначале придерживались того мнения, что аборигены — это «часть живой природы», однако, к своему великому удивлению, они вскоре обнаружили, что эти «дикари», живущие посреди национального парка, обзавелись автомобилями и стали крыть свои хижины жестью, используя для этого бочки из-под бензина. К тому же они стали отказываться охотиться при помощи лука и стрел, стремясь освоить более современное оружие. Ведь людей, какого бы цвета ни была их кожа, нельзя заставлять оставаться «дикарями» или запретить им размножаться. Поэтому теперь повсюду

пришли к выводу, что в национальном парке людям не место — ни европейцам, ни африканцам.

Что касается масаев, то они, пожалуй, единственные из местных племен, которые плюют на цивилизацию. Масай ни за что не наденет европейской шляпы и не купит автомобиля. Но зато он будет с безграничной ненасытностью разводить все больше и больше рогатого скота. По заключению лондонского профессора Пирселла, скота, принадлежащего масаям, развелось слишком много *.

Масаи вырубают кустарники и деревья, чтобы во время кочевок строить все новые и новые жилища и сооружать колючие изгороди вокруг своих краалей для защиты от хищных животных. Таким образом, почва вокруг последних источников воды все больше оголяется и иссушается и источники постепенно иссякают. Кроме того, во время засухи масаи не подпускают диких животных к водопою. Любые скотоводы, африканские или европейские, никогда не считаются с почвой и растениями, не думают о будущем, лишь бы коровы были сыты. Это хорошо видно на примере обезлесенных гор Италии, Испании, Греции и недавно возникших пустынь Индии. А земли, находящиеся южнее экватора, разрушаются еще быстрее. При такой нагрузке в Серенгети сначала, безусловно, исчезнут дикие животные, но вслед за ними — неминуемо и домашний скот масаев; поэтому разумно было бы предоставить этим кочевникам-скотоводам земли для выпаса вне границ национального парка. Однако, по всей вероятности, будет принято другое решение: земли, на которых скотоводы имеют право выпасать свой скот, правительство собирается просто-напросто отрезать от заповедника. Что же касается профессора Пирселла, то он, не имея достаточно времени и средств для собственных более тщательных и длительных наблюдений за кочующими стадами диких копытных, был вынужден в своем весьма авторитетном и добросовестном заключении опираться в этом пункте лишь на рассказы живущих в Танганьике европейцев. Так, например, он пришел к выводу, что огромные стада из западного Серенгети в восточном вообще никогда не появляются. А все те гну и зебры, которых там можно встретить в сезон дождей, приходят туда якобы из кратера Нгоронгоро...

Но что бы там ни было, во всяком случае здесь, в западной части парка, масаям с их стадами появляться запрещено. А они все-таки появились.

Мы летим назад в свой «штаб» и держим «военный совет» с лесничими Тернером и Пульманом. Разумеется, «захват-

чиков» надо выдворить да еще наложить на них штраф, чтобы другим неповадно было. Однако для этой цели лучше захватить с собой окружного офицера. Такой офицер здесь называется District Officer или просто D. O. Это компетентное лицо для всех масаев данного района. Он их опекает и в то же время следит за тем, чтобы они соблюдали порядок. Между служащими, отвечающими за зебр, и служащими, опекающими масаев, легко могли бы возникнуть трения и бумажные войны, но в британской администрации этого не случается — отношения здесь, как правило, на редкость корректные.

Недолго думая, мы с Михаэлем отправляемся на другое
170 утро в штаб-квартиру этого D. O. Он не мешкая садится к нам в самолет, чтобы лично навести порядок.

Несколько часов спустя мы уже подъезжаем на двух вездеходах прямо к тому месту, которое засекли вчера с самолета. Так оно и есть: семь масаев пасут стадо из 800 овец. Один из них довольно пожилой, видимо старейшина, несколько подростков и два молодых воина с длинными копьями. Волосы у воинов, как водится, заплетены во много тонких косичек, смазанных красным клеем. Эти красные шнуры собраны на затылке в настоящую косу, наподобие тех, что заплетались на средневековых мужских париках. Обычно такая коса еще туго привязана к деревянной палочке. Сражается масай только копьем и коротким прямым «римским» мечом, висящим в кожаных ножнах у пояса; ядовитыми стрелами масай пренебрегает.

D. O. объясняет старшему масаю, что с него причитается штраф за незаконный выпас овец. Любой другой африканец начал бы спорить, доказывать свою правоту и наконец упрашивать, жалуясь на засуху (любой белый, между прочим, тоже). И правда, за весь сентябрь выпало только 0,8 миллиметра осадков, в 10 раз меньше, чем в прошлом году. Но масаи не таковы. Старший ответил:

— Да, ваша правда. Я знаю, что это запрещено. Раз вы меня поймали, значит, я должен платить.

Штраф — 30 овец или коз. По этому поводу тоже не происходит никаких споров. Оба молодых воина почтительно молчат, когда говорит старший. Они стоят, опершись на свои копья, словно юные греческие боги. Терракотовое покрывало, наподобие тоги, перекинуто через одно плечо, другое остается обнаженным. Масаи — рослый и стройный народ; понятия о красоте у них сходны с нашими: узкие губы, никаких пышных форм у женщин и никаких слишком развитых мускулов у мужчин.

Масаи принимаются вылавливать овец, причем я заме-

чаю, что одних баранов и козлов. «Молодые боги» сдирают с веток лыко, связывают им пойманных животных и грузят в нашу машину. «Может быть, за этот незаконный выпас и стоило заплатить 30 овец»,— думаю я про себя. Во всяком случае масаи на нас не рассердились, они даже смеются и протягивают нам на прощание руку.

— Вот таковы они! — говорит D. O.— Мы теперь открыли скотный базар и постепенно склоняем их к тому, чтобы они продавали лишний скот. В качестве сигнала, извещающего об открытии торгов, я придумал звонить в колокольчик. Этот колокольчик очень приглянулся одному молодому масаю; он взял его в руки, позвонил им и, отойдя на пару шагов, вдруг бросился с ним бежать. Мы его поймали и спросили:

— Какое наказание ты предпочтешь: отдать тебя под суд или выдрать здесь же на месте?

Тогда его отец, ни слова не говоря, срезал гибкий хлыст и принес его мне. Получив заслуженную трепку, парень пожал мне руку, и инцидент был исчерпан.

— Язык масаев очень труден для нас,— продолжал он,— я до сих пор его как следует не изучил. Когда я только приехал сюда, мне приходилось вершить суд с помощью переводчика, на суахили. Разбирая только третье дело, я уже натворил глупостей, обвинив, как потом выяснилось невиновного. Человека, которого я незаслуженно осудил, охватил приступ ярости. Он метнул в меня копье, и оно насквозь прошило мне шляпу, к счастью не поранив меня. Вот она, эта шляпа с дыркой, я ношу ее с тех пор вот уже три года не снимая. Я не мог решиться наказать этого человека за покушение, ведь я сам был перед ним виноват. Кроме того, я не думаю , что он действительно хотел меня убить.

Удивительный народ эти масаи. Предки их были светлокожими и жили в Египте, их мумии и теперь еще можно найти в очень древних захоронениях. Откочевывая со своими стадами все южнее и южнее они смешивались с народностями, населявшими верховья Нила *. В Восточной Африке они полностью оккупировали обширную долину Большого грабена, который тянется с севера на юг и проходит через Кению и Танзанию. Несмотря на всю свою воинственность, масаи не порабощали и не угнетали другие племена, как это делали родственные им народности, приходившие с севера Африки. Масаи жили обособленной жизнью скотоводов, выменивая скот на овощи и злаки у окрестных крестьян. Сомнительно, чтобы они когда-то были такими страшными грабителями, как им это

приписывают в разных книжках, иначе соседние им племена никогда не смогли бы стать столь могущественными и богатыми.

Правда, чужестранцев масаи не пропускали через принадлежащие им земли. По всей вероятности, именно это и сохранило свободу и жизнь народностям, живущим вокруг озера Виктория: арабские работорговцы не решались проходить через страну масаев. Первый караванный путь, проложенный от побережья в глубь материка, шел значительно южнее, в обход страны масаев, и поэтому подходил прямо к озеру Танганьика. Вскоре вокруг этого озера все оказалось опустошенным и разграбленным. Первыми европейцами, которым удалось проникнуть к масаям и вступить с ними в мирные переговоры, были два немецких миссионера — Крапф и Ребманн, о которых в этой книге уже было рассказано.

В конце прошлого века немцы и англичане с линейкой в руках поделили на карте Восточную Африку на британскую колонию — Кению и немецкую — Танганьику. При этом они разрезали страну масаев ровно пополам. Эта страна тянулась на 800 километров в длину и 170 в ширину. Сегодняшняя столица Кении город Найроби до сих пор носит масайское название. «Найроби» означает просто «холодный».

Поскольку европейцам особенно пришлось по вкусу высокогорье вокруг Найроби, которое отличалось живительной прохладой, то масаям прежде всего пришлось уйти именно отсюда. В 1911 году их выдворили из всей северной части страны, где опять-таки поселились европейцы. Таким образом, они лишились лучших угодий своей родины, где во время засухи всегда можно было найти воду и пастбища. Они откочевали дальше к югу и сегодня выпасают свой скот на степном высокогорье Кении, граничащем с Танзанией, и на принадлежащих им ранее землях в самой Танзании. Многие семьи и целые роды по сей день еще носят названия по местностям, оставленным на их старой северной родине. Масаев в общей сложности должно быть около 140 тысяч, и им принадлежит свыше 1 миллиона голов скота.

Здесь, в Танзании, во владения масаев входят не только Килиманджаро и гора Меру, но и высокогорье с гигантскими кратерами, включая Нгоронгоро и прилежащую к нему часть серенгетской степи.

Весь смысл жизни масаи видят в разведении скота. Дело доходит до того, что во время засухи пастухи часами тащат на себе телят до ближайшего водопоя. Еще задолго

до прихода европейцев масаи изобрели прививку против чумы. Недавно я ознакомился с небольшой работой, написанной одним из немногих образованных масаев о быте и нравах своего народа. Из нее я узнал, что на их языке слово «масаи» означает и рогатый скот, и название самого народа.

Недавно одной делегации от масаев, посетившей Сельскохозяйственную опытную станцию Танзании, показали несколько привезенных из Европы племенных быков. В Африке таких огромных быков никто никогда не видел. Их вид до того взволновал масаев, что у некоторых даже слезы навернулись на глаза.

Несколькими днями позже мы с Михаэлем приземлились рядом со стойбищем масаев, которое называется «бома́». Оно располагалось прямо посреди степи возле круглых, словно отполированных, гранитных холмов. Бома́ — это крааль, огороженный высокой изгородью из срубленных колючих веток. За этой «крепостной стеной» по кругу стоят низкие круглые домики. С воздуха они напоминают головки датского сыра. Пахнут они тоже не лучше, потому что метод их постройки несколько своеобразен: женщины из племени масаев втыкают в землю по кругу гибкие жерди, сгибают их к середине, переплетают ветками и получившийся шатер густо обмазывают коровьим пометом. Сверху накладываются шкуры, чтобы крыша не промокала во время дождя. Такой домик настолько низок, что передвигаться по нему можно только ползком.

На ночь в крааль загоняют весь домашний скот, который располагается на ночлег вокруг домиков. Земля внутри крааля постепенно покрывается толстым слоем навоза. Когда этот слой становится чересчур велик или когда во время засухи приходится перебираться поближе к водопою или же искать новых пастбищ, а также в тех случаях, когда в бома́ кто-либо умирает, весь скарб погружается на ослов и крааль перебазируется на новое место. Старый же сжигается. На новом месте, где снова воздвигается огромная колючая изгородь, уничтожается немало кустарников и деревьев. С самолета хорошо видны разбросанные по степи круги — остатки от старых бома́.

Наша «Утка» с ревом приземляется.

«Сейчас наверняка все жители этого бома́ сбегутся посмотреть на нашу полосатую чудо-птицу»,— думаем мы. Но ничуть не бывало. Мужчины, вероятно, отсутствуют — они где-то выпасают скот, а женщины ограничиваются тем, что говорят нам «джамбо», что на суахили

означает «здравствуйте», и продолжают заниматься своими делами. Мы чувствуем себя чуть ли не оскорбленными тем, что никто не обратил на нас особого внимания.

Позже нам удалось выяснить, почему наша железная «ндегге» (на суахили — «птица», «самолет»), да и вообще любая техника — автомобили, ружья — не производит на масаев никакого впечатления. Оказывается, несмотря на то что знаменитые масайские мечи, копья и кинжалы изготовляются кузнецами, кузнечное ремесло считается у них «нечистым» и презренным. Хотя кузнецы тоже из масаев, но, когда кому-нибудь из них подашь руку, ее надо отмывать после этого специальными маслами. На дочери кузнеца никто не согласится жениться, а если у какого-нибудь молодого воина с ней что-то было, он непременно заболеет или погибнет в ближайшей потасовке. Поскольку вся наша техника состоит из железа, то и она для масаев считается «нечистой» и презренной.

Когда однажды мы рассказали масаям, что американцы собираются полететь в ракете на Луну, у них это не вызвало ни малейшего удивления:

— А почему бы и нет? Ведь вы и так все время носитесь по небу на своих железных птицах, так что вам стоит при этом слетать и на луну?..

Но вот возле бома́ появились и мужчины; я не заметил, откуда они вдруг вынырнули. Все они — «старшие», молодых воинов среди них не видно. У всех головы обриты наголо и на левом предплечье нет рогового браслета. Ове, который, по-видимому, задает у них тон,— наш старый знакомый. Это как раз его мы недавно оштрафовали на 30 овец. Но он не злопамятен и приветствует нас так же радушно, как и остальные; в знак особого расположения он даже предварительно плюет в руку, прежде чем нам ее протянуть.

Одна из женщин приветливо предлагает нам молоко в выдолбленной тыкве. Михаэль подносит тыкву к губам и только делает вид, что пьет; я же на самом деле выпиваю молоко, хотя знаю, что сосуд моется коровьей мочой, а иногда еще чем-нибудь похуже... Просто мне очень захотелось пить.

Молоко попахивает дымом. Теперь я ни в коем случае не должен на глазах у масаев есть мясо. Угостив нас молоком, они оказали нам особое доверие. Дело в том, что у масаев бытует поверье, что если кто-нибудь выпил молока и в тот же день поел мяса, то корова, от которой было молоко, непременно заболеет. По этой именно причине

масаи неохотно пьют молоко, если в тот же день им предстоит поесть еще чего-нибудь мясного. Если же такое случится, то масай берет травинку и до тех пор щекочет ею у себя в горле, пока его не вырвет.

Масай ест преимущественно мясо домашнего скота — говядину, баранину и козлятину. Поэтому таким влюбленным в диких животных психопатам, как мы с Михаэлем, они симпатичнее всех других жителей Африки. Дичью они брезгуют, не употребляя в пищу ни птиц, ни рыб; из диких животных они едят лишь мясо здоровенных антилоп канн и кафрских буйволов. Отсюда понятна пугливость этих животных в местах, где живут масаи. Завидя человека на расстоянии 500—600 метров, они тут же убегают. Зебры же, гну и другие животные могут мирно пастись рядом со стадами домашнего скота. Следовательно, масаи, поселяясь на территории национального парка, приносят куда меньше вреда диким животным, чем другие местные жители.

Правда, иногда они уничтожают львов. Молодые воины-масаи, которые собираются жениться и стремятся доказать свою храбрость, вдесятером или целой дюжиной набрасываются на льва и закалывают его копьями. Для такой операции требуется, между прочим, немножко больше смелости, чем фабриканту Шульцу из Дюссельдорфа, отправляющемуся на охоту со своей вооруженной компанией.

Теперь такие «львиные турниры» масаям запрещены. Воровать скот в округе им тоже больше не разрешается. Да, молодому масаю в наши дни трудно доказать своей любимой девушке, сколь он бесстрашен и мужествен! Правда, я не уверен, что они свято придерживаются этого запрета. Об этом можно спросить у львов: им это лучше знать. Я же в свою очередь сколько раз наблюдал, как львы поспешно удирали, завидев нескольких масаев, шествующих с копьями по степи. А уж если лев пускается наутек, это что-нибудь да значит!..

Поговаривают о том, что масаев следует выселить с территории парка или во всяком случае не подпускать к водопоям, предназначенным для диких животных. Масаи на это отвечают:

— Если мы уйдем, сюда сейчас же придут соседние племена со своими отравленными стрелами и проволочными петлями. Сейчас они не отважатся вторгнуться на наши земли, они знают: там, где мы, им не место, мы их гоняем, как собак. Мы-то не трогаем диких животных. А вот на прошлой неделе здесь проезжала сафари на машинах,

груженных рогами и львиными шкурами. Нам же почему-то запрещают охотиться на львов...

Во время наших подсчетов животных с самолета мы с Михаэлем подсчитали заодно бомá масаев и численность их стад. Их оказалось значительно меньше того официального числа, которое принято называть. Если их поселения не будут катастрофически разрастаться, а стада не примут угрожающих размеров, то вполне возможно, что масаи могли бы стать неплохой охраной для национальных парков.

Масаи пьют кровь домашних животных. Меня, как ве-

теринара, разумеется, заинтересовало, каким способом они берут кровь у своих животных-доноров. Каждый бык дает им в месяц от четырех до пяти литров крови, а корова — пол-литра.

Ове любезно согласился продемонстрировать нам всю процедуру. За это он просит нас покатать его на самолете.

Мы все вместе направляемся к ближайшему стаду, несколько подростков ловят черного теленка и накидывают ему на шею веревочную петлю. Под веревку просовывается палочка, которую перекручивают до тех пор, пока на шее не набухает и явственно не проступает вена. Затем кто-то из старших берет стрелу с коротким плоским острием и с расстояния примерно два метра вонзает ее в раздувшуюся вену. Мгновенно брызжет струйка крови, которую ловят в деревянную бутыль. Затем масай обильно плюет себе на указательный и большой пальцы, смачивает слюной ранку и залепляет ее землей. Веревку тут же снимают, и кровотечение сразу прекращается.

Мы поблагодарили за любезную демонстрацию, а добытую кровь один из подростков размешал палочкой и выпил.

Мальчиков этого племени каждый год зовут по-разному. У масаев явная страсть к перемене имен. Это создает невообразимую путаницу при проведении переписи населения или взимании налогов. Когда рождается ребенок, то его отец обязан заколоть двух быков. Одного — для женщин и детей своего крааля, а второго, которого закалывают спустя четыре дня,— для мужчин. При этом маленькое существо получает свое первое имя. Если отец сомневается в том, что ребенок действительно его, то он кладет его прямо посредине входа в крааль. Вечером, когда стадо загоняют домой, решается судьба ребенка: если коровы его затопчут, значит, он был незаконнорожденным.

В краале справа от ворот всегда стоит домик первой,

главной жены. Вторая жена ставит свой домик слева, третья — опять справа. При дележе наследства немаловажное значение придается тому, рожден ли ты «справа» или «слева».

Если отец дарит своему сыну быка по кличке Польполь, то сына впоследствии будут звать Обладателем Польполя. Когда сыну делают обрезание, он меняется именем со своим отцом. Если отца звали Сенду, а сына Нана, то теперь сын будет называться Оле Сенду (сын Сенду), а отец — Менье Нана (отец Нана).

Но вот сын наконец достиг возраста воина — мечта каждого молодого человека. Праздник обрезания торжественно отмечается через каждые три года, и все юноши этих трех «выпусков» празднуют его вместе. За четыре дня до торжеств их отцы облачаются вновь в одежду и доспехи воина. Перед самым началом праздника они все это снимают и торжественно передают сыновьям.

Как только молодой воин оправляется после операции, он приступает к любовным играм — бегает за девицами и стреляет в них тупыми стрелами. Вот тут и наступает лучшее время в жизни масая. Молодые воины надевают себе на шею цветные бусы, отращивают косы, ноги украшают браслетами с бубенчиками, а щиты раскрашивают красной и черной краской. Молодые люди одной округи уходят из бома́ своих родителей и вместе строят себе отдельную так называемую маньяту. Такая маньята отличается тем, что вокруг нее не воздвигают изгородь из колючих кустарников. Матери и сестры следуют за сыновьями и братьями; незамужние девушки живут в этой маньяте в свободной любви с новоиспеченными воинами.

Такому воину, который называется теперь «моран», категорически запрещается работать, употреблять алкогольные напитки и есть растительную пищу. Он должен питаться только мясом и кровью. Он танцует, любит и участвует в войнах.

Воевать сегодня не с кем, да и запрещено. Значит, единственное, что молодые воины могут себе сейчас позволить,— это украсть где-нибудь пару коров или в лучшем случае угнать целое стадо. Кое-где на юге они еще заняты на подземных водопоях, где, чтобы напоить скот, надо загнать его на 10 метров под землю. Там, внизу, под отвесной стеной четыре морана становятся один другому на плечи и подают наверх воду в кожаных ведерках. В остальных же местах им остаются только танцы и любовь.

Отцы молодых воинов время от времени дарят им быков. Их закалывают где-нибудь в кустах поблизости от

маньяты и тут же съедают. Молодые воины делят все между собой по-братски. Сыновьям бедных родителей достается столько же, сколько и богатым сынкам. Все юноши, прошедшие вместе обрезание, остаются на всю жизнь чем-то вроде побратимов или фронтовых друзей. Они всячески помогают друг другу, предоставляя один другому полное право на пользование своим имуществом, включая и жен. Это право дается вообще любому гостю, пришедшему в бома́: стоит ему только воткнуть в землю копье перед одним из домиков, как он получает право на все, что находится внутри, в том числе и на жену (разумеется, только до тех пор, пока он гостит в доме).

178 Меня удивляет, что здешние ветеринары не боятся показываться на глаза молодым масаям; я бы на их месте не рискнул этого делать. Ведь именно из-за ветеринаров масаи вот уже в течение трех лет не могут отпраздновать свой праздник обрезания. Для этой цели уже давно оборудованы площадка и домики возле Моши, а ветеринары каждый год в самое неподходящее время объявляют на этой территории карантин по случаю ящура или чумы рогатого скота, значит, масаи не могут привести сюда своих коров. А какой же может быть для масая праздник без скота? Так вот и бегают молодые масаи уже в течение трех лет необрезанными и напрасно теряют самые лучшие, свободные и беззаботные годы своей жизни!

Мы с Михаэлем питаем слабость к масаям. Масаев, по крайней мере настоящих, чистокровных масаев, становится все меньше. У этого племени все реже рождаются дети, потому что среди них распространились венерические болезни. И это несмотря на то, что их собственные «суды старейшин» налагают штраф в 1000 марок на каждого, кто кого-нибудь заразит. Но при той вольной половой жизни, которую они ведут, едва ли возможно бороться с распространением венерических заболеваний или проводить серьезную врачебную профилактику. Поскольку многие из их жен остаются бесплодными, масаи стали усыновлять детей из близлежащих поселков. Эти дети воспитываются как масаи и остаются масаями на всю жизнь. Но оливковые тонкогубые лица настоящих масаев, которые сходны с нашими европейскими лицами, встречаются все реже и реже.

Михаэль предлагает одной из молодых женщин 20 шиллингов за ее огромные серьги. Они сделаны из кожи, на которой красными, белыми и синими бусами вышит пестрый узор. Мочки ушей у всех женщин растянуты до

предела и посередине имеют огромную дыру, в которую вставляются подобные серьги. Но масаи — богатые люди и в деньгах не нуждаются. Молодая красотка дарит Михаэлю понравившиеся ему серьги, но за это масаи обращаются к нам с просьбой, в которой на все лады повторяется слово «ндегге». А D. O. еще уверял нас, что нам никакими деньгами и уговорами не удастся заманить масая в свой самолет. Оказалось, что они совсем не прочь прокатиться!

Мы выбрали четырех самых почтенных старейшин и решили проделать с ними поочередно два круга почета над степью. Поскольку я не очень надеялся на их «самолетоустойчивость» и сомневался в том, что они догадаются в случае нужды воспользоваться нашими бумажными пакетами, то решил на всякий случай застлать пол бычьими шкурами, в изобилии валяющимися в бома́. Потом мы посадили первую пару наших знатных пассажиров и поднялись в воздух.

Как ни странно, они не испытывали ни малейшего страха, наоборот, жаждали подняться как можно выше. А потом они попросили нас спуститься и на бреющем полете пролететь над самым бома́, чтобы все остальные могли их разглядеть.

Нам едва дали приземлиться, потому что весь народ сбежался к месту посадки. Они чуть не опрокинули нашу машину, напирая на нее со всех сторон в своем неистовом желании «прокатиться» следующим рейсом.

Вместе со шкурами в самолет попала и добрая дюжина мух. Мы с Михаэлем едва успевали от них отбиваться и отмахиваться, масаи же их словно не замечали. Вокруг глаз, ноздрей и рта у них зачастую собирается по нескольку мух, а они даже и не думают их прогонять. Именно по этой причине так часто можно встретить подслеповатых или даже слепых масаев.

Среди местных жителей Танзании сейчас ходит много слухов о том, что здесь должно возникнуть новое самостоятельное цветное государство. Однако в районе Лолиондо, рядом с границей «страны масаев», недавно начали вспыхивать драки между сторонниками независимости и ее противниками. Соседи масаев опасливо спрашивают: а что начнет творить этот «богоугодный народ», когда уйдут англичане? *

За все долгие годы немецкого и британского владычества масаи не очень-то допускали к себе миссионеров. Они, правда, верят в Энгаи — единого, всемогущего бога, ниспосылающего меж прочих благ и дождь. Но зато в

загробную жизнь они не верят. Капитан Мориц Меркер, служивший с 1895 по 1902 год в немецком гарнизоне, стоящем в Моши у подножия Килиманджаро, подружился с масаями и изучил их язык. Он написал о них довольно объемистый труд. С тех пор никто больше так обстоятельно не занимался изучением этих рослых, гордых и воинственных людей. Самому Меркеру его научные изыскания обошлись дорого. Когда он в 1903 году приехал в отпуск к себе домой, в Германию, ученые мужи и разные другие высокие инстанции так его начали чествовать, что это вконец раздосадовало его военное начальство. Как только он вернулся в Африку, его тотчас же перебросили в другое место, далеко от объекта его исследований — масаев, в Дар-эс-Салам, на сырое побережье, где поручили обучать рекрутов. В 1908 году он умер там от воспаления легких.

Подружившись с капитаном Меркером, масаи поведали ему все те легенды и истории, которые бабушки-масайки долгими вечерами рассказывают своим внукам и внучкам, сидя перед круглыми домиками в бома́. При этом выяснилось, что масаям давно, еще до прихода миссионеров, были известны истории про Адама и Еву, про Каина и Авеля, про всемирный потоп и про многое другое из Ветхого завета, только персонажи носили другие имена. Меркеру удалось также выяснить, каким образом с масаями действительно можно наладить мирные отношения, исключающие всякое вероломство. Часто эти гордые воины братаются, сделав порез на руке и смешав свою кровь; но это, оказывается, никого ни к чему не обязывает. А вот если две враждующие стороны обмениваются младенцами и те попьют молоко чужой матери, тогда мир уже никогда и ничем не может быть нарушен.

Масаи очень дружны между собой. Когда в 1896 году группу масаев вывезли в Берлин на Промышленную выставку, то они сэкономили все полученное ими жалованье и, вернувшись в Танганьику, выкупили из рабства других масаев, проданных работорговцами в прошедшие голодные годы.

Кстати сказать, сама поездка произвела на них неизгладимое впечатление. Но то, что они после рассказывали своим землякам, носило, мягко говоря, несколько фантастический характер. Например:

— В Германии детей кормят не матери, их пасут, как коз. Прямо на улицах стоят столы и на них тарелки. Стадо детей подгоняют к этим столам, они садятся за них и едят. Как только они все съедят, их гонят дальше.

Оказывается, они видели школьную экскурсию, которая после посещения выставки обедала в открытом летнем кафе.

Договориться о чем-либо с масаями чрезвычайно трудно, особенно если речь идет о необходимости уступить водопой или прекратить выпас на каком-то участке серенгетской степи. Ведь у них фактически нет настоящих вождей племен или королей, которые бы имели право повелевать. Те, кого немцы и англичане вначале принимали за вождей, оказались скорее шаманами или «заклинателями дождя»; перед началом любой военной операции они предсказывают исход битвы с помощью камешков, которые вытряхивают из рога.

Между прочим, английская королева Елизавета, сама того не ведая, попала у масаев в знаменитые заклинательницы дождя. А произошло это следующим образом. В 1958 году она посетила страну масаев и на торжестве, созванном в ее честь, пожелала собравшемуся народу побольше дождей, столь необходимых для его благоденствия. Перед этим шаманы уже в течение нескольких недель вымаливали у бога грозу, но все старания были тщетными. И вдруг, буквально через полчаса после добрых пожеланий королевы, надвинулась гроза, и долгожданный ливень обрушился на высохшие пастбища.

Если от масаев нужно добиться какого-либо решения, то приходится долго ждать. Для этого «старейшины» должны съехаться на «совет», а поскольку бома́ расположены далеко друг от друга, то, пока они соберутся, проходит несколько недель. На таком «совете старейшин», точно так же как и в европейском парламенте, с утра и до позднего вечера происходят бесконечные дебаты, пока эти почтенные мужи придут наконец к какому-нибудь единодушному решению. Доверенные лица, которые назначаются правительством,— это, как правило, масаи, говорящие на суахили. Они сообщают «совету старейшин» пожелания правительства и информируют правительство об их решении. Таким образом, все происходит на весьма и весьма демократический манер.

Но есть у масаев одна привычка, которая Михаэля почему-то прямо выводит из себя: они непрестанно сплевывают на пол. У нас в самолете никого из них не вырвало, но во время полета они заплевали весь пол,— хорошо, что мы его предусмотрительно покрыли шкурами. Когда вылезаешь из самолета или машины и присаживаешься на траву, чтобы немножко перекусить, масаи обычно становятся рядом и, беседуя, непрестанно смачно сплевыва-

ют на землю. Не скажу, чтобы это было очень приятно; не более привлекательна их привычка, скрепляя какую-либо сделку (продав вам что-нибудь), непременно плюнуть на эту вещь.

Но в таких случаях я напоминаю Михаэлю о том, что и у нас в Европе почти на каждой лестничной площадке стоит плевательница или урна, что еще совсем недавно в церквах и на вокзалах висели таблички «На пол не плевать» и что перроны американского метрополитена, как правило, бывают усеяны выплюнутыми и растоптанными жевательными резинками... Значит, и мы, европейцы, тоже еще не прочь при случае сплюнуть на пол, и поэтому нечего воображать, что мы их в чем-то превосходим...

Как я ночью остался в кратере Нгоронгоро

Однажды я попросил Михаэля высадить меня на дне кратера Нгоронгоро. Дело в том, что, пролетая над ним на бреющем полете, я заметил двух огромных носорогов, отдыхающих рядом с группой львов, а несколько дальше — двух леопардов, которые как раз отправлялись на охоту.

Чтобы немного облегчить машину, мы заодно выгрузили тяжелый штатив киноаппарата и несколько ящиков и коробок. Михаэль собирается вернуться через час: он обещал свозить куда-то обоих лесничих и Германа. А поднять с земли переполненную машину здесь, в этом разреженном воздухе, довольно трудно, и еще труднее посадить ее.

Я снимаю рубашку, вешаю себе на шею полевой бинокль и отправляюсь осматривать окрестности.

Тем временем два леопарда поймали чепрачного шакала и теперь играют мертвым животным, как кошки с мышью; один делает бросок, хватает шакала за загривок и ударяет его лапой так, что он отлетает в сторону. В это время второй леопард, притаившийся в траве, выскакивает и, как живого, «ловит» мертвого шакала.

Обоих носорогов я нашел без труда, потому что сидящие на их спинах белоснежные египетские цапли видны еще издалека. А вот львов что-то нигде не видно; правда, лев может сделаться невидимым, даже если трава достигает всего 30 сантиметров высоты. Однако по всему поведению носорога-самца я вижу, что хищники где-то рядом с ним. Он низко нагибает голову и решительно направляется куда-то в сторону; действительно, из травы поднимается большой лев с роскошной гривой и уходит прочь. Но, пройдя 30 метров, он вновь ложится. Однако и носорог не отстает. Приходится «царю зверей» убираться подобру-поздорову — по-видимому, он не самый могущественный в этом царстве!

Сам я стараюсь держаться на почтительном расстоянии от места, где происходит это состязание. Одно дело, когда сидишь в надежном вездеходе, и другое, когда стоишь один-одинешенек на ровной, как стол, равнине, где нет ни кустика, ни дерева. На всякий случай я решил вернуться к нашему багажу и прилег там позагорать на солнышке.

До чего же приятно пожариться под экваториальным солнцем! Мне даже не хотелось открывать глаза, когда я заслышал гул нашей «крылатой зебры», которая, снижаясь, пронеслась прямо надо мной. Но, не коснувшись земли, Михаэль почему-то снова дает газ, поднимается в воздух и улетает. Наверное, забыл что-нибудь. Ну что ж, подождем — время у меня есть, и мне здесь даже весьма приятно.

Когда я снова смотрю на часы, оказывается, уже половина пятого. Здорово захотелось пить, но, к счастью, у меня нашлась фляга с чаем. Ничего себе, четыре часа пролежать в горах под палящим солнцем! Но я привычен к африканскому солнцу — ожогов у меня никогда от него не бывает. Мне смешно вспоминать, чего нам только не рассказывали про солнечные удары перед нашей первой поездкой в Африку! «Никогда не выходите без пробкового шлема!» А у меня даже и шляпы-то с собой нет.

Однако Михаэлю пора бы уже за мной прилететь. Я прогулялся еще немножко по окрестности, потом стал наблюдать за стадом гну, пасущимся в долине. Гну явно чем-то обеспокоены, видимо, с ними случилось что-нибудь не совсем обычное. Я настраиваю объективы своего полевого бинокля и подхожу все ближе. В серовато-зеленой траве лежит кто-то светло-коричневый, он-то и привлекает всеобщее внимание этих черных антилоп. Вот одна из них подошла к коричневому комочку и подтолкнула его носом. Комочек зашевелился и неуверенно поднялся на тонкие ножки. Он оказался новорожденным гну, видимо, первенцем этого года.

Этот первенец не только для меня, но и для всего стада — настоящее событие. Когда малыш побежал, за ним с любопытством последовало 10 или 15 взрослых гну. Вдруг он упал; самки тут же окружили его со всех сторон, стали обнюхивать и осторожно подталкивать носами. Никто не дотрагивался до него острыми рогами, однако одна из самок то и дело делает угрожающие движения в сторону других, желая их прогнать,— это, видимо, мамаша.

Через несколько недель, когда здесь появятся на свет

сотни маленьких телят, ни одному гну не придет в голову проявлять к ним такой повышенный интерес, но этот — первый. Однако у первенца, по-видимому, мало шансов на то, чтобы выжить. Поблизости уже стоят четыре гиены и не спускают с него жадных глаз. Когда они подходят слишком близко, один из взрослых гну делает угрожающий выпад в их сторону, но гиены отбегают только на несколько шагов. Эти физи питаются отнюдь не только падалью. Их жертвами становятся многие, очень многие молодые антилопы и газели. Вот так оно происходит в природе.

Новички среди работников национальных парков всегда предлагают перестрелять всех гиен, но это нарушит биологическое равновесие в природе. Одно время здесь, в Восточной Африке, начали истреблять всех леопардов. Но после этого сильно размножились бородавочники и павианы, которые начали опустошать поля и огороды местных жителей, причиняя значительно больший урон, чем леопарды, утаскивавшие время от времени лишь какую-нибудь козу. Тогда леопардов снова решили охранять.

Но вот уже шесть часов. Михаэль что-то явно не торопится за мной прилетать! Ведь он отлично знает, что солнце здесь садится около семи. Если в ближайшие десять минут он не появится, значит, самолет потерпел где-нибудь аварию. А это в свою очередь означает, что мне придется здесь заночевать. Мне становится несколько не по себе, ведь у меня с собой нет ни спичек, ни карманного фонаря. Кроме того, мои часы показывают, что сейчас как раз новолуние.

Но не наша ли «Утка» гудит там на западе? И действительно, высоко над краем кратера появляется самолет, но только не полосатый, а одноцветный, и кружит он почему-то над облесенными склонами вулканической горы Лемагрут. Меня бросает в жар: уж не потерпели ли наши аварию? Вдруг это спасательный самолет, который их ищет?

Но машина спускается внутрь кратера — они явно ищут меня. Я машу рубашкой. Теперь я вижу, что это самолетик марки «Цессна». Меня заметили, но приземляться не собираются. Недалеко от меня самолет сбрасывает коричневый кулек. Я подбегаю к нему, открываю и достаю кусок белой бумаги. На ней написано по-английски:

«Михаэль сломал шасси. Он полетел в Найроби. Никто

не ранен. Иди в том направлении, в котором полетит сейчас наш самолет».

«Цессна» делает вираж, возвращается назад и, поднявшись выше, летит направо, а затем, пролетев прямо над моей головой, поднимается ввысь и наконец исчезает за краем кратера. А вот уже и звука мотора не слышно. Тишина.

Ну и ну. Я сажусь на один из ящиков. Интересно, какое направление они имели в виду — первое или второе? Первое означало бы идти на юго-восток. Там, я знаю, расположено озеро, за ним лес, позади которого есть сторожка с двумя постелями. На все 250 квадратных километров,

которые занимает кратер, это единственное пристанище. Там я, безусловно, смог бы переночевать, если сумею взломать дверь. Но мне ни разу не приходилось там бывать, а добираться туда, по моим расчетам, не меньше трех часов. Стемнеет же через 20 минут. А в низине, возле озера, обитает много львов — это я сам видел во время наших полетов.

Нет уж, спасибо. Я лучше останусь здесь, на голой равнине с высохшей низкой травой. Сюда никакие животные не придут пастись, а следовательно, не придут и хищники, которые на них охотятся. Я могу быть совершенно уверен, что со мной до восхода солнца ничего не случится. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы здесь, в кратере Нгоронгоро, лев или даже леопард напал на человека.

Но я уверен также и в том, что целых 12 часов темноты не смогу сомкнуть глаз. К счастью, штатив киноаппарата упакован в старый спальный мешок. Вот в него я и залезу. Только я знаю уже наперед: если где-нибудь поблизости раздастся хруст или шорох, я непременно воображу, что ко мне покрадывается гиена, а если что-нибудь блеснет, то буду думать, что это глаза льва... Вот был бы я курильщиком, обязательно имел бы при себе спички или зажигалку. Ничего не поделаешь. Насколько возможно, я вытягиваю ножки штатива, расставляю их как можно шире, а сверху набрасываю кусок брезента. Когда я лежу под этим сооружением, у меня возникает ощущение относительной безопасности. Вокруг я раскладываю ящики, алюминиевую посуду, гаечные ключи и другие инструменты: я надеюсь, что если какое-нибудь животное начнет подходить, то запах непривычных вещей его может остановить.

Да, немало бы я отдал за то, чтобы быть уже на одну ночь старше! Сколько ночей в своей жизни я уже проспал,

сколько провел в кино или за письменным столом, но когда у тебя нечем зажечь огонь, то остается только одно занятие — предаваться размышлениям и считать минуты.

До южного отвесного склона кратера гораздо ближе, чем до сторожки, может быть, час ходьбы. Там, у подножия зеленого обрыва, виднеется несколько деревьев. А под ними что-то есть. Но даже в бинокль отсюда невозможно разглядеть, что именно. Наверное, это всего лишь куст. Но не может ли это оказаться хижиной? У меня в запасе ровно 25 минут до наступления полной темноты. А темнота здесь наступает сразу, мгновенно. Если я сейчас направлюсь к этим деревьям, а потом не найду дороги обратно, то буду плутать в кромешной тьме, совершенно один и невооруженный. Чего доброго, могу зайти в высокую траву или в какой-нибудь овраг, где укрываются хищные животные. А штатив и ящики — это уже нечто, что я могу рассматривать как свое убежище или крепость в этой глуши.

Итак, времени терять нельзя, решать надо немедленно. Ровно 12 минут я могу потратить на то, чтобы быстрым шагом пройти по направлению к этой группе деревьев. Потом надо остановиться и решить, что делать дальше. Если я оттуда разгляжу, что это действительно домик, то оставшихся 12 минут мне хватит на то, чтобы до него добраться. Если же нет, я должен без промедления повернуть назад, чтобы благополучно достичь своей «штабквартиры». На всякий случай я разворачиваю сверток с гаечными ключами, а газету, в которую они были завернуты, привязываю сверху к штативу: я боюсь, как бы не потерять из виду эту тонконогую штуковину.

После этого я отправляюсь в путь, но по дороге все время оборачиваюсь и мысленно отмечаю: «Когда будешь возвращаться назад, ты должен ориентироваться вот прямо на эту вершину горы, виднеющуюся над северным краем кратера».

Предательские деревья! Они оказались значительно дальше, чем мне показалось. С собой я захватил только старый спальный мешок и сумку с фотоаппаратами. Иду семимильными шагами и строго слежу по часам. Через 12 минут я останавливаюсь и снова смотрю в бинокль. Деревья едва приблизились. В этом разреженном, прозрачном горном воздухе вечно недооцениваешь расстояния. Теперь я мог бы биться об заклад, что предмет там, под деревьями, всего лишь куст. Но, прежде чем вернуться, я еще раз внимательно осматриваю в бинокль местность.

Вот там, налево от меня, виднеются две тонкие верти-

кальные полоски. Это могут быть только люди. Или зебры: если смотреть на этих животных прямо в лоб, они выглядят точно так же. После некоторых сомнений я решаю, что это, безусловно, люди. Меняю направление и иду к ним.

Но тут передо мной возникает песчаный овражек в два-три метра глубиной. Когда я из него вылезаю, то загадочных полосок оказывается уже не две, а три. «Если бы это были зебры, то они вряд ли могли все время стоять ко мне точно анфас»,— так я себя уговариваю.

А тем временем сумерки все сгущаются, и к тому же приходится пробираться по высокой, до пояса, траве, похожей на тростник. Но под ней, слава богу, сухая земля, а не болото. Теперь я ясно различаю красный огонек. Наверное, костер. На душе у меня становится легче. Это могут быть только масаи.

И это на самом деле они: шесть моранов, то есть молодых воинов, и двое мальчишек лет одиннадцати. Они только что согнали на ночь на ровную площадку, покрытую сухим навозом, стадо из 600 овец. Ни забора, ни колючей ограды. Все восемь масаев заняты тем, что вылавливают из стада маленьких ягнят и сажают их в плетеные загоны, стоящие в самой середине этой площадки. Таким способом их, наверное, укрывают на ночь от хищников. Молодой воин огромного роста идет мне навстречу и пожимает руку:

— Джамбо (здравствуй)!

Я тоже говорю «джамбо». Из того, что этот человек говорит мне дальше, я, разумеется, не понимаю ни слова. Правда, я пытаюсь догадаться. Наполовину по-суахили, наполовину по-английски я объясняю ему, почему я очутился ночью один в степи. Наконец он, кажется, что-то понял, видимо, слово «ндегге». Но потом он оставляет меня одного: ему надо позаботиться о своих овцах.

Эти масаи, видимо, каждую ночь сгоняют сюда свои стада. Посреди площадки для ночлега овец воздвигнуто нечто вроде трехстенного сарайчика из сухих жердей. Сверху на него набросано несколько шкур — от дождя. Перед открытой стороной разведен костер. Я, как цапля, перешагиваю через спящих овец, с трудом находя между ними местечко, куда бы поставить ногу. Лавируя в этом море теплых лохматых овечьих и козьих тел, я добираюсь наконец до шалаша. Два подобных сооружения поставлены и у другого края площадки.

Я перешагиваю через огонь и сажусь возле полуоткрытого маленького шалаша. Внутри он устлан шкурами и

циновками. Все восемь масаев один за другим подходят и садятся на корточки вокруг костра. Они меня о чем-то расспрашивают, но я вынужден только пожимать плечами. По всей вероятности, они хотят меня чем-то угостить, потому что в их разговоре несколько раз повторяется слово «шукулла», что на суахили означает «кушать». Но я отрицательно качаю головой: признаться, я побаиваюсь яств масайской кухни. Чего доброго, они предложат мне попить свежей крови или еще что-нибудь в этом роде. Я показал им кусок хлеба, завалявшийся у меня в кармане, но это их ни в чем не убедило.

По знаку самого высокого воина мальчишки притаскивают коричневую короткошерстную овцу. У самого костра ее кладут на спину и связывают ей ноги. Масаи смотрят на меня вопросительно. Что я должен сделать? Просто ума не приложу, чего они от меня хотят. Но тут высокий моран берет свое копье и всаживает его в брюхо животного. Он всовывает копье все глубже и глубже. «Жестоко так медленно закалывать животное», — думаю я, но тут же замечаю, что крови не видно. Оказывается, масаи уже заранее задушили овцу.

Кому здесь по-настоящему приходится работать, так это только мальчишкам. Они ошкуривают животное, потрошат его, разматывают кишки.

Селезенку, печень и кусочки мяса нанизывают на деревянные шампуры. Один конец такого прута втыкают в землю, другой, на котором надето мясо, пригибают к огню.

Высокий моран, приветствовавший меня первым, вытаскивает из брюшины прозрачную пленку, пропитанную нутряным салом. Он показывает ее мне и, без сомнения, спрашивает, хороша ли она. Я содрогаюсь при одной мысли о том, что эту пакость придется есть — все равно, будь то в жареном или вареном виде, но проявляю несвойственную мне трусость и киваю головой: «Да». Масаи смеются; не знаю, чем я себя скомпрометировал.

Старший моран протягивает мне прутик с полупрожаренной печенкой. Я беру палочку за два конца и стараюсь отгрызть кусок от этого лакомства. Между прочим, на вкус оно совсем неплохое. Они опять все смеются. Видимо, и у масаев не принято вот так откусывать прямо от целого куска. Один из них вынимает нож и протягивает его мне. Я ем нарочно медленно, потому что знаю, что, как только кончу, мне тут же подадут следующую порцию.

Мораны вешают над огнем большой котел и бросают

в него куски баранины. Едят они прямо колоссальными порциями, но ведь они и поработали сегодня немало. Поскольку я отказался съесть наполовину сырое баранье сердце, то один из воинов засовывает его в щель между прутьями шалаша, в котором я буду спать: авось я ночью проснусь и съем его.

Верзила укладывается рядом со мной ногами к огню и закутывается с головой в свое шерстяное одеяло, которое он днем перекидывает через плечо наподобие римской тоги. Я залезаю в свой спальный мешок и подкладываю под голову сумку с фотоаппаратами. Остальные остаются сидеть у костра. Один из парнишек отрезает бараньи

ножки и держит их над огнем до тех пор, пока шерсть и кожа не обугливаются. Наверное, это особое лакомство для масаев: эти косточки они грызут с таким же удовольствием, как мы конфеты или другие сладости.

Потом они начинают петь. Одна и та же музыкальная фраза все время поется высокой фистулой, за которой через определенные промежутки следуют две басовые ноты. Разумеется, я не могу понять, о чем поют масаи, но знаю, что они мастера сочинять насмешливые частушки. Так и есть. До меня доносятся взрывы смеха, и несколько раз я различаю слово «ндегге».

Так всегда бывает: тот, кто попал в глупое положение, насмешек не оберется!

Воин рядом со мной храпит под своим одеялом во всю мочь. Некоторые из овец тоже храпят. Я раньше не знал, что овцы, оказывается, могут храпеть. Большой щенок, которого масаи до этого все время отгоняли прочь, наконец ухитрился пробраться в сарайчик. Он улегся прямо на моих ногах. Ну что ж, так теплее.

Проспал я с десяти до без четверти четыре. Просыпаюсь и еще два часа гляжу в звездное небо. Размышляю. Михаэль сейчас в Найроби. Спит, верно, сном праведника в отеле «Нью Стенли» после душа в роскошной кафельной ванной. Но все равно я не хотел бы с ним поменяться местами. Он ведь наверняка расстроен и огорчен, что самолет опять на какое-то время вышел из строя. Но важнее всего то, что ни с ним, ни с пассажирами во время посадки ничего не случилось. Все равно в ближайшие дни нам уже предстоит вернуться в Европу, и до тех пор, пока мы приедем сюда снова, машину сто раз успеют отремонтировать. Хорошо, что ему удалось долететь на ней хоть до ангара.

В половине седьмого светает. Я перелезаю через спящих животных, чтобы выйти прогуляться по степи. Но это

почему-то выводит из себя тощих собак, охраняющих овец.. Я должен оставаться в стаде. Хорошая овчарка не выносит вида отбившейся от стада овцы. Она до тех пор будет лаять и хватать ее за ноги, пока та не вернется назад.

Два королевских ворона с белыми воротниками и крепкими изогнутыми светлыми на концах клювами важно расхаживают среди овец. Одна из маток двинулась прямо на непрошеных гостей, но те и не подумали улететь, только отбежали в сторону. Не без труда овце наконец удается их прогнать.

Когда стадо выгнали пастись, один из моранов вызвался проводить меня до «campi», как называют здесь сторожку за лесом. Он никак не может понять, почему я сначала хочу пойти совсем в другую сторону. Вчерашняя группа деревьев служит мне ориентиром, и через три четверти часа мы благополучно достигаем того места, где я оставил свои пожитки. Все цело: и треножник, и чемоданы, и ящики. Один из чемоданов красноватого цвета, и, завидев его издали, масай испуганно схватил меня за руку:

— Куфа (мертвый)?

Но я успокоил его.

Вот как быть со всем этим багажом? Что касается меня, то я бы с удовольствием оставил его там, где он лежит. Ведь все равно в течение дня за мной пришлют какую-нибудь машину и она все заберет. Но масай считает это разгильдяйством. Он втыкает свое копье в землю, поворачивается и стремительно уходит.

Пошел за ослами.

Проходит больше часа, я уже начинаю волноваться. Но он вернется, он ведь оставил в залог свое копье. Интересно, что этот моран подумал? Он ведь искренне испугался, вообразив, что кто-то разбился насмерть!

Капитан Мориц Меркер, полвека назад изучавший быт и нравы этого народа, много занимался их религиозными обрядами и поверьями. Он писал, например, что они якобы трижды в день, воздев руки к небу, молятся солнцу. У каждого масая есть свой ангел-хранитель, который его после смерти перенесет в рай.

После Меркера никто так скрупулезно не занимался масаями. Однако те, кому приходилось здесь жить в прошедшие десятилетия, не верят в рассказанные ему сказки, так сильно смахивающие на христианские поверья. Вполне возможно, что оруженосец Меркера, поведавший ему обо всем этом, наслушался всяких миссионерских проповедей. Но в одном действительно не приходится сомневаться:

масаи верят только в одного бога. Для них не существует, как для других африканских племен, множества злых духов, которым основной бог, живущий за облаками, дал власть над маленькими, слабыми людьми. Бог гордых степных воинов не слишком-то заботится о судьбе людей. Единственный вулкан, который в этих местах еще время от времени действует, масаи называют Олдонио Ленгаи, что означает «гора господня». В загробную жизнь, мысль о которой так утешает многих людей и примиряет их с тяжелой действительностью, масаи не верят. Это они сами нам говорили.

District Officer (D. O.), которому поручена забота о масаях этого района, две недели тому назад нашел молодого воина, страшно изуродованного кафрским буйволом. Ноги у него были сломаны, живот вспорот. Он погрузил несчастного на свой пикап и повез в госпиталь в Арушу. Тряска в автомобиле по неровной дороге наверняка причиняла раненому невыносимые муки. Англичанин видел, как искажались черты юного смуглого лица, но ни одна жалоба не сорвалась с губ масая, он не издал ни единого крика, ни единого стона. Вскоре по приезде в госпиталь он умер. Да, это, безусловно, мужественные люди!

Когда масай умирает в своем доме, родня старается еще при его жизни незаметно снять с него все украшения — браслеты, серьги, ожерелья. Если он умрет в них, уже никто никогда не сможет ими воспользоваться. Но обычно каждая жена, каждый ребенок и даже добрые друзья получают что-нибудь на память о покойном.

Для тяжело заболевших детей или гостей срочно строят «времянку» вне стен бома́, где и ухаживают за ними. Если больные умрут внутри бома́, то все домики должны быть сожжены, а вся огромная община должна сняться с места и заново строить другую бома́. Оплачивать такое переселение обязаны родственники покойного. Таким образом, помещая больных вне бома́, стараются избавить их родню от лишних трат.

После смерти масая его братья и жены закалывают где-нибудь за пределами крааля быка, желательно под каким-нибудь деревом. Покойника смазывают салом убитого животного и укладывают в тени головой на восток. Кладут его обычно набок с поджатыми к животу ногами, левую руку подсовывают под голову, а в правую вкладывают пучок травы и прижимают к груди. К ногам привязывают новые сандалии. Трава в руке олицетворяет у масаев мирные намерения.

В первую же ночь гиены и шакалы съедают покойника.

Если они его не тронули, это плохое предзнаменование. Известных шаманов или вождей племен иногда хоронят и в земле. Каждый, кто проходит мимо, должен положить на могилу камень, так что вскоре вырастает высокий холм.

Все члены семьи покойного бреют себе головы. Имя его никогда больше не должно произноситься. Если покойный носил имя, которое встречается в обыденной речи, например Оль-Онана, что означает «благородный», то его семья больше не имеет права произносить слово «благородный», а вынуждена заменять его каким-нибудь другим, например «польполь», что означает «мягкий».

Наконец вернулся мой воин, которого я здесь дожидаюсь, да еще в сопровождении двух других. Они пригнали трех ослов, а ослы, как известно, не торопятся, поэтому на все потребовалось немало времени. Ослы здесь принадлежат женам. Работать этим животным приходится примерно раз в полгода, когда семья снимается с места и перевозит свой скарб в новую бома́.

Ослам привязывают огромные карманы из заскорузлой кожи. Они такие жесткие, что нам приходится втроем втискивать в них мой багаж. Ремни врезаются в тела бедных животных.

Мы отправляемся в сторону дальнего леса. По пути я увидел 17 гиен, собравшихся в тесную кучу, хотя нигде поблизости не было видно падали. Львов, сидящих в высокой траве возле озера, масаи прогнали криками. Львы определенно боятся этих стройных воинов, даже ослы их нисколько не привлекали.

Мои провожатые хватают меня за руку и указывают на два облачка пыли вдали. Это два автомобиля, петляющие по степи в нескольких километрах отсюда. Они определенно ищут меня, но почему-то не приближаются. Позже я узнал, что издалека они приняли меня за масая.

Мы продолжаем свой путь. Тащимся уже три часа. Солнце печет мне голову, ведь у меня давно нет такой шевелюры, как у Михаэля. Перепрыгивая болотистое место, я не рассчитал, и моя нога по самую щиколотку погрузилась в вязкий серовато-белый рассол.

Наконец одна из машин догадалась подъехать. Нам предлагают поесть, но мы отказываемся, а вот воды я выпил почти два литра, и мои масаи тоже. Вместе с главным воином мы садимся в машину, остальные с осликами должны потом подтянуться. Сидящий в машине господин предлагает нам сигареты; я отказываюсь, но масай запу-

8 № 3485

скает в коробку всю пятерню, вынимает шесть или восемь штук и после потихоньку сует их мне. Он считает себя чем-то вроде моего сообщника. Я уговариваю его попробовать закурить, но он не знает даже, как это делается. Он зажигает сигарету, но забывает при этом втянуть воздух с другого ее конца. Тут я вспоминаю, что молодым воинам курить запрещается, курят только «старейшины»...

Европейцами, сидящими в машине, мой масай интересуется ничуть не меньше, чем они им. Он с интересом трогает прядь седых волос сидящей впереди него пожилой дамы. Потом прикасается к светлым волосам ребенка, сидящего у нее на коленях. Не меньше его занимает и «шерстистый покров» моих рук: он то и дело проводит по нему пальцами, словно гребнем, и улыбается. Его собственная гладкая, словно отполированная, темная кожа лишена всякой растительности.

От моих спутников я наконец узнаю, что случилось со всеми остальными. Оказывается, во время посадки самолет одним колесом ударился о какой-то камень. Пассажиры ощутили лишь незначительный толчок, но правой «ноги» самолета как не бывало — ее точно бритвой срезало. Михаэль заметил это только потому, что внезапно открылась дверца. Ему силой пришлось удерживать ее на месте. Но тут, к своему ужасу, он обнаружил, что рядом с его ногой в полу образовалась огромная дыра, сквозь которую видна земля. В нее сразу же ворвался ветер. Одновременно машину резко подбросило вверх, и она стала замедлять свой ход. Если сейчас же не набрать необходимую скорость, самолет моментально рухнет вниз. Рули направления и высоты вышли из строя. Михаэль лихорадочно работал.

В такие минуты страх куда-то исчезает, бояться просто некогда — надо действовать. А вот три пассажира, сидящие в вынужденном бездействии, те видели, что на них надвигается смертельная опасность. Но прежде чем они полностью осознали, что им угрожает, опасность миновала, во всяком случае на какое-то время.

С помощью дифферента и закрылок Михаэлю удалось снова восстановить равновесие и увеличить скорость. Пот лил с него градом, но теперь он мог хоть вздохнуть и обдумать создавшееся положение. Приземляться на одном колесе — это значит рисковать жизнью. Здесь, в Серенгети, помощи ждать неоткуда. Если машина во время посадки загорится, тушить огонь некому. И для раненых здесь нет ни врачей, ни больницы. Даже в том случае,

если люди останутся целыми и невредимыми, ремонт самолета в этой глуши снова затянулся бы на долгие недели, может быть, месяцы, а возможно, его пришлось бы разобрать на части и увезти. Горючего было полно, машина еще уверенно держалась в воздухе, хотя и летела не так быстро, как хотелось бы.

Михаэль решил лететь в Найроби. Прежде всего он низко пролетел надо мной и бросил мне записку. Но его отец в это время дремал на солнцепеке и едва приоткрыл глаза. Он не заметил даже, что у самолета осталась всего одна нога. В такие моменты сыновья могут проклясть даже своих собственных отцов.

Бензина на этот перелет потребовалось немало, но, когда машина добралась до Вильсоновского аэродрома, баки были еще наполовину наполнены. Михаэль опасался, как бы горючее не вспыхнуло во время удара корпуса о землю. Поскольку его нельзя было вылить, он еще полчаса кружил над аэродромом, чтобы истратить бензин.

Три месяца назад здесь погиб один летчик, опылявший инсектицидами поля против саранчи. Сразу же после старта он вынужден был приземлиться с полными баками недалеко от аэродрома, загорелся и погиб во время этого пожара.

Михаэль оглянулся. Лица трех его пассажиров были бледны и серьезны. Там, внизу, на земле, люди играли в теннис, на пруду кто-то катался на лодке и упражнялся на водных лыжах. Хорошо бы уже твердо стоять обеими ногами на земле и чтобы эта опасная посадка с одним колесом была позади!

Герман вспомнил про большую батарею для питания кинокамеры. Она была наполнена серной кислотой, которая при неудачной посадке могла разлиться и разъесть людям кожу... На всякий случай он выбросил ее за борт.

Это были долгие полчаса, когда Михаэль кружил над аэродромом. Подлетая, он радировал о том, что с ним случилось, так что внизу уже стояли наготове кареты скорой помощи, две красные пожарные машины, суетились представители прессы, а все летное поле окаймлял бордюр из зевак.

Наконец бензин кончился. Михаэль спланировал вниз, пролетел над посадочной дорожкой, накренив машину слегка вправо, потом постепенно опустился на уцелевшее колесо и ехал на нем некоторое время по асфальту; только когда самолет совсем замедлил свой бег, он накренился и повернулся вокруг своей оси.

Это была совершенно виртуозная посадка! Ни вторая нога не обломилась, ни крыло не помялось. Тем не менее с быстротой молнии подъехали пожарные машины и покрыли пеной весь самолет, не обращая никакого внимания на протесты Михаэля.

Вот тут-то все четверо почувствовали страшный упадок сил. Они даже не были в состоянии отвечать на вопросы журналистов. Михаэль только спросил своих спутников:

— Помните, когда мы кружили над аэродромом, то все время пролетали над кладбищем? Правда ли это или мне только показалось, что там были вырыты четыре свежие могилы?

Оказывается, все их заметили, но никто не решался сказать об этом вслух, пока самолет был еще в воздухе.

На этот раз мы еще дешево отделались и в воздухе, и в кратере.

Про муху цеце

Мы рассказали вам, как бегали наперегонки с антилопами, играли с носорогами; мы познакомили вас и с трубящими страусами, и с влюбленными зебрами, но об одном из самых важных животных Серенгети мы чуть не забыли упомянуть. Хотя оно широко известно и пользуется дурной славой, тем не менее ни в одной книжке об Африке вы не найдете о нем каких-либо подробных сведений. А между прочим, это животное — единственный защитник слонов и зебр в тех случаях, когда человек пытается отобрать у них родину.

Я имею в виду муху цеце, этого переносчика сонной болезни и болезни нагана.

Так называемый коридор, то есть западная часть национального парка Серенгети, куда откочевывают наши огромные стада во время засухи, заражен мухой цеце. Если бы не это обстоятельство, там давно было бы полно деревень и ферм или же масаи пасли бы там свой рогатый скот.

— У тебя прямо какая-то слоновья кожа,— уверяет меня Михаэль.

Дело в том, что когда я во время езды раздетый по пояс сижу на радиаторе нашей машины, то к моей спине непременно прилипнут 10, а то и 15 этих кровососущих насекомых. Из кабины их хорошо видно, но дотянуться до них и прогнать невозможно. Сам же я ровно ничего не чувствую, мне даже не щекотно, потому что я давно ко всему привык.

Когда мы проезжаем через какую-нибудь рощицу или речную долину, бывает, что вся машина в мгновение ока битком набивается этими мухами. Мне кажется, что жертву свою они находят отнюдь не при помощи обоняния: они просто-напросто преследуют любой крупный двигающийся предмет. Поэтому-то их так и привлекают автомобили.

Однажды нас окружила целая туча мух — штук 150, если не больше. Они долго преследовали нашу машину. Когда я вылез и немного прошелся пешком, ни одна из них не обратила на меня никакого внимания; автомобиль был гораздо больше, а следовательно, и привлекательнее для них, чем я. Порой они стараются сесть даже на вращающиеся колеса.

Муха цеце не больше нашей обычной комнатной мухи. Цеце водятся только в Африке, больше нигде в мире. Их там 20 видов. Муху цеце легко можно отличить от всех других. Обыкновенные мухи, в том числе и наши европейские комнатные, ползая или сидя на чем-нибудь,

складывают свои крылья на спине таким образом, что они несколько расходятся косо в стороны, как веер. А муха цеце складывает крылья плотно — одно поверх другого, наподобие ножниц. Поэтому ее совершенно невозможно спутать с какой-либо другой мухой.

Если посмотреть в лупу (а у кого зрение острое, даже без нее), то на каждом крыле мухи цеце можно различить маленькую секиру: прожилки расположены таким образом, что посередине получается что-то вроде маленького топорика. Кроме того, у этих мух щупальца покрыты перьеобразными волосиками, но это уже детали. Во всяком случае они настоящие «африканцы» и в любом другом месте чувствуют себя плохо. 20 миллионов лет тому назад они водились и в Америке, но сейчас, когда их вместе с какими-нибудь товарами затаскивают на самолетах в Бразилию, они там не приживаются. Во всяком случае до сих пор не приживались.

Как только такая мушиная армия врывается в машину, начинается прямо настоящая война. Но воевать с ними тоже надо уметь. Необходимо учесть, что муха цеце летает очень быстро и целеустремленно; кроме того, ее не так-то просто убить. Если ее прихлопнуть, как обычную комнатную муху, она, может быть, и упадет с поломанными крыльями и ножками, но через мгновение уже приходит в себя и нахально кусает вас с новой силой. Поэтому таких мух надо ловить руками и раздавливать между пальцами. Наш шофер Мгабо утверждал даже, что им непременно надо отрывать голову, чтобы быть уверенным, что они не очнутся!

Цеце не только кровожаднее львов и гиеновых собак, они и действуют значительно успешнее. Крупная дичь вынуждена немедленно убираться из тех мест, на которые претендует человек: ведь истреблять слонов, кафрских буйволов и целые стада антилоп совсем не трудно и не

опасно. Муху же цеце не так-то просто согнать с облюбованных ею участков. Там, где ее серьезно задумают уничтожить, потребуется немало времени и денег. Да и мозгами придется пошевелить.

У комаров и многих других кровососущих насекомых кровь пьют одни только самки, самцы питаются нектаром растений и другими столь же невинными продуктами. У мух же цеце кровь пьют и самцы, и самки. Никому еще не приходилось наблюдать, чтобы они питались чем-нибудь другим. На конце хоботка у них имеются острые зубчики, которыми они пробуравливают кожу; нащупав какой-нибудь мельчайший кровеносный сосуд, они протыкают его и впрыскивают туда свою слюну, чтобы кровь не свертывалась. Как только муха цеце начинает сосать кровь, ее тощее брюхо заметно набухает и краснеет.

Вряд ли кто из вас слышал о том, что муха может забеременеть. А между тем это так. Обычные мухи, да и вообще большинство насекомых, откладывают кучу яиц, откуда затем появляются личинки, большинство из которых погибает. У цеце все это происходит совсем иначе. Самка с самцом спариваются в течение часа, а иногда и до пяти часов подряд. Зато после этого самка оплодотворена до конца своей жизни. Даже в том случае, если она попадает в местность, где нет других мух цеце, она еще в течение 200 дней (продолжительность ее жизни) способна откладывать оплодотворенные яйца.

Впрочем, муха цеце не откладывает яиц. В теле самки созревает одно-единственное яйцо, которое получает питание из особых желез (наподобие зародыша в матке зверей и людей). Там же, в организме самки, личинка выходит из яйца и проходит тройную линьку, то есть те стадии развития, которые у других насекомых протекают во внешней среде. Затем на свет появляется белая личинка длиной в сантиметр.

Уже за несколько дней до «родов» самка не в состоянии больше сосать кровь просто потому, что для этого в ее утробе уже нет места. При родах она сама себе оказывает акушерскую помощь задними лапками. Новорожденная личинка закапывается в рыхлую прохладную почву, которую беременная муха обычно выбирает себе в качестве родильного дома. Через полчаса она уже исчезает под землей. В почве ее оболочка затвердевает, и личинка превращается в коричневую куколку, похожую на крошечный бочонок. Из этого бочонка через 35 дней появляется готовая муха. Она проделывает головой отверстие на одном конце своей оболочки, для чего у нее на передней

части тела имеется специальный пузырь, наполненный воздухом. Как только муха оказывается снаружи, воздух из этого пузыря устремляется в приплюснутые и смятые крылья и расправляет их.

Самка ежемесячно способна производить на свет от двух до трех детенышей.

Никому бы не пришло в голову так тщательно изучать муху цеце, если бы девять ее видов не являлись переносчиками очень опасных возбудителей болезней человека и домашнего скота. Стремительный полет и характерное жужжание этих мух уже не для одного человека означали неминуемую гибель. В конце прошлого столетия, когда участились поездки по Африке, муху цеце заносили во все новые и новые районы, где она раньше не водилась. Когда она кусает, в ранку попадают особые паразиты крови из класса жгутиковых — трипанозомы величиной в двадцатую часть миллиметра. Они-то и являются возбудителями сонной болезни. Заболевший ею человек вначале ощущает боли в затылке, у него повышается температура, заметно опухают шейные железы. Затем у него начинают проявляться нарушения мозговой деятельности, наблюдаются признаки душевного расстройства, больной страшно худеет, впадает в какое-то полудремотное состояние и в конце концов погибает.

Из-за этой ужасной болезни обширные области Африки совершенно обезлюдели.

В наше время уже почти никто не умирает от сонной болезни, разве только в единичных случаях. Современная медицина имеет достаточно сильные лекарства, излечивающие этот страшный недуг.

Однако цеце переносят и возбудителей других болезней, постоянно живущих в организмах жирафов, антилоп, буйволов, бородавочников, гиен и большинства других диких животных Африки. У диких животных выработался природный иммунитет против этих болезней, редко какое-нибудь из них умирает по вине трипанозом. Но зато все европейские домашние животные — рогатый скот, лошади, свиньи и овцы — очень быстро погибают во время вспышек эпизоотий болезни нагана. В местностях, зараженных мухой цеце, невозможно заниматься не только скотоводством, но и впоследствии земледелием, так как там отсутствует навоз, необходимый для удобрения.

Эти обстоятельства надоумили некоего господина Ю. К. Горлея прибегнуть к страшным мерам, благодаря которым его имя будет упоминаться в истории с не меньшим негодованием, чем имя грека Герострата, сжегшего

замечательный храм Артемиды в Эфесе лишь для того, чтобы увековечить свое имя.

Мистер Горлей до недавнего времени был уполномоченным по борьбе с трипанозомными заболеваниями человека и животных в Южной Родезии, расположенной в бассейне реки Замбези. Он решил, что средства уничтожения мухи цеце, успешно применяемые в других районах Африки, слишком сложны и дороги. Вместо них он изобрел свой собственный радикальный, но совершенно дьявольский способ борьбы.

«Если истребить сразу всех диких животных, то вымрет и муха цеце, потому что ей нечем будет питаться»— так решил этот «мыслитель».

Итак, он роздал африканцам ружья, учредил премии за каждое убитое животное, и дикая фауна стала планомерно уничтожаться.

С 1932 года таким образом было выбито 550 594 степных животных, не считая тех, которых подранили неопытные стрелки и которые медленно погибали, забравшись куда-нибудь в чащу. В последнем годовом отчете, который попал мне в руки, гордо сообщается, что в этом году удалось уничтожить 36 552 животных, то есть больше, чем в любом прошедшем. На этот раз были убиты 3219 павианов, 61 гиеновая собака, 35 гиен, 19 леопардов, 4 льва, 55 слонов, 8 носорогов, 313 зебр, 950 кистеухих свиней, 4503 бородавочника, 377 кафрских буйволов, 50 гну, 301 водяной козел, 777 болотных козлов, 1351 черная лошадиная антилопа, 306 обыкновенных лошадиных антилоп, 291 антилопа канна, 4937 антилоп куду, 5 редчайших антилоп ньяла, 1788 бушбоков, 2259 антилоп импала, 12 566 дукеров, 1037 маленьких антилоп прыгунов, 134 ориби, 1206 антилоп бейза.

И все это за один год! При этом мистер Горлей с гордостью сообщал, что на одно животное в среднем затрачено всего 2,6 патрона.

Повсюду, где узнавали об этой жестокой массовой бойне, она вызывала отвращение и ужас, в том числе и у жителей самой страны. Разумеется, разрастающемуся человечеству необходимо осваивать все больше пустующих земель даже в тропиках, где земля, как правило, мало пригодна для земледелия и, как показали наши наблюдения, под воздействием человека очень быстро превращается в пустыню. Но если ученый или правительственный чиновник решился применить столь дикое и страшное средство, он предварительно обязан установить опытным путем, могут ли эти меры привести к желаемым результа-

там и нет ли других, менее страшных. Этого господин Горлей, оказывается, не сделал из-за «нехватки денежных средств».

Он даже не удосужился выяснить то обстоятельство, что мухи цеце, после того как будут уничтожены все крупные животные, спокойно могут просуществовать, питаясь кровью мелких грызунов, а также зайцев, шакалов, лисиц, которых, разумеется, никогда не удастся полностью уничтожить. Кроме того, вся подвластная ему местность граничит с бывшей португальской колонией Мозамбик, где мероприятий по борьбе с мухой цеце не проводится. Если бы действительно удалось истребить всех диких животных Южной Родезии и мухи цеце окончательно вымрут в этих местах, то все равно они снова налетят сюда из-за границы, как только здесь начнут выпасать рогатый скот. А уж перестрелять весь зараженный рогатый скот вряд ли кому-нибудь позволят.

Вот в Зулуленде, например, очень успешно справились с мухой цеце, распыляя инсектициды с самолета. Там же имеется широко известный Ветеринарный институт и весьма авторитетное Ветеринарное управление. По его совету в Родезии наконец решили использовать удачный опыт Зулуленда и начали проводить опыливание с маленьких самолетов. Но случилось так, что пилоты повздорили с молодыми служащими из «Комитета по борьбе с мухой цеце», опыты начали проводиться не в то время года, в какое нужно, и господин Горлей решил отказаться от этого перспективного метода и продолжать свою безрассудную бойню. И снова повсюду разлагаются десятки тысяч трупов замечательных животных, представителей всемирно известной чудесной африканской фауны.

Охотники, которым выплачиваются премии за каждую голову убитого животного, разумеется, нисколько не заинтересованы в том, чтобы преследовать последние уцелевшие экземпляры, чтобы во всей местности действительно не оставалось ничего живого. Точно так же они не станут часами преследовать каждого подранка, чтобы прикончить его и избавить тем самым от мучений. Охотников интересует только число голов. Они стремятся стрелять там, где много животных держатся вместе,— авось в кого-нибудь да попадешь. При таком способе охоты раненые слоны уже не раз убегали в незараженные районы и заносили туда мух цеце.

Разыгрывались столь отвратительные сцены, что возмущение этой массовой бойней в стране все возрастало. Правительство Южной Родезии было вынуждено учредить

специальную комиссию для разбора этого дела. Перед комиссией выступило множество свидетелей. Все их показания честно были опубликованы в официальной брошюре. В ней, между прочим, написано, что «Комитет по борьбе с мухой цеце» ходатайствовал о том, чтобы ему дали другое название, потому что прежнее снискало себе дурную славу среди общественности. Вместо мистера Горлея назначили другого человека, которому поручили изыскание более гуманных путей борьбы[1].

Здесь, в Банаги, мухи цеце мне значительно менее неприятны, чем комары. Цеце нас хоть ночью оставляют в покое, комары же совершают и ночные налеты. Комар, проникший под москитную сетку, может часами не дать мне уснуть, потому что свои атаки он сопровождает еще воинственным «пением». Кроме того, здесь каждый третий комар — переносчик малярии. Если такому комару дать укусить подопытное животное, то в 95 процентах случаев оно заболевает. А среди мух цеце только каждая двадцатая является переносчиком сонной болезни, и заражает она лишь 10 процентов тех животных, которых кусает.

[1] Сколь научно необоснованной была десятилетняя горлеёвская массовая бойня, показали новые исследования доктора Вайтца и доктора Глазгова о происхождении крови, высосанной мухами цеце у животных Восточной Африки. По этим исследованиям 88 процентов проб крови принадлежало бородавочникам и кистеухим свиньям, 5 процентов — буйволам. Регулярно мухи сосут кровь у домашнего рогатого скота: овец и коз; кровь лошадиных антилоп, куду и бушбоков вместе составляет около 15 процентов; конгони, топи, зебр и гну (наиболее многочисленных степных животных) мухи цеце вообще не трогают, а антилоп канн, дукеров, водяных козлов, антилсп импала, обезьян, кошек, собак, гиен и птиц жалят очень редко (Oryx. London, Bd. 5, S. 20, 1959).

Как и куда они кочуют

 Уже несколько дней как горит степь. Это, правда, выглядит далеко не так страшно, как изображается обычно в кино. Никакие обезумевшие от ужаса стада не бросаются в бегство, ведь огонь продвигается очень медленно и его можно обойти стороной. А там, где трава низкая, на небольшой площадке огонь при желании можно и затоптать. Но фронт пожара очень широкий, конца его невозможно найти. Там, где огонь загасили, спустя некоторое время он вновь возобновляется от ветра.

Я никогда не замечал, чтобы у животных был врожденный страх перед огнем, как это часто утверждается в книжках. Львы, например, спокойно подходят совсем близко к огню и ложатся в еще теплую золу. Однажды в Банаги мы разожгли большой костер и расселись вокруг него в шезлонгах, чтобы погреться. В это время в шести метрах от нас прошло семейство львов, не обращая никакого внимания ни на нас, ни на наш костер.

Опасен степной пожар лишь для насекомых и черепах. Непосредственно у самого фронта огня всегда держится множество птиц, которые ловят удирающих или подбирают опаленных насекомых.

Мы опасаемся, как бы ночью не изменилось направление ветра и огонь не добрался до нашего самолета. Мы предусмотрительно сжигаем вокруг машины всю траву, чтобы подползшему пламени уже нечем было питаться, но искры от подожженной нами травы попадают на изгородь из колючего кустарника, заботливо воздвигнутую нами вокруг самолета для защиты от гиен и львов. Сухие ветки внезапно вспыхивают огромным ярким пламенем. Мы поспешно вытаскиваем из земли столбы с натянутой между ними колючей проволокой, заменяющие нам ворота, и отбрасываем их в сторону. Михаэль прыгает в самолет, включает мотор и выкатывает машину из загона. Наша колючая крепость сгорает дотла. Волей-неволей прихо-

дится оставить «Утку» на открытой со всех сторон посадочной площадке.

Когда через несколько часов мы вернулись, то под одной из плоскостей увидели львицу, наслаждающуюся в тени прохладой. А на другое утро обнаружили, что пеньковый трос, которым самолет привязан к земле, изжеван гиенами. К счастью, они не догадались пожевать резиновые шины колес...

К вечеру степной пожар начинает ползти вверх по горе Банаги. Светящаяся в черной ночи красная лента, опоясавшая гору, поднимается постепенно все выше и выше. Сухие деревья вспыхивают, словно факелы, и потом еще часами продолжают тлеть темно-красным огнем. Мы стоим у двери нашего алюминиевого домика и любуемся зрелищем, которое разыгрывается в Серенгети только раз в году. При каждом порыве ветра тлеющие стволы деревьев вспыхивают ярче, напоминая причудливую световую рекламу.

Но для любого посвященного это печальное зрелище. Деревья здесь разбросаны так же редко, как в плодовом саду. Это нельзя даже назвать рощей. Каждый такой пожар ежегодно уничтожает часть деревьев и подпаливает подрост. А почва здесь остро нуждается в тени, потому что в сухое время года солнце высасывает из нее последние остатки влаги. Будь в Серенгети достаточно дождей, в течение года из почвы мог бы испариться слой воды толщиной 1,7 метра. Но в действительности за 12 месяцев здесь выпадает всего 80 сантиметров осадков. Если бы эти осадки не проникали в почву за короткий срок (с ноября по декабрь и с марта по июнь), то здесь вообще ничего бы не могло расти.

Итак, если бы Серенгети был покрыт озером глубиной 1,7 метра, то солнце за год его бы высушило. Следовательно, там, где нет сухой прошлогодней травы и деревьев, служащих скупым источником тени, земля с каждым десятилетием становится все суше и суше.

Впрочем, в данный момент нас как раз устраивает, что земля стала черной и гладкой. Мы собираемся ловить зебр, да притом голыми руками. Теперь виден каждый камень и каждая яма, из-за которых здесь обычно так часто повреждаются машины.

Гну и газелей томми нам удалось перехитрить при помощи нашего «чудо-ружья». Зебры же гораздо осторожнее: они не подпускают нас на близкое расстояние. К счастью у Гордона Пульмана есть богатый опыт ловли диких животных. От Гордона эту науку усвоили и мы, а когда

знаешь, как это делается, все оказывается весьма просто.

А делается это так. Обнаружив табун, мы едем прямо на него и отгоняем четырех или пять зебр от остальных. Затем начинаем преследовать какую-нибудь одну из них. Со скоростью 50 километров в час мы ее без труда нагоняем. Это не очень спортивное и не совсем честное состязание: Гордону приходится лишь слегка нажимать ногой на газ, зебра же, спасая свою жизнь, бежит во весь дух. Уже через три или шесть минут она задыхается и начинает бежать медленнее. Тогда мы пытаемся поравняться с животным и ехать совсем рядом. Иногда мы нарываемся на

настоящего скандалиста, который старается укусить машину. Есть зебры, догадывающиеся, что от нас можно удрать, резко свернув в сторону: ведь наша машина не способна совершать такие крутые виражи. Поэтому мы стали ездить сразу на двух машинах. Одна из них едет немного отступя, по другую сторону от зебры, чтобы не дать ей свернуть.

Не позже чем через пять минут мы должны поравняться с зеброй и на ходу схватить ее за хвост. Если схватить не удается и охота слишком затягивается, лучше отступиться: у животного от перенапряжения может произойти инфаркт. Зная это, мы всегда в таких случаях отпускали тигровую лошадку с миром и устремлялись за другой: ведь зебр вокруг сколько угодно!

Но весь фокус в том, чтобы удачно схватить зебру за хвост как можно выше, у самого основания, и притом удержать его! Если дать ему выскользнуть из рук, то жесткие волосы порежут все пальцы. Есть еще одна деталь, за которой необходимо следить: если животное незадолго перед этим испражнялось, то хвост скользкий и удержать его в руках невозможно.

Итак, один или два человека хватают животное за хвост, а машина постепенно сбавляет ход. В конце концов зебре приходится остановиться. В тот же миг к ней подскакивают все ловцы: один хватает зебру за оба уха, а другой быстро обхватывает ее рукой за шею и, крепко сжимая, как в тисках, пальцами разводит челюсти. При этом надо внимательно следить, чтобы пальцы пришлись именно на то место позади резцов, где в лошадиной челюсти нет зубов.

Как правило, этот ответственный трюк поручается Гордону: он делает это виртуозно и хватка у него мертвая. Ведь зебры, как и все лошади, страшно кусаются. Хотя их передние зубы не очень остры, зато они весьма

крупные и крепкие и имеют совсем иное строение, чем у собак или хищных животных. Лошадиные зубы крошат и перемалывают кости.

Зубы — это единственное, что есть опасного у зебр. К счастью, эти животные обычно не брыкаются. Мне прежде часто приходилось иметь дело с лошадьми, а каждый крестьянин или наездник знает, как при этом надо остерегаться задних да и передних копыт, как часто лошади срываются с привязи и яростно встают на дыбы. А вот здешние зебры этого никогда не делают. Возможно, они к этому моменту бывают уже слишком вымотаны погоней.

Таким образом ежедневно до обеда нам удается изловить от трех до пяти зебр, маркировать их ушными метками и украсить цветными ошейниками. После обеда погоня продолжается снова. Я пользуюсь случаем и точно проверяю по спидометру, с какой скоростью могут бежать различные степные животные. Зебры пускаются в галоп со скоростью 50 километров в час, причем без особого напряжения. Самец антилопы канны припустился со скоростью 56 километров в час, газель Томсона выжала 60 километров в час, гиена — 40 километров в час, страус бежал со скоростью 48 километров в час, газель Гранта — тоже; лишь на короткий срок она повысила эту скорость до 56 километров в час. С гепардами мне не удалось добиться полной ясности. Один, которого мы повстречали, развил скорость, не превышающую 48 километров в час, да и то, пробежав несколько сот метров, обессиленный, упал на землю.

А ведь гепарды считаются самыми быстроходными из наземных млекопитающих! Но мы не стали дальше преследовать этого беднягу: не исключена возможность, что он был чем-то болен. Поэтому я очень обрадовался, когда через несколько дней повстречал другого. Но и этот показал не очень-то блестящие результаты — всего 50 километров в час, да притом успел улизнуть в небольшую рощицу, прежде чем мне удалось прибавить скорость.

Но я не думаю, чтобы это была их рекордная скорость: ведь газель Томсона, эта обычная жертва гепардов, мчится со скоростью 60 километров в час, а в смертельном страхе, наверное, и того быстрее. Так что, не бегай гепарды проворнее этих газелей, им туго пришлось бы с добыванием пищи.

Как всегда, дело не может обойтись без моего Михаэля: он ведь у меня «ко всем бочкам затычка». На этот раз ему

непременно нужно самому испробовать трюк с хватанием зебры за нижнюю челюсть. Я, разумеется, категорически против:

— Ну зачем тебе это нужно? Гордон делает это так ловко, как никто. Все равно никому его не переплюнуть! Опять лезешь не в свое дело, да? Ты уже забыл, как пропорол себе горло из-за зебры?

Я себе ужасно не нравлюсь в роли заботливой наседки. Но ведь Михаэль действительно делает глупость. Скоро он примется еще и львов дрессировать!

Но тут я вспоминаю: когда я был в его возрасте, то на самом деле дрессировал тигров и ради потехи бегал с балансиром по высоко натянутой проволоке. Я устыдился своих упреков, внутренне обозвал себя «отсталым, склеротическим предком» и решил молчать. Пускай делает что хочет.

Первая же упитанная кобылка цапнула его за руку и прокусила большой палец до кости.

Михаэль был так этим возмущен, что вначале даже не почувствовал боли. Я заклеил ему палец пластырем. Только через час началась нестерпимая боль. К вечеру она усилилась, и мы решили сделать для пальца теплую ванночку. Кроме того, на всякий случай я вкатил своему упрямому сынку дозу пенициллина. На другое утро почти все уже прошло.

Но и упитанная кобылка запомнила эту историю! На ней теперь ярко-желтый ошейник, и она сразу же убегает, как только издали завидит нашу машину. С ней вместе удирает целая компания из четырех или пяти других зебр, вероятно ее ближайшая родня.

Несколько месяцев назад мы как-то целую ночь пытались ловить руками ослепленных фарами газелей. Никогда мне еще не приходилось столько бегать, как в ту ночь. Мы носились по кочкам и камням, пробирались сквозь колючий кустарник, все время рискуя наступить в темноте на льва, провалиться в яму или не успеть в последний момент вскочить в машину: ведь в такой суматохе тебя запросто где-нибудь забудут! Однако газелей фары ослепляли только на несколько мгновений, потом они привыкали к свету и убегали. Нам так и не удалось поймать ни одной.

И все-таки я не поверю в то, что это невозможно. Когда нам однажды пришлось целую ночь прокараулить возле усыпленного гну, которому мы нечаянно вкатили слишком большую порцию наркотика, мы заметили, что газели Томсона и Гранта с любопытством входили в луч нашего

прожектора и по этой освещенной дорожке приближались совсем близко к машине. Я вспомнил: тогда было новолуние и кругом кромешная тьма.

Поэтому мы решили повторить ловлю газелей во время новолуния. Теперь все пошло как по маслу. За одну ночь нам удалось поймать 20 газелей и маркировать их ушными метками и ошейниками.

— Каждое животное надо ловить особым способом,— говорит Гордон Пульман.— Вот, к примеру, антилопа бейза так и норовит прошить вас насквозь своими прямыми и острыми, как кинжалы, рогами. Но стоит только схватить ее за рога, как она сейчас же останавливается как вкопанная и не оказывает больше ни малейшего сопротивления; теперь вы можете делать с ней все, что вам надо.

Нам необходимо маркировать как можно больше животных, чтобы иметь ясное представление о кочевках этих огромных стад по Серенгети. Теперь мы уже знаем, как и куда они кочуют, и нас это отнюдь не радует.

Правительство приняло решение отрезать ровно половину национального парка. Делается это потому, что, как здесь уже указывалось, десятками лет существует убеждение, будто бы стада гну, зебр и газелей, пасущиеся в сухое время года в низинах «коридора», в декабре и январе во время дождей, откочевывают только до линии, по которой проводится новая граница,— ни шагу дальше на восток. По обе стороны этой линии тянутся бескрайние открытые равнины, поросшие травой. В сухой сезон они высыхают и желтеют и всякая жизнь на них замирает.

Но с первыми же дождями степь буквально на глазах оживает и снова зеленеет. В низинах образуются маленькие озерки, к которым со всех сторон прокладываются звериные тропы: животные приходят сюда на водопой. И вот уже снова по всей степи от края до края странствуют тысячи газелей, зебр и гну. Предполагали, что стада, разгуливающие в сезон дождей восточнее новой границы парка, являются туда из кратера Нгоронгоро. Этим же руководствовалось правительство при своем решении о разделе парка.

Итак, было решено и подписано: стада из «коридора» и стада из Нгоронгоро сталкиваются именно на этой линии.

Но, следуя за ними на своем полосатом самолетике, мы детально подсчитывали, сколько их, прослеживали их путь, разыскивали с воздуха помеченных ошейниками

зебр и гну и теперь точно з н а е м, что на самом деле все это выглядит совсем иначе.

Бо́льшая часть животных в июне, в конце сезона дождей, действительно откочевывает назад, в «коридор», остальные же уходят на север, где и пасутся вне границ парка, притом вовсе не в тех районах, которые было решено отдать заповеднику взамен отрезанной восточной части, а значительно западнее. Кроме того, в засушливое время отдельные стада то и дело уходят из «коридора» на север, а затем возвращаются назад.

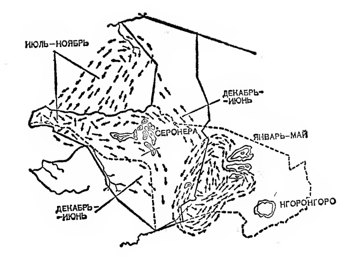
В октябре начинаются благодатные дожди, сначала севернее парка, а затем с каждым днем грозы продвигаются на 20 километров южнее. Сегодня на очереди Банаги, а к завтрашнему дню тучи уже сгустятся дальше к югу, над Серонерой, и так далее. Выжженные степи напьются живительной влаги и вновь зазеленеют.

И вот тут-то огромные армии животных приходят в движение. Они направляются на восток, пересекают долины меж холмов и устремляются в открытую степь. Животные идут гуськом по твердо установленному маршруту и не как попало, а по проторенным тропам, которые вначале можно принять за человеческие. С воздуха нам прекрасно видно, как черные гну следуют один за другим, словно бусы на нитке. И точно так же шествуют зебры. Уже по сетке этих троп, число которых от года к году не меняется, с воздуха, словно по большой карте, можно проследить основные направления, по которым движутся животные (даже если в данный момент ни одного из них не видно).

Так, например, все тропы с юга ведут к Олдувайскому ущелью, которое пересекает равнины с востока на запад. Далее они идут вдоль его южного края, сливаясь постепенно в одну общую тропу, которая затем в единственном удобном для перехода месте пересекает ущелье. Там, на другой стороне, тропы снова веерообразно расходятся в разные стороны.

Уже из одного этого видно, что животные стремятся с юга перебраться на север. Ни разу не было замечено, чтобы они подошли к ущелью с его северного края, и там нет ни единой тропинки, которая вела бы к переходу на другую сторону.

Зебры, гну и газели — животные, как известно, травоядные. Им необходимо ежедневно пастись по нескольку часов. В это время они уже движутся не гуськом, а рассыпаются по пастбищу. И хотя зебры и гну кочуют по степи примерно в одно и то же время и теми же путями,

Пунктирная линия — старая граница национального парка Серенгети; черная линия — новая граница; стрелки — пути миграций животных

тем не менее их стада редко полностью перемешиваются. Часто, но отнюдь не как правило, группа зебр возглавляет стадо гну. Даже когда они пасутся на одном и том же пастбище, зебры всегда держатся своими обособленными группками. Они значительно осторожнее и всегда готовы к бегству.

Вслед за огромными стадами копытных в степь приходят гиены, шакалы и львы. Когда антилопы и зебры рассыпаются во время пастьбы по степи, они даже не обращают особого внимания на гиен, которые рыщут между ними. Так, однажды нам удалось наблюдать и даже заснять на кинопленку, как две гиены упорно преследовали молодого, примерно двухмесячного, гну и в конце концов разорвали его на части. И все это происходило в непосредственной близости от невозмутимо пасущихся взрослых гну. Они не обратили почти никакого внимания на разыгравшуюся у них на глазах трагедию.

Однажды в конце января мы наткнулись на большое стадо гну, пересекавшее дорогу перед самой нашей маши-

ной. Мы заметили, что между ними, растопырив крылья, мечется крайне взволнованный хохлатый чибис. Поскольку гну топали мимо него со всех сторон, он совершенно исчез в туче пыли, но не поднялся и не улетел. Когда все стадо прошло, то выяснилось, что храбрая птица оберегала от этой массы копыт двух маленьких птенцов.

Тот, кому приходилось быть свидетелем такого массового переселения животных, неизменно преисполнялся подлинного благоговения перед величием природы. Вот так же как Серенгети, этот затерянный уголок земного шара, выглядели еще сотни лет тому назад все обширные

степи Африки. Природа щедро рассыпáла по ним миллионы животных — полосатых, пятнистых, рогатых, самых фантастических и разнообразных. И, несмотря на засухи, на то, что их пожирали хищники и косили болезни, жизнь все равно побеждала. Новые десятки тысяч еще мокрых и дрожащих детенышей к началу сезона дождей уже лежали в свежей, зеленой траве и неуклюже делали свои первые шаги по земле.

Точно так же как здесь, по степям Африки, 150 лет тому назад бесчисленные множества копыт топали по прериям Северной Америки. Когда-то то же происходило и в Европе, но никто обладающий даже самым богатым воображением не в состоянии описать, как это было.

Такой могущественной была на Земле живая природа до тех пор, пока человек не дошел до цивилизации, размножился до огромного количества и полностью поработил природу. Кому в грядущие десятилетия захочется узнать, какой прекрасной была планета Земля до того, как господь бог доверил ее нашему попечению, тот должен полететь в Серенгети и понаблюдать за огромными вольно кочующими стадами.

Если они в это время еще будут там кочевать...

Ведь мы установили, что огромные массы гну, зебр и газелей во время дождей откочевывают далеко за вновь установленные границы парка: они пасутся по всей позеленевшей степи вплоть до самого подножия гигантских кратеров; затем они поднимаются к северу, где держатся вне будущих границ национального парка, после чего поворачивают на юг и возвращаются назад, частью по территории национального парка, а частью снова вне его границ. За это время трава на пастбищах вновь отрастает, и, таким образом, животные за сезон несколько раз успевают проделать свое путешествие по кругу.

Следовательно, из нового национального парка Серенгети ежегодно на несколько месяцев будут исчезать все зебры, гну и почти все газели Томсона. Все 367 тысяч его обитателей будут уходить за пределы границ парка и пастись на неохраняемых территориях. А ведь заповедник был создан в свое время именно для того, чтобы сохранить последние крупные стада копытных, которые пока еще чудом уцелели в Африке: в парке они должны были круглый год находить для себя убежище и пропитание.

Таким образом, от национального парка окажется отрезанной территория с самым живописным ландшафтом — нагорье гигантских кратеров со всемирно известным чудо-кратером Нгоронгоро, вулканы и знаменитое Олдувайское ущелье, в котором обнаружены остатки древнейшего человека. Но не это самое страшное: оставшаяся часть парка слишком мала, чтобы там сохранились дикие животные.

Вот печальные выводы, полученные в результате проделанной нами работы.

Серенгети не должен умереть

Нашей доброй «крылатой зебре» сейчас приходится туго. Ей, наверное, совершенно невдомек, почему мы заставляем ее больше бегать, чем летать. Во всех возможных и невозможных местах мы направляем ее нос книзу, и, несмотря на всю досаду, она вынуждена, спотыкаясь, бежать по кочковатой земле, цепляясь за камни и путаясь в высокой траве. Стартовать в этих условиях все же легче, чем приземляться: тогда один из нас может по крайней мере забежать вперед и проверить, нет ли там каких-нибудь неожиданных препятствий.

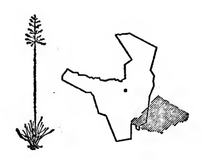
Теперь мы уже знаем, какими путями огромные стада гну, зебр и газелей кочуют по стране; мы знаем также, что значительную часть года они проводят вне границ парка.

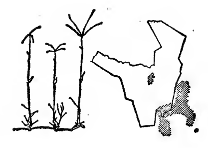
Но нам еще хочется узнать, *почему* они это делают.

Возможно, для того чтобы животные оставались в пределах новых границ парка, через некоторое время будет достаточно вокруг его территории построить забор. Такое решение вопроса приобрело бы особое значение в том случае, если степь вокруг заповедника окажется уже густо заселенной и местные жители полностью сведут леса на нагорье гигантских кратеров, опустошат чрезмерным выпасом скота степи и иссушат последние водопои, лишив их живительной тени деревьев.

Интересно, что же заставляет полчища диких животных нарушать границы национального парка? Привычка? Или упрямство? Или есть еще какие-то причины, вынуждающие их это делать?

Травоядные отнюдь не едят всю траву без разбора — это ведь не машинка для стрижки газона! В одних местах трава остается нетронутой, гну проходят мимо, даже не притрагиваясь к ней; в других местах вся растительность будто сбрита, а в третьих остаются торчать лишь отдельные кустики определенных видов.

Излюбленный корм копытных — Cynodon dactylon (справа) и Sporobolus marginatus (слева) — растет почти только за пределами новых границ парка (см. заштрихованные места)

В сезон дождей цветет большинство растений, и благодаря таким видам, как, например, *Themeda triandria*, степь приобретает коричневатый оттенок и лаковый блеск. Но заметить его можно, только стоя на земле и глядя горизонтально вдоль поверхности степи. Мы пытались определить с самолета, насколько далеко по степи распространяется это растение; но если глядеть вертикально сверху, то оказывается, что этот характерный коричневый оттенок пропадает.

Поэтому-то мы и стараемся сейчас летать как можно ниже (на высоте от 10 до 20 метров) и как можно медленнее — со скоростью 55 километров в час. Там, где нам кажется, что степь изменила свою окраску, мы приземляемся.

Чтобы разыскать все эти места на автомашине, понадобились бы месяцы и даже годы. Ведь трава растет только в сезон дождей, когда здесь ни по одной дороге не проедешь.

Это уже 79-я посадка такого рода. С нами летит Самвел Пауло, ассистент-африканец из Восточноафриканского гербария в Найроби. На каждой остановке мы обследуем примерно около 300 метров по окружности и отмечаем, какой вид травы встречается здесь наиболее часто и какой съеден. Потом мы срываем по одному растению каждого вида и наклеиваем на фильтровальную бумагу. Самвел Пауло кладет их под специальный пресс, который мы все время таскаем с собой в нашей «Утке».

Несмотря на дождливый сезон, несколько часов в день светит солнце, и тогда мы поспешно раскладываем свои

трофеи на гранитных склонах Банаги. Камень на солнце очень быстро нагревается, и растения равномерно просушиваются как сверху, так и снизу.

Мы отнюдь не задались честолюбивой целью собрать все растения, которые вообще растут в Серенгети. Нам хочется выявить лишь кормовые травы, но и их оказалось уже свыше 160 видов. Кроме того, нас интересует плодородие различных почв, поэтому мы во многих пунктах берем пробу земли, насыпаем ее в мешочки из сурового полотна и посылаем в Сельскохозяйственный институт в Дармштадте. Туда же мы посылаем пробы сена, чтобы нам определили процент содержащегося в нем раститель-

ного белка.

Разбирая сотни образцов растений, носящих мудреные латинские названия, мы ясно поняли одно: стада животных в сезон дождей откочевывают именно туда, где произрастают их излюбленные кормовые травы. В тех местностях, которые животные обходят стороной, этих кормовых растений нет; там растут только те, к которым ни зебры, ни гну не притрагиваются. Питательные кормовые травы в свою очередь произрастают только на определенных почвах. Содержание растительного белка в них вполне удовлетворительное, на уровне среднего европейского лугового сена.

Кстати, выяснилась еще одна интересная деталь: гну и зебры в Серенгети испокон веков делают то, что современные скотоводы догадались ввести в практику только два десятилетия назад. Наши учебники по сельскому хозяйству все время рекомендуют крестьянам не давать траве вырастать слишком высоко, а скашивать ее заблаговременно, пока она еще молодая. Высокий травостой означает полный сеновал сена, но вместе с тем и тощих коров. Высокая трава становится жесткой, она содержит много неперевариваемых волокон. А пока трава еще низкая, в ней много растительного белка. Именно поэтому умный крестьянин разгораживает свое пастбище на несколько частей и через определенные промежутки времени перегоняет коров и лошадей из одного загона в другой, давая им таким образом возможность все время пастись на *молодой* траве.

Это же самое делают и дикие копытные Серенгети, когда во время сезона дождей кочуют по кругу, поедая необходимые им кормовые травы. Как только молодая, свежая травка успевает отрасти на несколько сантиметров, они уже снова тут как тут и пасутся на ней по второму кругу. Поэтому-то зебры здесь всегда такие упитанные.

Степь степи рознь. У такого «государства для животных», как национальный парк Серенгети, нельзя отрезать один конец и вместо него в другом месте произвольно добавить то же число квадратных километров. Ведь тому, что стада устремляются именно сюда, в знаменитое сердце серенгетской степи, есть определенная и веская причина.

Во время наших скачков по степи с одного места на другое мы однажды обнаружили целую компанию грифов, сидящих на земле посреди поляны, окаймленной со всех сторон редкими деревцами. Приземлившись, мы направили самолет в их сторону. Словно черная туча, стая этих гигантских птиц поднялась в воздух и расселась на ближайших деревьях. Оказывается, они только что собрались растерзать зебру, погибшую от проволочной петли браконьера. Попав в петлю, сильное животное вырвало с корнем деревце, к которому был привязан конец проволоки. Но, таща его за собой, зебра выбилась из сил, петля затягивалась все туже и перерéзала кожу на шее. Рана загноилась. Несчастное животное! Умерла зебра, видимо, только что, потому что грифы не успели еще даже вспороть ей брюхо.

Сейчас ровно половина десятого — час переговоров по радио. Мы настраиваемся на длину волны Гордона Пульмана и просим его прислать к нам Германа на нашем вездеходе.

Дело в том, что в нескольких сотнях метров от нас, в тени кустов, отдыхает семья львов — папа, пять детишек и две или три мамаши. Они наверняка заинтересуются мертвой зеброй. Нам хочется, чтобы Герман попробовал заснять львов за этим занятием рядом с нашим полосатым самолетом. Пусть даже самые недоверчивые люди в Европе убедятся в том, что львы Серенгети не обращают ни малейшего внимания ни на людей, ни на технику.

Первой подбежала львица с двумя львятами. Перед нашим самолетом она на минуту остановилась в нерешительности и внимательно его оглядела. Но львята, полные нетерпения и жадности, бросились вперед, к мертвой зебре, лежащей прямо под одной из плоскостей нашего самолета, и ей пришлось последовать за ними. Через несколько минут явился и папаша в сопровождении остальных деток, а следом за ними — еще две львицы. Теперь зебру разделают с молниеносной быстротой. Самец с необыкновенной силой и проворством отрывает от жерт-

вы огромные кусища мяса. Вскоре у всех до этого таких чистых и желтых львов становятся красными перепачканные кровью морды.

Даже когда мы включаем мотор и пропеллер с грохотом начинает вращаться, это их пугает только на одну минуту. Они лишь на несколько шагов отходят в сторону и удивленно рассматривают эту странную, непонятную чертовщину.

Мы откатываем самолет на 50 метров и продолжаем наблюдения. Первым насытился глава семьи — он возвращается к кустам и утомленно падает в тенечке в траву. Вскоре за ним последовали и остальные. Дольше всех трапезничает большая львица-мамаша.

Как только все семейство собралось в тени кустов, грифы нерешительно, по одному, снова слетаются к остаткам зебры. Вскоре серовато-коричневые стервятники настолько плотно облепили зебру, что ее уже совершенно не видно. Такое нашествие явно обеспокоило старую львицу. Она выбегает из кустов, и грифы с криком взвиваются в воздух. Одному из них она уже в воздухе отвешивает такой удар передней лапой, что перья так и брызнули во все стороны, словно огромная птица взорвалась. Но подбитый враг уцелел и спасается бегством.

К шакалам львы, видимо, относятся снисходительнее: в то время как львица отрывает куски из середины, два из них тянут за задний конец жертвы.

Когда мы на своей «Утке» снова поднялись в воздух, мне почему-то пришло в голову помахать из окна платком оставшемуся Герману. Но из этого ничего не получилось. Платок не полощется по ветру, а почему-то съеживается в комок, словно старается спрятаться за моей рукой.

Сейчас мы направляемся к достопримечательному явлению природы, которое собирались посетить уже давно. Это две серовато-черные странствующие дюны прямо посреди степи. Они достигают пяти-шести метров в высоту; ветер гонит по ним песок наискось вверх, а по другую сторону вершины он отвесно ссыпается вниз. Таким образом эти внушающие ужас черные дюны каждый год продвигаются на 25 метров вперед. Они погребают под собой различных мелких животных, и на тех местах, где они прошли, еще долго потом находят массу высохших гигантских жуков и полые затвердевшие шарики навозников, из которых подросшим личинкам никогда уже не суждено выбраться.

Песок на солнце накаляется настолько, что я не смог

положить на него руку и сосчитать до 10, проиграв из-за этого Михаэлю пари.

То, что трудно окинуть взглядом на земле, легко рассмотреть с самолета. Через эту часть Серенгети за прошедшие века прокатилась не одна дюжина таких странствующих дюн. Полосы, по которым они прошли, легко различаются по тому, как растет здесь трава. Перед горой Банаги все дюны, словно по команде, меняли свое направление — точно рота солдат, которой капитан во время марша скомандовал: «На-пра-во!» Наверное, у гор ветер резко сворачивает в сторону.

До чего же ровной выглядит здесь степь — как тарелка. Вот так, закрой глаза и иди целый день, и ничего, кажется, с тобой не случится, разве что споткнешься о какой-нибудь череп гну или попадешь ногой в чью-то нору.

На самом же деле уже в километре от странствующей дюны можно провалиться в отвесную пропасть глубиной 100 метров. Это всемирно известное Олдувайское ущелье. И хотя его название на языке масаев обозначает лишь то, что здесь произрастает особый вид дикого сизаля, пригодного для плетения корзин и упаковки поклажи, тем не менее оно не раз уже фигурировало на страницах газет всего мира.

Там, где мы сейчас бредем, спотыкаясь о кустики жесткой травы, давным-давно, когда на нашей планете было гораздо больше воды, простиралось большое озеро. Оно то высыхало на несколько тысячелетий, то вновь наполнялось водой. Потом окрестные вулканы, извергаясь, стали затоплять лавой его ложе и берега. Обитавшие вокруг животные погибали. Все это откладывалось на бывшем дне исчезнувшего озера. Так на самый нижний пласт лавы наслоилось пять ясно различимых по цвету и структуре слоев. Чтобы их увидеть, не надо вести никаких раскопок, потому что водный поток прорезал здесь землю и образовал Олдувайское ущелье, которое обнажило все слои сразу. Все это выглядит как слоеный пирог, из которого аккуратно вынут один ломтик.

В этом ущелье, по которому даже в засушливое время года протекает довольно глубокий ручей, в 1913 году разбил свой лагерь доктор Ганс Рек с 50 носильщиками и рабочими.

За два года до этого профессор Катвинкель обнаружил в Олдувайском ущелье остатки доисторических млекопитающих. Чтобы продолжить начатое им дело, Мюнхенский и Берлинский геологические институты на совместные средства решили снарядить в экспедицию молодого

доктора Река. Реку удалось отыскать раскопки своего предшественника, и в течение долгих недель его африканские помощники осторожно освобождали от породы громадные, рыхлые от времени кости. Их скрепляли смоченными в растворе смолы льняными бинтами и упаковывали в ящики.

Удивительные животные жили здесь миллионы лет тому назад: жирафы с рогами; слоны, у которых бивни росли не из верхней челюсти, загибаясь кверху, а из нижней и торчали, точно у моржа, книзу; маленькие лошадки с копытами из трех «пальцев»; бегемоты, глаза которых, точно перископ, далеко выступали из черепа.

«Какой рок, какие события могли собрать в одно место останки столь различных животных? Речь здесь идет отнюдь не о стаде, потому что черепа принадлежат совершенно различным видам. Но тем не менее их было много, этих животных, которых смерть соединила в общей братской могиле»,— писал тогда доктор Рек.

Недавно мне удалось найти ответ на один из его вопросов. Лесничие Гордон Харвей и Майлс Тернер как-то год тому назад обнаружили 50 мертвых гну; с переломанными костями, они висели на деревьях, росших на склоне Олдувайского ущелья. Оказалось, что обрушившийся на степь страшный ливень смыл в пропасть целое стадо; я бы не хотел в этот момент сидеть там, внизу, в лагере, как это делал в свое время доктор Рек.

Рассказывают, что однажды вечером африканский помощник доктора Река — Маньонга, очень взволнованный, ворвался в его палатку.

— Бвана,— выпалил он,— мы нашли нечто такое, чего до сих пор никогда не видели. Мне кажется, что это араб. Он лежит на боку и спит. Там, на противоположном склоне, из-под маленького кустика выглядывал кусок белой кости. Я копнул ножом — показался череп. Потом вместе с Бакари мы стали очищать породу вокруг, пока не заметили, что перед нами вовсе не животное... Череп совсем как человеческий. Мы все оставили как есть, только закрыли предохранительными щитами, чтобы дождь не размыл костей.

Доктор Ганс Рек, весьма заинтригованный, отправился к месту находки. Там и в самом деле лежал человек.

«Невозможно описать чувства,— рассказывал он впоследствии,— охватившие меня в тот момент. Радость, надежда, сомнения, любопытство — все это обуревало меня со страшной силой. Ведь с самого начала мне было ясно одно: если этот скелет — современник вымершего живот-

ного мира, найденного в том же слое Олдувайского ущелья, то эта находка будет иметь колоссальное значение для выяснения истории возникновения человечества на Земле. Тогда окажется, что этот скелет принадлежал не только самому древнему человеку, найденному на Африканском континенте, но и древнейшему во всем мире. Стали намечаться совершенно неожиданные возможности расшифровать тайну вокруг колыбели человечества».

Сознавая всю огромную ответственность перед наукой, доктор Рек законсервировал скелет вместе с блоком породы, в котором он лежал, и привез драгоценную находку в Берлин. Она была продемонстрирована на открытой научной конференции и вызвала необыкновенный интерес не только у специалистов. Так, в берлинских газетах на другое утро появились статьи с кричащими заголовками: «Криминальная афера в эпоху делювия» или «Самое первое убийство в Африке». В них авторы изощрялись в самых фантастических догадках о том, каким способом был умерщвлен этот доисторический человек.

Скелет был найден в том же слое земли, что и кости вымерших доисторических чудовищ. Но в то же время это был уже настоящий человек, а не получеловек или какое-либо переходное звено от обезьяны к человеку с типично обезьяньими признаками (подобные ископаемые остатки в Африке действительно позже были найдены). До тех пор никому и в голову не могло прийти, что в столь давние времена на Земле уже могли существовать настоящие люди. Поэтому олдувайскую находку стали рассматривать как доказательство несостоятельности теории эволюции Дарвина, которую каждый раз блестяще подтверждали все предыдущие раскопки и находки.

Прошло немало времени, пока эта загадка была разгадана. Доктора Река во время его второй экспедиции в Восточную Африку застигла война, и он в качестве военнопленного попал в Египет. 17 лет спустя выдающийся английский археолог профессор Л. Лики взялся с новыми силами за разгадку олдувайской тайны. Сам он был уроженцем Восточной Африки, сыном миссионера. Человек честный и тактичный, он счел своим долгом пригласить в новую экспедицию, снаряженную англичанами, и профессора Ганса Река. Во время этой экспедиции ученым удалось выяснить, что загадочный скелет человека просто соскользнул в другой, более низкий слой земли и на самом деле значительно моложе всех костей доисторических животных, найденных вместе с ним. Однако одновременно были сделаны интереснейшие находки: во всех слоях

ущелья были найдены каменные орудия, изготовленные руками человека,— от грубо обтесанных каменных рубил до самых настоящих ножей и топоров из камня.

Сейчас Олдувайское ущелье считается наиболее интересным местом для изучения того, как на протяжении десятков тысяч лет происходило развитие доисторического человека, жившего в эпоху каменного века в Африке, Юго-Западной Европе и отдельных частях Азии.

17 июля 1959 года супруги Лики сделали потрясающую находку — череп доисторического человека, жившего 600 тысяч лет назад и являющегося переходным звеном между древним южноафриканским обезьяночеловеком и современными людьми. Он отличался удивительно мощными коренными зубами. Этот древний человек и был одним из первых изготовителей каменных орудий.

И вот теперь это знаменитое Олдувайское ущелье, так же как и кратер Нгоронгоро, окажется вне охраняемой зоны национального парка.

Приключение на озере Натрон

Мы упаковываем в свою «Утку» специальные сани и летим к озеру Натрон. Для этого мы держим курс прямо на «гору господню» — Ленгаи. С каждой минутой она все более угрожающе на нас надвигается. Она напоминает сахарную голову. Это молодой, действующий вулкан, который в течение последних десятилетий несколько раз извергался. Вся вершина его опоясана широким белым бордюром, но это не снег, как на Килиманджаро, а застывшие массы солей, выброшенные во время извержений.

Наш самолетик ползет все выше и выше вверх, пока под нами наконец не появляется кратер вулкана. Здесь я собираюсь сделать несколько снимков. Трудно поверить, чтобы человеку удалось подняться по этакому крутому склону, и все же это так. То был географ, профессор Ф. Эгер, облазивший в 1906—1907 годах всю область гигантских кратеров и составивший замечательную карту, в которой и по сей день не сделано каких-либо существенных дополнений. Он живет сейчас в Цюрихе и просил меня сделать для него эти снимки.

Мы пролетаем над самым кратером, на несколько минут даже влетаем в него. Он не курится, но в самой середине ясно видно небольшое отверстие, в котором что-то кипит и бурлит. Мы летаем туда и обратно над этим адским котлом; под нами застывшие потоки лавы, спускающиеся вниз на 2200 метров.

А там, у подножия, лежит знаменитое озеро Натрон. Это и есть то озеро, к которому мы направляемся. Оно представляет собой огромный резервуар, занимающий 60 километров в длину и 20 в ширину. Местами оно розовато-красное, местами голубое. Красное — это застывшие соляные корки, покрывающие почти целиком все озеро, а голубое — это отражение неба в двух открытых лагунах.

В январе прошлого года мы здесь подсчитывали фламинго. Озеро Натрон — одно из последних крупных гнездовий

этих редких птиц. Подсчитать фламинго тем же способом, каким мы подсчитывали степных животных, невозможно, потому что они взлетают тотчас же, как только мы снижаемся на высоту 500 метров. Вся стая каждый раз так ловко ускользает от нас, что совершенно невозможно подлететь к ним ближе чем на 100 метров. В то же время мы никак не хотели мешать этим птицам насиживать яйца. Если такую колонию слишком часто будут тревожить самолеты, то птицы могут совсем не высидеть птенцов и целый год не будет приплода.

Из этих соображений мы вмонтировали в пол нашей «Утки» большую аэрофотокамеру с пленкой шириной 18 сантиметров. Сидя в самолете, я могу открыть люк в полу и смотреть вниз — ощущение, к которому надо еще сначала привыкнуть. Над этой дырой устанавливается тяжелая колода фотокамеры, которая автоматически снимает 120 крупных кадров. Снимки следуют один за другим, так что потом из них можно составить полную картину озера. Надо следить только за тем, чтобы лететь строго по прямой.

Мы летели тогда на высоте 800 метров. Камера была не плотно пригнана к отверстию в полу, а возле него как раз кончается выхлопная труба мотора, так что отработанный газ попадал прямо в кузов самолета, где я сидел, склонившись над люком. Из-за этого мне пришлось срочно воспользоваться бумажным пакетом.

А поскольку от выхлопных газов можно быстро угореть и потерять сознание, мы немедленно пошли на посадку и плотно пригнали камеру к отверстию. После этого вся съемка озера заняла у нас всего 35 минут.

Потом, уже во Франкфурте, мы много дней подряд подсчитывали бесконечное множество этих птиц при помощи лупы и строчечного растра. Для удобства мы накололи все фотографии на стенку, так что перед нами как бы вновь возникли лагуны озера Натрон, только в уменьшенном виде. Птиц оказалось 163 679 штук.

Впоследствии время от времени мы снова пролетали над этим озером. В марте и апреле здесь оставалась примерно только 20-я часть колонии, гнездившейся в январе. Несколько позже число птиц снова увеличилось, но ни разу их не было столько, сколько зимой.

Фламинго — неутомимые путешественники; они разыскивают по свету всевозможные соленые озера, богатые червями, моллюсками и водорослями. Говорят, что эти красивые розовые птицы долетают вплоть до Индии, но никто еще точно не сумел проследить пути их кочевок.

Это потому, что молодых фламинго никак не удается окольцевать, как это делают обычно с другими птицами. Ведь только по снятым и возвращенным с убитых птиц кольцам можно определить пути их миграций.

По плоскому, безлесному, покрытому соляной коркой берегу совершенно невозможно подкрасться к их конусообразным глиняным гнездам, расположенным на мелководье. Завидя кого-нибудь на расстоянии километра, взрослые фламинго улетают, а птенцы уплывают далеко в озеро.

И все-таки, несмотря на это, нам с Михаэлем очень хочется сделать несколько кадров с фламинго для нашего будущего фильма о Серенгети. Эти грациозные розовые птицы с черными крыльями необыкновенно живописно вырисовываются на темно-синей глади лагуны. Мы разработали подробный план боевых действий. С этой целью мы сейчас и приземлились прямо на высохшем плоском ложе озера, затянутом белой пленкой соли. В бинокль я вижу, как где-то далеко-далеко поблескивает зеркало воды, на фоне которого неясно виднеется цепочка птиц на длинных ногах. Михаэлю хочется еще до вечера перетащить нашу тяжелую киноаппаратуру с телеобъективом, одеяла и провизию поближе к воде, переночевать там и рано утром начать съемку. Но наш багаж оказался чересчур тяжелым для алюминиевых санок, изготовленных специально для этой цели в Найроби. Узкие полозья врезаются в соляную корку, а под ней оказался еще вязкий, непросохший слой ила.

Я решил сначала разведать дорогу. Отметил мысленно вершину напротив и пошел прямо по этому направлению в глубь высохшего ложа озера, к воде. По пути мне попадались следы кафрских буйволов; это говорило о том, что почва должна выдержать наш груз. Лишь в тех местах, где вода во время засухи, словно на морской литорали в отлив, медленно уходила вспять, почва была еще мягкой и вязкой.

Я проваливаюсь одной ногой и с трудом вытаскиваю свой ботинок. Не дай бог угодить сюда босиком или, чего доброго, упасть в такой рассол — эта гадость разъест всю кожу. Ведь здесь и пресной воды-то нет поблизости, чтобы поскорее все смыть.

Я бодро шагаю по намеченному маршруту. То, что я вначале принял за птиц, оказалось всего лишь цепочкой следов кафрских буйволов. Каждая вмятина от копыт издали напоминала птицу, а ноги — это просто обыкновенный мираж. Глядя в бинокль, я внезапно и поза-

ди себя обнаруживаю подобные же «цепочки фламинго».

Взглянув на свои часы, я установил, что иду уже целых 60 минут, то есть прошел около шести километров. А вода ничуть не приблизилась и поблескивает все в той же дали, как и вначале. Оказалось, что это тоже всего лишь мираж. Как всегда, с самолета все эти расстояния казались значительно короче.

Я поворачиваюсь на 180° и, ступая в собственные следы, иду назад. Самолета на берегу отсюда что-то не видно. Впервые за все свое пребывание в Африке я ощущаю палящий зной. Озеро находится всего на высоте 610 метров

над уровнем моря и со всех сторон окружено высокими горами. Хотя я в виде исключения на этот раз и надел шляпу, тем не менее белая соляная поверхность отражает лучи снизу, и мне кажется, что под подбородком и на лице у меня появились солнечные ожоги. Достигнув берега, я почувствовал себя усталым и замученным.

Пока меня не было, к самолету откуда ни возьмись подоспели три масая, и Михаэль уже полным ходом ведет с ними переговоры. Сигарет они не захотели, но зато с удовольствием напились вволю воды из специального резервуара, который мы возим с собой. Наш самолет их тоже заинтересовал: они спросили, где у этой птицы глаза и уши. Потом они принялись рассказывать, как вчера вечером кафрский буйвол напал на юношу-масая и убил его. В правдоподобность таких сообщений я никогда не верю, прежде чем не увижу убитого. Дело в том, что кафрские буйволы и антилопы канны — единственные дикие животные, мясо которых масаи употребляют в пищу. А так как кафрские буйволы находятся здесь под охраной, то рассказанная масаями история может оказаться просто выдумкой. А рассказывают они ее нам, европейцам, на случай, если мы обнаружим, что они зарезали кафрского буйвола.

Мы с Михаэлем просим их оттащить нашу поклажу на ослах по высохшему ложу озера поближе к воде. Одни только переговоры длятся целых два с половиной часа. Нам приходится оспаривать сотню доводов против возможности осуществления нашего плана. Например, такие.

Если масаи приведут ослов сегодня, то не поспеют добраться вечером к своему бома́ и по дороге могут наткнуться на львов. Если же они сегодня у нас переночуют, то женщинам и детям придется спать одним, без охраны. Ослы не приспособлены бегать по соли. У них воспалятся ноги, и они могут подохнуть. Каждый мертвый осел будет

стоить 200 шиллингов. Если какой-нибудь из ослов заболеет, то нам тоже придется его купить. Они готовы сходить за ослами, если мы сегодня же вечером повезем их на самолете домой; тогда нам и платить ни за что не придется — все сделают даром. Наш багаж показался им слишком тяжелым для трех ослов, поэтому масаи его распаковали и со знанием дела детально осмотрели. Потом им пришло в голову, что если они останутся здесь до вечера, то им нечего будет есть. И так далее.

Молодые воины, которым запрещено воровать коров и вести войны, рады любому разнообразию в жизни. Вот такая беседа с европейцами их очень забавляет, и они изыскивают любые способы, чтобы ее продлить. Как только мы опровергаем один довод, они сейчас же выдвигают следующий, и так до изнеможения. Я по-немецки предлагаю Михаэлю замолчать и не отвечать больше ничего. Это наилучший способ прекратить дискуссию. Мы меняем тему и начинаем беседовать между собой о том, что в эту палящую жару появляется страшная жажда. Я подсчитал, что с обеда до вечера мы вдвоем выпили 13 литров воды и 8 бутылок кока-колы, причем воду здесь рекомендуется пить из чашек, а не из стаканов, чтобы не видеть, какая она мутная...

Наш маневр удался как нельзя лучше. Поняв, что переговоры закончены, наши три морана встали, пожали нам руки, забрали свои длинные копья и исчезли. Меньше чем через час они уже вернулись и привели с собой трех ослов. Воины быстро сложили наши пожитки на сани, запрягли в них одного из ослов и, держа двух запасных на веревочке, двинулись в путь по соляному «насту». Но не прошли мы и 50 метров, как один из «запасных» осликов вырвался и бодро поскакал по направлению к своему бома́. Заметив это, осел, запряженный в сани, бросился следом за ним. Сани опрокинулись, ценный телеобъектив вывалился из своей упаковки, и через несколько секунд все наше имущество оказалось разбросанным по земле.

А солнце тем временем спускается все ниже. Наконец Михаэль со мной соглашается, что разумнее будет переночевать здесь, на краю высохшего озера, а не забираться в его середину. Разумеется, мы ругаем зловредных ослов. Мы ведь еще не знаем, что завтра утром будем рады поцеловать им хвосты за их сегодняшнее непослушание...

Самолет мы решили оставить на ночь там, где он стоит, — на ровной соляной поверхности дна высохшего озера; отсюда легче будет снова подняться в воздух. Для ночле-

га же я расставляю большой треножник от кинокамеры и накрываю его сверху единственной москитной сеткой, которая у нас с собой. Разумеется, целиком ни один из нас не может поместиться под этим сооружением: ростом мы оба, слава богу, по 1,9 метра. Поэтому голову и половину туловища с руками мы прячем под сетку, а ноги закутываем в одеяла и выставляем в разные стороны: я свои — на север, а Михаэль — на юг. Я очень горд своим изобретением.

В половине восьмого наступает кромешная тьма, ветерок совсем стихает и становится душно. Почти одновременно москиты переходят к массированному налету. То и

дело кому-нибудь из них удается проникнуть под нашу сетку, а стоит только начать в темноте от него отбиваться, как разваливается все наше шаткое сооружение. Словом, через полчаса Михаэль с проклятиями поднимается и уходить спать в «Утку», предварительно плотно закрыв все окна. Но для меня там слишком душно — я остаюсь на воздухе, лежу на спине и разглядываю звезды.

Я почему-то никак не могу найти Южный Крест, о котором непременно упоминается во всех книжках о тропиках. Я не очень-то разбираюсь в звездах. Где-то далеко, за горой Ленгаи, мигают зарницы, но ведь сейчас как раз короткий засушливый сезон, так что непогода не предвидится.

Я размышляю в приятном полудремотном состоянии: там, наверху, на небе, сейчас спутник чертит свои витки над экватором... Интересно!

А тем временем тучи сгустились. Правда, я уже давно заметил, что ночью любое безобидное облачко выглядит грозной черной тучей. Поблизости завыла гиена, потом рыкнул лев. А ведь днем все выглядело таким пустынным и безжизненным! Но животные здесь, оказывается, все же есть. Вдруг мне показалось, что лев где-то поблизости, в лучшем случае метрах в 30. Но это, конечно, плоды воображения: такие опасения внушают только ночь и одиночество.

Небо уже на две трети заволокло тучами, только на севере еще проглядывает звездный узор. Внезапно поднялся сильный ветер, и вся мошкара мигом куда-то исчезла. Зарницы сменились настоящими молниями, загрохотал гром. Мне стало как-то не по себе. Если здесь действительно начнется тропический ливень, дно озера мгновенно превратится в болото, в котором наш самолет может затонуть или во всяком случае безнадежно увязнуть. Я вскакиваю, бегу к Михаэлю и бужу его. Он сразу же

кидается к управлению и включает мотор. Но за это время уже поднялся сильный штормовой ветер, который не дает ему развернуть самолет, чтобы выбраться со дна озера на сухой берег. Уже упали первые тяжелые капли дождя, а машина никак не может справиться с ветром: как только Михаэль направляет ее пропеллером к пологому склону берега, бешеный ураган заносит хвост в обратную сторону.

И тут полил ливень. Мы знаем, что нас ждет, поэтому я вылезаю из машины и при свете полыхающих молний ощупью пробираюсь вдоль корпуса самолета к хвосту и всем телом налегаю на него, стараясь сдвинуть вбок. Почва под ногами уже вся раскисла, ноги мои скользят, сандалии я уже где-то потерял, и их засосало жидкое месиво. Я стараюсь босыми ногами уйти поглубже в это соленое тесто, чтобы найти упор. Я толкаю сзади, а спереди тянет мотор в 260 лошадиных сил. Вдруг хвост с силой вырывается у меня из рук и опрокидывает меня на землю лицом прямо в эту отвратительную жижу. Я поднимаюсь на ноги и едва успеваю снова ухватиться за самолет. Наконец под потоками дождя нам удается победить ветер и повернуть машину к берегу. Она благополучно взбирается по пологому склону и вот уже наконец стоит наверху, на твердой песчаной почве с редкими кустиками травы.

Михаэль включает внутреннее освещение и прожектор на правом крыле; но луч падает лишь вперед, и нам приходится в кромешной тьме добираться до того места, где мы оставили все свое снаряжение. Каждый хватает то, что ему попадается под руку, тащит к самолету и забрасывает либо под крылья, либо через окно внутрь. Мы промокли буквально до нитки, но я даже рад этому, потому что вода, к счастью, смыла с меня всю соль.

Наконец ливень становится таким безудержным, а раскаты грома такими оглушительными, что мы вынуждены отказаться от спасения своего добра — все равно оно безнадежно промокло. Мы забираемся в самолет и падаем без чувств на сиденья.

С нас течет. Поскольку заметно похолодало, мы предпочитаем стянуть с себя мокрые рубахи и штаны и уж лучше сидеть нагишом. Все равно нас никто не видит. А снаружи завывает ураган. Я чувствую, как он подхватывает самолет под крылья и старается оторвать от земли. Но это ему, к счастью, не удается: колеса стоят на прочных тормозах и, кроме того, я успел бросить под них еще два тяжелых ящика.

Мы накидываем себе на голые плечи кожаные безру-

кавки на овечьем меху и ждем. Надо мной, как всегда, протекает обшивка, и я напяливаю себе на голову старую шляпу, которая валялась в самолете.

Молнии сверкают одна за другой, а наша «Утка» стоит на возвышенном берегу плоского, как тарелка, озера. При этом мы хорошо помним, что она сделана из металла...

— По всем законам физики молния непременно должна ударить в наш самолет,— говорю я Михаэлю.— Будет чудо, если это не случится в следующий же момент.

— Да, дело дрянь,— говорит он.— Но мы же все равно ничего изменить не можем. Нам сейчас остается только одно — ждать.

230 Он прав. Я смотрю в окно на разбушевавшуюся стихию и думаю о том, что гроза все-таки необыкновенно величественное явление природы. Я начинаю следить за промежутками между молнией и громом; постепенно они становятся все больше. Центр грозы, видимо, уже переместился несколько дальше, но ливень все еще не прекращается. При вспышке молнии я вдруг обнаруживаю, что сухое ложе озера все заполнено водой! С содроганием я подумал о том, что было бы, если бы ослики не удрали! Мы бы сейчас очутились в воде вместе со всей своей поклажей за 10 километров от берега. По всей вероятности, к этому моменту вода доходила бы нам уже до пояса или до груди и у нас не было бы ни малейшей надежды выбраться по вязкому дну из этого рассола на берег...

На какую глубокую мудрость все-таки иногда способны ослы!

— Через десять дней, когда мы вернемся домой, в Европу,— говорит Михаэль,— люди нас опять начнут спрашивать: ну как, хорошо отдохнули на своем курорте?

И еще:

— Папуль, а ведь если нас сейчас тряхнет, все наши хлопоты пропали даром, потому что некому будет заканчивать нашу работу. Это было бы страшной оплошностью со стороны судьбы — одному из нас непременно надо остаться в живых!

Но вообще мы с ним придерживаемся такого мнения: если уж умирать, то сразу. Пусть это будет молния, авария самолета, нападение льва, инфаркт. Только бы не лежать полгода с раком кишечника и не выслушивать сердобольную ложь.

Гроза началась около 12 ночи. Сейчас два часа, и дождь постепенно стихает. Михаэль уснул, положив голову мне на плечо. Волосы, как всегда, упали ему на лоб и щекочут мне шею. Пока они у него еще очень густые. Неужели

когда-нибудь он тоже станет таким плешивым, как я? Мне просто не верится. Его мускулистые ноги в темноте кажутся белыми. В нем еще так много мальчишеского.

Он вообще еще очень молод и хорош собой. Как жаль, что год от года он будет становиться все старше, появятся морщины, задорные глаза поблекнут и под конец он станет таким же, как я сейчас. Как ужасно, что вся человеческая жизнь после 20 лет — это постепенное увядание. Но по-настоящему начинаешь отдавать себе отчет в этом только после сорока. Интересно, как будет выглядеть Михаэль в мои годы? Толстым он никогда не будет, для этого он слишком мало ест и слишком много нервничает.

Мой отец умер, когда мне было три года. Наша добрая
матушка часто рассказывала, что он совершенно не знал, как обращаться с такими маленькими детьми, какими мы тогда были. Он даже иногда завидовал своим знакомым, имеющим уже взрослых сыновей, с которыми они могли разговаривать как мужчина с мужчиной.

А вот у меня есть такие сыновья. Я знаю, какую гордость испытывает отец, работая вместе со своим сыном, делая с ним одно общее важное дело. Сын продолжает дело отца.

Я почувствовал такой прилив нежности к Михаэлю, что с удовольствием приласкал бы его и поцеловал. Но у нас это не водится. Телячьи нежности — это дело матерей, а не отцов. Если бы Михаэль в это время проснулся, то, наверное, бы страшно удивился.

Сам Михаэль гораздо лучше умеет обращаться со своим маленьким сыном Стефаном, чем умел это делать я со своими детьми, когда они были такими же маленькими. Стефану разрешается шумно будить отца по утрам, вместе с ним купаться. Когда мы в этот раз улетали, маленький человечек в первый раз заметил, что его отец уезжает. Он раскричался на весь аэродром, вцепился ручонками в Михаэля и ни за что не хотел его отпускать.

Через 20 лет Михаэль вот так же, как я, будет сидеть рядом со своим сыном Стефаном. Мои родители не дожили до глубокой старости, так что и у меня нет больших перспектив прожить особенно долго. Но Михаэль будет обо мне больше помнить, чем я о своем отце. И главное — наша работа будет продолжаться.

Если бы нас сегодня постиг удар судьбы, то никому, пожалуй, не удалось бы разобраться во всех наших бесчисленных записях и заметках, касающихся жизни степных животных. Из 20 тысяч метров цветной пленки никто бы не сумел смонтировать именно тот фильм, который

мы задумали. А у животных Серенгети осталось бы еще меньше шансов выжить.

Большинству людей все это может показаться крайне маловажным и незначительным. Может быть, кое-кто даже сказал бы: «Ну что ж, эти два чудака лучшего и не заслужили. С какой стати они рисковали головой из-за каких-то там зебр и львов?» У людей ведь сейчас иные идеалы, ради которых, они считают, стоит умирать: слава, политика, расширение границ своей страны, господство своего класса, мировоззрение...

В е ч н о й же останется на Земле только природа, если мы ее бездумно не разрушим. Через 50 лет вряд ли кого-нибудь будут интересовать конференции, репортажи о которых сегодня заполняют страницы всех газет. А вот если даже через 50 лет на утренней заре из кустов величественно выйдет лев и огласит окрестности своим могучим рыком, у любого человека захватит дух и сильнее забьется сердце. И совершенно неважно, будет ли этот человек говорить по-английски или по-русски, на суахили или по-немецки. Любой будет стоять в немом восхищении и безмолвно схватит за руку своего соседа, когда впервые в жизни увидит, как 20 тысяч полосатых «тигровых лошадок» не спеша пересекают из конца в конец бескрайнюю степь...

Так неужели же действительно бессмысленно сейчас стараться что-то сделать для этих людей, этих львов и этих зебр, которые будут жить через 50 лет? И для тех, которые будут через 100 и через 200...

В эту ночь с 9 на 10 января мне так и не удалось уснуть: было слишком холодно и сыро. Я только время от времени очень осторожно менял позу, чтобы не разбудить Михаэля. Наконец через шесть часов начало светать.

Тогда мы встали, выжали свою одежду, одеяла и прочее барахло и развесили его по всему самолету для просушки. Наша добрая «Утка» стала похожа на прачечную, и я ужасно сожалел, что у меня нет под рукой фотоаппарата. Но не успело все наше имущество немного подсохнуть, как дождь зарядил с новой силой. Тогда мы все как есть побросали в машину, я повязал себе вокруг бедер полотенце, а Михаэль натянул на себя мокрые плавки. В таком живописном виде мы и покинули злополучное озеро.

Фламинго победили. Нам пришлось отступить и вернуться в кратер Нгоронгоро в сторожку, куда мы перебрались жить несколько дней назад. Когда мы, полуголые, вылезали из машины, то немало насмешили своих боев.

Здесь светит солнышко, и наши пожитки, разложенные на траве, через несколько минут уже подсохли.

С тем, кому приходится иметь дело с животными, часто так случается: часами, днями, иногда неделями бегаешь за слонами, чтобы их заснять, и все напрасно. И вдруг в самом неожиданном месте перед вами вырастает слон, оттопыривает уши, поднимает хобот и вообще словно позирует для того, чтобы у вас получились наиболее впечатляющие снимки.

Точно так же получилось у нас с этими фламинго. В то же утро делегация из 400 представителей этих розовых красавцев явилась прямо к нам в кратер Нгоронгоро и опустилась для кормежки на мелководье кратерного озера. На нас они почти не обратили никакого внимания. Мы быстро надели цепи на колеса нашего вездехода, чтобы он не буксовал, и въехали сначала в прибрежный ил, а затем с замиранием сердца начали продвигаться все глубже в воду. Ехать мы можем только прямо, потому что стоит нам слегка свернуть в сторону, как колеса сейчас же зарываются в вязкое дно.

Доехав до того места, где наша смелость окончательно иссякла, мы выключили мотор, настроили телеобъективы и стали ждать. Фламинго бродят на своих длинных ногах по мелководью; клювы опущены в воду — они ищут себе корм. Нашим мощным вездеходом они нисколько не интересуются. Четыре или пять раз мы принимаем решение кончить съемку и не тратить на них больше ни одного метра дорогостоящей цветной пленки. Но потом они подходят еще ближе, появляются на матовой пластинке еще более крупным планом, и мы не можем удержаться — крутим снова. Под конец мы даже вздохнули с облегчением, когда они, прямо как по команде, расправили свои черные крылья и всей компанией поднялись в воздух, повиснув над нами, словно розовая сеть. Все в порядке — в фильме они у нас будут.

Поскольку в воде мы развернуться не можем, то выбираемся из озера на твердый берег, пятясь задом, точно рак. За это время бой наготовил для нас целую гору салата из ананасов, яблок и бананов. Мы зажариваем себе по бифштексу, а после обеда Михаэль собирается полетать над горой Ленгаи, озером Натрон и равниной Салаи, чтобы разведать, где сейчас находятся животные, которых мы собираемся снимать завтра.

Он просит меня не лететь с ним, потому что на обратном пути хочет захватить с собой двух наших помощников. Дело в том, что для проведения аэрофотосъемок нам

пришлось убрать одно из задних сидений, так что теперь в самолете только три сидячих места. Если бы мы полетели вчетвером, страховая компания в случае какой-нибудь аварии непременно стала бы ссылаться на это.

Ну ладно, пусть летит один. У меня и здесь полно дел. Я только прошу его вернуться вовремя, до половины седьмого, потому что за полчаса до захода солнца я всегда начинаю волноваться и прислушиваться к каждому шороху, пока не заслышу звука нашего самолета. Не люблю я, когда он летает один. Но Михаэль заверяет меня, что если не управится до захода солнца, то рисковать не станет и заночует в Банаги.

Мы еще успеваем задвинуть на место свой вездеход, который дети масаев скатили с пригорка в кусты,— это их излюбленное занятие. Потом я сажусь за стол, пишу и не обращаю никакого внимания на то, как Михаэль уходит.

Через несколько минут шум самолета затих вдали.

Когда профессор Гржимек на следующее утро сидел за завтраком в сторожке на дне кратера Нгоронгоро, в окошко протянулась темная рука масая с запиской. Проводник принес ее по поручению лесничего. В ней было написано: «Я должен вам сообщить прискорбное известие: Михаэль погиб в авиационной катастрофе. Он лежит здесь, наверху, в моем доме».

Английский специалист, случайно оказавшийся в это время вместе со своими африканскими помощниками на безлюдной равнине Салаи, где они проводили разведку залегания грунтовых вод, видел, как полосатый самолет пролетел в западном направлении на высоте примерно 200 метров, а затем внезапно резко пошел на снижение. Поскольку его помощники стали утверждать, что это была не посадка, а авария, он немедленно выслал их на машине к месту падения самолета.

Они нашли его вдребезги разбитым, но не загоревшимся.

Тем временем стемнело. Фары на их машине были в неисправности, а спичек не рискнули зажечь из-за сильного запаха бензина. Поэтому они поспешно поехали обратно и вернулись уже с англичанином, у которого были карманные фонари. Они вытащили мертвого Михаэля Гржимека из-под обломков самолета и, невзирая на свою усталость, потратили всю ночь на то, чтобы довезти тело до домика лесничего на краю кратера Нгоронгоро.

Михаэля Гржимека похоронили в тот же день среди буйно цветущей зелени на краю кратера, в таком месте, откуда открывается вид на его равнины с пасущимися на них стадами диких животных.

При обследовании обломков самолета выехавшие на место происшествия представители британской авиакомпании установили, что в правое крыло машины с размаху врезался летящий навстречу гриф, отчего образовалась большая

вмятина. При этом оказались блокированными тяги управления, и машина сильно накренилась в правую сторону, а через несколько секунд разбилась о землю.

В официальном заключении говорится, что Михаэль Гржимек был опытным, осторожным и находчивым летчиком и что авария произошла не вследствие какой-либо его оплошности или неисправности самолета, а из-за несчастного стечения обстоятельств; к сожалению, подобные случаи всегда могут произойти с легкими самолетами, летающими в этих широтах.

Исследования Михаэля Гржимека к этому моменту были уже почти закончены, завершилась и работа над фильмом, который он снимал здесь вместе со своими сотрудниками; создавал он его для того, чтобы показать мировой общественности всю красоту Серенгети и побудить ее сделать все возможное для того, чтобы сохранить все это богатство природы для будущего.

Администрация национального парка Танзании с прискорбием сообщала в некрологе, напечатанном во всех газетах Восточной Африки, что со смертью Михаэля Гржимека дело охраны природы потеряло одного из своих самых отважных и энергичных борцов. Администрация призывала общественность собрать средства для установки памятника с надписью:

МИХАЭЛЬ ГРЖИМЕК
12.4.1934—10.1.1959

Он отдал все, что имел,
даже свою жизнь, за то,
чтобы сохранить
диких животных Африки

Что стало с Серенгети?

С тех пор как в 1959 году вышла в свет эта книга, меня не переставали спрашивать, удалось ли спасти Серенгети от дальнейшего уничтожения. Принесла ли наша работа, стоившая жизни моему сыну, хоть какую-нибудь пользу?

Вскоре после авиационной катастрофы, во время которой погиб Михаэль, еще до опубликования в открытой печати результатов наших исследований, тогдашнее британское колониальное правительство приняло решение отрезать от национального парка Серенгети всю восточную часть, включая знаменитый кратер Нгоронгоро. Отрезанная область была превращена в «Ngorongoro Conservation Area» («Охраняемая область Нгоронгоро») и должна была получить самоуправление. Местной власти, назначенной правительством, поручалось сохранять в полном порядке водопои, леса и луга, в первую очередь в интересах людского населения, но и не в ущерб диким животным. Из заявления последнего британского губернатора г-на Ричарда Тернбула следовало, что «правительство намеревается всячески способствовать развитию в кратере хозяйственной деятельности человека, но одновременно охранять обитающих в нем диких животных. В случае же возникновения противоречий между их интересами предпочтение должно отдаваться людям».

Охота здесь запрещена по-прежнему, и в общем и целом масаи со своим скотом живут в мире с дикими животными, как и в прежние времена, когда они в 1860 году заселили эту область. К сожалению, в первый же год нового управления они успели истребить порядочное число носорогов: они закалывали их копьями, а рога продавали спекулянтам. Об этом уже рассказывалось в моей книге «Носороги принадлежат всему человечеству» [1].

---

[1] Эта книга под названием «Они принадлежат всем» выпущена в 1965 году на русском языке издательством «Мысль».—*Прим. пер.*

Однако инспектору области мистеру Генри Фосбруку довольно скоро удалось прекратить такое избиение носорогов. Он добился того, что широко распространенное убийство носорогов копьями как в кратере, так и в большей части близлежащих районов полностью прекратилось. Однако число этих толстокожих все равно значительно уменьшилось по сравнению с тем, что было прежде. Ведь Генри Фосбрук не мог препятствовать заселению кратера другими племенами, занимавшимися земледелием. Они-то представляют куда бо́льшую опасность для будущего диких животных, чем скотоводы-масаи.

В обмен на территории, отнятые у национального парка, исключительные по своему значению для сохранения стад диких животных, к нему прирезали новые области на севере и юго-западе. Эти новые области имеют для парка гораздо меньшую ценность как по качеству пастбищ, так и по времени, которое проводят там кочующие стада. Зато на эти новые районы не претендовали масаи, поскольку они, видимо, не очень подходили им в качестве пастбищ для их скота.

Вот что пишет господин Джон Оуэн, новый теперешний директор национальных парков Танзании:

«Имевшие большой успех книга и фильм о Серенгети привлекли внимание мировой общественности к судьбе национального парка Танзании и его четвероногих обитателей. Книга за это время была несколько раз переиздана и вышла на многих языках, а одноименный фильм является единственным немецким фильмом, удостоенным премии «Оскара» в Америке. Эта книга и фильм обеспечили нам помощь и поддержку не только со стороны нового самостоятельного правительства Танзании, но и от различных организаций и частных лиц Европы и Америки. Без такой поддержки было бы невозможно никакое дальнейшее развитие национального парка и тем более проведение в нем научных работ, необходимых для его дальнейшего процветания. Я тотчас же принялся раздобывать для национальных парков маленькие самолетики, так как на опыте работы отца и сына Гржимек в Серенгети убедился в их громадной пользе. Я сам и еще несколько человек из администрации научились летному мастерству. Сейчас у нас в ходу уже четыре самолета. При этих покупках, а также при осуществлении многих других замыслов я пользовался неизменной поддержкой и денежной помощью профессора Гржимека и Зоологического общества во Франкфурте-на-Майне, а также собранными им добровольными пожертвованиями. Таким образом, нам удалось

применить новый метод обслуживания и охраны национальных парков Африки; это можно считать настоящим переворотом в этом деле, так как благодаря скорости, маневренности и относительной дешевизне таких авиеток работа в парках существенно изменилась. Самолеты на сегодняшний день стали совершенно необходимы для управления парком и проведения в нем исследовательских работ».

Дальше директор национальных парков пишет следующее:

«В 1961 году, то есть три года спустя после работы, проведенной в Серенгети Гржимеком и его сыном, снова проводился подсчет животных с воздуха. Работа велась частично британскими военно-воздушными силами, а частично ее взял на себя молодой американский биолог доктор Ли Талбот. Он вел подсчет на несколько большей территории и проводил его позже по времени года, когда у степных животных уже появился молодняк. Эта перепись показала гораздо бóльшее число животных, чем гржимековская. Значительные колебания численности диких животных по отдельным годам общеизвестны: видимо, в данный момент метеорологические и прочие условия благоприятствуют обитателям серенгетских степей. В 1963 году биолог Меррей Уотсон, продолжающий работу, начатую Гржимеком, снова повторил подсчеты. На этот раз прирост стада гну по сравнению с 1961 годом оказался равным 40 процентам.

Тот факт, что огромные стада за последние годы столь сильно размножились, заставил людей, ответственных за национальный парк, задуматься о возможности его перенаселения и чрезмерного выпаса. От средств, пожертвованных на установку памятника Михаэлю Гржимеку, осталась довольно крупная сумма денег, на которую мне удалось открыть в Серенгети скромный интернациональный научно-исследовательский институт. Туда я пригласил работать нескольких молодых, весьма энергичных ученых. Сейчас они как раз занимаются тем, что изучают взаимовлияние фауны и ландшафта, уделяя особое внимание вопросам перевыпаса. Уже первые результаты проведенных ими работ показали, что опасность перенаселения парка не столь велика, как предполагали, потому что в природе существует целый ряд регулирующих факторов. Если эти предварительные данные будут подтверждены дальнейшими исследованиями, то и у нас в Африке можно будет взять за основу классическую установку европейских заповедников: сохранять дикую при-

роду в нетронутом виде и допускать вмешательство человека только в самых крайних случаях, когда этого просто нельзя избежать».

В Банаги, в Институте имени Михаэля Гржимека, построенном на средства населения Танзании, а также читателей книги о Серенгети, изданной почти во всех странах мира, сейчас действительно работает очень сильная группа биологов. Среди них есть экологи, физиологи, ветеринары и специалисты по другим областям биологии. Эти ученые следуют на вездеходах или маленьких самолетах за кочующими стадами и изучают взаимоотношения животных, растений и почв и как это все вместе отражается на общей картине ландшафта. Выявленные ими биологические закономерности, которые с каждым годом становятся все многограннее, можно будет использовать при исследовании других схожих обширных территорий Африки. Это поможет молодым самостоятельным африканским государствам как можно лучше сохранить свои естественные природные богатства и использовать их с наибольшей для себя выгодой.

Своими очень важными и полезными начинаниями Джону Оуэну удалось убедить общественное мнение Африки в огромной ценности национальных парков для жизни государства. Он открыл на территории национальных парков туристские базы для африканских школьников, организовал широкую демонстрацию кинофильмов на языке суахили, посвященных охране природы родной страны (первым среди них был фильм «Серенгети не должен умереть»); по его инициативе было выпушего множество красочных плакатов, а самолеты чертили на небе специальные воззвания. При этом национальные парки получили очень действенную поддержку со стороны нового президента Танзании доктора Джулиуса Ньерере, публично заявившего о своей готовности всячески способствовать делу охраны природы в стране. При этом он лично занялся судьбой Серенгети.

Такой интерес к этому делу президента, а также его ближайших соратников, в особенности министра земледелия, лесного и охотничьего хозяйства господина Алхай Тева, способствовал быстрому и успешному развитию национальных парков в Танзании. Когда выходило первое издание книги о Серенгети, в Танзании был только один национальный парк — Серенгети, который европейское колониальное правительство к тому же обкорнало. С тех пор как государство добилось самостоятельности, в нем возникло уже два новых национальных парка — «Озеро

Маньяра» и «Кратер Нгурдото». Сейчас они уже настолько популярны, что привлекают множество туристов. Кроме того, под национальные парки подготавливаются еще следующие три местности *. Работы, которые в них проводятся, идут столь успешно, что в ближайшие два-три года эти парки уже можно будет открыть для посетителей. Все это, а также тот факт, что новое африканское правительство Танзании за последние два года повысило на одну треть сумму, отпускаемую на содержание национальных парков, как нельзя лучше доказывает, что страна стремится сохранить эти уникальные природные комплексы для будущих поколений.

Но нельзя забывать о том, что Танзания пока только развивающаяся страна; народ ощущает еще острую нехватку в больницах, школах, асфальтированных дорогах и всех прочих вещах, без которых невозможно поднять жизненный уровень страны. Национальные же парки Танзании — собственность не только ее народа, это общее достояние, принадлежащее всему человечеству. Их посещает всевозрастающее число туристов, которые благодаря снижению цен на авиационные билеты получают возможность прилететь сюда, чтобы полюбоваться этим нетронутым уголком на нашей Земле. Но, восхищаясь всем увиденным, эти посетители в то же время не должны забывать, что расходы на их поездку окупают лишь очень небольшую часть тех огромных средств, которые необходимы на содержание подобного заповедника. А бóльшая их часть пока что поступает из кармана неимущих африканцев, тех самых бедных людей, которых они ежедневно встречают на дорогах во время своих автомобильных поездок по парку.

Проф. Бернгард Гржимек

Комментарии [1]

242

Стр. 13. Галаго (Galago) — род африканских полуобезьян, включающий три вида. Судя по фотографии, у Б. Гржимека был ручной сенегальский галаго (Galago senegalensis). Этот небольшой, с длинным хвостом, пушистый ночной зверек питается насекомыми, хорошо лазает по деревьям, а по земле скачет на двух ногах, подобно нашим тушканчикам.— *А. Б.*

Стр. 17. В 1954 году в Алжире началось вооруженное восстание против французского господства, переросшее в революцию, которая окончилась в 1962 году победой алжирского народа. 1 июля 1962 года Алжир стал суверенным государством.— *А. П.*

Стр. 19. По официальным данным, в 1960 году население Алжира насчитывало 10,1 миллиона человек, в том числе 1,1 миллиона европейцев (в основном французских поселенцев). После победы алжирской революции почти все французские поселенцы покинули страну. По данным 1974 года, население Алжира насчитывало 16,3 миллиона человек, из них свыше 98% алжирцы (арабы и берберы).— *А. П.*

Стр. 27. Махди — «посланник аллаха на земле» шейх Мухаммед Ахмед, лидер вооруженного восстания народов Судана против англо-египетского господства (1881—1885), основатель независимого махдистского государства. Столицей государства Махди был Омдурман. Махди умер в 1885 году. В 1898 году махдистское государство было разгромлено англо-египетскими войсками, которыми командовал английский генерал Китченер. В 1899 году Англия и Египет подписали соглашение о кондоминиуме (совладении) Суданом, которое фактически превратило эту страну в английскую колонию.— *А. П.*

Гордон-паша — генерал британских колониальных войск Ч. Д. Гордон. С 1874 года он стал одним из руководителей английской колониальной экспансии в центральной и южной части бассейна Нила. С 1877 года — генерал-губернатор Судана. Убит махдистами во время штурма Хартума 23 января 1885 года.— *А. П.*

Стр. 28. Бенгт Берг — известный шведский натуралист, путешественник и писатель конца прошлого — начала на-

---

[1] Комментарии, принадлежащие А. Г. Банникову, отмечены инициалами А. Б., А. М. Пегушеву — А. П.

шего века, один из первых фотографов животных в их естественных условиях; особенно известны его великолепные фотографии птиц. Наибольшей популярностью пользуется книга Бенгта Берга «С перелетными птицами в Африку», которая неоднократно издавалась и в русском переводе.— *А. Б.*

Стр. 29. Мамба (dendroaspis) — род южноафриканских ядовитых змей, родственных кобрам; включает пять видов. Они весьма подвижны, окраска их часто хорошо гармонирует с окружающей обстановкой. Яд мамб очень токсичен, и человек может погибнуть от него в течение получаса. Самая крупная из этих змей, черная мамба (D.polylepis), достигающая четырех метров длины, отличается от других мамб тем, что окрашена в черный или темно-коричневый цвет (остальные виды зеленые) и редко лазает по деревьям.— *А. Б.*

Стр. 30. Город Стэнливиль в 1966 году переименован в Кисангани. Административный центр Восточной провинции Заира.— *А. П.*

Бельгийское Конго стало независимым государством 30 июня 1960 года и в настоящее время называется Заиром (столица Киншаса).

Стр. 40. Конгони и топи — антилопы подсемейства коровьих антилоп (Alcelaphinae), широко распространенная группа в Экваториальной и Юго-Восточной Африке, где образует много подвидов.— *А. Б.*

Стр. 45. Восстание мау-мау — антиколониальное вооруженное восстание африканцев Кении (1952—1956). Восставшие требовали возврата захваченных европейскими поселенцами земель, предоставления самоуправления, демократических свобод и отмены цветного барьера. Восстание было организовано подпольным политическим движением кикуйю, известным в литературе под названием «мау-мау». Колониальная пропаганда изображала мау-мау сектой фанатиков, поставившей своей целью истребить европейское население Кении и уничтожить все «завоевания цивилизации» в этой стране. Колониальные власти жестоко подавили восстание. Р. С. Руарк — американский писатель, автор одного из наиболее известных романов о мау-мау — «Something of value...» («Что-нибудь да стоит...»). «Черная кожа», очевидно, немецкое название этого романа. После поражения Германии в первой мировой войне германские владения в Африке были разделены между державами-победительницами. Германская Восточная Африка была объявлена подмандатной территорией Лиги наций и под новым названием «Танганьика» перешла к Англии.— *А. П.*

Стр. 62. **Бородавочники** (Phacochoerus aethiopicus) — своеобразные южноафриканские дикие свиньи, получившие свое название за три больших бородавчатых нароста с каждой стороны массивной, широкой морды, вооруженной огромными клыками. Тело этих кабанов достигает двух метров длины и почти лишено волос, которые лишь на хребте образуют гриву. Бородавочники роют большие, глубокие норы, где первое время живут поросята.— *А. Б.*

Стр. 63. Трубкозуб (Orycteropus afer) — своеобразное южноафриканское животное, выделенное в особый отряд млекопитающих. У этих зверей почти лишенное волос туловище длиной около метра и такой же длины хвост. Короткие, но сильные лапы вооружены мощными когтями, которыми эти звери роют землю или разламывают термитники. Кормятся муравьями и термитами, которых достают длинным, тонким и клейким языком. Свое название получили благодаря зубам, лишенным корней и эмали и имеющим вид дентиновых трубочек.— *А. Б.*

Стр. 76. Кратко излагая историю колонизации Восточной Африки, профессор Гржимек в основном точен в фактах. Однако с некоторыми положениями, высказываемыми им в этой части книги, вряд ли можно согласиться. Первыми европейскими исследователями Африки, в частности Восточной, руководили не только стремление обратить африканцев в христианство и жажда открытий.

Не оспаривая искренности личных побуждений отдельных исследователей, таких, как, например, Ливингстон, следует подчеркнуть, что географические путешествия и экспедиции 50—80-х годов в Африку невозможно рассматривать вне связи с колониальной экспансией европейских держав в этой части мира. Так, прямой целью многих миссионерских обществ, выступивших инициаторами в организации географических экспедиций в Африку, была подготовка благоприятной почвы для колониальных захватов. Что же касается такого исследователя Африки, как Стэнли, то именно он был одним из наиболее активных поборников и организаторов европейской колониальной экспансии в Африке. Об этом убедительно свидетельствовала многолетняя деятельность Стэнли в бассейне Конго, где он по заданию короля Леопольда Второго активно участвовал в создании бельгийских колоний. Политическую цель — попытку расчистить путь в Уганду немецкому влиянию — преследовала и упоминаемая Гржимеком неудачная экспедиция Г. Фишера.

Говоря о первых шагах «Немецкого колониального общества», Гржимек придерживается распространенной в западной исторической литературе версии, согласно которой Бисмарк был противником вступления Германии на путь активной колониальной экспансии. Гржимек пишет, что Карл Петерс, «собственно говоря, и заставил Бисмарка объявить Германскую Восточную Африку протекторатом» (стр. 73) и что в этом ему помогло «общественное мнение» Германии.

Отношение Бисмарка к участию Германии в колониальной экспансии в Африке было непосредственно связано с позицией, которую занимала в колониальном вопросе немецкая финансовая и промышленная буржуазия. «Общественное мнение», которое убедило Бисмарка поддержать Петерса, было мнением германских финансовых и промышленных кругов, которые стояли за спиной петерсовского «Немецкого колониального общества».

«Подвиги» Петерса в Восточной Африке хорошо извест-

ны. Во время возглавлявшихся Петерсом карательных экспедиций на организованных им принудительных работах погибли тысячи невинных людей.

Мало чем отличался от Петерса и упоминаемый Гржимеком другой колониальный «герой» — авантюрист Эдуард Шнитцер (Эмин-паша), имя которого связано с самыми неприглядными эпизодами в истории колониального раздела Восточной Африки.

В 1887 году колониальные круги Англии и Бельгии организовали экспедицию «по спасению Эмина-паши» от махдистов, главной целью которой было распространение английского и бельгийского влияния во внутренние районы Африки. Эту экспедицию возглавил Стэнли.

Под тем же предлогом в Восточную Африку прибыл отряд Карла Петерса, который, несмотря на то что Эмин-паша был уже «спасен» Стэнли, совершил свой очередной захватнический поход. Переманив Эмина-пашу на свою сторону, немцы использовали его для борьбы со своими главными конкурентами в Восточной Африке — англичанами. Разумеется, серьезно говорить о научных результатах экспедиции Эмина-паши в район озера Виктория, несмотря на участие в ней Штульманна, не приходится. Говоря об освобождении Эмином-пашой рабов, было бы уместно также вспомнить, что тезис о борьбе с работорговлей был одним из главных аргументов организаторов колониальной экспансии.

Основной причиной всех вооруженных выступлений африканцев Танганьики, в том числе и упоминаемого Гржимеком восстания 1905—1907 годов (известно в исторической литературе как восстание маджи-маджи), был жестокий колониальный режим, установленный там Германией, и в первую очередь введение системы принудительных работ, практически превратившей африканцев в рабов немецких плантаторов. При подавлении этого восстания, в котором участвовала бо́льшая часть населения страны, карательными войсками было уничтожено около 75 тысяч африканцев; общие потери населения превышали 100 тысяч человек.— *А. П.*

Стр. 77. В 1965 году, по оценочным данным, население Танзании составило 10 179 тысяч человек. Из них неафриканцев (1964 год) — 141 тысяча, в том числе 90 тысяч выходцев из Азии, 26 тысяч арабов и 20 тысяч европейцев. В 1975 году население Танзании составило 14,9 миллиона человек.—*А. П.*

Стр. 81. В настоящее время национальный парк Рувензори (Уганда) площадью 220 тыс. га.— *А.Б.*

Стр. 94. По учетам 1973 года поголовье крупных животных в Серенгети возросло до 1,5 млн. голов, в том числе более 0,5 млн. газелей, 0,35 млн. гну и т.д.— *А.Б.*

Стр. 100. Африканские страусы, завезенные в Асканию-Нова еще в 1892 году, вскоре стали там размножаться. Сейчас они регулярно откладывают яйца и выводят птенцов.— *А. Б.*

Стр. 117. Автор не совсем точен в своем понимании рас и народностей. Расы человека представляют собой исторически

возникшие в определенных географических районах в различные периоды существования человечества группы людей, обладающих общностью происхождения и некоторой совокупностью морфологических признаков. Расы человека следует строго отличать от этнических общностей человечества — племен, народностей, наций.— *А. Б.*

Стр. 118. Увеличение среднего роста и раннее созревание человека в настоящее время, особенно хорошо заметное в Европе, объясняется не столько смешением рас или отдаленными браками, как пишет автор, сколько улучшением питания детей и общих материальных условий жизни и физического воспитания.— *А. Б.*

Стр. 122. Переливание крови — один из лучших способов лечения при укусах ядовитых змей. Однако в этом случае не следует делать надрезов на месте укуса, прижиганий и особенно перетягивать конечность жгутом, как это рекомендовали раньше.— *А. Б.*

Стр. 123. Действительно, ядовитые змеи, как правило, не могут совершать бросок больше чем на половину или одну треть длины своего тела. Однако скорость броска головы, как показали специальные замедленные киносъемки, значительно выше той, которую приводит автор.

Африканские черношейные и ошейниковые кобры, так же как индийская кобра, действительно обладают способностью выбрасывать яд в направлении врага на расстояние до двух метров. Наружное отверстие ядопроводящего канала ядовитых зубов направлено у этих змей не вниз, как у других, а прямо вперед. Резким сокращением мускулов змея выстреливает порцию яда из ядовитых желез через это отверстие. Такой прием змеи используют, только защищаясь от крупных врагов. Змея направляет две тонкие струйки яда в глаза противнику. Это вызывает резкое жжение глаз, что обезоруживает врага. Попадание яда в глаз человека вызывает помутнение роговицы и может привести к полной слепоте. Однако змеи плохо видят и определяют глаза по их блеску. Нередко блестящие металлические предметы и стекла змея принимает за глаз и «выстреливает» ядом в объектив фотоаппарата или пряжку пояса.

Автор не совсем точен в описании действия змеиного яда. О современных представлениях на этот счет см. журнал «Природа», 1965, № 8.— *А. Б.*

Стр. 169. Действительно, влияние европейской цивилизации (как положительное, так и отрицательное) среди масаев менее ощутимо, чем, скажем, среди их соседей — живущего в Кении народа кикуйю, который еще до европейской колонизации находился на довольно высокой ступени социально-экономического развития и более чем полстолетия жил в тесном соприкосновении с европейскими поселенцами. Однако отрицательное отношение масаев к таким «атрибутам» цивилизации, как современная одежда, жилища и т. п., объясняется скорее всего не какими-то особыми причинами, а бедностью этого народа. Их единственное достояние — скот (которого, как пишет Гржимек, ссылаясь на английского профессора Пирселла, «развелось слишком много») низкопро-

дуктивен и не обеспечивает масаям достаточных денежных доходов. Немногочисленные состоятельные скотовладельцы-масаи охотно живут в современных домах, носят европейскую одежду, пользуются автомашинами, радиоприемниками и холодильниками...— *А. П.*

Стр. 171. Гржимек излагает одну из нескольких версий о происхождении масаев, которое до настоящего времени еще точно не установлено.— *А. П.*

Стр. 179. Идея создания автономного государства, объединяющего масаев Танганьики и Кении, была выдвинута на совещании племенных старейшин масаев, которое состоялось в мае 1960 года в Нгонге. Главным обоснованием требования автономии служили соглашения, заключенные в 1904 и 1911 годах между Англией и вождями масаев, в соответствии с которыми масаи были переселены из плодородного района Рифт-Вэлли в засушливые районы на границе между Кенией и Танганьикой. В этом же месяце в Кении была создана политическая организация «Объединенный фронт масаев», которая в скором времени образовала совместно с некоторыми другими политическими организациями партию «Демократический союз африканцев Кении» (КАДУ). КАДУ выдвинул план регионального раздела Кении после провозглашения независимости, в который, однако, требование масаев об автономии включено не было. В 1964 году, через год после провозглашения независимости Кении, КАДУ самораспустился; большинство его лидеров, в том числе и политические лидеры масаев, вступили в правящую партию этой страны — «Национальный союз африканцев Кении».— *А. П.*

Стр. 241. В настоящее время (1975 г.) в Танзании уже 10 национальных парков общей площадью свыше 4 млн. га. — *А. Б.*

Анри Лот

В ПОИСКАХ ФРЕСОК ТАССИЛИ

Введение

250 Доисторические росписи, обнаруженные в пещерах франко-кантабрийской области *, пролили свет еще на одну страницу истории человечества. К этому времени богатое прошлое Египта и Месопотамии не составляло уже для нас секрета. Восхищаясь их архитектурными, скульптурными и прочими памятниками, мы долгое время предполагали, что эти страны — родина всех искусств: столь высоко и разнообразно было мастерство создателей этих творений.

Открытия, сделанные в пещерах Комбарель, Лес-Эйзи, Мут и Альтамира, опрокинули все предыдущие представления о происхождении искусства. Находки в этих пещерах глубоко потрясли нас. Однако мысль о том, что первобытные люди могли создать такие великолепные произведения искусства, показалась на первых порах невероятной, и подлинность этих наскальных изображений была поставлена под сомнение.

Особенно примечательна история открытий в Альтамире. Наскальные росписи обнаружила внучка землевладельца, дочь графа Сантуола. Известие с необыкновенной быстротой разнеслось по стране. К пещере начали стекаться любопытные. Сам испанский король прибыл поглядеть на росписи. Однако, когда в пещере побывали ученые, они обвинили землевладельца в фальсификации. Стало известно, что за несколько месяцев до сенсационного открытия в усадьбе землевладельца гостил некий художник. Этого оказалось достаточно, чтобы маститые участники Международного конгресса в Мадриде приписали этому неизвестному художнику знаменитые росписи, изображающие раненых бизонов. Да и как могли эти ученые прорицатели допустить мысль об их древнем происхождении? Ведь они были выполнены в самом современном стиле!

Но несколько лет спустя молодой аббат Брейль, впоследствии ученый с мировым именем в области изучения

доисторической эпохи человечества, обнаружил в пещере Комбарель изображения бизонов, как две капли воды похожие на Альтамирские росписи. На этот раз, принимая во внимание, что нога современного человека не ступала в пещеру (вход в нее был только что обнаружен), не могло быть и речи о фальсификации, и ученым пришлось склониться перед очевидностью...

С тех пор мир страстно заинтересовался произведениями искусства доисторической эпохи и с волнением следит за новыми открытиями в этой области. С большим интересом было встречено известие об открытиях в пещере Ляско в 1940 году, а также в пещере Руфиньяк в 1956 году.

Однако кантабрийский район не единственный, где встречается наскальная живопись. На востоке Испании также немало наскальных росписей. Правда, они относятся к другой художественной школе и находятся не на стенах пещер, а в углублениях скал под открытым небом. В Южной Африке тоже встречаются росписи и высеченные на скалах рисунки, обычно называемые бушменскими. Период их возникновения не выяснен, поскольку обитатели этого района до самого недавнего времени продолжали создавать все новые изображения.

В Сахаре, в особенности в той ее части, которая лежит к югу от Орана, неоднократно находили высеченные на скалах рисунки, но лишь в 1933 году здесь наткнулись на район, богатый наскальными росписями. Они вызывали тем больший интерес, что прошлое пустыни было мало изучено. Правда, можно было предположить, что Сахара не всегда была необитаемой: время от времени в пустыне находили каменные орудия. Это свидетельствовало о том, что некогда ее населяли первобытные люди. Однако этих данных было еще недостаточно, чтобы судить о расовом типе и происхождении людей, создавших эту живопись.

Я уже много лет занимался исследованием Сахары и исколесил ее вдоль и поперек, изучая пустыню с географической, этнографической, а главное, с археологической точки зрения. Естественно, я не мог остаться равнодушным к обнаруженным здесь петроглифам и наскальной живописи. Поэтому, как только стало известно о замечательных открытиях в Тассили лейтенанта Бренана, я тотчас же в сопровождении нескольких специалистов по Сахаре (географов и археологов) примчался в те места. Однако начавшаяся война прервала мою работу. Только в 1956 году при поддержке моего глубокоуважаемого учителя Брейля я смог организовать экспедицию в Сахару. Ее

целью было снять копии с уже известных росписей и попутно систематически обследовать весь горный массив.

Массив Тассилин-Аджер лежит к северо-востоку от Ахаггара и примыкает своим восточным краем к Феццану. Это труднодоступное песчаниковое плато, от которого отходит ряд небольших второстепенных массивов. Все они подверглись сильному действию эрозии. Пробираться здесь можно лишь узкими ущельями или по поверхности, усеянной колонообразными выветренными скалами и вызывающей в памяти картину мертвых городов. Сейчас эти массивы — совершенно глухое место, где царит гнетущее безмолвие. Но когда-то все эти ущелья и проходы представляли собой своего рода улицы с многочисленными обитателями. Об этом свидетельствуют глубокие впадины у подножия скал, служившие естественным убежищем для первобытных жителей массива. Обитатели исчезли. Но следы их пребывания остались в виде сотен и сотен росписей.

Мои сотрудники и я пробыли безотлучно шестнадцать месяцев на плато. Каждый день приносил нам новые открытия. Обследуя одно место за другим, мы тщательно наносили на кальку все обнаруженные наскальные росписи. Ниже я опишу, как велась работа в этой каменной пустыне. Опишу край, лишенный каких-либо признаков жизни, невыносимые климатические условия. Нам пришлось, должен признаться, весьма туго. Мы никогда бы не выдержали, если бы не сознавали, что наша работа не только даст многое для изучения прошлого Сахары, но и обогатит сокровищницу художественных ценностей, созданных человечеством.

То, что мы нашли в лабиринте скал Тассили, превосходит всякое воображение. Мы открыли сотни и сотни росписей с десятками тысяч изображений людей и животных. Одни рисунки располагались изолированно, другие представляли собой сложнейшие композиции. Изображенные на них сцены жизни древних обитателей этих мест — будничные занятия, развлечения, религиозные обряды — нетрудно истолковать. Они, несомненно, относятся к жизни различных народов, населявших массив в разное, но, бесспорно, давно прошедшее время, ибо современные туареги очень редко появляются в этих диких, неприветливых местах. Нас поразило разнообразие стилей и сюжетов, которое мы обнаружили при исследовании многочисленных наслоений росписей. Рядом с крошечными фигурками людей находились и изображения такой гигантской величины, какой никогда нигде еще не встречалось. На

других росписях мы увидели лучников, сражающихся за обладание стадом быков, воинов, бьющихся на палицах. Тут же — стадо антилоп, люди в пиро́гах, преследующие бегемотов, сцены плясок, пиршеств и т. п.

Короче говоря, мы очутились как бы в величайшем музее доисторического искусства. Некоторые рисунки поражали своим мастерством. Особенно это относится к изображениям в натуральную величину женщин Джаббарена и Сефара. От таких росписей не отреклась бы ни одна когда-либо существовавшая художественная школа.

Два основных стиля характеризуют эти росписи: один — символический, более древний, по всей вероятности, негроидного происхождения; другой — более поздний, явно натуралистический, в котором ощущается влияние культуры долины Нила. Но главное — эти изображения не стоят ни в какой связи с рисунками франко-кантабрийской области или Южной Африки. И если иногда в них можно обнаружить египетское или, возможно, микенское влияние, наиболее древние из них, безусловно, принадлежат к неизвестной самобытной художественной школе. Росписи эти представляют собой единственные известные нам в настоящее время памятники древнейшего искусства негроидных народностей.

Если росписи франко-кантабрийского района дают нам весьма слабое представление о жизни и нравах пещерных людей (разве только что древние обитатели Франции охотились когда-то на бизонов, носорогов и оленей), то в отличие от них росписи Тассили — настоящий архив, благодаря которому можно составить себе вполне ясное представление о народностях древней Сахары, о различных расовых типах, сменявших здесь друг друга, о нашествиях кочевников-скотоводов и о тех влияниях, которым подвергалось местное население. Эти наскальные изображения дают также возможность проследить постепенное изменение фауны Сахары и, как следствие, понять причины климатических изменений и превращения здешних мест в пустыню.

Все эти факты имеют для нас огромное значение. Открытие росписей Тассили позволило нам ознакомиться по меньшей мере с восемью тысячами лет истории Сахары — самой большой пустыни нашей Земли. Более того, благодаря этим находкам прошлое всего человечества становится для нас яснее и понятнее.

Глава

1

Этапы развития Сахары

254 В последнее время о Сахаре говорят очень много. Повышенный интерес к ней вызван прежде всего открытием богатых залежей нефти, которые создали этому краю славу нового Эльдорадо.

Туда направилось огромное число изыскательских партий. Никогда еще здесь не было так многолюдно. Теперь в Сахаре пользуются самыми разнообразными средствами передвижения: от скромного «джипа», исключительно удобного при обследовании любой местности, до вертолета, используемого геологами в поисках месторождений урана. Здесь же можно встретить огромные грузовые двухпалубные самолеты, сбрасывающие на нефтепромыслы тонны продуктов и ящики с прохладительными напитками.

Моя очаровательная спутница по самолету, летевшему в столицу Алжира, спросила меня о цели моей поездки в Африку. Услышав, что я там «занимался поисками», она приняла меня за нефтяника или изыскателя урана. Мне удалось ее разуверить, однако это маленькое недоразумение достаточно ярко свидетельствует о царящих там настроениях.

Подземные богатства, внезапно обнаруженные в бесплодных пустынях Сахары, не могли не взволновать воображения людей. Со временем выяснится, как много тайн еще сокрыто в этой самой большой в мире пустыне, которая когда-то была так тесно связана с историей человечества.

За двадцать пять с лишним лет я исколесил Сахару вдоль и поперек. Я пересек ее громадные реги *, на которых можно за две недели пути не встретить ни одного водоема. Я взбирался на все ее горы: Ахаггар, Тассилин-Аджер, Адрар-Ифорас, Аир. Я преодолел ее огромные эрги *, в частности Восточный Эрг — самую большую песчаную поверхность на всем земном шаре, настоящее

песчаное море, которое всегда волнуется из-за постоянно дующих здесь ветров. Я следовал вдоль ее древних рек, русла которых образовали очень сложную сеть, своего рода огромный высохший скелет некогда полноводной речной системы. Наконец, я долго жил вместе с населяющими ее туарегами. Они служили мне проводниками в путешествиях, изобиловавших приключениями, и делили со мной все радости и невзгоды.

Меня интересовало все: фауна, флора и, конечно, многие проблемы физической географии, населения, древней истории Сахары и другие вопросы. Сахара представляет собой одно целое. Постичь ее можно только при наличии комплекса знаний во всех областях, будь то геология, биология, климатология или история.

Большинство путешествий я совершил на верблюде. Этот «вид транспорта» издавна считается наиболее удобным для таких целей. Он позволяет побывать в малодоступных местах и повидать все до мелочей, что чрезвычайно важно для исследователя. Всего я проехал таким образом 80 тысяч километров, то есть проделал путь, равный двум путешествиям вокруг земного шара. А сколько было происшествий, грозивших кончиться весьма печально!

Много районов я изъездил на автомашине, не раз пролетал над пустыней на самолете. Она мне очень хорошо знакома. Если порой она и обходилась со мной сурово, то я не раз был вознагражден за это ее милостивым согласием приподнять некоторые завесы над ее загадочным прошлым. Ведь основная задача исследователя Сахары состоит в том, чтобы раскрыть связь между ее прошлым и настоящим. Больше всего меня, несомненно, интересовали люди, особенно жившие в доисторический период. Наибольшее удовлетворение я испытывал, занимаясь именно этим вопросом. Мне не раз удавалось обнаружить следы древних племен, населявших Сахару. Здесь, в горах и долинах, они охотились, ловили рыбу, возделывали землю.

В глубине эрга, в Тенере, я обнаружил следы стоянок древних рыбаков: большие груды рыбьих костей (они заняли несколько двухколесных тележек), скелеты гиппопотамов и слонов, каменные орудия. В 500 километрах к югу, на границе Сахары и Судана, я нашел еще добрый десяток стоянок. Тут были кучи рыбьих костей, черепашьи панцири, раковины моллюсков, кости гиппопотамов, жирафов и антилоп; здесь также лежали человеческие скелеты. Последнее обстоятельство указывало на отсутствие погребальных обрядов у первобытных племен Сахары. Мне удалось собрать на месте этой доисторической

бойни множество великолепных орудий, среди которых были и прекрасные костяные остроги, и тонкие кремневые наконечники для стрел, и грузила для рыболовных сетей, и многое, многое другое... К югу от Ахаггара, у подножия скал Ин-Геззама, в самых пустынных ныне местах Сахары была сделана подобная же находка — человеческие скелеты, кости различных животных и, кроме того, тысячи осколков глиняной посуды.

Я мог бы привести еще много примеров: лишь в окрестностях Ахаггара мной было обнаружено около восьмидесяти мест со следами стоянок доисторического периода. Из этого можно заключить, что когда-то Сахара была

густо населена и ее фауна была аналогична фауне современной саванны. Если самым древним находкам, как, например, остаткам рыбачьих стоянок на эрге Адмер[1], несколько сот тысяч лет, то есть и такие, которым всего лишь от четырех до пяти тысяч лет. Явно господствующий водный характер фауны свидетельствует о большой влажности в прошлом этих мест и наличии полноводных рек. Эти реки, бравшие свое начало в горных массивах Ахаггара, Тассили, Адрар-Ифораса, образовывали большую гидрографическую сеть, соединявшуюся с Нигером, озером Чад и другими большими озерами, остатки которых сохранились в виде соленых озер — шоттов на юге Туниса. И сейчас еще довольно ясно различимы русла этих исчезнувших рек. Летя самолетом из Ахаггара, я отчетливо видел одно из них. Светлая борозда русла древней реки, извиваясь среди песков, вела прямо к Нигеру, в район Гао.

Доисторические стоянки — эти кучи мусора тысячелетней давности — не единственные следы, оставленные древними жителями Сахары. На скалах массивов, часто в наиболее пустынных уголках, находят великолепные росписи и петроглифы, свидетельствующие о незаурядных художественных способностях людей того времени. Я испещрил свой дорожный блокнот сотнями зарисовок. Они чрезвычайно интересны в познавательном отношении: ведь в них отражаются самые различные эпохи, охватывающие тысячелетия. Во многих случаях они подтверждают выводы, сделанные на основании находок древних растений и животных. Кроме того, благодаря росписям нами получено много ценных сведений о различных типах культур,

---

[1] Один из двух памятников палеолитического периода, найденных в Центральной Сахаре. Расположен к северо-востоку от Ахаггара, между этим массивом и Тассили. Второй обнаружен на эрге Тиходаин.

сменявших друг друга на территории пустыни: культуре охотников, вооруженных дубинами и бумерангами; культуре пастухов или лучников; культуре воинов, во времена которой основным оружием служил дротик. К последнему периоду следует отнести появление в Африке домашней лошади. Таким образом, решающую роль в эволюции человечества сыграло оружие. Оно всегда было основным свидетелем прошлого, классическим ориентиром для археологов. Именно оно помогает определить значимость той или иной миграции, направления, в котором она происходила, и в некоторых случаях, как я покажу далее, дает возможность определить караванные пути, соединявшие более чем за тысячелетие до нашей эры Средиземноморское побережье с берегами Нигера.

Из этого краткого обзора легко представить, насколько увлекательно заниматься расшифровкой находок, дополняющих и освещающих друг друга, какой восторг охватывает исследователя, открывающего новую страницу в бескрайнем прошлом пустыни, о котором совсем недавно еще и не подозревали.

Действительно, разве Сахара не считалась дном высохшего моря, одним из тех проклятых мест на земле, откуда издревле был изгнан человек? Однако это всего лишь легенда, потому что на территории Сахары в четвертичном периоде никогда не было моря! Но в эту легенду, твердо укрепившуюся в народной памяти, верят так же непоколебимо, как и в фантастическое лохнесское чудовище, Атлантиду и многое другое. Объясняется это внешним сходством пустыни с дном моря. Раковины устриц, встречающиеся в разных районах в большом количестве, относятся к далекому третичному периоду, то есть к той геологической эпохе, когда человек еще не появился на земле. Соль, найденная на некоторых низменностях, есть не что иное, как продукт испарения озер, воды которых омывали раньше богатые сульфатами вулканические скалы. Песок дюн — результат эрозии, вызванной активным действием вод (вероятно, в очень давние времена при очень дождливом климате). Ветер просеивал и нагромождал его в самых низких местах обширных территорий Сахары.

Нет, никогда, ни в одну из эпох, по крайней мере с тех пор, как существует человек, Сахара не была дном моря. Просто она пережила, так же как и многие другие районы на земном шаре, период пышного расцвета, вслед за которым наступила опустошительная засуха.

Но тогда возникает вопрос: что вызвало засуху? Почему произошло изменение климата? На этот вопрос, при-

знаться, нельзя получить краткий ответ. Многое все еще неясно или недостаточно достоверно. Наиболее простым объяснением (правда, далеко не исчерпывающим) может послужить следующее: когда-то вследствие очень высокой температуры воздуха наступило значительное нарушение равновесия между количеством выпадавших осадков и очень обильными испарениями. Это было большим бедствием для Сахары. Весьма возможно, что роковую роль сыграли пассаты, приносившие массы холодного воздуха зимой и теплого — летом. Они далеко отгоняли тучи, лишая Сахару благотворных, необходимых для жизни дождей. Нужно учитывать и многие другие причины: отсутствие близ побережья горных хребтов, которые смогли бы задержать облака, плывущие со стороны океана, и ряд климатических факторов, связанных с районами низкого и высокого давления. Тем не менее все эти факторы не объясняют причин высыхания Сахары, которые остаются загадочными: ведь всего несколько тысячелетий тому назад в Сахаре был менее засушливый климат, следовательно, изменения произошли не столь уж давно. Когда же всетаки началось высыхание Сахары?

Я полагаю, что при изучении материалов нашей последней экспедиции сведения по этим вопросам пополнятся новыми данными. Нами привезены кусочки древесного угля, найденные недавно на местах древних стоянок. Анализ этих кусочков на содержание углерода-14 должен помочь ученым ориентироваться в эпохах.

Древние географы, греки и римляне, отмечали, что засушливый период в Сахаре наступил за 500 лет до нашей эры. Геродот, живший в V веке нашей эры, был первым автором, рассказавшим о землях, расположенных к югу от залива Сирта, дюнах, оазисах, необитаемых районах и соляных курганах. Четыре века спустя Страбон отмечал, что лошадь имела еще в ту пору широкое распространение, причем номады * из предосторожности укрепляли бурдюки с водой под животом верховых лошадей. Это заставляет предполагать, что вода уже в те времена представляла большую ценность. Плиний Старший, живший несколько позднее (23—79 годы), писал, что в стране, названной им Ливией[1], еще встречались слоны, жирафы и хищные животные. При описании же страны гарамантов, соответствующей приблизительно современным Феццану и Тассилин-Аджеру, он упоминает о теряющихся и вновь возникающих вади * и непостоянных «водных

---

[1] Подразумевая земли, расположенные к западу от Египта.

точках». Подобное положение весьма напоминает нынешний гидрографический режим Сахары.

Конечно, в то время жизнь там была более оживленной, чем в наши дни. Население было многочисленное, источники воды не столь далеко расположены один от другого, растительность пышнее. Все это создавало благоприятные условия для разведения лошадей[1]. Однако уже авторы античной эпохи считали Сахару пустыней. Именно тогда и возникла знаменитая легенда о том, что Сахара якобы дно высохшего древнего моря. Песчаные дюны, соленые шотты, раковины устриц, найденные на хамадах * третичного периода, вводили в заблуждение людей, имевших
тогда очень слабое представление о геологии и структуре 259
почв.

Этот очерк, резюмирующий наши сведения о прошлом Сахары, служит своего рода фоном, на котором развертывались необычные приключения нашей шестнадцатимесячной тассилийской экспедиции.

Предыстория экспедиции восходит к 1933 году, когда офицер колониальных войск лейтенант Бренан проник во время разведывательной операции в глубину одного из каньонов Тассилин-Аджера и вышел в долину Ихархар, к югу от военного поста Форт-де-Полиньяк. Тассилин-Аджер представляет собой значительный горный массив на северо-востоке Ахаггара, а упомянутый выше каньон известен под названием вади Джерат.

Однажды Бренан, ехавший верхом на верблюде во главе своего отряда, заметил на отвесной скале, ограничивающей вади, странные рисунки. Ничего подобного он еще не встречал. Соскочив на землю, он в восхищении замер: перед его глазами предстали глубоко высеченные на камне изображения каких-то громадных животных, шагающих слонов с поднятыми хоботами, выходящих из воды гиппопотамов, свирепых носорогов, длинношеих жирафов, щиплющих верхушки колючих кустарников. Особенно поразительно было подобное зрелище в этом опаленном солнцем крае, откуда человек был изгнан много веков назад и где теперь царило безмолвие пустыни. Пройдя еще около двенадцати километров, Бренан очутился перед хаотическим нагромождением каменных осыпей. Тут-то он и обнаружил один из самых изумительных ансамблей доисторических петроглифов.

Еще до открытия Бренана на скалах, в частности в Ахаггаре, на юге провинции Оран и в Феццане, находили до-

---

[1] Лошадь стала вытесняться верблюдом в III веке н. э.

вольно много высеченных на камне изображений, но ничего более прекрасного и значительного еще никто не встречал. Наряду с животными, поражающими грацией и четкостью линий, здесь были изображены различные фигуры; среди них встречались человеческие существа со звериными мордами. Все вместе составляло невиданный до сих пор ансамбль. Более того, в нишах, образовавшихся в стенах скал и служивших, по-видимому, укрытием для охотников за муфлонами, Бренан тоже обнаружил очень тонко выполненные рисунки. Это было совершенно ново и представляло большой интерес с археологической точки зрения. Естественно, что это открытие взволновало ученых Парижа и Алжира. Четыре месяца спустя я был уже в Тассили. Одновременно со мной туда прибыли профессора Готье, Рейгасс и Перре. Несколько недель спустя они покинули Тассили, я же оставался там еще полтора года.

Перед исследователями открывалась новая страница в истории Сахары.

Глава

2

На пути к Тассили

Несколько месяцев спустя после известия об открытии 261
Бренана я оказался на ледяном ветру в глубине каньона Имихру. Тассили с его дикой красотой, несомненно, стоил Ахаггара. Я испытал на себе притягательную силу этого края. Его причудливый рельеф напоминает лунную поверхность. Это впечатление создается оголенными разломами почвы, похожими на трещины на корке свежеиспеченного хлеба,— природе вздумалось придать глыбам песчаника самые фантастические формы. Массив Тассили — это своеобразный мир, одна из жемчужин Сахары. Он, пожалуй, в некоторых отношениях красивее, а его гигантские каньоны и загроможденные каменными осыпями ущелья грандиозней столь прославленного Ахаггара. В сопровождении проводника-туарега я за восемь дней прошел от военного поста Форт-де-Полиньяк до Джанета, расположенных соответственно к югу и северу от массива. Этот переход позволил мне составить первое представление о массиве в целом.

В Джанете я встретился с лейтенантом Бренаном. Он показал мне папку с зарисовками, сделанными им недавно в вади Джерат. Однако в Джерат мне удалось поехать только несколько месяцев спустя вместе с географом Перре, ныне президентом Географического общества. Известный ученый, профессор Готье просил меня захватить Перре с собой в Форт-де-Полиньяк и быть его проводником.

Мы были восхищены тем, что увидели в Джерате. Во время моих прошлых поездок по Сахаре мне не раз доводилось заниматься изучением петроглифов, но я никогда не встречал ничего более оригинального и прекрасного. Профессор Готье, несколько ранее посетивший нижнюю часть вади, окрестил его по названию реки в Центральной Франции Сахарским Везером *, и это совсем не преувеличение. Тысячи наскальных изображений покрывают оба

каменистых берега вади, который тянется вплоть до Феццана.

Поднявшись на возвышенные участки каньона, мы увидели гораздо больше, чем наши предшественники. Неожиданно путь нам преградила заброшенная пальмовая роща — оазис Нафег. Дикие пальмы были настолько опутаны и переплетены лианами, что, казалось, мы очутились в глубине девственного леса.

— Нам здесь ни за что не пройти,— заметил мой компаньон.— Лучше уж пойти в обход.

— Пройдем, поверьте мне! — возразил я.— Только наберитесь терпения!

262 Начинаю топором прокладывать путь через густые заросли, но не так-то легко одолеть крепкие стебли лиан и пальмовые стволы. Руки у меня в крови, одежда изорвана шипами в клочья, но я не прекращаю работы и расчищаю проход метр за метром. Наконец путь свободен. Берем верблюдов за поводья, и наша процессия кое-как пробирается по проложенной тропинке. Вечером разбиваем лагерь на самом верхнем уступе каньона, где никогда еще не бывал ни один европеец. На ужин жарим рыбу, выловленную в соседнем озерке. Ее там так много, что она клевала на кусочки фиников, насаженные на привязанный к веревочке крючок, который мы сделали из простой булавки.

Наши усилия оказались не напрасными. Мы обнаружили в нишах, защищенных от непогоды, прекрасные петроглифы и росписи, выполненные красной охрой.

Посещение Джерата произвело на меня большое впечатление. При виде этих высокохудожественных произведений доисторического искусства я понял, какой огромный интерес представляют они для археологии. Их красота увлекала меня все больше и больше. Позднее я занялся исследованием пещер, расположенных севернее Джанета, где, по сообщениям Бренана, была обнаружена наскальная живопись. За несколько месяцев я исколесил Та́ссили вдоль и поперек и увидел массу наскальных изображений. Я сделал так много зарисовок, что мои запасы бумаги были вскоре полностью исчерпаны. Бренан сам прекрасно рисовал, однако все наши зарисовки были жалкими уменьшенными копиями: они давали только приблизительное представление об изображениях и, что особенно важно, абсолютно не воспроизводили гармонии красок из охры, которыми пользовались доисторические художники. Отныне меня преследовала одна идея: приехать когда-нибудь сюда с группой художников и сделать

точные копии, сохранив масштабы и краски оригиналов. Только тогда эти шедевры станут достоянием не единиц, а всех, кому никогда не придется побывать в Тассили,— ученых, художников, широкой публики.

Я продолжал обследование Тассили. Это, правда, обошлось нам очень дорого: четыре верблюда — наш основной капитал, необходимый для продолжения изысканий,— подохли, не выдержав изнурительных переходов по камням, по местам, совершенно лишенным пастбищ.

Прошли годы. Различные дела вынудили меня выехать в другие районы Сахары. Началась война, и я был мобилизован в кавалерию в Ахаггаре. Только в 1954 году мы с Бренаном вновь встретились в марокканской деревне, где он поселился, дослужившись до чина полковника. Мы вернулись к моему старому проекту, чрезвычайно заинтересовавшему моего учителя Брейля. Я принялся за его осуществление по возвращении из экспедиции на юг Орана, где занимался изучением большого ансамбля наскальных изображений доисторического периода. Мне удалось создать группу из четырех художников и одного фотографа. Художники были с Монпарнаса; один из них дважды побывал в Сахаре, и они сами «завербовали» друг друга. Я показал им копии изображений, сделанные во время прошлых экспедиций, и рассказал о предстоящей работе. Воодушевленные моим планом, они единогласно решили принять в ней участие. Некоторые сведения о каждом из них позволят судить о причинах, объединивших всех нас в этой увлекательной экспедиции.

Жорж Ле Пуатевен, 43 лет. Выпускник Парижской академии изящных и прикладных искусств. Несколько раз бывал в Северной Африке. Он совершил даже поездку по Тассили, откуда привез много прекрасных рисунков, выполненных гуашью. Оригинал, страстно любящий море (следствие его нормандского происхождения) и по аналогии — Сахару (тоже ветер и уединение). На Монпарнасе и в Сахаре известен только под именем Джо.

Клод Гишар, 23 лет. Греноблец. Бывший питомец Академии художеств в Гренобле и Париже. Специалист по фрескам, принимал участие в росписи многих церквей в районе Альп. Тип подмастерья художника с бородкой и длинными волосами, с виду благодушен. Настолько чувствителен, что ему делается дурно при виде убиваемой на его глазах мухи, что, увы, потом случалось довольно часто (16 месяцев в Тассили излечили его). Великий труженик и не менее великий курильщик трубки.

Жак Виоле. Его 20-летие праздновали в Тассили. Пари-

жанин, бывший ученик Училища прикладного искусства. До нашей экспедиции расписывал глиняную посуду «а ля Пикассо» в Валлори. Особые приметы: рост 1,92 метра, размер обуви 46. Вырос несколько быстрее, чем следовало. Слишком молод, чтобы иметь прошлое.

Джанни Фрассати, 23 лет, итальянец. Бывший ученик Миланской академии художеств. Некоторое время жил в Париже. Очень талантливый художник-портретист. Был одним из группы художников, которым позировала Джина Лоллобриджида. Неплохо заработал на портрете этой красивой артистки, продав его одному из ее поклонников. Однако это не мешало ему — неблагодарный! — предпочитать Софи Лорен. Сложен, как зеркальный шкаф, рост 1,87 метра, вес около 105 килограммов. Надеется стать изящным, что произойдет неизбежно. В Париже он делил с Клодом Гишаром мастерскую и трапезу, состоящую обычно из спагетти.

Филипп Летелье, около 20 лет. Парижанин. Фотограф и кинооператор экспедиции. Получив воспитание в школе Наткина, фотографировал тысячи парижских детишек. Это — «ветеран» экспедиции. Во всяком случае так считает он сам.

Мне очень хотелось бы внести в список имя моего товарища Бренана, но за месяц до нашего отъезда он умер во время сердечного приступа у меня на руках. Все произошло в течение нескольких минут. Я очень тяжело пережил эту ужасную потерю, положившую столь неожиданный конец нашей 20-летней сахарской дружбе.

Подготовка к экспедиции заняла несколько месяцев. Нам нужно было продумать все до мелочей: экспедиции в течение нескольких месяцев предстояло жить и работать, переезжая с места на место в труднодоступной, совершенно пустынной местности. Прежде всего — проблема экипировки членов экспедиции. Нужно было учесть очень резкие колебания температуры — от плюс 50°C в тени летом до минус 10°C зимой.

Не менее важно было решить вопрос о техническом снаряжении. Для предстоящей работы требовались складные лестницы, столы и разные принадлежности для рисования, запас бумаги (700 квадратных метров), краски, кинокамеры, фотоматериалы и т. д. Размер столов для рисования был очень велик — 4,8 метра, и, когда я ввел в курс дела Брейля, он воскликнул, воздев руки к небу: «Но как вы доставите весь этот груз в Тассили?» Наконец, нужно было подумать о снабжении, а это означало тысячи вещей, жизненно необходимых для экспедиции: от пенициллина

и консервного ножа до машинки для стрижки волос. Весь этот груз, весом 3 тонны, был сложен в одной из комнат Музея Человека *. Нужно было переправить эти 3 тысячи килограммов за 4 тысячи километров, и притом, если возможно, даром — в целях экономии наших средств. Мне удалось добиться этого благодаря содействию знакомого судовладельца.

Брейль, крупнейший знаток доисторического искусства, хотел принять участие в экспедиции, но, к сожалению, вынужден был отказаться от этого плана из-за преклонного возраста и большой занятости. Тем не менее он оказал нам большую моральную (а впоследствии и материальную) поддержку. Должен сознаться, что без него мы никогда не смогли бы преодолеть все препятствия, возникавшие на нашем пути. Он потратил много сил, представляя экспедицию в Париже, и можно сказать, что мы всегда ощущали его присутствие. С каждой почтой мы получали от него весточку, и сам он всегда был в курсе наших дел. Экспедицию опекал Музей Человека. Его директор, профессор Валуа, и заместитель директора, доктор Пале, пользуясь своим влиянием, всеми силами поддерживали мои планы, дружески и внимательно следили за их осуществлением. По ходатайству членов этнологической секции нам оказал материальную поддержку также Национальный научно-исследовательский центр.

В конце января 1956 года мы покинули Париж, чтобы несколько дней спустя оказаться в городе Алжире. В то время как наш трехтонный багаж грузили на военный грузовик, самолет одним махом доставил нас из алжирского аэропорта Мэзон-Бланш в Джанет.

В Алжире в последний момент к экспедиции присоединилась Ирен Монтандон, получившая диплом специалиста по берберскому языку и стремившаяся пожить среди туарегов, язык которых она изучала. В течение трех месяцев она была членом нашей экспедиции, взяв на себя большой труд исполнять обязанности ее секретаря.

Отныне живописный оазис Джанет у подножия Тассили и расположенный там военный пост остаются для нас единственной точкой соприкосновения с цивилизованным миром. Отсюда ежемесячно нам должны доставлять продовольствие.

20 февраля 1956 года у борджа * Джанет стояло 30 верблюдов, переданных в наше распоряжение начальником военного поста капитаном Росси. Меня связывала с ним 20-летняя дружба, еще со времен моей первой поездки в Тассили в 1934 году.

Пять погонщиков верблюдов — уроженцев Джанета, проводник-туарег и двое слуг составляют наш обслуживающий персонал. Идут последние приготовления к отъезду: мои товарищи нетерпеливо суетятся, несколько растерявшись при виде множества разнообразной поклажи, которую следует водрузить на спины вьючных животных. Верблюды ревут, жуют жвачку и отравляют воздух своим зловонным дыханием. Погонщики размещают тюки, натягивают веревки, осыпая друг друга бранью: каждый старается взвалить на своих верблюдов самые небольшие ящики, оставляя большие на долю других. Мне хорошо знакома подобная «музыка», и постепенно я навожу порядок в этой суматохе. Однако понадобилось еще полдня, прежде чем все было готово и наш караван наконец тронулся.

Попасть на плато Тассили, возвышающееся над Джанетом на 500—700 метров, можно по одному из четырех перевалов. К сожалению, единственно доступным для вьючных верблюдов оказался самый дальний из них. Нам пришлось идти до места первой длительной стоянки в обход, что отняло у нас 8 дней. Привалы устраивались каждый вечер. Мы не научились еще правильно укреплять грузы, нужно было освоить искусство езды на верблюдах, и немало прошло времени, прежде чем все стало на свои места. На протяжении всего пути мы не разбивали палаток и спали под открытым небом. Мало-помалу все научились спать в спальных мешках, пользоваться надувными матрацами и находить укромное местечко среди тюков, спасаясь от ледяного ветра.

Ирен Монтандон взяла на себя обязанности интенданта и командовала на кухне. Все отдают должное новому образу жизни, полному особой прелести. Любимым развлечением по утрам и вечерам стало кормление полдюжины цыплят, которых мы везли в клетке. Со временем они должны угодить в кастрюлю, но два из них погибли от холода, и слуги чуть было их не выбросили. Мои товарищи энергично запротестовали. Ведь в конце концов это просто мороженое мясо! Несмотря на явное неодобрение слуг, рагу из цыплят показалось нам отменно вкусным. Мы, во всяком случае, остались довольны.

О трех днях похода по равнине мы вспоминаем, как о прекрасной прогулке. Но вот начинается подъем на перевал Ассакао, который нам предстоит преодолеть. Первый ночлег пришлось устроить на очень живописном, но слишком открытом для ледяных ветров каменистом цирке *. Это была одна из самых тяжелых ночей за всю нашу экс-

педицию. Мы напялили толстые свитера и пуховые анораки. Вид фляжки с коньяком, извлеченной нашим интендантом из сумки и пущенной по кругу, вызвал на наших лицах подобие улыбки. Немного подкрепившись кипящим бульоном, приготовленным в полной темноте, мы нырнули в свои спальные мешки и не вылезали из них до самого утра. Окоченевшим, со слезящимися глазами верблюдам пришлось гораздо хуже, чем нам.

На следующий день, к двум часам пополудни, выходим к самому трудному участку перевала. Нам предстоит серьезное испытание. Мне издавна знакома эта дорога, и я предугадываю те трудности, которые неизбежно возникнут на нашем пути. Погонщики распределяют между собой верблюдов, и восхождение начинается. Нагруженные верблюды цепочкой медленно пробираются среди осыпающихся каменных обломков. Иногда их приходится понукать и даже бить, что наши туареги с успехом и делают. Вскоре слышны только крики погонщиков. Подъем становится все круче и круче, нагромождения камней — все больше, и бедные животные задыхаются от напряжения. Дальнейший путь превращается для них в восхождение на Голгофу: многие падают, поклажа скатывается под откос. Люди собираются вокруг упавшего животного, поднимают его, вновь нагружают. Но едва один верблюд становится на ноги, падает другой. Все потеряли голову. Наш проводник — туарег Серми, возглавляющий погонщиков и слуг и пользующийся среди них непререкаемым авторитетом, трудится не жалея сил. Он появляется там, где особенно тяжело, кричит, не умолкая ни на минуту, и работает совершенно героически. Нужны нечеловеческие усилия, чтобы поднимать и вновь взваливать на спины верблюдов тюки, свалившиеся на тропу, где может пройти лишь один человек! Дойдем ли мы когда-нибудь до перевала? Животные уже выбились из сил. Я замечаю на камнях многочисленные следы крови: у всех верблюдов копыта и наколенные мозоли ободраны об острые обломки скал. Валится и сильно разбивается верблюд, нагруженный столами. Этому бедняге, вероятно, уже не удастся больше подняться.

Столы для рисования представляют особую ценность, поэтому нельзя допустить повторения подобного случая. Приходится прибегнуть к крайнему средству: решаю распределить столы между людьми. Теперь начинается наше восхождение на Голгофу. Перевала еще не видно, а каменистая тропинка неумолимо круто вздымается перед нами. Опоражниваются один за другим бурдюки с во-

дой, быстро тают индивидуальные запасы таблеток глюкозы. Тем не менее настроение у отряда бодрое. Верблюды продолжают падать. Новые грузы взваливаются на спины людей, но все держатся молодцом, и я теперь уверен в удачном исходе экспедиции. В пять часов вечера вся поклажа оказывается наконец на перевале. Люди совершенно изнурены. Я иду замыкающим, тащу за поводья своего верблюда и одновременно подталкиваю едва живого старого верблюда, которого тянет за собой Ле Пуатевен.

Преодолеваем последние десять метров, и вот я уже любуюсь великолепной панорамой, открывающейся с перевала. Вдруг один из верблюдов оступается и, не удержав равновесия, катится вниз по склону, пока его не задерживает куча камней. Верблюд чуть было не увлек за собой меня, но я успеваю отскочить в сторону. Совершенно измученные, мы общими усилиями втаскиваем бедное животное за хвост и ноги и ставим его на вершину перевала. Если бы не опасность потерять верблюда, эта сцена могла показаться смешной. Несчастный верблюд дрожит, но, видимо, доволен тем, что не сложил своих костей на дне ущелья.

У нашего сентиментального Клода Гишара слезы на глазах, он отворачивается от этого зрелища. Ничего, ему придется еще не то увидеть. День еще не кончился. Снова нужно навьючивать верблюдов, укреплять грузы и идти к ближайшему вади со скудным, но спасительным пастбищем. Ночь наступает внезапно. В пути отряд разбивается на несколько групп, и мы бредем в полном мраке, почти не ориентируясь и натыкаясь на камни. Но вот замечаем огонь, разожженный Серми — он уходил вперед на разведку. Все собираются вместе.

Дует ледяной ветер, и каждый пытается укрыться среди тюков или занять место у огня. В молчании догрызаем сухие финики, которые нам дали туареги. В эту ночь никого из нас не нужно было убаюкивать.

Глава

3

Первые копии в Тан-Зумаитак

«Аллах к тебе милостив!» — сказал мне мой старый проводник-туарег Джебрин аль-Мухаммед, присоединившийся к нам в лагере Тамрит несколько недель спустя. И действительно, что правда, то правда. В течение четырех лет на Тассили ни разу не выпало сколько-нибудь значительного дождя, и засуха на пастбищах привела к страшному истощению скота туарегов и гибели его значительной части. И вот в день нашего прибытия в Джанет появились огромные тучи, разразившиеся вскоре ливнем над всем районом, расположенным к северу от оазиса. Вода наполнила вади и широко разлилась между стволами пальм. Больше всего радовался я: без пастбища и воды в гельтах* наше пребывание здесь было бы не только очень тяжелым, но и просто невозможным. Поэтому понятна наша бурная радость при виде светлых пятнышек цветов, ожививших унылую и редкую растительность вади.

Особенно довольны верблюды: на привале в ущелье Ассакао они вволю лакомятся редко выпадающей на их долю травой. Что касается моих товарищей, спрятавшихся в свои спальные мешки, то они явно не выражают желания вылезать оттуда. Обильная роса — редкое явление в Сахаре — покрыла пушистые подстилки, а утренний морозец превратил водяные капли в тонкую ледяную пленку.

Собрать повеселевших верблюдов со всех соседних вади оказалось делом нелегким, и наш караван трогается в путь только в 11 часов утра. Двигаемся медленно из-за постоянно сваливающихся тюков. Решаем отказаться от обеда, чтобы успеть пройти побольше, и во время короткой остановки наскоро закусываем сардинами и галетами, смоченными в зеленом чае.

Ландшафт становится однообразным. Продвигаемся по оголенной равнине, где гуляет ледяной ветер, заставляющий нас натягивать на себя анораки. Один из верблюдов, совершенно изможденный и сильно пострадавший,

с трудом переставляет ноги и все больше отстает от каравана, а Джо довольно безуспешно тянет его за собой, сопровождая свои усилия странными криками, которые, по его мнению, должны подействовать ободряюще на верблюда. В остальном все идет хорошо. Перед нашим взором вырисовываются первые очертания скалистых барьеров, и вскоре мои спутники замирают от восторга: наш путь лежит через лес, образованный естественными колоннами из песчаника. Гигантские столбы постепенно обступают нас со всех сторон. Для европейца это совершенно фантастическое зрелище.

Что же такое Тассили? На языке туарегов это название
270 означает «речное плато». Это действительно плато; что же касается рек, то сейчас там вместо них только высохшие долины. Структура различных участков массива (его длина — 800 километров, а ширина — 50—60 километров) очень разнообразна. Южный край Тассили круто нависает над плоскогорьем Ахаггара, возвышаясь над ним на 500—600 метров. Хребты из хрупкого песчаника, составляющие массив и рассекающие его лощины, имеют общее направление с юга на север. Водные потоки вырыли многочисленные каньоны, все более углубляющиеся по мере удаления от горных хребтов. Но этим работа воды не ограничивается. Весь массив подвергся воздействию вод, которые буквально изрезали его своими потоками и придали ему причудливые формы. Они подмывали, выдалбливали, просверливали массив, превращая порой огромные каменные глыбы в кружева. Вода? В краю, где почти никогда не бывает дождей? Да, вода. Все это, разумеется, происходило в очень далеком прошлом. Миллионы лет массы песчаника подвергались воздействию стихий.

Отныне мы оказываемся в этом фантастическом мире, и наш путь лежит среди высоких колонн, напоминающих руины громадного средневекового города с обезглавленными башнями, церковными шпилями, папертями соборов, химерами, диковинными архитектурными ансамблями. На третий день мы выходим наконец к цирку Тин-Беджедж, напоив животных и обновив наши запасы воды из углубления в скале вади Иддо — след благословенных дождей! Цирк Тин-Беджедж шириной около километра окружен высокими уступами скал. Во многих местах вода размыла их основания, образовав углубления, послужившие для нас вполне удобным убежищем. Мы добрались наконец до цели нашего путешествия. Весь рельеф местности, множество впадин в скалах напоминают городскую площадь, окруженную домами. Вполне

понятно, почему первобытные народы селились в этих местах.

Что же мы увидели на стенах окружающих нас естественных гротов? Изображения фигур самых разнообразных стилей: одни имеют сходство с европейским типом, другие изображены схематично, с круглыми, а то и с прямоугольными головами. В этом доисторическом музее большое место занимают также животные, среди которых встречаются жирафы, быки, лошади, запряженные в боевые колесницы, лошади с всадниками, вооруженными дротиками, муфлоны, преследуемые собаками, и т. д.

Несомненно, эти места были густо заселены в более благоприятные времена. Люди, жившие здесь, изображали свою жизнь: одни занимались охотой, другие — скотоводством, третьи — войной... Какой поразительный контраст с окружающей нас сейчас пустыней!

Впервые после отъезда из Джанета встречаем кочевья туарегов. Приближаясь к ним, замечаем стада коз, возвращающихся с пастбища под присмотром нескольких девочек. В ночной темноте, сгрудившись у огня, на котором готовят ужин, мы видим, как на другой стороне цирка во многих пещерах зажигаются огни и мелькают тени людей. Нам вдруг показалось, что мы перенеслись в доисторическую эпоху и стали современниками художников, чьими произведениями мы собирались заняться. Удивительно странное и волнующее ощущение!

На следующий день отправляюсь к нашим соседям. Три семьи, устроившиеся в укрытиях под скалами, состоят только из женщин и детей: мужчины отсутствуют, многие из них сопровождают караваны в качестве проводников.

Обычно туареги ночуют в палатках из шкур, которые плохо защищают от холода и ветра. Поэтому им приходится воздвигать небольшие заслоны из камня. Этим же убежищем пользуются и козы. Все имущество кочевников состоит из нескольких деревянных сосудов, старого железного котелка и синего эмалированного чайника. Тут же несколько полупустых кожаных мешков с сухими финиками и просом.

Прогнав лающих собак, женщины радушно принимают меня и подносят в миске «молоко гостеприимства»; в нем песок и козья шерсть. Лед сломан, и спустя несколько мгновений в наш лагерь вторгаются женщины и ребятишки и начинают настойчиво выпрашивать сахар, чай и муку.

Еще три дня пути, и мы приходим в Тан-Зумаитак,

на нашу первую основную стоянку. В общем, если не считать восхождения на Ассакао, наш караван перенес поход вполне хорошо. Наши «жертвы» — несколько верблюдов, почти отмороженные пальцы от утренних холодов и солнечные ожоги (о прелестный, покрасневший нос Ирен!) — не так уж трудно перенести.

Погонщики, получив плату, собирают животных и покидают нас, чтобы возвратиться в Джанет на пастбища эрга. Я оставляю четырех верблюдов: двух мехари* — для разведок и пересылки сообщений и двух вьючных.

Впервые мы разбиваем палатки и устраиваемся на долгое время. Начинается настоящая работа. В Тан-Зумаитак

есть уже знакомый мне большой грот с наскальной живописью. Однако ранее сделанные фотографии дают лишь смутное представление об их художественной ценности. Мы забираемся туда (это скорее пещера,чем грот) и в изумлении останавливаемся: огромные человеческие фигуры нарисованы желтой охрой; их тела и волосы усеяны белыми пятнышками. Тут же гигантские муфлоны, написанные белой краской и лиловатой охрой, какие-то странные, не поддающиеся определению фантастические белые животные, обведенные желтой охрой, и масса других фигур и мелких животных. Все это великолепно сохранилось, и мы не можем оторвать глаз от необычных изображений, поражающих своей цветовой гаммой. Нет сомнения в том, что это сахарское Ляско* в миниатюре. После более внимательного изучения деталей композиции оказывается, что она состоит по меньшей мере из шести слоев живописи, наложенных один на другой. Это обстоятельство побуждает нас к решению снять копии всех слоев. Для начала художники должны быть обеспечены всем необходимым.

Тем временем слуги занимаются благоустройством лагеря. Ирен Монтандон «разрабатывает» меню (увы, оно не очень-то разнообразно!), тщательно калькулирует порции. Начинаются наряды по доставке воды, топлива, выпечке хлеба. Воду приходится брать из застойных луж, сохранившихся после знаменитых дождей «в честь нашего приезда». Там полно всякой живности: личинки насекомых, крохотные рачки, похожие на малюсеньких креветок, а также песок, трава, шерсть и помет коз и верблюдов. Один из слуг, смышленый Галигала, фильтрует эту грязную жидкость при помощи своего тюрбана, которым он при случае пользуется как носовым платком или вытирает ноги и посуду. Тут уж ничего не поделаешь: в Сахаре не приходится привередничать.

Воспроизведение всей наскальной росписи в Тан-Зумаитак, поражающей своей необычностью, дает возможность нашим художникам в совершенстве овладеть искусством копирования. Чрезвычайно тонкая работа и внушительные размеры композиции — 28 квадратных метров — очень хорошая школа для всех нас.

Сам процесс съемки копий относительно прост. Сначала калька накладывается прямо на стену, затем укрепляется так, чтобы неровная скалистая поверхность по возможности не искажала копии. Следующий этап состоит в воспроизведении фона росписей, иными словами, общего тона стен доисторических гротов. Наконец, калька накладывается на бумагу с подготовленным фоном и калькированные фигуры раскрашиваются в соответствии с оригиналами. Таким образом художник не наносит произвольно ни одного штриха. Для наиболее точного и верного копирования наскальных изображений этот способ оказывается самым совершенным.

Размеры росписи очень велики, и нам приходится делать копию по частям. Неровная поверхность стены, покрытая выступами и впадинами, доставляет много хлопот. Эта кропотливая работа требует от художников необычайной тщательности и ловкости. Объединенными силами всей группы она была выполнена за 15 дней, причем результаты ее оказались блестящими. Отныне, я уверен, нам удастся осуществить великолепные замыслы, об исполнении которых я давно уже мечтал.

Теперь, когда мы находимся на месте нашей работы, мне приходится выступать в самых разнообразных ролях. Я занимаюсь организацией, руководством и проверкой работы членов экспедиции. На мне же лежит обязанность обследовать окрестности в поисках рисунков и всевозможных археологических памятников, способных пролить свет на вопрос о происхождении людей, создавших эту наскальную живопись. Как только в лагере отпадает необходимость в моем присутствии, я отправляюсь с проводником-туарегом Серми в разведку, и мы прочесываем с ним местность во всех направлениях.

Однажды мне удалось добраться до массива Тин Абу Тек, расположенного в четырех часах ходьбы от Тан-Зумаитак. Мне уже было известно об имеющихся там росписях. Это настоящая маленькая скалистая крепость, возвышающаяся над долиной на высоте 100 метров. Вся она изрезана узкими проулочками, по которым легко передвигаться. Кажется, что идешь по вымершему городу,

хотя я встретил там четыре семьи туарегов, наскоро устроившихся в углублениях скал под защитой каменных барьеров.

То, что я увидел на стенках, образующих проулочки, совершенно потрясло меня: тут были нарисованные красной охрой человеческие фигуры в натуральную величину, лучники с поистине классической мускулатурой, огромные животные, похожие на кошек, многочисленные изображения быков, боевых колесниц и т. д. На Тассили мне никогда еще не доводилось встречаться с подобными наскальными изображениями. Они составляли невиданный до сих пор ансамбль, превосходивший по своему исполнению все известные росписи этого типа.

Полный энтузиазма, я созвал весь лагерь и сообщил о своем открытии. В пути мной были обнаружены еще три углубления в скалах с великолепной живописью. Однако снятие копий откладывается. На первом месте в моей программе стоит работа над рисунками, обнаруженными в Тамрите. Они находятся в часе ходьбы от Тан-Зумаитак.

Мы с Гишаром отправляемся в Тамрит для подготовки места работы. Живем мы с ним в маленьком гроте, занимаясь стряпней и снимая копии с утра до вечера. Серми регулярно снабжает нас всем необходимым, а Ирен, найдя кратчайший путь, как-то смело пришла к нам без проводника.

Однажды утром в нашем лагере в Тамрите появился оборванный туарег. Он направился ко мне с явным намерением поздороваться со мной за руку. Я не сразу узнал своего старого проводника Джебрина, сопровождавшего меня в этих местах 20 лет назад. Следуя обычаю, мы пьем «чай дружбы», и я решаю взять его в экспедицию.

В Тан-Зумаитак работа заканчивается. Каждый день Серми доставляет в Тамрит на верблюдах багаж. Первым к нам присоединяется Филипп Летелье. Затем прибывает остальная часть группы.

Впервые мы послали в Джанет курьера с сообщениями для пересылки в Париж и Алжир. В наши дни большинство экспедиций в Сахаре снабжено радиостанциями. Однако я считаю эти аппараты громоздкими и ненужными, отнимающими при установлении связи слишком много времени. В конце концов какое мне дело до того, что происходит в Европе, да и на всем земном шаре? Расставшись с цивилизованным миром, мы с утра до вечера общаемся с доисторическими людьми из Тассили.

Глава

4

Кипарисы Тамрита

Мы действительно ежедневно встречаемся с доисторическими художниками Тассили. 275

Ландшафт Тамрита чрезвычайно красив и своеобразен. Мы устроились во впадинах скал, нависших над глубоким вади, который завален каменистыми осыпями, преграждающими путь нашим верблюдам. В десяти метрах от лагеря есть небольшой водоем, снабжающий нас свежей водой для приготовления пищи и мытья. Вдоль русла вади — что совершенно необычно для пустыни — выстроилось несколько великолепных кипарисов, стволы которых в обхвате достигают более 6 метров. Зеленые вершины деревьев причудливо вырисовываются на красноватом фоне окружающих скал. Мы с удивлением обнаруживаем в 500 метрах от лагеря самый крупный в Тассили водопад высотой 600 метров. Внизу расстилаются небольшие серебристые озера. Все это похоже на театральную декорацию и невольно вызывает в воображении картины жизни в доисторические времена, в ту пору, когда наши художники разрисовывали скалистые стены, изображая охотничьи сцены и стада быков.

Часто по вечерам, выходя по окончании работы из пещер, каждый день открывавших перед нами все новые наскальные росписи, мы собирались у лагерного костра. Нашему воображению рисовались цветущие долины, леса, болота и животные, жившие когда-то в этом раю. Добродушные слоны толпились возле воды, шевеля большими ушами. Пугливые носороги спешили к логовищам по узким тропинкам. Жирафы прятали головы в кустах мимозы. По долинам, пощипывая траву, бродили стада антилоп и газелей, находившие отдых под зелеными кронами деревьев. Наконец, мы старались представить себе людей, живших в скальных пещерах: мужчин, занимающихся подготовкой оружия к охоте и мастерящих себе одежду из шкур, женщин, готовящих пищу или

отправляющихся к соседнему водоему купаться или мыть свои миски. Мы представляли себе пастухов, которые пасли стада или вели быков на водопой. Вечерами они загоняли их за сплетенные из веток изгороди, защищавшие скот от нападения хищников.

Хищники! Должно быть, эти скалистые лабиринты с недоступными для охотников убежищами просто кишели ими. При такой богатой фауне им всегда была обеспечена легкая добыча. Здесь хозяйничали владыки этих мест — лев и пантера, вселявшие ужас в людей. Перед моими глазами неотступно вставали пейзажи и картины из жизни, виденные мной некогда в горах Адамауа в Север-

ном Камеруне. Там до сих пор сохранилась та же фауна и громадные стада быков, пасущиеся под охраной пастухов фульбе.

Возвышающиеся перед нами кипарисы — одна из самых удивительных достопримечательностей Сахары. Когда-то кипарисы росли в Ахаггаре. Несколько лет назад там был найден старый кипарисовый ствол. Во время нашего перехода через Тин-Беджедж Серми бросил в пылающий костер кусок какого-то дерева. Тотчас же в воздухе разлилось благоухание. Туареги называют это дерево тарутом, ботаники же дали ему название Cupressus dupreziana. До сих пор я никогда не видел в этой области подобной разновидности кипариса. Серми объяснил мне, что в близлежащих горах есть много деревьев, засохших, как он выразился, очень давно, задолго до его рождения. Кажется невероятным, что эти стволы сохранились в стране, где древесина представляет столь большую редкость и ценность. Дело же в следующем: у туарегов нет такого топора или какого-нибудь иного инструмента, которым можно было бы срубить столь огромные стволы с исключительно твердой древесиной. Я с интересом занялся изучением кипарисов. Ведь они — редкие свидетели далекого доисторического прошлого с влажным климатом. При подсчете оказалось, что сохранилось лишь около сотни этих деревьев, когда-то густо покрывавших склоны Тассили.

Во время моих предыдущих экспедиций профессор Алжирского университета Мэр попросил достать ему семена тарута. После первых неудач попытки вырастить дерево увенчались наконец успехом: сегодня в ботаническом саду университета можно полюбоваться двумя великолепными экземплярами тарута, достигшими высоты более пяти метров. Опыты, поставленные в Монпелье, тоже дали хорошие результаты. Так удалось пре-

дотвратить полное исчезновение этой породы деревьев. Туареги, будучи не в состоянии срубить массивные стволы, обламывали низко растущие ветви, в результате чего дерево, как правило, погибало. Итак, когда-то в районах массивов Ахаггара и Тассили был средиземноморский климат. Не удивительно, что в те времена здесь жили люди.

Продолжая нашу работу, мы обнаруживаем великолепную роспись, выполненную красной охрой и белой глиной: пастухи гонят стадо из 65 быков. С помощью Клода Гишара я с воодушевлением приступаю к снятию копии. Работа изнурительна. Непрерывно дует ветер, срывая листы кальки. Приходится по десять раз начинать все сначала. Увлеченные работой, мы почти не замечаем дождя, хотя в долине уже образовались лужи.

Фрассати, Ле Пуатевен и Виоле работают в глубокой пещере вади Тамрита. Джанни старательно снимает копии с великолепной сцены: вооруженные луками охотники с татуированными телами преследуют стадо антилоп. Очень любопытно, что животные изображены не полностью — нарисованы только их головы. Двое других наших юных художников заняты копированием росписи с круглоголовыми существами и муфлонами.

Большая композиция, изображающая быков, доставила нам страшно много неприятностей. Она занимает площадь 12 квадратных метров, и мы вынуждены рисовать одновременно на двух полосах, которые затем придется очень тщательно подгонять друг к другу, так как многие животные на копии оказываются разрезанными пополам. Все шло бы хорошо, если бы не сильный ветер, затрудняющий нашу работу. Нам приходится укреплять листы бумаги и сосуды с водой большими камнями. Проклятый ветер рвет не только кальку, но и плотную бумагу с копиями, уничтожая иногда в несколько секунд плоды многодневного труда. Именно так случилось с копией росписи с изображением жирафов, которую Виоле уже заканчивал.

Часто рисунки расположены на потолке грота, на высоте трех метров от земли. В этих случаях мы пользуемся лестницами. Бывает иногда и обратное: выемки оказываются настолько низкими, что работать приходится на четвереньках — положение весьма неудобное. Все эти акробатические трюки доводят нас до полного изнеможения. Однако самая трудная и сложная задача — правильно «прочесть» росписи, чаще всего плохо различимые, а в некоторых местах частично стертые. Помочь этому можно лишь одним способом: смыть со стены тысяче-

летиями оседавшую глинистую пыль, а потом оживить краски, прикладывая к изображениям смоченную в воде губку. Постепенно с помощью лупы или без нее восстанавливается каждый сантиметр. Но при таком темпе мы возимся с одной копией по нескольку дней. Кроме того, нужно учитывать резко меняющееся освещение и, что еще хуже, его недостаточность. Одни из самых интересных находок были нами сделаны благодаря этому многократному промыванию изображений, совершенно не видимых ранее из-за покрывающей их пыли.

После нашего отъезда из Джанета питаемся в основном продуктами, которые привезли с собой. Однако уже начинает ощущаться недостаток муки и особенно свежего мяса. Туареги неохотно расстаются со своими козами, даже самыми старыми. Джанни, Серми и Галигала отправляются с четырьмя верблюдами в Джанет. Им дано поручение раздобыть что-либо съестное. Они держат путь на перевал Тафалелет Он гораздо труднее, чем Ассакао. Но я могу положиться на Джанни: он очень расторопен и сам любит хорошо поесть. В течение трех дней, проведенных им в Джанете, он рыскал по всем армейским столовым, заговаривая зубы кладовщикам, и проявил столько энергии, что наши 4 вербюда еле притащили на себе 400 килограммов снеди, в том числе 100 килограммов муки и 40 банок мясных консервов. Спускаться было легко, но каким трудным оказался подъем по крутому склону, покрытому осыпающимися камнями! При переходе через третий перевал верблюды совершенно обессилели. Несмотря на все усилия и крики, Серми и Галигала не могли заставить их пройти и 20 метров. В довершение всех бед один верблюд падает, но едва его перевьючивают, как он валится снова. Люди тоже измучены. Тем не менее они решают разгрузить верблюдов и взваливают тюки на свои спины. Здесь тропинка очень узка, и о привале не может быть и речи. Верблюды, освобожденные от грузов, становятся покладистей, и их удается поднять. И снова изнурительный подъем. Ночь застает маленький отряд на перевале. Увы! Здесь не оказывается ни топлива для костра, ни пастбища для животных. Караван продолжает свой путь, пока полная темнота не заставляет его остановиться. В желудке пусто; остается лишь уснуть, растянувшись на каменном ложе.

За время экспедиции нам пришлось двадцать раз преодолевать этот проклятый перевал, и всегда это было для нас сущим кошмаром. Перевал Тафалелет вывел из строя

8 верблюдов. Немногим легче оказался и перевал Иджефан. На нем мы потеряли трех верблюдов. Две попытки переправлять грузы через перевал Арум на ослах успехом не увенчались. Ослики, взятые напрокат в Джанете, не привыкли к острым камням, и нам снова пришлось переложить груз на свои плечи. Наступил момент, когда Джебрину не удалось больше достать ни одного верблюда: туареги отказывались давать их нам из-за многочисленных несчастных случаев. В течение двух месяцев наше питание оставляло желать много лучшего, порции пришлось сократить до минимума.

Таким образом, наша тассилийская экспедиция терпела все трудности, какие только могут выпасть на долю человека в этих местах. Ведь приходилось не только помогать измученным животным при переходе через перевалы. Уже расположившись на месте, мы почти ежедневно таскали на себе столы для рисования за сотни метров, а иногда, как было в Тамрите, почти за два километра.

В остальном наша жизнь, жизнь пещерных людей, текла нормально. Нам то холодно, то очень жарко, иногда мы голодны, но все это входит в нашу программу. Во всяком случае нам не приходилось оплакивать погибших от невзгод, чьи имена часто служат поводом для рекламы той или иной экспедиции. Тем лучше для нас. Правда, нельзя сказать, что у нас в лагере всегда все было спокойно.

У Клода Гишара, помимо других обязанностей, есть еще одна — почти каждое утро обнаруживать под своим спальным мешком скорпиона. Я не знаю, что привлекает к нему этих малосимпатичных насекомых. Он приносит их мне. Они самой различной величины, черные и белые — целая коллекция, которой мог бы позавидовать любой энтомолог. Может быть, ему присущ какой-то особый запах? Злые языки утверждают, что всему виной его борода. Я уже было подумал, что он выплачивает туарегам за собранных скорпионов премиальные с целью поразить потом всех баснословным количеством этих тварей, но вскоре отбросил эту мысль: Клод — серьезный малый, не способный на такую мистификацию. Я очень доволен, что нам ни разу не пришлось прибегнуть к антискорпионной сыворотке, имевшейся в наших индивидуальных пакетах. Это тем более отрадно, что врач в Джанете предупредил нас, что сыворотка причиняет больше страданий, чем сам укус!

Что же касается випер *, то мы их здесь видели в огромном количестве. Тассили просто кишит ими. Они обитают

среди скал в вади или в пещерах, зарываясь днем в горячий песок и выползая оттуда по ночам. Их жертвами становятся ящерицы, гекконы и неосторожные птицы, слишком близко подошедшие к кучке песка, под которой они скрываются. Человек — самый большой враг випер. Туарег беспощаден к этому виду пресмыкающихся, уже хорошо описанному в литературе. Пожалуй, нет ни одного автора, писавшего о Сахаре, который бы не упоминал о рогатой гадюке как об отвратительном, страшном животном со «смертоносным дыханием». Не она ли та «гидра», о которой рассказывали в древности? Какая ерунда! Если змею не трогать, она самое добродушное и даже трусливое существо на свете. Судите сами: на стоянке в Тимензузин в двух метрах от моего спального мешка много дней жил великолепный экземпляр такой гидры длиной 80 сантиметров. Мы все проходили в 30 сантиметрах от нее, ни разу ее не заметив. Бедная гидра никогда не шевелилась. Больше того, она проявляла исключительную скромность. Я обнаружил ее однажды утром. Она свернулась около большого камня, из песка торчала часть ее головы. Тем не менее во избежание какого-либо несчастного случая мне пришлось прервать наше мирное сосуществование. Джебрин ликовал. Эти пресмыкающиеся внушают ему ужас с того злополучного дня, когда одно из них укусило его ногу. С тех пор прошло много времени, но тем не менее нога по-прежнему слегка парализована, что служит ему прекрасным поводом — пусть это останется между нами — не соблюдать рамадан *.

Глава

5

Культура скотоводческого периода

Честно говоря, Джебрин — человек довольно любопытный. Он отличается своеобразным и даже оригинальным умом. И хотя ему теперь около шестидесяти лет (правда, он не очень-то твердо знает, когда родился), он слывет самым отчаянным ловеласом Тассили. У Джебрина две жены — старая и молодая и по меньшей мере с дюжину детей. Помимо всего у него рыжие волосы, что среди туарегов редкость. Это вызывает у земляков Джебрина подозрение, что он сын джинна. И в самом деле, у туарегов обычно волосы цвета воронова крыла, и потому объяснением рыжего цвета волос может служить только вмешательство дьявола. Как говорят, мать Джебрина стала игрушкой в руках одного из десятков тысяч зловредных существ, которыми наивное суеверие туарегов населяет родные горы. 281

Но все эти россказни нисколько не мешают Джебрину быть веселым и жизнерадостным, несмотря на ревматизм. Я никогда не скучаю в его обществе. Он неистощимый рассказчик. К тому же он хорошо изучил мои привычки и, когда мы бок о бок шагаем по тропе, предупреждает мои желания, прежде чем я успеваю их выразить.

В 1934 и 1935 годах мы вместе исходили весь район Тамрита. Джебрина забавляло, как я обшаривал пещеры и впадины. Он равнодушно следил за моими поисками, считая, по-видимому, что мной руководит простая причуда, одна из многих причуд, свойственных французам. В глазах туарегов ботаник, собирающий растения, биолог, копошащийся с сачком в болоте,— все это люди, которым нечего делать.

Всякий раз, когда я подзывал Джебрина, чтобы поделиться с ним очередным открытием, он выказывал предельное равнодушие. Наскальные рисунки ему ровно ничего не говорили. Подумаешь, боевая колесница, запряженная лошадьми! Что это могло значить для него,

никогда не видавшего ничего, кроме верблюдов, ослов и коз? Прошлое?.. Какое прошлое? Ведь память о стычках между враждующими племенами жила самое большее век-другой. Далекое прошлое тоже не могло входить в круг интересов туарегов: постоянно пустые желудки доставляли им достаточно хлопот в настоящем.

При взгляде на изображения каких-то рогов в лучшем случае ему было ясно, что они принадлежат быку или антилопе — животным, которых он имел случай видеть во время своих странствований по Судану. Однажды, обнаружив роспись с изображением слона, я попытался ему разъяснить, как выглядит это могучее животное:

— Вот тут, Джебрин, голова. Тут хобот, а вот клыки, видишь?

Но Джебрин ничего не понял, хотя изображение и было очень четким. Он, правда, слышал о существовании толстокожих — слоны до сих пор фигурируют в туарегском фольклоре,— однако не имел никакого представления об их виде.

Все же постепенно Джебрин увлекся этой игрой и уже с известным интересом стал следить за охотой на «тсуйра» (арабское слово «изображение», которым он именует наскальные росписи). Он тоже включился в поиски, и у него вошло в привычку обследовать все встречающиеся на пути углубления в скалах.

Я знаю, что еще не сделал Джебрина своим последователем и его пока не тянет стать членом Французского доисторического общества. Не стремится он и опубликовать свои открытия, тем более что все значение наскальных росписей продолжает от него ускользать. Однако у него другая цель. Быть может, однажды какой-нибудь турист, набравшись храбрости, рискнет проникнуть в его владения, и тогда Джебрин покажет ему свои находки и подзаработает на этом.

В общем я все же обратил его в свою веру, и сегодня Джебрин — мой лучший сотрудник. Каждый раз, когда я отправляюсь на разведку, он сопровождает меня и всячески старается помочь. В пути он обшаривает все вади, обследует углубления в скалах и докладывает мне: «Здесь есть что-то, там есть что-то!»

Его сообщениям не всегда можно слепо доверять, но они все же играют наводящую роль, и этим нельзя пренебрегать. Благодаря ему находки следовали так быстро одна за другой, что наши художники едва поспевали делать зарисовки. За короткое время мы с ним сделали два ценнейших открытия в углублениях скал вади Тимен-

зузина, к северу от Тамрита, и затем в углублениях скал верхней долины вади Тамрита.

В Тимензузине вади проходит между двумя скалами, основания которых изрыты глубокими впадинами; в образовавшемся здесь широком проходе впадины непрерывно следуют одна за другой на протяжении 150 метров. Я с трудом сдерживаю волнение. Здесь сотни и сотни рисунков: рыбы длиной в несколько метров, жирафы, слоны, грациозные лучники, стреляющие на бегу, и бесконечные вереницы быков.

Изображения имеются также в углублениях, расположенных высоко в скалах. Чтобы добраться до них, нужно быть настоящим акробатом. Наскальная живопись — повсюду. Ни в одной «экспозиции» доисторического искусства не отмечено столько разнообразных изображений в одном месте. Здесь сосредоточено около тысячи росписей самого различного стиля, и одна из них, наиболее удивительная,— колдун с ногами муфлона. Я долго-долго не мог оторвать от него глаз.

Несколько дней спустя, когда я искал замеченный мной ранее грот, в котором были нарисованы слоны, Джебрин позвал меня и сказал, что обнаружил нечто «очень красивое». Бегу к нему. Моему взору предстает изумительная живописная композиция: стадо антилоп, изображенных в геральдическом стиле, напоминающем некоторые декоративные мотивы эпохи Возрождения. Это своеобразное декоративное панно заставит еще когда-нибудь говорить о себе, ибо это непревзойденное произведение искусства Тассили. Оно находится в одной из небольших впадин, все стены которой сверху донизу покрыты росписями.

Обитатели Тассили обладали недюжинным вкусом и умели пользоваться красками. Однако зачем они рисовали?

Обычно принято считать, что доисторическое искусство возникло из колдовских обрядов, иначе говоря — из религии. Местонахождение наскальных росписей во Франции и в Испании в глубоких темных пещерах, напоминающих настоящие святилища, только укрепило ученых в этом мнении. И не может быть сомнения, что колдун в пещере «Трех братьев», как и обезглавленный медведь пещеры Монтеспан, могли носить лишь магический характер. В те времена не существовало искусства ради искусства. Оно стало таковым только в современную эпоху. Тем не менее были и исключения из этого правила: некоторые нарисованные или высеченные в скалах изображения явно не имели магического значения и были,

по-видимому, плодом воображения художника. По правде говоря, оба эти явления вполне могли сосуществовать, хотя на спор, при котором допускаются самые невероятные предположения, уже истрачено и еще будет истрачено немало чернил.

Наскальная живопись Тассили вновь заставила меня задуматься над этим вопросом. Я искал места, которые могли служить святилищами. Но, должен признаться, ни одна из обследованных мной впадин не соответствовала этому назначению с достаточной вероятностью. Разбросанные повсюду росписи не укладывались ни в какие рамки. Лишь очень немногие из них носили явно магический характер.

Глубокие впадины в Тан-Зумаитаке, Тамрите или Ауанрхете, конечно, могут создавать впечатление святилищ. Однако такие же изображения обнаружены в самых небольших углублениях. Поскольку в их расположении отсутствует преднамеренность или определенный порядок, следует воздержаться от обобщений.

Обитатели Тассили рисовали повсюду, где только находили подходящее место, главным образом в тех впадинах, которые служили им убежищем и жильем. Это наиболее распространенный случай. Широкие и мелкие впадины представляли собой идеальное место для росписи. Поэтому стены таких впадин сплошь покрыты изображениями, и наслоения в них встречаются очень редко. И наоборот, в глубоких впадинах площадь для рисунков ограничена, и тут наблюдаются многочисленные наслоения. Обитатели этих пещер рисовали поверх рисунков своих предшественников. Кроме того, мы встречали росписи в отдельных небольших выемках, которые вряд ли могли служить убежищем для людей. Поэтому вывести какое-либо общее правило невозможно.

Следует уточнить, что открытые нами росписи весьма многочисленны и разнообразны. Отнести все их к числу магических изображений очень трудно. Они выполнены по меньшей мере в шестнадцати различных стилях. Каждый из этих стилей соответствует определенной эпохе и отражает ее своеобразие. Правда, мы обнаружили изображения каких-то божеств или колдунов. Однако имеются и композиции, которые явно говорят о желании художника, наделенного богатым воображением, запечатлеть ради собственного удовольствия то, что он видел вокруг себя.

Именно так можно расценивать, хотя к подобному предположению необходимо подойти осторожно, росписи пе-

риода, названного нами скотоводческим, потому что в то время, по-видимому, впервые появляются домашние быки. Их изображения наиболее часто встречаются в живописи Тассили, причем эти росписи — самые поздние из шестнадцати слоев, упомянутых нами ранее. Изображения быков обычно наслаиваются на другие, но они предшествуют появлению в росписях изображения лошади, не являющегося доисторическим.

Бык, воспроизведенный на стенах десятки тысяч раз, был излюбленным сюжетом периода скотоводства. Чаще всего изображены целые стада, которых пасут пастухи. Быки, видимо, выполнены с натуры с большим мастерством. Особенно тщательно выписаны детали: рога, уши, копыта и хвосты. Великолепно переданы очень пропорциональные формы туловища, часто покрытого пятнами, нанесенными красками различных тонов, в основном белой. Эта живопись полихромна. Основной цвет — красная охра, но наряду с ним использовались желтые, зеленоватые и синие цвета. Мы видели не одну сотню росписей, относящихся к этому периоду. Многие из них были очень схожи, но всегда в отдельных деталях или формах наблюдалось какое-то различие.

Мастерам скотоводческого периода присуща удивительная и совершенно не свойственная художникам доисторической эпохи особенность: прежде чем создавать изображение в красках, художник высекал его на скале. Мной было найдено множество высеченных на камне набросков, очень напоминающих эскизы современных художников. Штрихи их очень тонки — они как бы выгравированы кремнем. Многие линии, выгравированные таким образом, частично уже заполнены охрой.

Изображения людей в разнообразных одеждах полны красоты, гармонии и изящества. Фигуры даны в движении; мы видим их стреляющими по дичи из лука, сражающимися за обладание стадами или собирающимися в группы для участия в танцах. Многочисленные росписи воспроизводят сцены домашних работ. Они дают живое представление о быте тех времен. Люди жили в конусообразных хижинах. Женщины растирали зерно на каменных зернотерках. Быки использовались для верховой езды, причем женщины занимали место позади мужчин. Быки составляли основу существования этих людей, но у них были также козы и овцы.

Были эти люди черными или белыми? Нас поразило разнообразие типов их лиц: среди них есть негроидные (с чертами прогнатизма) и европеоидные. Очевидно,

здесь бок о бок жили люди различных рас, разных физических типов, как это наблюдается и в настоящее время. Разнообразие одежды — от длинных туник до коротких передников, сплетенных из травы,— подтверждает это предположение.

Однако преобладает эфиопский тип. Большое число пастушеских племен, несомненно, прибывало с востока, заняв не только Тассили, но и всю территорию Сахары. У этих племен был, по-видимому, распространен культ быка: быки изображались иногда с каким-то символическим знаком между рогами. Несомненно, что эти племена некогда соприкасались с египетской культурой. Раз пять мы встречали в росписях изображения египетской нильской лодки, что подтверждает наше предположение о восточном происхождении пастушеских племен.

Археологам помогает провидение. Только этим и можно объяснить мою находку — кучу золы у основания одного из гротов с росписями. Это не что иное, как остатки стоянки пастухов скотоводческого периода. Я извлек из груды порошкообразного перегноя, где разложившийся коровий навоз перемешался с золой, много костей, среди которых оказалось немало бычьих ребер и зубов. Тут же валялись каменные жернова, зернотерки, каменные топоры, костяные шила, черепки посуды, маленькие круглые пластинки, вырезанные из скорлупы страусовых яиц (из них делали ожерелья), несколько подвесок и кольца. Там были даже куски глины различных цветов, служившей первичным материалом при изготовлении красок.

Мной было сделано 5 подобных находок. Благодаря им мы имеем теперь богатые сведения о культуре скотоводческого периода. Со временем мы передадим найденные в золе куски древесного угля для проведения анализа на содержание углерода-14. Это позволит точно определить, к какому периоду относятся стоянки пастухов.

Совершенно очевидно, что пастушеские племена населяли Сахару в очень влажную пору: на росписях изображены слоны, носороги, бегемоты, жирафы. Все эти животные, в том числе и быки, немыслимы без постоянных водоемов и богатых пастбищ. А вот и еще одно ценное открытие: на стене небольшой выемки в скале самого высокого в Тассили массива Ауанрхета на высоте 2 тысяч метров мы обнаружили изображение трех пирог из тростника, которые как бы кружили вокруг трех бегемотов!

Однако удача сопутствовала нам не всегда: несмотря на все поиски, не удалось найти ни одного человеческого скелета. Около пещер с росписями не было обнаружено

ни одной древней гробницы, ни одного захоронения. Нам до сих пор остается неизвестным, как хоронили умерших доисторические люди Тассили. Только найденные черепа позволили бы точно определить расовую принадлежность этих людей. Будем надеяться, что нам еще повезет!

Джебрин не мог себе даже представить, что вади когда-то были полноводными, а пустыня покрыта травой. Откуда появилась вода? Как могла вырасти трава? Все это оставалось недоступным его воображению.

О причинах высыхания Сахары существует много гипотез. Но ни одна из них не выглядит достаточно убедительной. Ясно лишь, что немалую роль, по-видимому, сыграл крупный рогатый скот, уничтожавший растительные покровы этих мест. Тот же процесс наблюдается в наши дни в саваннах Судана, где в зонах, используемых под пастбища, совершенно исчезает растительность. Можно установить степень постепенного опустошения этих зон, сравнивая их с участками, куда запрещен доступ кочевникам. Подобное сравнение подтверждает предположение о том, что во все времена растительность уничтожалась в основном кочевыми племенами.

Если исходя из содержания наскальных изображений допустить, что в течение многих тысячелетий по Сахаре бродили десятки тысяч быков, то не будет преувеличением считать их в значительной степени виновниками высыхания Сахары и превращения ее в пустыню. Конечно, смешно было бы возлагать на них всю ответственность за современное состояние Сахары. Первопричиной изменений следует, разумеется, считать воздействие климата. Однако обстоятельство, о котором говорилось выше,— кочевое скотоводство — весьма этому содействовало.

Что же стало с пастухами и их стадами? Неужели они бесследно исчезли? Полное исчезновение столь многочисленного населения представляется маловероятным. Быть может, гонимые засухой, в поисках новых пастбищ кочевники достигли саванн Судана, расположенных к югу от Сахары? Там до сих пор живет несколько групп скотоводческих племен: мавры, туареги и фульбе. Возможно, что именно фульбе, которые разводят быков,— потомки древних сахарских пастухов. Туареги начали заниматься разведением крупного рогатого скота в более поздний период, в то время как фульбе считаются первыми скотоводами в Западной Африке. В пользу этого предположения говорит и то, что на многих изображениях скотоводческого периода мы видим прически, чрезвычайно похожие на прически фульбе в наши дни.

Глава

6

Пять тысяч фигур в Джаббарене

Полковник Бренан, мой старый товарищ по совместным поискам росписей, чья преждевременная смерть лишила нашу экспедицию опытного и мудрого советчика, говорил мне за несколько недель до нашего отъезда: «Ты просто остолбенеешь при виде Джаббарена!»

Джаббарен? Это небольшой песчаниковый массив, один из многих массивов огромного тассилийского плато. Правда, эрозия образовала здесь у оснований скал более глубокие впадины, чем в других местах. В 1938 году наш славный Джебрин привел сюда Бренана, открывшего здесь великолепные наскальные росписи. Некоторые из них он зарисовал. Несомненно, что в ближайшем будущем эти росписи приобретут мировую известность.

Месяц был потрачен на снятие копий во впадинах Тимензузина. Работе мешали досадные мелочи. В последний момент страшная буря чуть было не уничтожила в одно мгновение плоды упорного труда нескольких недель. Все было спасено благодаря Ирен Монтандон: она вовремя распорядилась тщательно свернуть снятые копии и спрятать их в нише, расположенной высоко над землей. Туда же были перенесены фотоаппараты, кинокамеры, пленки, а также драгоценные мешки с мукой. Все уже было в безопасности, когда по камням звонко забарабанил частый дождь, а вади, где был разбит наш лагерь, превратился в бурный поток.

Я находился в то время в Джанете, откуда передал приказ всем отправляться в Джаббарен, до которого был день пути от нашей стоянки. Ирен уехала в Париж, где ей предстояло сдавать экзамены. Она захватила с собой законченные копии росписей, чтобы они действительно оказались в надежном месте. Позже Клод рассказал мне, что часть пути Ирен сопровождали, по туарегскому обычаю, все участники экспедиции. При прощании они не могли сдержать волнения. У старого Джебрина, частенько

болтавшего с девушкой на языке туарегов-тамашек и привыкшего к ее обществу, на глаза навернулись слезы.

В жизни нашей экспедиции начинается новый этап. Столы для рисования, складные лестницы, ящики с кухонной утварью, запасы продовольствия — все это вновь взваливается на спины верблюдов. Под предводительством Джебрина караван медленно бредет по угрюмой равнине. Наконец среди холмов возникает Джаббарен. Ансамбль куполов из песчаника удивительно напоминает гигантский поселок, застроенный круглыми хижинами. На первый взгляд ничего привлекательного. Более того, местность кажется даже невзрачной. Но как только мы очутились среди хаотического нагромождения куполов, все невольно замерли в восхищении перед величественным зрелищем. Каменные «хижины», подточенные у основания,— самые красивые образования из песчаника, какие нам только довелось видеть на Тассили. Они создают впечатление города с переулками, перекрестками и площадями. Внутренняя поверхность углублений этих гротов покрыта сотнями росписей, выполненных в самых разнообразных стилях.

Мы размещаемся, стараясь создать благоприятные условия для предстоящей огромной работы. Чтобы избежать лишней беготни, разделяемся на две группы: Джанни, Жак, Джо и Галигала устраиваются в верхней части массива; Клод, Филипп, Рисса, я, Джебрин и другие туареги обосновываемся в нижней. Здесь много небольших впадин, и это дает нам возможность разместиться со всеми удобствами. В недавно образовавшиеся гроты складываем запасы фруктовых соков, кино- и фотопленки. Первое время мы еще несколько теряемся в этом лабиринте. Научившись ориентироваться в нашем доисторическом городе, даем улочкам названия. Здесь есть проход Крокодила, улица Жирафов, пещера Трубкозуба, перекресток Гадюки (Галигала убил там в день нашего прибытия гадюку), скала Крольчат и т. д. Все эти названия даны в соответствии с найденными там рисунками. В столь долго пустовавшем и безмолвном «городе» внезапно начинается необычайное оживление.

На языке туарегов Джаббарен означает «гиганты». Так его назвали из-за поистине гигантских изображений человеческих фигур, которые встречаются здесь в доисторической наскальной живописи.

Одна из таких фигур, обнаруженных нами в глубокой пещере с неровным сводом, имеет в высоту около шести

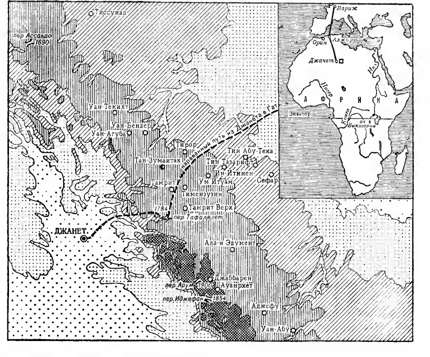
11 № 3485

метров. Это, несомненно, одна из самых больших доисторических росписей, известных в наше время. Ее контуры становятся понятными только на большом расстоянии, да и то далеко не с первого взгляда. Само по себе изображение очень примитивно. В центре круглой головы фигуры — двойной овал. Мы наделяем обычно такой внешностью марсиан. Марсиане! Какое название для сенсационного репортажа! Если марсианин и побывал когда-либо в Сахаре, то это могло случиться лишь очень много веков назад: «круглоголовые» фигуры в Тассили — одни из самых древних наскальных изображений.

В Джаббарене много «марсиан», и мы «проявили» немало великолепных росписей, относящихся к этому слою. Бренан упоминал о некоторых из них. Однако самые интересные он не заметил: они становятся видимыми только после тщательного промывания губкой. Этот способ снова позволил нам сделать важнейшие открытия. Я еще раз повторяю, что осторожное промывание в подобных случаях — наиболее эффективный метод. Оно не только снимает с росписей слой глинистой пыли, но и оживляет краски, возвращая им былую яркость. Именно поэтому, по словам людей, видевших наши работы, сделанные нами копии поражают свежестью цвета. Мы даже осмеливаемся утверждать, что изображения, выполненные охрой, совершенно не стираются. Правда, белые тона несколько менее устойчивы.

Джаббарен — это целый мир! Более 5 тысяч изображений размещены на территории, имеющей форму квадрата со стороной, равной приблизительно 600 метрам. Здесь можно насчитать более 12 слоев изображений, причем одна культура сменяет другую. Это — беспримерно! Если принять во внимание площадь, занимаемую наскальной живописью, то можно считать Тассили самой богатой сокровищницей доисторического искусства. Каменистый пол наших жилищ усеян предметами, оставленными доисторическими художниками и их современниками. Тут тысячи черепков посуды, зернотерок, а также ступки и каменные молотки. Многие из них лежат так, как будто ими пользовались совсем недавно.

Самый значительный ансамбль наскальных росписей относится к скотоводческому периоду. Повсюду изображения быков — больших и маленьких, в разных положениях. Выполнены они с исключительным мастерством и в самых разнообразных стилях. Поражает тонкость линий этих изображений. Именно в Джаббарене я отметил, что художники скотоводческого периода, прежде чем

Карта района работ экспедиции А. Лота

приступить к выполнению рисунка, высекают его на скале. К той же «школе» следует отнести великолепные изображения жирафов, слонов, антилоп, диких ослов, коз и домашних баранов. На основной росписи чрезвычайно реалистично воспроизведена охота. Там можно насчитать около 135 отдельных сцен. Вооруженные луками охотники преследуют газелей и антилоп. Центр росписи занимает изображение готового к нападению раненого носорога, из ноздрей которого льется кровь. В углу — группа лучников, пытающихся отбить стадо быков у пастухов, приготовившихся к отражению нападения. Эта роспись занимает 20 квадратных метров. Она, несомненно, принадлежит к числу наилучших.

Разбившись на две бригады по пять человек и пользуясь всеми имеющимися складными лестницами, мы принимаемся за работу. Она не из легких — некоторые росписи расположены на высоте около четырех метров.

В слое «круглоголовых» людей («марсианского» типа) мы тоже обнаружили удивительные фигуры, например изображение антилопы с туловищем слона. Высота ее — около двух метров. Возможно, это некое божество того времени. Каждый день приносит нам новые сюрпризы, ведь все стены углублений в Джаббарене покрыты росписями, причем наблюдаются многочисленные наслоения. Это позволяет проследить последовательность их появления. Благодаря установлению такой, хотя и не очень точной, хронологии можно будет когда-нибудь определить происхождение различных слоев и влияний, которым они подвергались. Тогда мы узнаем, что представляли

собой древние народности Сахары, какую роль сыграли они при заселении Африки — все то, что осталось бы навсегда неизвестным, не будь открыты эти наскальные росписи.

Бригада Ле Пуатевена обшаривала стенки пещеры Трубкозуба. Они обратили внимание на какое-то темное пятно. Его неясные очертания заставили предположить вначале, что перед ними одна из почти полностью погибших росписей, разглядеть которую было невозможно. Но мокрая губка еще раз совершает чудо. При третьем промывании на стене возникает во всей своей красоте изображение коленопреклоненной женщины высотой около двух метров. Согнутой рукой она поддерживает голову. Исполненные чистоты классические линии ее лица с удлиненным разрезом глаз напоминают греческую живопись. Диадема, скрепляющая внизу прическу, указывает, по-видимому, на ее знатное происхождение. Быть может, она какая-нибудь ливийская богиня? Во всяком случае черты ее лица типичны для женщин Средиземноморья.

При взгляде на нее мне вспоминается известная ливийская богиня Антинея, вдохновившая Пьера Бенуа * и вошедшая в греческую мифологию под именем Афины. Любопытно, что рука ее обвита покрывалом, конец которого завязан так, как это делают женщины у туарегов во время хорового пения на свадьбах. Совпадение? Однако связь между туарегами и ливийцами слишком очевидна, чтобы отрицать ее в данном случае.

В течение трех месяцев Джаббарен — немой свидетель наших бесконечных хождений, переносок столов для рисования от одного углубления к другому, беготни туарегов, поисков воды и топлива. Тем временем верблюды Джебрина спокойно пасутся на соседних пастбищах, а маленькие ослики отправляются за почтой к ущелью

Арум. Живущие с нами по соседству туареги часто навещают нас в надежде отведать какого-нибудь вкусного мучного блюда или кус-куса *. Их детишки нередко прибегают полакомиться ложкой варенья или сухим печеньем. Это доставляет им такое удовольствие! Разве можно осудить их, когда они проводят целые дни в погоне за ящерицами и мелкими грызунами, чтобы прокормиться.

В Джаббарене они не упускают случая выскрести котелки или подзаработать на продаже одетых в тряпочки куколок, изготовленных ими из высушенного верблюжьего помета. Как только они узнали, что за каждый отполированный каменный топор я вручаю какой-нибудь небольшой подарок, самые ловкие стали сами их изготовлять с помощью кусков кремня или гальки, найденной в вади. И честное слово, получалось очень неплохо. Весь этот народ наводняет наш лагерь, угрожая, увы, окончательно опустошить наши скудные запасы.

Дважды мы оказываемся перед необходимостью прервать нашу работу из-за отсутствия воды. Большой водоем, найденный по приезде, иссяк после нашего длительного пребывания в этом месте. Но бог археологов за нас. Когда я уже был готов с болью в сердце отдать приказ свертываться, над лагерем сгустились темные тучи, поднялся страшный ветер, и спустя полчаса на Джаббарен обрушился настоящий водопад. Он превратил наш лагерь в болото, переполнив русло вади. Теперь мы начинаем ощущать нехватку топлива. В течение трех месяцев нам служили топливом старые мертвые стволы тарута, запасы которого в окрестностях в конце концов истощились. После непродолжительной отсрочки отсутствие воды все же заставляет нас тронуться в путь. Все водоемы в радиусе двадцати километров совершенно опустошены. Вот уже несколько дней нам приходится пить вонючую грязь, которую удается наскрести со дна ям.

Нужно возвращаться в Джанет. И снова укладка багажа, укладка столов и лестниц, навьючивание животных, крики погонщиков. Божества Джаббарена, скотоводы со своими стадами, отправляются отныне в путь — в Музей Человека. На улочках тысячелетней давности, на три месяца очнувшихся от летаргии, вновь воцаряется мертвое безмолвие, которое еще не скоро будет нарушено.

Глава

7

Святилище Ауанрхета

294 Когда мы покидали Джаббарен, я вспомнил о Бренане и о произнесенной им фразе. Мы, разумеется, были потрясены при виде всех этих чудес. Но он тоже немало бы изумился, узнав, что совсем близко, на противоположном берегу вади, на склонах Ауанрхета, имеется немало других шедевров. Нас настолько захватили находки в Джаббарене, что мы, возможно, никогда бы так и не дошли до святилища «Белой дамы». На новые поиски нас толкнуло наступление плохой погоды, любовь Гишара к перемене мест, а также мое критическое отношение к исключительно субъективным суждениям нашего друга Джебрина.

Джаббарен, возвышающийся над всей восточной частью Тассили, подобен обзорной вышке. С него открывается необычная панорама далеко простирающейся впадины. Эта широкая впадина в массиве из песчаника прорезается глубоким руслом вади Амаззар. Профиль русла вади очень своеобразен — он образует латинскую букву V. Обычно же вади Тассили являются каньонами с вертикальными стенами. Никакой растительности, за исключением нескольких кустов акаций и группы деревьев чеброка *. Однако стоит взглянуть сверху на всю панораму в целом, как местность перестает казаться однообразной и поражает величием пейзажа. По обе стороны вади тянутся нагромождения огромных скал, образующих плотные массивы. Они напоминают длинные казематы, некогда построенные руками гигантов.

Я обследовал весь вади Амаззар и массивы, расположенные уступами вдоль его берегов, вплоть до Уан-Абу. Лишь группа скал, находящаяся на другом берегу вади прямо напротив Джаббарена, осталась не осмотренной мною. Там побывал Джебрин и сообщил мне, что видел только какие-то малоинтересные изображения. Все же я предложил Гишару, пожелавшему размять ноги и рас-

статься на некоторое время с кистью, проверить на месте заключения Джебрина, а сам тем временем решил продолжить поиски, пройдя вместе с Летелье несколько дальше по направлению к Тамриту.

Какое счастье, что я был осмотрителен! Возвратившись в лагерь, Гишар доложил мне о найденных там интересных наскальных росписях. По его мнению, с них следовало снять копии. Поскольку работа в Джаббарене приближается к концу, я оставляю Джо и Виоле заканчивать копии в верхней части массива, а сам отправляюсь вместе с Гишаром, Летелье и Джебрином на другую сторону вади.

Массив Ауанрхет напоминает настоящее орлиное гнездо. Он нависает прямо над Джаббареном. Высота его — около 2 тысяч метров. Добраться до него нелегко. Два верблюда и два осла, которые тащат на себе наш небольшой багаж, невыносимо страдают. Они с трудом поднимаются по склонам, покрытым острыми осыпающимися камнями. Джебрин, служивший проводником всем, кто посетил Тассили, утверждает, что мы — первые европейцы, чья нога ступила на эти скалы.

Наспех устроившись, мы приступаем к методическому обследованию окрестности. В глубокой и довольно темной впадине я прежде всего замечаю две большие «круглоголовые» фигуры, выполненные белой краской. Их стиль тотчас напомнил мне нарисованных охрой женщин в Тан-Зумаитак.

Одна из фигур сохранилась лучше другой. Ее высота — около 1,4 метра. Я различаю намеченный профиль, небольшие конусообразные груди. Мое внимание привлекает любопытная роспись, расположенная слева вверху. На ней охрой кирпичного цвета изображен человек. Его тело заштриховано, лицо закрыто маской, напоминающей стилизованную голову антилопы. Под рогами — большой закругленный колпак, две параллельные черточки по бокам обозначают уши. Мне вспоминается, что подобные маски существуют в Западной Африке. И действительно, когда позднее в Париже я занялся изучением коллекций Музея Человека, то, к моему изумлению, оказалось, что в наши дни масками такого типа пользуются во время обрядов инициации племена сенуфо, живущие на Береге Слоновой Кости.

В этой оригинальной фигуре особенно поразили меня детали. Ногам фигуры придано положение, характерное для человека, сидящего верхом на лошади. Большие, похожие на тюльпаны цветы как бы вырастают из ее рук

и бедер. В глубокой впадине в Джаббарене я видел подобный орнамент на фигуре, окрещенной мной «Пузатым богом». Я полагаю, что этот орнамент свидетельствует о влиянии негритянского искусства. Мне помнится, что при виде цветов, как бы растущих из тела нарисованной фигуры, я подумал о примитивном божестве, боге земли, повелителе или творце растительности, которое нередко встречается в фольклоре и верованиях населения суданской сельвы.

Итак, моя интуиция не обманула меня. Эта столь типичная маска неожиданно, но определенно подтвердила гипотезу о том, что и в столь отдаленные времена Африку,

несомненно, населяли негроидные народы, а маска в эпоху неолита играла при исполнении обрядов анимистического культа ту же роль, что и в наши дни у некоторых народов Западной Африки.

Это очень важное открытие, опрокидывающее все наши представления об истории негроидных народов и их искусства, должно, безусловно, очень заинтересовать африканистов. В тот вечер я возвратился в лагерь, радостно возбужденный своим открытием. Мои товарищи тоже не сидели сложа руки. Они решили благоустроить наш лагерь и обнесли «столовую» и занятые каждым из нас «позиции» каменными заслонами, которые должны были служить защитой от ветра.

Впрочем, пребывание в Ауанрхете доставило нам большое удовольствие: несмотря на разгар лета — июнь, стоит совершенно весенняя погода. Воздух — легкий, температура — очень умеренная. Все это чертовски отличается от Джаббарена, где почти ежедневно свирепствовали песчаные бури. К несчастью, здесь нет ни воды, ни топлива. Приходится тратить много времени и сил, чтобы обеспечить себя и тем и другим. Массив полностью лишен всякой растительности (мы нашли там, чтобы не соврать, одно несчастное, малорослое оливковое дерево), и туареги здесь не устраивают стоянок. На это отваживаются лишь отдельные охотники за муфлонами. Я нашел свежие следы двух муфлонов, живших до нашего появления в скалах и покинувших их, как только они почуяли наше присутствие. Следы вели в сторону Иджефана.

Неподалеку от лагеря я обнаружил прекрасные росписи скотоводческого периода, изображающие жирафов. В это время Гишар решил произвести осмотр другого конца массива. Вскоре он возвратился и сообщил, что нашел любопытнейшую, по его словам, фигуру. Его рассказ настолько заинтересовал меня, что я тотчас же

отправился с ним в путь, захватив с собой губку и флягу с водой.

Роспись находится в углублении отдельно возвышающейся скалы. Опять вода оказывает свое магическое воздействие. Клод, искоса наблюдая за мной, энергично смачивает стену губкой. «Великолепно!» — говорю я, хлопая его по плечу. И это правда.

На смоченной поверхности скалы возникает изящный силуэт бегущей женщины. Одна нога слегка согнута — она только что коснулась земли; другая приподнята над землей в характерном для бега движении. От колен, пояса и распростертых рук спадает длинная тонкая бахрома. По обе стороны головы, над двумя горизонтально вытянутыми рогами,— множество точек, напоминающих осыпающиеся с созревших хлебов зерна. Композиция сцены строга, но во всей фигуре много свободы и легкости. Это впечатление усиливается развевающимися по ветру прядями волокон, прикрепленных к нарукавным повязкам. Динамика основной фигуры подчеркивается изображенными тут же маленькими, гуськом идущими фигурками. Они разбиты на две группы, расположенные одна над другой. Поражает контраст между скованностью их движений и естественной грацией основной фигуры. Впрочем, эти фигурки мало заметны. Они нарисованы красной охрой, которая настолько поблекла, что изображения вначале показались мне прозрачными.

Большая фигура написана желтой охрой и обведена белой глиной. Любопытно, что плечи, живот, нижняя часть спины и даже груди женщины покрыты декоративной росписью в виде параллельных линий из белых точек, оттененных красным цветом. Это прекрасное изображение, безусловно, следует отнести к стилю «круглоголовых». Выпуклый живот, сильно вогнутая поясница, остроконечные груди — элементы, характерные для древнего негроидного искусства. Мы уже сталкивались с ними во многих росписях в Тан-Зумаитак и других местах. Белые точки соответствуют, должно быть, татуировке, распространенной до сих пор среди некоторых племен Западной Африки. Однако, мне кажется, здесь сказалось другое влияние, о котором я пока умолчу.

Гишар уверен, что роспись изображает богиню. Во всяком случае это самая прекрасная, законченная и наиболее оригинальная из всех «круглоголовых» фигур, виденных нами до сих пор. Вначале мы дали ей имя «Рогатой богини», но потом, по аналогии со знаменитой «Белой дамой из Брандберга»,* столь любимой аббатом Брейлем

(аналогия, разумеется, в чисто художественном смысле), назвали ее «Белой дамой Ауанрхета».

Богиня ли? Это не исключено, потому что просто красивая девушка того времени не могла иметь столько украшений. Быть может, это жрица, посвятившая себя служению какому-нибудь богу земледелия. Такое предположение возникает при взгляде на хлебное поле, изображенное над рогами фигуры.

В других росписях, найденных на том же массиве несколько дней спустя, я установил по некоторым характерным признакам несомненное влияние египетской культуры. У нашей «Белой дамы» эти черты выражены

не столь очевидно, но тем не менее очертание груди заставляет предполагать, что роспись появилась во времена, когда начало сказываться влияние Египта. При взгляде на это изображение невольно вспоминается Изида, которая, по преданию, считалась в долине Нила вместе с Озирисом покровительницей земледелия. Однако предоставим более глубокое изучение этой проблемы египтологам.

А таких проблем немало. На той же стене имеются другие изображения: стоящая на коленях женщина, мужчина, трубящий в рог, много маленьких фигурок, проворно взбирающихся на дерево, и, наконец, что особенно интересно, большая стилизованная рыба с орнаментом, подобным орнаменту на египетской вазе эпохи Среднего царства, найденной в Эль-Амарне.

Но это еще не все. В окрестностях лагеря мы нашли странные росписи, значение которых можно, по-видимому, истолковать только на основании религиозных культов Египта. На первой изображена словно куда-то плывущая женщина с непропорционально удлиненными конечностями. Своими длинными, вытянутыми назад руками она тянет скорченное, очевидно, безжизненное, тело мужчины. Ниже — две человеческие фигуры, которые, по всей вероятности, не имеют отношения к изображенной выше сцене. Одна из них стоит на коленях, а другая идет, наклонившись вперед. Однако четвертая роспись, выполненная белой глиной в том же стиле, что и первая, имеет безусловную связь с нею. На этой росписи изображена фигура в момент ее появления из какого-то странного овала, напоминающего по цвету и строению кокарду, улитку или яйцо. Быть может, древние египтяне воплотили здесь в аллегорической форме свои представления о жизни и смерти? Как бы то ни было, красные головные уборы, увенчивающие все фигуры этих росписей, встре-

чались и на других изображениях, где египетское влияние несомненно.

Проникновение элементов египетской и негроидной культур в искусство скотоводческого периода — вот возможное объяснение сложности и оригинальности стилей наскальной живописи Ауанрхета.

Там же, где изображены «пловчиха с грудями на спине» и «человек с улиткой», нарисована женщина с татуированной грудью и круглой прической. Рисунок татуировки такой же, как у «Белой дамы», а форма прически напоминает прически фигур ранее найденного ансамбля. Между прочим, мой сотрудник Андре Вила, член второй группы, показал мне в Париже фотографию, где засняты современные лоби *. У них такая же татуировка, что и у фигур на наших росписях. Неужели традиции африканских племен не изменились за шестьдесят веков?

Наши находки этим не ограничились. Я перечислю лишь некоторые из них, не соблюдая последовательности, чтобы подчеркнуть разнообразие сюжетов: группа хижин, огромное животное, напоминающее какую-то водяную личинку, битва лучников, «круглоголовые» фигуры со слонами, деревья, похожие на баобаб, сцена охоты на гиппопотама, быки и т. д.

Общее количество изображений, обработанных нами в Ауанрхете, конечно, меньше, чем в Джаббарене или даже в Тимензузине. Но большинство их высокохудожественны и представляют исключительный интерес.

Любопытно, что столько прекрасных произведений искусства мы обнаружили на труднодоступном и малопригодном для жилья массиве. Художники скотоводческого периода были пастухами, поэтому они селились в основном в долинах и на удобных для скота массивах. Здесь же они, по-видимому, бывали изредка, и их рисунки немногочисленны. Только несколько впадин, где, кстати говоря, найдено много глиняной посуды, можно считать пригодными для жилья.

При изучении росписей, сделанных племенами доскотоводческого периода, невольно возникает вопрос: не был ли Ауанрхет местом, где совершались тайные религиозные обряды? Во всяком случае некоторые углубления, покрытые живописью, создают именно такое впечатление. И мы позднее, при воспоминании об Ауанрхете, называли его святилищем.

Глава

8

Лето в Сахаре

300 Несмотря на тяжелый труд и несколько тревожных часов, пережитых в последние дни пребывания в Джаббарене, мы с восхищением вспоминаем о нем — чудесной цитадели древней истории Сахары. Это мнение разделяют все, кроме, пожалуй, самого младшего из нас — Филиппа. Его злоключения — яркий пример того, насколько важна в пустыне строгая дисциплина. Стоит рассказать о них, чтобы стало ясно, как безобидная, на взгляд неопытного путешественника, Сахара неожиданно карает за любую неосторожность.

Мы только что обосновались в Джаббарене. Требовалось установить связь с Джанетом. Перевал Арум был от нас всего лишь в двух километрах, и выполнение этой задачи казалось совсем несложным делом. Тем не менее перевал считался труднодоступным. Желая узнать, каковы же в действительности условия перехода через перевал Арум и сколько для этого потребуется времени, я решил послать туда на разведку кого-нибудь из наших. В то время Филипп освободился от своих обязанностей фотографа. Он был крепким парнем и всегда был готов помочь там, где требовалась физическая сила.

Обычно говорят, что Сахара принадлежит тем, кто встает чуть свет, и потому я посоветовал Филиппу отправляться пораньше. Но он слишком любил утром понежиться. Кроме того, в последний момент Серми, ссылаясь на усталость, отказался его сопровождать, и Филипп пустился в путь один довольно поздно. Ему предстояло пройти четыре километра, причем половина пути — это крутой склон, усеянный острыми осыпающимися камнями. Филипп должен был вернуться в полдень, но в два часа пополудни его все еще не было. Вначале я подумал, что он на пару часов укрылся где-нибудь от зноя, и потому не очень волновался. Но около трех часов прибежал страшно взволнованный Жак: в пятистах метрах от вла-

дины, где работали Жак и Джо, только что найден умирающий Филипп.

— Ранен?

— Нет, нет!..

— Что с ним случилось?

Быть при смерти, пройдя четыре километра хотя бы даже и в самую жару! В это просто трудно поверить! Я иду туда и застаю Джо, который по-матерински и довольно успешно ухаживает за Филиппом, обкладывая его голову и тело мокрыми полотенцами и заставляя пить воду маленькими глотками. Филипп лежит, раскинув руки, в полуобморочном состоянии, но пульс его совершенно ритмичен. Постепенно он приходит в себя и рассказывает нам, что с ним случилось. Спуск прошел благополучно, но жара становилась все нестерпимее, и он не смог устоять перед искушением выпить содержимое фляги. Это было его основной ошибкой (всегда нужно сохранять небольшой запас воды). К моменту его возвращения через перевал день был в разгаре. Солнце поднялось над самым ущельем, и стало жарко, как в пекле. В подобных случаях нужно укрыться в тени скал и переждать, пока не спадет самый сильный зной. Однако Филиппу хотелось во что бы то ни стало вернуться обратно, и он предпочел продолжать путь. В полукилометре от стоянки силы оставили его, и он потерял сознание, успев все же позвать на помощь. Внешне здоровый парень, он очень страдал от жары. Кончилось все это тем, что я вынужден был расстаться с ним.

Спустя некоторое время в Джаббарене произошло еще одно неприятное приключение. На этот раз на грани гибели была целая группа. Из Джанета вернулся Джанни. Он был утомлен и не оправился полностью от синовиального воспаления коленного сустава, обострившегося после падения. У него пропал аппетит, и силы его таяли с каждым днем. Решив отправить его обратно в Джанет, я послал капитану Росси письмо с просьбой выслать за Джанни машину к перевалу. Мы все пошли провожать Джанни. Филипп и Галигала с бурдюком на плечах должны были помочь ему при переходе через перевал и вместе с ним дождаться прихода машины. Однако вместо того чтобы взять с собой только самое необходимое, Джанни решил забрать весь свой багаж, и поэтому с ним должны были пойти также Джо, Жак и Клод. Джебрин и я возвратились в лагерь. Вечером никто не вернулся. Вначале я подумал, что ребята, воспользовавшись случаем, решили покутить в Джанете и вернуться только к утру. Наутро

я действительно увидел Клода и Джо, которые спали мертвым сном. Проснувшись, они рассказали, что с ними произошло.

Спуск был очень труден. Жара — нестерпима. Джанни от слабости трижды падал и снова повредил колено. Это их сильно задержало. В довершение они, несмотря на предостережения Клода, выпили всю воду из единственного бурдюка на шестерых (в последний момент к ним присоединился брат слуги Рисса). Таким образом, спустившись с перевала, они остались без капли воды. Дойдя до условленного места, где их должна была поджидать машина, они устроились позавтракать в тени скалы.
302 Их мучила жажда, и все напряженно прислушивались в надежде услышать шум мотора. Один раз они было уже возликовали, но это оказался почтовый самолет, ежедневно курсирующий между Джанетом и Ратом. В шесть часов машины еще не было. А ведь была договоренность на четыре! Что делать? Джанни решил во что бы то ни стало добраться до Джанета. Филипп и Жак предложили всем отправиться вместе с ним. Жажда — плохой советчик. Каждый выдвигал свои предложения, но ни одно из них не было принято единогласно. Солнце скрылось за дюнами эрга Адмер, а машины еще не было. Неужели капитан забыл о них? Или мы перепутали день? Положение осложнялось. Хотя вечерняя прохлада и облегчала положение, вряд ли можно было надеяться пройти 30 километров, не сделав ни глотка воды в течение шести часов, когда организм уже в значительной степени обезвожен. Наконец Джо и Клод решили возвратиться в лагерь и поставить меня обо всем в известность. Они двинулись в путь вместе с Галигала, а Филипп и Жак, поддерживая Джанни, направились в Джанет.

Три километра до перевала Клод и Джо преодолели без особого напряжения. Но их страшно мучила жажда; идти становилось все труднее и труднее. Наступила ночь. С трудом поднявшись на несколько сот метров, они решили переждать на маленькой площадке до появления луны. Целый день, они страдали от жары, теперь же их мучил холод: они были очень легко одеты. Прижавшись друг к другу, они не могли уснуть от жажды и переутомления. Казалось, язык настолько увеличился, что не помещался во рту. Они с беспокойством ощущали на губах крепкий вкус соли — предвестник наступающего полного обезвоживания организма, которому обычно предшествует обморок. Мне это состояние знакомо по Ахаггару, где я спасся только благодаря неожиданному появлению

охотника-туарега... Еще несколько часов, и он наткнулся бы на труп со ртом, полным песка, и судорожно вцепившимися в землю руками — свидетельство последней попытки в состоянии галлюцинации утолить жажду.

Как только взошла луна, Джо, Клод и Галигала снова начали восхождение. Язык распух и, казалось, прилип к нёбу. Они двигались молча, цепляясь за выступы скал и беспрестанно натыкаясь на камни. К счастью, луна освещала теперь возникавшие перед ними препятствия, но нужно было продолжать карабкаться все выше и выше. Ноги подкашивались. Порвались сандалии. Пришлось их наспех чинить. А кругом — огромные ущелья, резко вырисовывавшиеся в лунном свете. Все это напоминало грандиозную театральную декорацию. Был момент, когда игра теней среди этого неописуемого нагромождения скал произвела на них, как на художников, такое сильное впечатление, что они забыли обо всем на свете.

Но что же стало с остальными? Они тоже были измучены, но у них было преимущество: они шли по равнине между перевалом Арум и Джанетом, пересекаемой всего лишь одним длинным регом с выступающими кое-где огромными выходами гранита. К восьми часам вечера темноту прорезали лучи автомобильных фар, и они услышали шум мотора. Через час, живые и невредимые, все трое уже сидели в офицерской столовой. Тут они смогли подкрепиться и прийти в себя после всех мытарств.

Что же произошло? Все объяснилось очень просто. Приказ выслать машину оказался невыполненным. Капитан Росси, не видя никого из наших, отправился выяснять, в чем дело, и узнал, что машина и не выезжала из Джанета!

Джанни был отправлен в госпиталь, где обнаружилось, что он потерял в весе 18 килограммов! Не могло быть и речи, чтобы поставить его на ноги в Джанете. Неделю спустя он вылетел в Алжир, а затем — в Париж.

Восемь месяцев назад перед отъездом из столицы я предупредил членов экспедиции, что нам предстоит немало трудностей. Все они были добровольцами, исполненными энтузиазма. Их влекли приключения. Но что станет с энтузиазмом, рожденным на улицах Парижа, после нескольких месяцев испытаний и лишений в пустыне? «Прежде всего,— говорил я им,— это слаженность в работе. В стране, где каждый день возникает немало трудностей, совместная жизнь не обойдется без трений и столкновений, это неизбежно. Но мы должны преодолеть все, никогда не забывая, что основное — успех

нашей работы. В конце экспедиции мы должны быть более сплоченными, чем в начале, потому что испытания закалят нас».

Каков был наш образ жизни в пустыне? Он немногим отличался от образа жизни людей, чьи росписи мы снимали на кальку. Не нужно забывать, что основное свойство жителей Сахары — умение довольствоваться малым. Достаточно вспомнить случившиеся с нами происшествия. Опыт показал, что успеха можно достичь, только уподобив свою жизнь образу жизни туарегов, то есть ограничить затраты энергии до минимума. Разве мыслимо поступать иначе в этих местах, практически лишенных

самых необходимых вещей, доставить которые если не неразрешимая, то очень тяжелая проблема.

Я уже рассказывал о трудностях, возникавших при переправке снаряжения, дорожных происшествиях, утомительных перетаскиваниях грузов через перевалы, где в любую минуту можно сломать шею. Все это — одна из причин унылого однообразия нашего меню.

Приготовлением пищи занимались слуги Рисса и Галигала. Нужно сказать, что ни тот ни другой не кончали кулинарной школы. Часто нам приходилось готовить трапезу самим, что, впрочем, было совсем несложно. Несколько горстей лапши или макарон, брошенных в кипяток, несколько сушеных помидоров, предварительно растертых между камнями, ложка маргарина, две коробки мясных консервов — вот и все. Это классическая шерба обитателей Сахары. Иногда макароны заменялись густой манной кашей, сваренной наподобие кус-куса, иногда рисом или пюре из картофельной муки. Время от времени мы ели сардины, а на десерт — сухое печенье с вареньем (последнее ценилось особенно высоко). Кофе и чай пили сколько душе угодно. Недостаток естественных витаминов восполняли запасы витаминизированных бисквитов, миндального пата, некоторое количество меда и в особенности чудесные фруктовые соки. Галигала и Рисса пекли хлеб из муки или растертых зерен, добавляя туда сухих дрожжей. Хлебцы выпекались прямо на золе, под старым перевернутым чугунком. Некоторое время — пока Ирен следила за правильной пропорцией муки и дрожжей и за выпечкой хлеба — он был превосходен. Но после ее отъезда наши хлебопеки стали гораздо менее старательны, и нам не раз приходилось жевать густую и безвкусную клейкую массу. Нашим обычным напитком была мутная, а иногда и просто грязная вода, где бойко плавали многочисленные твари; нередко она к тому же издавала тошно-

творный запах прогорклого жира, присущий новым бурдюкам.

Работа начиналась с восходом солнца и заканчивалась с его заходом. Время было слишком дорого, чтобы предаваться развлечениям. У нас был только один день отдыха — пасха. По этому случаю, к всеобщему удовольствию, был заколот принесенный туарегами ягненок.

Единственная передышка наступала вечером, в час, когда мы пили вместе с туарегами чай. Каждый вытаскивал трубку и начинал дымить. За долгие месяцы совместной жизни все уже исчерпали свои запасы всяких интересных историй, и теперь единственной темой разговоров могла быть, пожалуй, только наша работа.

Кажется просто невероятным, с какой легкостью и быстротой можно приобщиться к примитивному образу жизни. Вначале мы соорудили какое-то подобие столовой и сохраняли кое-какие привычки цивилизованных людей, пользуясь столовыми приборами, тарелками и т. д. Но после отъезда Ирен все это было заброшено: в один прекрасный день наши вилки и ножи исчезли, и мы стали есть по-туарегски, черпая деревянными ложками местного изготовления из одной общей миски. Пили мы из любых сосудов. Когда тряпки для вытирания посуды совершенно поизносились, мы начали пользоваться песком. Что же касается земли, на которой мы ели, то никто не обращал внимания, есть там козий помет или нет.

Когда кончились холода, большинство из нас покинули палатки и стали ночевать в убежище под скалами. Очень скоро мы приняли ужасный вид: всклокоченные длинные волосы, неровно подстриженные бороды. Наши фигуры, вырисовывавшиеся вечерами, как китайские тени, на стенах гротов, напоминали персонажей из сказки о пещере Али-Бабы и сорока разбойниках. Солидная борода Джо придавала ему вид старого морского волка, причем ее черные, седые и рыжие волосы представляли довольно забавное зрелище. Филипп тоже попытался отпустить бороду, но юношеский пушок сделал его скорее похожим на бородатую женщину.

Со временем мы совершенно пообносились: наши штаны и сандалии совсем изорвались. За неимением штанов Клоду пришлось около месяца ходить в пижаме, пока и она не разлезлась по всем швам. Джо вынужден был отпороть задние карманы, чтобы поставить на свои шорты заплаты. Мы хорошо узнали, что такое иголка и нитки, и вполне могли считать себя экспертами по вопросам штопки и починки. Привезенная нами обувь тоже разва-

лилась. Пришлось ее заменить сшитыми из кусков кожи туарегскими сандалиями с завязками вокруг ноги. Они очень удобны и превосходно приспособлены для ходьбы по скалам, но за неимением кожи нам трудно было удовлетворить свои потребности в этой обуви, и иногда мы вынуждены были ходить босиком.

Что же касается гигиены, то она была сведена до минимума. В местах, где вода не представляла слишком большую редкость, можно было совершать туалет приблизительно один раз в три дня. Но в таких местах, как, например, массив Ауанрхет, где вода находилась в дне ходьбы от лагеря, мы не мылись полтора месяца. Однажды двое наших товарищей, ощутившие совершенно болезненную потребность в чистоте, вдруг вымылись с головы до ног. Это заметили проводники-туареги. Один из них прибежал, запыхавшись, ко мне и сообщил:

— Ты знаешь, эти двое, там, внизу, сошли с ума!

— Сошли с ума? — спросил я.— Но что случилось?

— Они моются! — ответил он мне с негодованием.

И туарег был прав. На следующий день все бурдюки действительно оказались пусты, а обоз с водой ожидался лишь через два дня! Нам пришлось строго распределить оставшиеся запасы воды и отказаться от кофе. Но в общем мы быстро привыкли к постоянному недостатку воды для гигиенических целей и стали брать пример с туарегов, которые вообще никогда не моются. Больше того, они считают, что мыться каждый день вредно. Нужно сказать, что ежедневное умывание водой в столь засушливом климате вызывает шелушение кожи. Это одна из причин того, что местные жители при каждом удобном случае натирают тело жиром.

Окружающая обстановка вынуждала нас вести хозяйство примерно так же, как это делали древние обитатели тассилийских скал. Когда запасы муки подошли к концу, мы могли бы оказаться в очень тяжелом положении, если бы у нас не было немного зерна, привезенного из Джанета. Мы растирали его на каменной зернотерке с помощью найденного тут же дробильного орудия неолитической эпохи.

В общем это было довольно жалкое существование. За первый период экспедиции мы, шестеро, потеряли в весе более сорока килограммов — дань усталости и лишениям. Но зато у нас была свобода, поразительное чувство свободы, ощущаемое среди этих необъятных горизонтов, среди просторов чистого воздуха, под почти всегда безоблачным небом.

Глава

9

Из одной экспедиции в другую

Итак, восемь месяцев упорной работы позволили нам сделать открытия, перевернувшие все существовавшие до сих пор представления об искусстве доисторического периода Сахары. Нам удалось собрать огромную коллекцию копий великолепных наскальных росписей. Казалось, этот неожиданный успех должен был удовлетворить наше тщеславие, тем более что мы уже давно перевыполнили установленную программу. Но мы не могли остановиться на полпути.

Я хорошо помнил наш отъезд из Джанета, трудности, которые мы испытали при доставке на Тассили громоздкого и тяжелого снаряжения, и особенно изнурительное восхождение на перевал Ассакао. Не могло быть и речи о том, чтобы спускать вниз столы, лестницы и прочие вещи — ведь через шесть месяцев все пришлось бы втаскивать снова наверх. Нужно было во что бы то ни стало возвратиться сюда, возвратиться как можно скорее, чтобы продолжить так удачно начатую, но далеко не законченную работу, о которой еще рано было судить: ведь оставалось так много других впадин с росписями! Когда целиком отдаешься какому-либо делу, доставляющему подлинное удовлетворение и полностью тебя поглотившему, то сознание этого плена настолько радостно, что чувствуешь себя обязанным довести дело до конца, даже если от тебя требуются усилия, превышающие человеческие возможности.

Поскольку Филипп и Жак возвращались в Париж, где их вскоре должны были призвать на военную службу, я решил через некоторое время последовать за ними во Францию для пополнения нашей группы. Из прежней группы, обследовавшей высокое плато Джанета, теперь оставались только Гишар и Ле Пуатевен. Они-то и стали ядром новой экспедиции. К несчастью, Ле Пуатевен,

проспав ночь в Джанете под открытым окном, подхватил бронхит, который надолго уложил его в госпиталь. Мужественный Гишар взобрался на плато с проводником Джебрином и слугой Мухаммедом. Втроем они отправились по направлению к массиву Тин-Тазарифт, где я раньше обнаружил множество изображений. Здесь предстояла большая работа. Столы, лестницы, ящики со снаряжением опять были водружены на спины верблюдов, которым вновь предстояло испытать на себе все превратности передвижения в этой стране камней.

В первой половине октября в экспедицию прибыло пополнение. Жак Шамбрен и Робер Мартен были хорошими художниками, уже известными своими оригинальными произведениями. Воодушевленные нашими открытиями и желанием узнать Сахару, они решили предложить свои услуги и поучиться у своих доисторических коллег. В этом отношении их не постигло разочарование, но лагерная жизнь и однообразная пища слишком мало походили на их прежнюю жизнь. Кроме того, температура падала с каждым днем, поэтому им, рассчитывавшим жить в тропической стране, показалось, что за несколько недель они перенеслись на Северный полюс. В декабре в Сахаре совсем не жарко, а на высоте 1600 метров, где разместился наш лагерь, холодный, иногда ледяной ветер врывается во все закоулки. Он пронизывает насквозь, и у всех, в том числе и верблюдов, на кончике озябшего носа появляется капля.

Пришлось работать лишь в те часы, когда солнце согревало воздух; дни же стали короче. 15 декабря поверхность воды в гельте покрылась льдом. Каждое утро его приходилось разбивать, чтобы наполнить водой бурдюки, которые ночью от мороза лопались один за другим.

Гуашь настолько сгустилась, что ее с трудом удавалось развести. Да и как можно замерзшими пальцами рисовать и писать красками? С консервами произошло то же самое: зеленые бобы превратились в бруски льда, а мясные консервы выглядели, как мороженая говядина. Члены экспедиции надели подбитые пухом блузы и теплую обувь, встретив холода без особого энтузиазма. Что же касается туарегов, то им пришлось еще хуже: бедняги не знали, как спастись от холода.

Первым заболел сын Джебрина Матал, которого отец привел с собой из Тин-Тазарифта. Этот пятнадцатилетний мальчуган был очень болезненным — он страдал костным туберкулезом. Пришлось переправить его в Джанет и поместить в госпиталь. Затем наступила очередь самого

Джебрина — острый приступ ревматизма лишил его возможности двигаться. Он решил, что настал конец, и кричал, что его скоро похоронят. Но и в таком состоянии он не утратил полностью жизнерадостности и шутил, показывая свои исхудалые, ни на что сейчас не годившиеся ноги, тощее тело, узловатые пальцы. В конце концов такова жизнь. Он ведь сам говорил, что неплохо ею воспользовался, и если аллах призывает его к себе на небеса, то ведь этого следовало ожидать. Днем раньше, днем позже — какая разница? Правда, он не сможет больше бегать за женщинами Тассили, а ведь это была основная забота в его жизни!

Когда Джебрин оседлал верблюда, чтобы отправиться в Джанет, все были уверены, что он не доедет до места и мы видим его в последний раз. Однако он добрался не только до Джанета, но и до больницы, где лежал его сын.

День ото дня работа становилась тяжелее, а условия жизни — все более невыносимыми. Мы потеряли бодрость духа. Виной тому были очень утомительная работа и постоянная, многомесячная борьба с суровыми условиями жизни в пустыне. Нужно было укладывать багаж и отправляться в Джанет. Шамбрен отбыл 20 декабря в Алжир. Остальные члены экспедиции приехали в Джанет верхом на осликах как раз вовремя, чтобы осушить в новогоднюю ночь бокал шампанского. Ле Пуатевен вылетел во Францию.

Отдохнув несколько дней, Гишар и Мартен снова возвратились на плато, чтобы закончить прерванную работу. Но жить и работать в тех условиях оказалось почти невозможно. Было так холодно, что им оставалось только укрыться в своих палатках, забравшись в теплые спальные мешки, откуда потом совсем не хотелось вылезать.

Все снаряжение спрятали в маленьком гроте, поместив копии росписей в ящики с бумагой. Запеленутые, как младенцы, Гишар и Мартен подталкивали своих двух осликов, мечтая лишь о столовой в Джанете.

— Эх, винца бы! — вздохнул Мартен.— Тогда бы дело пошло!

Вода с верблюжьим пометом мало походила на напиток, о котором он мечтал. В дальнейшем он вспоминал об этих двух месяцах в Тассили с откровенным отвращением, и не раз в столовой Джанета слышались его проклятия по адресу экспедиции Лота.

Мартен и Гишар устроились на ночь под большой скалой на перевале Тафалелет. На жалкий костер поставили чайник с водой, чтобы приготовить чай, причем более

горячий, чем обычно нам подавал слуга Мухаммед. Как хорошо выпить чаю в такую стужу! Затем каждый поглубже забился в свой спальный мешок, и скоро луна осветила два темных бугорка, откуда доносился звучный храп.

Крохотные, сверкающие в лунном свете блестки падали с неба, как звездный дождь. В ту ночь никто не осмелился высунуть нос наружу. Даже шакал предпочел сидеть в своем скалистом логове, а зябкая рогатая гадюка, заснувшая в норе какого-то грызуна, и подавно.

Проснувшись утром, ребята увидели пасмурное небо и укрытую белым покровом землю. Сами они тоже оказались под ослепительно чистым снежным покрывалом.

«Белые простыни!» — подумал Гишар. Он мог только мечтать о такой роскоши — уже десять месяцев ему приходилось спать в одном и том же изрядно загрязнившемся спальном мешке.

Это было 6 января. Всю ночь шел снег. Хлопоты о реорганизации экспедиции были позади. Несколько недель назад я покинул Тассили и отправился в Париж за новыми сотрудниками и снаряжением. И вот в январе 1957 года по обрывистым склонам перевала Тафалелет уже шла гуськом группа молодых людей.

Гишар, единственный участник прошлой экспедиции, ждал нас в Джанете. Рядом со своими четырьмя молодыми коллегами он выглядел бывалым жителем Сахары. Среди новых участников экспедиции нет ни одного художника с именем; это люди без претензий, но владеющие кистью.

Мишель Брезийон, 33 лет. Уроженец Юры. Говорит, что его предки — монголы, от которых он действительно унаследовал некоторые антропологические особенности. Он утверждает, что с радостью расстался с очень комфортабельными условиями, чтобы следовать за мной. Недавно он услышал рассказ моих товарищей по сахарской экспедиции, и с тех пор его неотступно преследовала мечта о настоящем приключении. По профессии он книготорговец и заведовал в течение нескольких лет большим книжным магазином в Сайгоне. Ему была свойственна совершенно удивительная способность приспосабливаться к любым условиям. Кроме того, он был человеком разносторонне образованным. Казалось, он не был создан для того, чтобы карабкаться по тассилийским скалам и копировать там росписи. Однако у него был опыт: еще находясь в Индокитае, он нарисовал несколько полотен, ко-

торые нашли себе покупателей среди библиофилов — клиентов его магазина.

Мишель оказался превосходным сотрудником и, что особенно ценно в экспедиции такого рода, малым с головой. Он шел в этот январский день первым в цепочке людей, поднимавшихся на перевал Тафалелет. За ним следовал высокий парень, навьюченный многочисленными сумками, с необыкновенной матерчатой шляпой на голове. Подобный головной убор можно скорее встретить на Каннебьер *, чем в этих скалах.

Владелец шляпы — Андре Вила, по профессии зубной техник, любитель-фотограф. Он уроженец провинции Дордонь, вскормлен гусиным жиром, чему и обязан своим здоровым видом. Наша экспедиция совершенно не нуждалась в зубном технике, и он интересовал меня только как фотограф. Не сможет ли он также дублировать кинооператора? Мне очень хотелось оставить его в Париже, но он так настойчиво и в то же время так мило меня упрашивал, что я наконец сдался. Он был предупрежден заранее о том, что ему придется заниматься самыми разнообразными делами, и охотно согласился на любые условия.

Ж.-Д. Лажу уже имел опыт: он служил раньше кинооператором в армии и снимал фильм из жизни племени мои *, который был показан на антропологическом конгрессе в Вене. Он сложен, как турок, смугл и черноволос, как мулат, хотя родом из Вогезов. Кроме того, его череп тверже скал Тассили. Я ничуть не преувеличиваю, приписывая его голове твердость кварца. Его голова оказалась настолько твердой, что однажды Гишар во время какого-то инцидента (кажется, из-за упавшего ящика) сильно повредил о нее свою руку! Обычный рацион Лажу состоит в основном из молока, фруктовых соков, минеральной воды и сладостей.

Что касается четвертого, то он был профессиональным художником, его манера писать состояла, по его объяснению, в том, что он наносил на полотно маленькие разноцветные точки. Несколько позднее он понял, что подобный стиль не имеет ничего общего с сахарскими росписями. К сожалению, этот художник (назовем его И. К.), товарищ Лажу по коллежу, не смог вынести Тассили более трех недель. Пришлось его срочно эвакуировать в Джанет, а оттуда в Париж. Я здесь только упоминаю о нем. Этот далеко не единичный случай свидетельствует о том, что Сахара — не пустыня Эрменонвиля * и что далеко не всем удается к ней приспособиться.

Это досадное недоразумение лишило нас художника и

грозило помешать ходу работы. Мне срочно пришлось вызывать кандидата, находившегося до сих пор в резерве: после появившихся в прессе статей о наших первых открытиях мне предложили свои услуги более двадцати художников не только из Франции, но также из Голландии, Бельгии, Швейцарии; из Германии предложения почему-то поступали в основном от женщин.

Новичок Жан Лесаж был по специальности книготорговец из Тарба (можно подумать, что я набирал сотрудников в основном в книжных лавках), любил малевать картины, занимался изучением пещер и имел диплом летчика-спортсмена, что служило в конце концов неплохой

подготовкой к участию в сахарской экспедиции.

Было решено, что «додж» доставит весь этот народ к подножию Тафалелета. Джебрин, заботясь о поддержании моего престижа среди туарегов, привел мне верблюда: начальник может ездить только верхом на благородном животном. Однако Джебрину не удалось набрать шесть верблюдов, необходимых для доставки продовольствия на Тин-Тазарифт. Мы приложили немало труда, прежде чем удалось достать вьючных животных. Это стоило много времени и денег.

Не могло быть и речи о том, чтобы нагруженные верблюды переправились через перевал Тафалелет. Джебрин отправился через перевал Ассакао с Агауэдом, одним из своих друзей из племени кельмедак. Он пошел в Тин-Тазарифт, где его сын Матал оставался охранять наш лагерь и снаряжение, тем же путем, что и первая экспедиция, сделав, таким образом, большой крюк.

Я назначил встречу с Агауэдом близ Тафалелета. Первое недоразумение. Опоздав, Агауэд решил, что нас еще нет, и остался у подъема на перевал. В 10 часов вечера, окоченев от холода, без одеял, продовольствия и топлива для костра мы настолько продрогли среди высоких скал, где гулял ледяной ветер, что Гишар, Брезийон и Лажу решили спуститься вниз и отправиться на поиски остальных членов экспедиции. Спуск с перевала нелегок даже среди бела дня, а темной ночью идти весьма неприятно, тем более что совсем недавно мы с трудом преодолели подъем. Для новичков эта ситуация была серьезным испытанием, тем не менее они мужественно превозмогали усталость. Новые слуги, напротив, восприняли создавшееся положение менее оптимистично. Когда же Гишар предложил им тащить наши спальные мешки, бурдюк с водой и небольшой запас продовольствия, то один из них испугался испытания, не предвещавшего

ничего доброго в будущем, и улизнул ночью, не сказав никому ни слова [1].

На следующее утро Агауэд со своими ослами наконец присоединился к нам, и началось нескончаемое восхождение на перевал. Наш путь лежал между двумя высокими отвесными скалами, угрожающе нависшими над тропой, по которой тысячелетия назад проходили охотники за гиппопотамами и слонами, обитавшими на берегах громадной, ныне безводной реки Тафассасет, и пастухи, гнавшие стада быков на пастбища долины Адмер. Перевал, пересекая плато, соединяет два оазиса — Гат и Джанет.

Голоса погонщиков, понукавших ослов, гулко, как в соборе, разносились под каменными сводами. Каждый сорвавшийся из-под ног камень рождал таинственные звуки, и наши новые товарищи, еще не привыкшие к подобной обстановке, шли молча, охваченные волнением и тревогой. Мы добрались без всяких приключений до подножия третьей акбы, которая достаточно ясно дала всем понять, что тассилийская экспедиция — не игра в куклы. И действительно, эта крутая тропа — одна из самых тяжелых в Тассили. Наши ослы, по-видимому, это почуяли: они сразу же остановились и украдкой переглянулись — глаза их выражали тревогу и страх.

Вопреки своей репутации ослы совсем не глупы; во всяком случае они достаточно хитры и понимают, чего от них ждут. Когда эти животные чувствуют, что на их долю выпадает какая-то тяжелая работа, они тоже умеют вовремя куда-то скрыться. Но наши ослы часто ходили этим путем, дорога была им хорошо знакома, и они не пошли на уловки. Они стали нехотя взбираться наверх, однако, пройдя 10 метров, вожак остановился, преградив путь своим собратьям, обрадовавшимся передышке. По этой тропе не могут пройти рядом два человека, и потому нам приходилось, как акробатам, карабкаться по скалам, добираясь до виновника задержки. Получив несколько добрых пинков, он рысцой потрусил дальше, прыгая, как газель, по камням.

Подобная карусель повторялась до двадцати раз. Наконец измученные животные стали сдавать. Многие падали,

[1] Постоянно возраставшие трудности при наборе обслуживающего персонала — следствие геологических разведок, которые ведутся в Сахаре. Бурение нефтяных скважин в Эджеле производится всего лишь в нескольких сотнях километров от Тассили, и нефтяники набирают рабочую силу в оазисах, и в частности в Джанете, где однажды было завербовано сразу пятьсот рабочих.

вызывая опасные обвалы камней. Нужно было во что бы то ни стало найти выход из положения. Один тянул осла вперед, другой подталкивал сзади, однако животные продолжали падать, а хвост одного осла остался в руке Вила! В узких проходах между скалами было невозможно водрузить упавшие грузы на животных, и, как уже не раз случалось, поклажа взваливалась на спины людей.

Я до сих пор не могу забыть осла, наблюдавшего за Гишаром и Агауэдом, изнемогавшими под тяжестью груза. Казалось, он, подмигивая, говорил: «Хорошую шутку сыграли мы с этими двумя! А они-то не давали нам житья с самого начала пути!» Тут мой ослик, весело пошевеливая ушами, без всяких уговоров живо взобрался на последние уступы. Добравшись до вершины, он помочился от радости прямо на ноги Агауэда, возмущенного подобной неучтивостью.

Да, тассилийские склоны доставили нам немало хлопот!

Проблема обеспечения нашей экспедиции продовольствием внушала мне серьезные опасения, тем более что туареги все неохотнее ссужали нужных нам вьючных животных. Я подумал, что идеальным решением вопроса снабжения в столь труднодоступных местах была бы доставка продовольствия на вертолете. Но о вертолете не могло быть и речи: в Сахаре им пользуются слишком редко. Оставалась еще одна возможность — сбрасывать груз на парашютах.

Ночной отдых вернул нам силы. Наши ослики повеселели и на утреннем сборе покорно дали себя навьючить. Маленький караван тронулся в путь; я сел верхом на своего верблюда — он уже не впервые на Тассили и потому совершенно спокойно взбирался по акбам Тафалелета. Правда, он не был нагружен.

Наш караван на плато Тамрит как будто сошел со страниц Библии: впереди — верблюд, за ним — вереница ослов и людей с палками в руках. Эта картина напоминала исход из Египта или группу бедуинов на пути в Вифлеем. После восьми часов пути и остановки у гельты, где все совершили туалет, мы прибыли в Тин-Тазарифт, где уже несколько часов нас поджидал Джебрин со своими верблюдами.

Глава

10

Новая экспедиция в Тин-Тазарифте

Окрестности Тин-Тазарифта, пожалуй, красивее всех прочих мест, где мы побывали ранее. Никогда еще слово «город» не подходило так удачно, как для названия этого массива из песчаника. В его центре — обширный цирк диаметром более 500 метров, напоминающий огромную, окруженную домами городскую площадь с отходящими от нее улицами, переулками и даже тупиками. Росписи мы обнаружили (как и в других местностях) во впадинах, которыми изрыты основания скал. Принесенный ветром песок заполнял многочисленные проходы между скалами. Некоторые из них совершенно забиты громадными дюнами, отливающими золотом под солнечными лучами. Дюны придают местности еще большую живописность. Однако это очарование скоро исчезнет: нам еще долго предстоит ими любоваться и месяцами придется бродить по осыпающемуся под ногами песку. Лучи солнца отражаются в кристаллах кварца, ослепляя и создавая невыносимую духоту. Мы разбили лагерь на скалистом выступе в сотне метров от гельты, которая будет снабжать нас водой. Наши туареги нашли поблизости хорошо защищенное от ветра убежище. Глубокую тишину Тин-Тазарифта нарушают теперь только звуки, доносящиеся при доставке воды или заготовке топлива. Ведь далеко вокруг нет ни одной души, и мы наедине со скалами.

Перед отъездом в Париж я совершил обход всех наших владений и, осмотрев один закоулок за другим, составил опись имевшихся там изображений. Особенно поразило меня отсутствие в покрытых росписями гротах осколков посуды, каменных жерновов и зернодробилок, как это имело место в Джаббарене. Зато повсюду были разбросаны грубо отесанные каменные топоры и большие граненые камни со следами ручной обработки. Мы не нашли здесь изображений быков, встречавшихся повсюду в Джаббарене. В Тин-Тазарифте большинство наскальных

росписей относится к наиболее древней эпохе, для которой характерны изображения «круглоголовых» людей («марсианского» типа). Одна из наиболее любопытных росписей изображает лежащую на спине безногую женщину с туловищем цилиндрической формы и поднятыми руками. Рядом с ней — два огромных муфлона. Это, конечно, не бог весть как красиво, но чрезвычайно интересно. Среди других фигур, исполненных в том же стиле, внимание привлекают гигантский лучник и, по-видимому, плывущий человек. Познакомившись со всеми изображениями «круглоголовых» людей, я пришел к выводу, что люди той эпохи не знали ни посуды, ни жерновов. Они пользовались этими давно интересовавшими меня грубо отесанными топорами.

Стена одного убежища покрыта отпечатками рук, причем некоторые из них наслаиваются на роспись скотоводческого периода. Аналогичные изображения находили в Европе во многих гротах палеолитической эпохи. Их считают наиболее древними: люди создавали эти отпечатки, опуская руку в краску и прикладывая ее затем к стене. Найдено довольно много таких изображений. Полагают, что они имели магический смысл, обозначая право на владение или являясь символом обряда изгнания злых духов.

В Тассили мы отметили два типа наскальных изображений руки. В первом случае очертания руки рисуются, во втором — ее контур воспроизводится методом обрызгивания. Первый тип следует считать наиболее древним — он встречается наряду с «круглоголовыми» фигурами, выполненными лиловатой охрой. Изображенная до локтя рука покрыта какими-то украшениями геометрической формы и как бы отделяет часть росписи от других ее участков, смысл которых остается для нас непонятным. Изображение руки не представляет точной копии оригинала. Но неправильные пропорции пальцев вызывают предположение, что это набросок с натуры. Иначе обстоит дело со вторым типом изображений, найденных в Тин-Тазарифте. Ранее я встречал их уже в Джаббарене и Сефаре. Здесь речь идет о руках-«негативах». Руку прикладывали к стене и обрызгивали сверху белой охрой. Краска покрывала участок, окружающий контур руки, а прикрытое ею место оставалось неокрашенным. На этот раз рисунок абсолютно точен. Поразительная тонкость пальцев рук заставляет иногда предполагать, что они принадлежали женщине. Значение изображения, полученного вторым способом, понятнее рисунков первого типа.

Современные этнографические данные свидетельствуют о том, что в те далекие времена существовал двойной обряд. Вначале участок стены обдавали дыханием, что должно было изгнать злых духов. Затем к нему прикладывали руку, что могло символически обозначать право на владение. До сих пор еще в деревнях Северной Африки женщина прикладывает руку к свежей глине над входом только что построенного дома. «Это приносит счастье!» — говорят в народе. Украшение, называемое «рукой Фатимы»,— тоже не что иное, как память об эволюционировавшем ритуале. Все эти обычаи, несомненно, сохранились как пережитки магических обрядов доисторического периода.

Руки, изображенные на стенах впадин, производят странное впечатление. Они создают атмосферу мест, посещаемых привидениями, или древних капищ — святилищ, где наши далекие предки, бессильные понять истинный смысл явлений природы и чувствуя свою беспомощность в борьбе с ними, пытались отвратить злые силы посредством религиозных обрядов.

Подобное впечатление усиливается благодаря тому, что окружающие нас туареги до сих пор верят в духов пещер, ветра, воды. Они считают, что перевал Ассакао, который мы преодолели на пути к Тассили, очень часто посещает «дженун» *. Поэтому наши проводники и погонщики верблюдов водрузили камень на большую скалу, возвышающуюся у входа в ущелье. Это было как бы приношением, чтобы задобрить духа скал. В туарегской Сахаре существуют тысячи подобных мест.

Большое место в магии занимает также изображение ноги или сандалии. Во многих районах Сахары, в частности неподалеку от опасных участков горных троп, можно найти множество нарисованных на плитах контуров ноги. Цель этих изображений — отвлечь внимание злого духа в тот момент, когда человек переходит через перевал.

Тассили — страна колдунов и волшебных чар. Женщины из Рата известны своим умением изготовлять любовный напиток для привораживания мужчин. Это знаменитый «борбор». Его действие состоит в том, что он физически ослабляет мужчину, уменьшая тем самым его моральное сопротивление, после чего женщине легче его покорить. Если человек заболеет без видимой для его близких причины, то говорят, что он «борборизован». Именно так объяснили болезнь и кончину геолога Ц. Килиана, которому приписывается открытие сахарской нефти. И хотя Килиан, конечно, не был «борборизован» туарегски-

ми женщинами, легенда тем не менее упорно держится.

В стране людей с покрывалами * в большой чести пророчества. Никто не начинает какого-либо дела и не отправляется в путешествие, не посоветовавшись с «гадюкой, шествующей по песку»: она предскажет, что вас ожидает. Джебрин, задав вопрос «гадюке», пообещал всем нам немыслимые блага — любовь и деньги. Но что меня больше всего интересует в настоящее время, так это его предсказание благополучного завершения экспедиции. Хм, посмотрим!..

Как указывалось выше, группа Гишар — Ле Пуатевен
318 — Мартен — Шамбрен не закончила снятия копий с росписей в Тин-Тазарифте, оказавшись вынужденной сдаться при наступлении холодов. Оставалось обработать добрый десяток изображений — великолепный случай для введения новичков в курс нашей работы в условиях Сахары.

После того как были разбиты палатки и лагерь принял свой обычный вид, все пошло на лад. Температура воздуха — весенняя. Совсем не то, что было в прошлом году.

Впервые за наше пребывание на Тассили мы наблюдаем перелет саранчи. Первые рои не велики, но достаточны для того, чтобы порадовать наших туарегов. Уже с рассвета они занялись ловлей рассевшихся по деревьям насекомых. Саранча для кочевников, будь то арабы или туареги,— манна небесная. Они считают ее лакомством.

Утром Матал и Агауэд, возвратившись с пастбища, куда они ходили проведать осликов, притащили целый мешок саранчи. Они тут же вывалили живых насекомых прямо на раскаленные угли. Нельзя сказать, чтобы саранча была деликатесом, по крайней мере для француза. Но для постоянно голодных людей, привыкших есть ящериц и грызунов, она — лакомое блюдо. После того как саранча поджаривается, у нее отрывают покрытые колючками задние лапки и остатки необгоревших крыльев. Затем отделяют голову, извлекая одновременно кишечник, совершенно несъедобный из-за содержащейся в нем какой-то зеленой жидкости, после чего саранчу начинают есть, похрустывая, как если бы у вас во рту были маленькие креветки. Иногда туареги после обжаривания размалывают саранчу в порошок, ссыпают в кожаные мешки и употребляют в пищу при переездах, разбавляя водой или молоком.

Что касается меня, то я люблю саранчу; я иногда питался ею на протяжении нескольких недель. Но мне вполне понятно, что это блюдо не каждому придется по вкусу.

Однако в посещаемых нефтяниками барах Уарглы считается сейчас большим шиком подавать саранчу (по пять франков за штуку!) с аперитивом. Это несколько экстравагантно и отдает снобизмом, но зато какой местный колорит!

Все члены экспедиции, разумеется, пожелали отведать это блюдо. Затем обменялись мнениями. Мишелю Брезийон вкус саранчи напомнил папье-маше, Вила — лесной орех, Лажу — траву, а мне — креветок. Гишар тщетно пытался проглотить насекомое, но потом с отвращением его выплюнул.

Как известно, на вкус и цвет товарищей нет. К счастью, по вопросам цвета наши мнения совпадают значительно больше...

Пока в Тин-Тазарифте идет в быстром темпе работа, я отправляюсь на разведку в Сефар — массив, расположенный в двух часах ходьбы от нас. Ранее мы отыскали там много наскальных росписей, и теперь я намечаю участки, удобные для размещения нашего будущего лагеря. Джебрину удалось наконец набрать с полдюжины верблюдов и столько же ослов. И снова нудные, тяжелые сборы, перетаскивание снаряжения и устройство на новом месте.

Глава

11

Великий бог Сефара

320 Хотя считается, что Сахара достаточно хорошо изучена и там уже нечего больше открывать, до нас на Сефаре не побывал еще ни один европеец. Этот массив гораздо живописнее Тин-Тазарифта: он разделен пополам очень глубоким каньоном, изрезан узкими ущельями, вьющимися среди гигантских песчаниковых глыб и колонн. Чрезвычайно неровная поверхность Сефара доставила нам при перемещении немало хлопот. Многочисленные цирки образуют «города» с площадями, улицами и переулками. Некоторые группы скал удивительно похожи на развалины храма Ангкор *, другие напоминают разрушенный бомбардировкой Реймский собор. Рядом с каменными громадами мы вновь ощутили себя смешными карликами.

Это грандиозное зрелище привело нас в восторг, и лишь один из наших товарищей был настолько подавлен торжественным величием пустыни, что нервы у него сдали и пришлось подумать о его возвращении во Францию. Гишару полагалось несколько недель отпуска, и они уехали вместе. Ритм работы нарушился, и я не раз тревожно задавал себе вопрос: успеем ли мы выполнить нашу программу до наступления знойных летних дней? Ведь в Сефаре предстояло снять копии всех наскальных росписей!

Мы сразу лишились двух сотрудников. Это было очень ощутимо, но каждый старался сделать все, что было в его силах. Новые члены экспедиции, получив возможность судить о работе своих предшественников, сочли долгом быть их достойными приемниками и с первых дней сумели это доказать. Брезийон, работавший раньше вместе с Гишаром, получил теперь полную самостоятельность. За несколько недель он достиг такого совершенства в технике копирования, что для него стали доступны самые сложные фрески.

Однажды утром Вила, занимавшийся до сих пор одной только фотографией, пришел ко мне и предложил свои услуги в качестве художника. Нам действительно не хватало рук для копирования росписей, и я охотно принял его смелое предложение. Вначале ему поручалась работа над несложными изображениями, а я помогал советом и делом. Вила быстро преуспел на новом поприще и оказал экспедиции большую услугу.

Наш кинооператор Лажу лучше владел карандашом, чем киноаппаратом, и я взял его к себе в помощники. В Сефаре мы вдвоем пересняли на кальку много фигур; это намного облегчило работу художников.

Нашей молодежью овладел дух соревнования, и я могу решительно утверждать, что она полностью оправдала мои надежды.

В Сефаре всех ожидали радостные открытия. Росписи в этой местности уступают по численности росписям Джаббарена — непревзойденного памятника доисторического искусства в Сахаре, однако техника выполнения сефарских изображений и их разнообразие исключительно интересны.

Мы вновь очутились среди странных фигур, резко отличающихся от образцов классического доисторического искусства, и почувствовали себя в каком-то своеобразном мире. Я говорю так потому, что сефарские росписи открывают совершенно новые перспективы в изучении прошлого Африки и свидетельствуют о большой самобытности ее культуры. Однако многочисленные находки, доказывающие справедливость этого утверждения, нередко порождают новые, требующие разрешения проблемы. Выясняются неожиданные связи, и из отдельных фактов образуется некая сеть; некоторые ее нити еще нужно найти, воссоединить, а для этого потребуется немало долгих и упорных поисков.

Открытие — вещь приятная, но, увы, это далеко не все. Ведь нужно еще проникнуть в тайны многочисленных культур, памятники которых дошли до нас в виде росписей, нужно определить их во времени и пространстве, попытаться истолковать. Во всем этом нелегко разобраться, а обилие рисунков и наслоений еще более усложняет задачу. Каждый вновь открытый нами комплекс изображений дает новую пищу для дискуссий и при сопоставлении с уже имеющимися данными — дополнительные сведения, неожиданно проливающие свет на толкование той или иной группы росписей. Иногда то в одной, то в другой росписи обнаруживается какая-нибудь деталь,

раскрывающая технические секреты наскальной живописи или особенности религиозных обрядов доисторических людей. В таких случаях археолог играет лишь роль первооткрывателя предметов далекого прошлого.

В Тамрите и Джаббарене мы скопировали так много сцен, относящихся к скотоводческому периоду, что наши художники в конце концов просто смотреть не могли на этих быков! Для художника копировать все время одни и те же сюжеты неинтересно и утомительно, хотя изображения настолько отличаются друг от друга, что среди десятков тысяч быков, попавших к нам в папки, нет и двух одинаковых.

322 В Сефаре мы обнаружили новые, неизвестные до сих пор подробности из жизни пастухов-скотоводов: изображения женщин, занятых обработкой земли, и домашних собак. До сих пор время появления в Сахаре домашней собаки не было установлено. Известно, что кочевые племена имели собак, но благодаря сефарским росписям мы теперь знаем, что у пастухов-скотоводов Сахары тоже были собаки, только иной породы. Быть может, это и мелочь, однако археология восстанавливает картину прошлого при помощи именно таких небольших штрихов.

Большое число найденных нами жерновов и зернотерок и ранее могло вызвать предположение, что пастухи занимались земледелием, хотя они могли пользоваться этими примитивными орудиями и для размельчения зерен диких злаков; но с открытием наскальной росписи, изображающей работающих в поле женщин, отпадают все сомнения.

В Сефаре мы скопировали сцены плясок, где одни женщины держат в руках некое подобие трещоток, а другие — палки с круглыми набалдашниками, по-видимому пастушеские посохи. Так постепенно возникают детали доныне неизвестной нам жизни пастухов того периода.

Нужно сказать, что в конечном счете в Сефаре бытовых сцен гораздо меньше, чем в других местах, и это неудивительно. Массив настолько труднодоступен, что стада могли передвигаться лишь по двум-трем долинам, где мы и нашли росписи. Это позволяет утверждать, что пастухи рисовали с натуры, причем именно в тех местах, где находились вместе со своим скотом.

Однако наиболее замечательны в Сефаре изображения, относящиеся к типу «марсиан» — «круглоголовых» человеческих фигур, в изобилии встречавшихся уже в Джаббарене, где одна из них, высотой шесть метров, поразила нас своими колоссальными размерами. В Сефаре

росписи несколько меньше, но они размещены настолько продуманно и фигуры представлены в столь странных позах, что невольно производят сильное впечатление. В первом же гроте мы просто оцепенели при виде одной из таких фигур высотой около трех метров. В руке, воздетой кверху, она держит какой-то предмет яйцевидной формы. Эта фигура как бы господствует над сотнями других изображений различных эпох. Многие из них были частично размыты водой, тем не менее нам удалось различить выполненные в том же стиле небольшие фигуры женщин, протягивающих руки по направлению к гиганту, как бы моля его о чем-то. Слева — огромный бык длиной около трех метров.

Трудно представить себе более величественное зрелище. Грандиозное обрамление — нависшая над ними скала еще более усиливает чувство замешательства перед неведомой тайной. Рядом с возвышающейся во весь рост фигурой мы кажемся себе пришельцами, осквернившими вторжением священное место, храм, воздвигнутый в честь примитивного божества. Во всем облике фигуры есть что-то чудовищное, побудившее нас окрестить новую находку «песчаным чудищем».

Однако Джебрин, сопровождавший нас в этом невероятно запутанном каменном лабиринте, увлекает всех к углублению в соседнем цирке. На этот раз грандиозность изображения превзошла все наши ожидания. В центре грота — тоже фигура «песчаного чудища» высотой три с четвертью метра. Она выполнена в том же стиле, что и ранее найденное изображение, но лучше сохранилась. Слева от нее пять женщин, вереницей двигающихся по направлению к главной фигуре, простирая с мольбой к ней руки. Справа от нее наслаиваются изображения большой антилопы, написанной красной охрой, и женщины, лежащей на спине с раздвинутыми коленями и очень большим животом: она, по-видимому, приготовилась рожать. Несомненно, эта сцена имеет магическое значение, связанное с культом плодородия или материнства. В позах женщин — страх и почтение к центральной фигуре. Они, вероятно, умоляют ее ниспослать им материнство и легкие роды. Позднее, столкнувшись с орантами * и в других сефарских росписях, мы убедились в том, что рядом с этими фигурами почти всегда изображается животное. Так, например, на одном из участков стены оранты нарисованы поверх какого-то зверя из семейства кошачьих, быть может льва, длиной более четырех метров.

Но как копировать подобные изображения? Одна лишь сцена поклонения занимает площадь около 30 квадратных метров! Мы должны во что бы то ни стало сделать общим достоянием это уникальное волнующее свидетельство наивной веры женщины той эпохи. Сила и убежденность подобной веры женщин настолько велика, что она до сих пор проявляется в некоторых религиозных обрядах в Бретани и других французских провинциях. Наша роспись была сфотографирована, заснята на кинопленку, переведена на кальку и, несмотря на свои 30 квадратных метров, полностью воспроизведена в Музее Человека. Она не единственная в своем роде. В Сефаре много других изображений той же «школы»: человеческие фигуры, среди которых часть безголовых, слон, большие антилопы, жирафы, муфлон, кабан и т. д.

По-видимому, муфлон играл очень важную роль в верованиях древних народов Сахары. Его многочисленные изображения встречаются в росписях Тассили как в самых древних, так и в наиболее поздних наслоениях. Колдун с ногами муфлона, найденный нами в Тимензузине, был одет в обрядовый костюм для пляски, а плечи его покрывала шкура муфлона. Позднее мы видели рисунки, изображавшие рога этого животного, которое, несомненно, занимало в духовной жизни тассилийских художников большое место. Муфлон до сих пор встречается в горах Тассили, Ахаггара и других массивах Сахары. Он ловок, смел, обладает удивительно тонким чутьем, и потому приблизиться к нему очень трудно. У туарегов охотник за газелями не пользуется большим авторитетом, зато к охотнику за муфлонами относятся с особым уважением. Весь туарегский фольклор связан с этими животными, их повадками и особенностями. Считают даже, что есть муфлоны-дженуны, способные совратить не только коз, но и женщин!

Охота на муфлона связана с определенным ритуалом. В прежние времена она происходила с собаками, причем оружием служило копье. Ныне чаще пользуются ружьем. Однако, каково бы ни было оружие, туарег, собираясь на охоту, никогда никого об этом не предупреждает из боязни навлечь на себя порчу. Некоторые охотники, отправляясь в путь, кладут себе на голову камень и двигаются вперед, подпрыгивая и повторяя при этом заклинания.

Глава
12
Древний путь через Сахару

Наш проводник Джебрин — непоседа по натуре. Длительные стоянки его тяготят, а окружающая обстановка быстро надоедает. Впрочем, эта черта характера свойственна всем сахарским туарегам, привыкшим постоянно перемещаться в поисках новых пастбищ. Несомненно, что потребность в передвижении продиктована не только кочевым образом жизни — она просто органически им присуща. Поэтому Джебрин все чаще справляется у меня о ходе наших работ и с нескрываемым нетерпением ожидает их окончания, чтобы снова двинуться в путь. Несколько раз он даже пускался на уловки, пытаясь скрыть от нас совсем близко расположенные впадины с росписями. Но скоро Джебрин убедился, что хитрил напрасно: мы очень хорошо изучили весь массив, и лишь редкие рисунки могли ускользнуть из нашего поля зрения.

Чтобы убить время, он под разными предлогами старается исчезнуть на несколько дней: то ему нужно отправиться на поиски источника воды, то необходимо сходить за верблюдами или ослами. Я легко угадываю замыслы Джебрина и поручаю ему осмотреть соседние массивы: нет ли там наскальной живописи?

За время совместной работы он приобрел большой опыт по части поисков впадин с росписями. Несмотря на преклонный возраст и ревматизм, он ловок, как обезьяна. Он никогда не увиливает от поручений подобного рода и взбирается на самые труднодоступные массивы, методически и неутомимо осматривая поверхность скал вплоть до самых потаенных уголков каменных лабиринтов.

Не раз я убеждался в том, что Джебрин опередил меня — многочисленные следы его сандалий на песке свидетельствовали о тщательности произведенной им разведки. Однако в Ауанрхете он, по-видимому, не заметил несколько очень красивых росписей. Правда, они были едва видны и для оживления их красок понадобилось

тщательное промывание каменной поверхности. Впрочем, я подозреваю, что Джебрин умышленно умолчал об этих изображениях: его пугала одна мысль о том, чтобы привести нас в это орлиное гнездо, без воды, без топлива и растительности...

Иногда работа позволяла мне ненадолго покинуть лагерь. Тогда я приказывал Джебрину седлать наших верблюдов — нужно было видеть его счастье! — и мы вдвоем отправлялись на пять или шесть дней куда глаза глядят.

Однажды во время одной из таких прогулок, при обследовании крутой отвесной скалы Аджефу я наткнулся на большую естественную стену, покрытую фигурками, вы-

полненными красной охрой в совершенно особом стиле. Их туловища состоят как бы из двух треугольников, конечности удлинены, а головы изображены в виде простых палочек. Они одеты в стянутые на талии туники, в одной руке у них копье, а в другой — предмет, напоминающий четырехугольную корзину. Росписи такого типа были мне уже знакомы. Они имеются во впадинах вади Джерат, в Тамажерте и Тироре, которые я посетил в 1934 году; их находили также в Ахаггаре, неподалеку от селения Тит, и даже в Танезруфте, рядом с колодцами Тим-Миссао.

Первые наскальные росписи, открытые в Тассили, были выполнены именно в таком «битреугольном» стиле. Их нельзя назвать просто доисторическими: они свидетельствуют о появлении в Сахаре какой-то новой группы людей, пользовавшихся боевыми колесницами и до того времени неизвестной там домашней лошадью. Я обнаружил на скалах Аджефу два довольно хорошо сохранившихся изображения этих знаменитых колесниц, в которых Джебрин так ничего и не понял, несмотря на все мои разъяснения. Правда, сами колесницы не были для нас новостью — во время наших первых странствований по Тассили мы нашли 8 подобных росписей: 5 — в Тин-Беджедже и 3 — в Тамрите.

У наскальных изображений Аджефу есть особое достоинство: из всех нарисованных колесниц, которые нам до сих пор удалось скопировать, они самые восточные. Я подчеркиваю слово «нарисованных», потому что в Феццане итальянские археологи в 1933 году открыли таких изображений гораздо больше, но все они были высечены на камне.

Немного позднее, при разведке в области Ала-н-Эдумент, мне довелось обнаружить еще одну колесницу, написанную красной охрой и белой глиной, причем на этот раз

она фигурировала не в батальной сцене, а в сцене псовой охоты на антилопу. Мы встречали подобные фрагменты наскальной живописи и в Тироре, и в Тин Абу Тека, и в Ин-Итинен, на пути из Медака в Ихерир. Тем не менее новые росписи с изображениями боевых колесниц представляют, несомненно, очень большой интерес.

Открытие первых колесниц вызвало среди археологов много шума и бурных дискуссий. Кто нарисовал эти колесницы, что обозначали эти приспособления? Могли ли они передвигаться по Сахаре? Извлекли на свет древний текст Геродота, где автор упоминает о гарамантах — народе, жившем в Ливии. По свидетельству Геродота, они обитали на месте современного Феццана и в войнах с другим сахарским народом, селившимся в пещерах или в углублениях скал, пользовались двухколесными повозками, запряженными двумя или четырьмя конями. Геродот умер около 425 года до н. э., следовательно, сообщения его относятся к V веку до н. э.

Вначале эти колесницы приписывались гарамантам, но при более внимательном анализе ученые Дюссо и Соломон Рейнак пришли к выводу, что очень своеобразный стиль изображения несущихся коней совершенно аналогичен стилю «летящего галопа», свойственному крито-микенскому искусству. Кроме того, известно, что около 1200 года до н. э. племена с острова Крит, намеревавшиеся напасть на Египет, высадились в Киренаике и постепенно смешались там с ливийцами. Таким образом, наши колесницы гораздо древнее, чем можно было предполагать вначале. Они еще раз подтверждают факт вторжения народов Моря, известный историкам по упоминаниям в египетских надписях. Можно предположить, что после неудачных походов против Египта воинственные племена критского происхождения (они, по-видимому, пришли из гораздо более дальних мест, быть может, с севера Европы, потому что египтяне изображали их с синими глазами, характерными для народов севера) двинулись по направлению к Сахаре, где впоследствии ассимилировались со своими ливийскими союзниками.

Эта проблема меня чрезвычайно заинтересовала. Во время странствования по пустыне я неоднократно наталкивался на росписи с изображением колесниц. В 1935 году, возвращаясь из Гао и пересекая массив Адрар-Ифорас, я обнаружил вблизи колодцев Арли, на пути от Ахаггара к Эс-Сук, в древней Тадемекке суданских берберов, высеченное на камне изображение колесницы. Подобная находка совершенно необычна для этих широт, и мне не-

вольно подумалось: а не пересекали ли люди с колесницами Сахару? Правдоподобно ли это? Было бы слишком смело отстаивать подобное предположение на основании одного изображения.

Я вновь поднялся к северу, пересек Танезруфт и отправился утолить жажду к колодцам Тим-Миссао, расположенным приблизительно на полдороге между Адрар-Ифорасом и Ахаггаром. Через этот пункт обязательно проходят все караваны, идущие на север; создается впечатление, что так было и в очень далекие времена, потому что подступы к колодцам покрыты высеченными на камнях или просто нарисованными изображениями и надписями, сделанными на протяжении веков — от скотоводческого периода до наших дней. Под слоем туарегских надписей я обнаружил пять изображений колесниц. Кони на них в основном стерлись, но очертания колес и возниц сохранились довольно хорошо. Колесницы были исполнены в том же стиле, что и в Тассили. Сомнений не оставалось: я, безусловно, оказался на древнем пути от залива Сирта к Нигеру. И действительно, появление людей с колесницами в Тим-Миссао нельзя считать случайным. От Ахаггара туда нужно добираться через пустынный рег шесть дней, а это отнюдь не располагало к прогулкам без цели. Путь колесниц мог лежать только к Адрар-Ифорасу, единственному городу в тех краях, который находится всего в шести днях ходьбы от Нигера. Однако оставался пробел: в Ахаггаре не было обнаружено ни одной колесницы. Между Тассили и Тим-Миссао оставалось «белое пятно», мешавшее воссозданию древнего пути. На восполнение этого пробела мне понадобилось 15 лет.

В 1950 году в самом центре Кудиа, в Ин-Даладж, важном пункте пути, пересекающего Ахаггар с севера на юг, я нашел на отдельных плитах три изображения колесниц. Несколько дней спустя в Хирафоке, небольшом населенном пункте на северном склоне Ахаггара, где обнаружено много высеченных на скалах рисунков, мной были открыты еще две колесницы. Позже, производя разведку в южной части массива, я нашел изображения колесниц в Тите и Агеннаре. Всего я обнаружил десять подобных изображений. Все стало ясным. Теперь можно было восстановить путь тысячелетней давности из Сирта к Нигеру на всем его протяжении. Эта трасса была, несомненно, наиболее целесообразной. Она проходила по твердому грунту, пересекая или огибая горные массивы в самых удобных местах и минуя нагромождения песка. Кроме

того, на ее пути располагались основные источники воды, которые можно считать постоянными [1].

Нарисованные колесницы (их в общем следует считать более древними, чем высеченные на камне) доказывают, что кочевые племена народов Моря и ливийцев достигли Нигера за тысячу лет до нашей эры. Это открытие опровергло все существовавшие доныне точки зрения, в том числе утверждение, что ливийские племена заняли Сахару лишь в позднюю эпоху. Опираясь на тексты Плиния и Птолемея, специалисты по древней географии Африки считали (а многие считают до сих пор), что «страна черных», упоминаемая этими двумя авторами, располагалась не в районе Нигера, а начиналась на границе полезных земель Северной Африки, то есть, грубо говоря, у подножия Сахарского Атласа и гор Орес. Подобную гипотезу следовало бы подкрепить точными археологическими данными. Но в упомянутых районах никогда не было обнаружено ни одного разрушенного селения, ни одного скелета негроида — современника древних авторов наскальной живописи.

Изображения колесниц и всадников на скалах Тассили, Ахаггара и Адрар-Ифораса позволяют проследить направления их экспансии не только к югу, но и с востока на запад, по обе стороны от знаменитой дороги Сирт — Нигер, бывшей, по-видимому, в ту пору основной артерией Сахары.

Одно открытие влечет за собой другое и часто позволяет приподнять завесу над загадками, которые, казалось, не имеют к нему никакого отношения. Я подразумеваю проникновение римлян в Сахару. Подобная тема может показаться мало связанной с нашими тассилийскими странствованиями, поскольку здесь идет речь уже об историческом периоде. Но почему мы должны ограничивать исследования в Тассили? Напротив, следовало воспользоваться случаем, и мы им воспользовались, не отвлекаясь при этом от стоявших перед нами археологических проблем. Во время наших экспедиций я обследовал подступы и внутренние дороги плато Тассили — ведь совершенно очевидно, что по многим из них проходили римляне в те времена (и даже ранее), когда они разместили гарнизон III легиона Августа в Цидамусе (Гада-

---

[1] Изображения были найдены и в Западной Сахаре, где тоже, по-видимому, проходил путь через пустыню. В 1955 году около вади Дермель, на юге Орана, мне удалось снять копии с изображений 110 колесниц, высеченных на каменных плитах крутых склонов гор.

месе) и захватили город Гат (Рапса) *, расположенный в 80 километрах на запад-северо-запад от Джанета. Из текстов достоверно известно, что во время походов Септимия Флакка в 70 году и Юлия Матерна в 86 году римляне довольно далеко углубились в пустыню, но границы их распространения не установлены. Этим походам предшествовал поход в 19 году до н. э., во время которого была впервые захвачена Киренаика, затем Феццан, после чего римляне заняли часть территории Алжира южнее Бискры. Речь идет о походе легата Корнелия Бальба, принесшем ему по возвращении в Рим триумф, которого так добивались все римские полководцы. По традиции триумфатор
330 восседал на колеснице, а за ней следовали побежденные враги и воины со знаменами, на которых были начертаны названия захваченных городов и побежденных народов.

Иногда, как, например, в случае с Бальбом, названия городов, известных из описания триумфа Бальба, частично совпадали с наименованиями современных городов: Тубен (современная Тобна), Вескера (современная Бискра), Табудеос (современная Тоуда), Цидамус (современный Гадамес) и т. д. Названия же народов мы до сих пор не в состоянии установить либо потому, что они давались по исчезнувшим и оставшимся нам неизвестными городам, либо потому, что эти названия менялись и дошли до нас в сильно деформированном виде вследствие различных написаний и часто возникавших искажений.

Открытие дороги для колесниц стало новым вкладом в решение этого вопроса, и мне вдруг пришло в голову проверить, не окажутся ли на этом пути пункты с не расшифрованными до сих пор наименованиями городов и стран, захваченных Бальбом. Огромная трасса, пересекающая Сахару от Фазании до Нигера, была, по-видимому, в эпоху римских завоеваний караванным путем, по которому из Судана везли золото, слоновую кость, страусовые перья и рабов. Все эти товары отправлялись на север и имели большой спрос у римлян. Но не служил ли этот путь так же, как и когда-то, во времена гарамантов, для военных целей?

Я начал перечитывать знаменитый текст Плиния, где говорится о триумфе Бальба. Каково же было мое изумление, когда в географических перечнях я наткнулся на два названия, звучание которых мне показалось знакомым: Алази и Бальза. Место, где сооружен французский пост Форт-де-Полиньяк, действительно называется на языке туарегов Илези и находится на пути Сирт — Нигер, прямо на юг от Гадамеса, и соединяется с этим оазисом

путем, проходящим по району, знаменитому ныне своими нефтяными залежами в Эджеле. Если римляне, придя в Гадамес, отправились дальше на юг, то они обязательно должны были прийти в Илези. Небольшое различие в написании этих двух названий может броситься в глаза только французу, но не туарегу, потому что на языке тамашек записываются только согласные. Что же касается другого названия — Бальза, то фонетически оно настолько близко к Абалесса, что я больше не сомневался в их однозначности, тем более что Абалесса — маленький населенный пункт в Ахаггаре, расположенный на пути колесниц, и в нем сохранились развалины небольшой крепости, где нашли отпечатки римских монет с изображением императора Константина, а также стеклянную вазу и римские лампы.

Эти находки, несомненно, следует отнести к эпохе до III в., и их открытие свидетельствует, как я уже говорил, о существовании торговых связей между местными жителями и римлянами. Однако возникла новая гипотеза, подтверждавшая правдоподобие тождества наименований Бальза — Абалесса: не исключено, что римляне сами проходили по караванному пути. Я был в этом убежден и не находил ничего невозможного в том, что римляне построили крепость Абалесса, архитектура которой не имеет аналогии нигде в Сахаре и совершенно не похожа на очень характерные развалины арабских или берберских строений.

Занимаясь расшифровкой и сопоставлением данных, я пришел к еще более удивительному заключению. Плиний упоминает о том, что Корнелий Бальб встретил на своем пути несколько рек, одна из которых называлась Дасибари. Из древних рукописей греческих и римских авторов известно, что в описываемую ими эпоху Сахара уже имела явно выраженный пустынный характер. Вади (как их называют в настоящее время) часто прерывали свое течение, то исчезая, то вновь возникая. Уже в то время они перестали быть реками и постепенно превращались в сухие русла. Но это не была современная пустыня Сахара — там еще могли передвигаться лошади. Тем не менее ливийцы при переездах из предосторожности подвязывали бурдюки с водой под брюхо своих вьючных животных.

Где же находились встретившиеся Корнелию Бальбу реки? К югу от Абалессы, то есть от Ахаггара? Быть может, ливийцы повели его по дороге колесниц? Это возможно, если его целью было пересечь страну гарамантов и озна-

комиться с большим караванным путем. В этом случае он обязательно шел к югу. Однако к югу от Ахаггара я не обнаружил ни одной долины, которая когда-то могла быть руслом большой реки. Я еще раз тщательно просмотрел карты, хотя при моем знании тех мест это было излишним; единственной долиной, в которой можно было предположить русло древней реки, была долина Тилемси, идущая от Адрар-Ифорас, а это название не имеет ничего общего с Дасибари. Оставался Нигер. Вначале трудно было допустить мысль о том, что Корнелий Бальб дошел до этой реки. Я приступил к изучению волновавшего меня вопроса в восемь часов вечера. Занимаясь сопоставлениями, я чувствовал, что у меня в руках ниточка, которая позволит распутать этот сложный клубок. Я лег спать в полночь, но не мог сомкнуть глаз, мне казалось, что я лежу на раскаленных угольях, а в голове назойливо вертелись названия из текста Плиния. Пришлось снова зажечь лампу. Проверив в своих записных книжках название одного места, я продолжал работать. Внезапно (уже, видимо, глубокой ночью) я вспомнил, что местные жители — сонгаи — называли Нигер «Исабари»: иса — «река», бари — «большая», другими словами — «большая река».

Сходство с Дасибари становилось несомненным. Текст Плиния мог претерпеть неоднократные изменения, не исключена возможность неясного написания этого слова. Подобных вероятностей — множество, но вправе ли я считать решенной проблему? Я продолжал поиски, тщательно просматривая страницы своего старого сонгайского словаря, который я зубрил во время пребывания в районе Тимбукту и Гаи среди рыбаков Нигера. Память снова пришла мне на помощь. Одна деталь из сонгайского фольклора помогла мне напасть на след: среди племен, проживающих на берегах Нигера, до сих пор распространена легенда о том, что хозяевами реки были племена да, которых до сих пор называют «хозяева воды» или «хозяева реки». В наши дни Нигер иногда называют «Да Иса Бари», то есть «большая река людей да». Таким образом, Дасибари — не что иное, как Да Иса Бари, и, следовательно, речь шла о Нигере. Итак, вопреки всякому ожиданию оказывалось, что римляне в 19 году до н. э. пересекли Сахару с севера на юг и дошли до большой суданской реки. В шесть часов утра, когда уже забрезжил рассвет, я крепко уснул, чувствуя себя победителем в этом нелегком сражении.

Проснувшись, я вначале было подумал, что все это сон.

Но мои карты валялись на полу, на доске, служившей мне столом, лежали записи, пестревшие пометками, сделанными синим и красным карандашами,— все свидетельствовало о том, что это не сон.

Таким образом, маленькие рисунки, высеченные или нарисованные, быть может, в часы досуга неизвестными нам людьми на скалах Тассили, Ахаггара, Адрар-Ифораса и т. д., раскрывали секрет, над которым ученые безрезультатно бились целыми годами.

Разумеется, далеко не все согласны с моими заключениями. Обычно соглашаются с выводами, не требующими серьезного обсуждения, в противном случае они оспариваются. Несомненно, что какая-нибудь надпись III легиона Августа, найденная в Ахаггаре или на Адраре, или скелет римлянина в доспехах послужили бы доказательством моей правоты. К сожалению, несмотря на все поиски, я до сих пор не обнаружил ни того, ни другого. Но это не исключает возможности таких находок в будущем. Однажды я обнаружил в скалистой впадине в Сефаре прекрасную песчаниковую плиту с надписью, сделанной красной охрой: «III Legio Augusta. Iter Praeter Caput Saxi» *, но «автора» не пришлось долго искать: это был Мишель Брезийон, убивавший таким способом свое свободное время.

Археологические исследования в этой местности, занимающей громадную площадь, только начинаются, до сих пор они носили лишь поверхностный характер. Через несколько лет исследователям предоставят транспортные средства, которые заменят древнего верблюда (впрочем, оказанные им услуги недооценивают), а это сделает возможным длительное пребывание в малодоступных районах пустыни. Тогда будут производиться планомерные раскопки тысяч доисторических гробниц, покрывающих пустыню от отрогов Атласских гор до берегов Нигера, и еще многое-многое станет нам известно.

Глава

13

Вымирающее племя — туареги Тассили

Джебрин без конца выискивает предлоги для отлучки из лагеря и все чаще исчезает из моего поля зрения. Круг его обязанностей в связи с нашим длительным пребыванием в Сефаре значительно сократился. Весь массив был обследован, и практически теперь у Джебрина была всего лишь одна забота — присматривать за несколькими осликами, которых мы на всякий случай держали поблизости. Я больше не посылаю его с поручениями в Джанет: его возраст дает себя чувствовать и с каждым разом ему все тяжелее карабкаться через перевалы. Когда Джебрин живет с нами, он обеспечен продовольствием и приличным денежным вознаграждением. Ведь туарегу довольно редко удается иметь постоянный заработок в течение четырнадцати месяцев подряд. Но для этого человека, влюбленного в свободу и противящегося всякому принуждению, подобная жизнь очень скучна и утомительна. Деньги мало интересуют Джебрина. Его сбережения, которые могли бы быть довольно значительными, растаяли, потому что бережливость совершенно чужда туарегам, издавна привыкшим жить сегодняшним днем. Как только у них появляются хоть и небольшие деньги, им уже не устоять перед соблазнами лавок в Джанете. Туарег покупает прежде всего так называемую мальтийскую хлопчатобумажную ткань, блестящую и ярко раскрашенную индиго. Затем он передает ее своей жене, чтобы она смастерила ему широкую гандуру и саруаль *, в которых он красуется в кругу своей семьи. Независимо от достатка туареги любят похвастать своей одеждой. И мужчины и женщины страшно любят духи, и особенно болгарскую эссенцию, которой они буквально поливают себя, распространяя вокруг одуряющий аромат.

Туарегские женщины весьма способствуют опустошению карманов мужчин; такие же кокетливые, как и мужчины, они обожают блестящие гандуры и ярко расцвеченные

шали из искусственного шелка с длинными кистями. На этих шалях производства лионских текстильных фабрик изображена гробница пророка в Мекке, что придает им в глазах туарегов значение некоего талисмана.

Джебрин — один из тех туарегов Тассили, кому особенно везло в течение тридцати лет при французах. Пользуясь славой лучшего проводника, он сопровождал все экспедиции, занимавшиеся исследованиями плато, а также туристов — любителей пустыни и миражей. Поскольку Джебрин служил проводником наших отрядов мехаристов, итальянцы, когда они еще были хозяевами в Гате, назначили за его голову высокую награду, но ловкость помогла ему от них ускользнуть.

Как это ни удивительно, Джебрин, заработавший за свою жизнь сравнительно много денег, был сейчас беден. Основная причина его бедности в том, что люди племени кель-медак широко пользовались его доходами. Когда он приносил чай, сахар, зерно, финики, все приходили к нему в шатер. Он считался самым состоятельным человеком своего племени и пользовался всеобщим уважением. Это, кстати, немало помогало ему столь легко ускользать от итальянских полицейских агентов, пытавшихся заманить его в западню в Гате.

Как и все туареги, Джебрин верит в привидения. Не раз я заставал его, когда он жег на угольях зерна какого-то небольшого растения с отвратительным запахом, стремясь как можно быстрее прогнать злых духов, населяющих здешние места. Он совершенно серьезно мне все это объяснял и даже чуть ли не готов был утверждать, что сам видел и слышал джиннов!

Три с половиной тысячи туарегов Тассили, живущих на территории, почти равной Франции,— самые бедные из всех племен Сахары. Никогда во время поездок по Ахаггару и Судану я не сталкивался среди местных племен с такой нуждой. У туарегов редко можно встретить семью, имеющую хорошую палатку. В то время как в кочевьях Ахаггара считается вопросом чести иметь хороший, из тщательно подобранных шкур муфлонов шатер, украшенный подвесками с узорами строгого рисунка и прорезями, что, безусловно, свидетельствует о тонком вкусе местных туарегов, у племени кель-аджер шатры в дырах и заплатах, а шатер для новой супружеской четы страшно мал и мастерится из плохо выдубленных шкур. Нынешние жители Тассили — троглодиты *, этому способствует рельеф страны и многочисленные естественные убежища в образованиях песчаника. Они следуют традициям до-

исторических племен, в частности пастухов неолитической эпохи, которые наряду с соломенными хижинами, изображенными на многих росписях, использовали пещеры и гроты в скалах, размещая там свои очаги и скот. Мы встретили несколько семей туарегов, устроившихся в этих тысячелетних пещерах за двумя маленькими каменными заслонами, и трудно установить, кем эти заслоны были возведены — нашими ли современниками или жителями доисторической эпохи. На наш вопрос обитатели убежищ ответили, что заслоны всегда находились здесь. Иногда туареги все же предпочитают сооружать новое убежище, что при обилии камней не составляет большого труда:
 это делается быстро и не требует издержек. Что же заставляет туарегов искать или сооружать новые жилища? Некоторые старые пещеры пользуются дурной репутацией: по преданию, в них живут джинны.

Обстановка пещер, служащих туарегам жилищами и представляющих довольно относительное укрытие от суровых зимних холодов и летнего зноя — мы испытали это на себе в течение 16 месяцев,— чрезвычайно примитивна. Все имущество семьи туарегов сводится к одному или двум глиняным горшкам (иногда их заменяет купленный в лавке эмалированный котелок), одной или двум деревянным мискам, кое-как починенным при помощи обрывка проволоки, деревянным ступке и пестику, изменившим свою форму от долгого употребления, двум или трем старым ложкам, котлу для воды, двум закопченным эмалированным чайникам, небольшому деревянному сосуду, выдолбленному из куска тамариска (они используют его вместо ведра при дойке коз), деревянной воронке, одному или двум бурдюкам для воды и маленькому бурдюку для сбивания масла.

Женщины здесь менее искусны, чем в иных местностях, и если некоторые из них и занимаются кожевенным ремеслом, то дубление кожи производится плохо, и изготовленные вьючные мешки очень низкого качества в противоположность высокохудожественным кожаным изделиям племен Ахаггара и Адрар-Ифораса. За время многократных посещений Тассили я очень редко встречал прилично сделанные вьючные мешки.

В Ахаггаре все женщины умеют смастерить за несколько часов из двух старых кусков кожи пару удобных сандалий. Женщины Тассили настолько забыли эту технику, что все поголовно ходят зимой и летом босиком, несмотря на обилие острых камней.

Единственный доход людей племени кель-аджер состав-

ляет ничтожная сумма, получаемая ими от продажи в Джанете продуктов скотоводства да нескольких вязанок дров. Это очень немного, особенно если учесть, что одной семье в лучшем случае удается за год продать два десятка коз, несколько фунтов масла, несколько бурдюков для воды, вязанок двадцать дров — в переводе на деньги от 70 до 80 тысяч франков* в год на семью из пяти-шести человек, в том числе и детей.

У кель-аджер слишком мало верблюдов, для того чтобы ходить с караванами в Судан и принимать, как кель-ахаггар, участие в разработках солончака Амадрор.

Здесь все недоедают, и многим семьям приходится ограничиваться в день одной трапезой, состоящей либо из финиковой кашицы, либо из таджела (нечто вроде пресных галет, изготовленных из раздавленных хлебных зерен, испеченных в золе), к которым добавляется немного кислого молока и одна-две ложки масла.

Старшие дети, пасущие коз, стараются сами найти себе пропитание. Они охотятся за ящерицами и мелкими, удивительно ловкими грызунами — гунди. Взрослые тоже не брезгуют мелкой дичью, но они заботятся прежде всего о детях, зная, что молодые желудки требуют особенно много пищи. Ящерица и гунди — великолепный бифштекс для подростка, но как часто зимой мы видели этих ребят, возвращавшихся несолоно хлебавши — ведь все животные попрятались в свои норы! Тогда они старались нанести нам визит в часы обеда и усердно скребли дно котелков. Желудки этих людей походят на желудки их верблюдов. Они способны переваривать любые необычные растения, в частности лжеспаржу (очень горькую), зерна мрокбы *, ягоды терновника, листья дикого щавеля. Иногда им удается поймать в капкан зайца или шакала — такой день превращается в праздник. Лучшим охотникам время от времени случается убить муфлона или газель, но это бывает очень редко.

Несмотря на внешне здоровый вид и исключительную выносливость в ходьбе, большинство туарегов страдает рахитом — следствие постоянного недоедания. Естественный отбор здесь суров, и детская смертность достигает примерно 50 процентов. У Джебрина, имевшего от двух жен 12 детей, осталось всего шесть, причем один из них долго не протянет. Дети растут, не имея понятия о гигиене. Живя среди домашнего скота, они сосут козий помет и мокнут в козьей моче. На слезящиеся глаза садятся мухи, что ведет к конъюктивитам, всякого рода воспалениям и трахоме, оставляющей последствия на всю

жизнь. Мы встречали многих людей с искривлением ступни, врожденной деформацией ног и рук, многочисленны случаи косоглазия. Почти у всех нарушения в строении челюсти, что, по-видимому, вызывается авитаминозом и недостатком кальция.

Нехватка продовольствия наиболее пагубно сказывается зимой. Тогда редко можно найти стоянку туарегов, где бы не было больных. Кочевники очень плохо защищены от холода и в большинстве случаев имеют лишь тонкое хлопчатобумажное покрывало, у них нет никакой одежды из шерсти. Все жалуются на «холод в костях» — проявление суставного ревматизма. Туареги Тассили

больше всего боятся зимы: в этот период болезнь безжалостна и уносит самых слабых. При мне за одну зиму умерли одна из жен Джебрина и его тетка. Сам Джебрин и его сын Матал, скелетоподобный юноша шестнадцати лет, чуть было не отправились вслед за ними. Нам было известно о многочисленных случаях смерти в соседних кочевьях. Тем не менее туареги ни за что на свете не желали спуститься в Джанет и воспользоваться построенной для них лечебницей. Они предпочитали, как и муфлоны в их стране, умирать среди своих скал. Если Джебрин иногда и обращался в лечебницу, то причина тому — несколько более высокий культурный уровень, чем у его соплеменников. Правда, во многом он так же отстал, как и все остальные.

Однажды, возвратившись в кочевье, Джебрин нашел своего сына, только что укушенного гадюкой, в тяжелом состоянии. Вместо того чтобы отправиться в наш лагерь за сывороткой, о существовании которой ему было известно — я не раз рассказывал ему о ней, — он предпочел надрезать место укуса и затем выдавить кровь. Это очень рискованно, особенно в тех случаях, когда укус глубок и туда проникло много яда. Состояние больного ухудшалось, но, на счастье, через кочевье проезжал командир взвода мехаристов, и ему удалось спасти юношу.

Джебрин верит, пожалуй, больше в варенье, чем в силу действия сыворотки, и это убеждение — плод его личного опыта. Несколько лет назад его укусила змея, и в течение трех месяцев он находился между жизнью и смертью. Почувствовав себя несколько лучше, он отправился за советом к врачу в Джанет. Врач осмотрел его ногу и установил, что опасность миновала. Желая выразить Джебрину свою радость по поводу удачного исхода его болезни, врач подарил ему банку варенья. Джебрин не понял смысла этого знака дружеского расположения, прогло-

тил содержимое банки, как если бы это было лекарство, почувствовал себя лучше и стал утверждать, что с того дня его недуг исчез совершенно бесследно.

Предрассудки туарегов касаются не только медицины, но и школы. Они отказываются посылать своих детей в Джанет. «Нет! — говорил мне Джебрин.— Мы не созданы для того, чтобы жить в глиняных домах и учиться считать, как торговцы. Мы, туареги Тассили, созданы для того, чтобы жить среди наших камней, с нашими козами, верблюдами — и только для этого. Эта жизнь нам нравится. Такую жизнь вели наши отцы и деды. Мы ни на что не годимся — это мы знаем, но мы не кель-джанет и не будем посылать наших детей в школу».

Кель-джанет — название, данное жителям оазиса Джанет, которые выращивают пальмы, возделывают землю, посылают своих детей в школу, нанимаются на стройки, служат проводниками у французов и т. д. Туареги глубоко их презирают, признавая в то же время, что в оазисах гораздо более высокий уровень жизни.

Что же ожидает в подобных условиях туарегов Тассили в ближайшем будущем? Желание жить среди скал, сопротивление любому нововведению, физическое истощение вследствие недоедания, многочисленные браки между родственниками — все это предвещает их полное вымирание в довольно скором времени. Можно, конечно, возразить: 50 лет назад то же самое предсказывали в отношении туарегов Ахаггара, а они здравствуют и поныне. Больше того, их численность возросла, но значительно улучшились и условия их существования. В то же время положение их тассилийских собратьев не улучшилось ни на йоту. Есть ли против этого лекарство? Основная проблема — увеличение местных ресурсов. Вот, пожалуй, единственный способ возрождения жизненных сил этой пришедшей сейчас в упадок группы населения, пережившей в прошлом период расцвета.

Туареги Тассили действительно сыграли большую роль в истории. Они веками были неограниченными владыками Феццана, их вожди управляли Ахаггаром, они осуществляли контроль над большим караванным путем из Триполи в Судан и извлекали из этого крупные прибыли. По имени их главного города Гарамы все люди их племени стали называться гарамантами. Когда же они под предводительством Ганнибала приняли участие вместе с нашими предками-галлами в битвах при Требии, Каннах и Тразименском озере, где они составляли большой кавалерийский корпус, слава о них разнеслась за пределы

Средиземного моря. Их упадок начинается со времени нашествия арабов, изгнавших их из Феццана. Признанию чужеземного господства и принятию ислама они предпочли бегство в скалистые горы Тассили, где арабы никогда не осмелились бы их преследовать. Но вскоре оказалось, что всех прибывших туда людей прокормить невозможно, наступил голод; между племенами возникли распри, многие были вынуждены уйти в более богатые и менее населенные края; большие группы туарегов обосновались в Аире. Затем ранее прибывшие кочевники, теснимые вновь прибывавшими волнами эмигрантов, отправлялись на поиски новых земель. Так они дошли до Чада, где смешались с негроидами. В наши дни они сохранили лишь смутное воспоминание о своем туарегском происхождении. С тех времен в Тассили происходил естественный отбор. Выживали лишь те, кто в этих суровых условиях мог обеспечить себя пропитанием.

Позднее, перед приходом французов, туареги Сахары, населявшие Ахаггар и Аджер, вели хищнический образ жизни за счет людей, живших в оазисах, занимались торговлей рабами, захваченными в Судане; все это позволяло им поддерживать свое благосостояние. С оружием в руках они захватывали у других то, чего им недоставало в своей стране. Те времена канули в прошлое, и желательно, чтобы они не повторились. Современным же туарегам Тассили остается лишь влачить жалкое существование на своих бесплодных каменистых плато.

Конечно, местные ресурсы можно было бы увеличить, если учесть, что в настоящее время хозяйственные занятия туарегов сводятся в основном к скотоводству, а для разведения скота необходимы пастбища, для которых в свою очередь требуется вода. Если бы удалось вернуть Тассили его былую растительность, когда там находили пищу слоны, носороги, жирафы и огромные стада быков! Возможно ли это? Да, возможно, если когда-нибудь удастся вызывать дожди, призвав на помощь науку. В настоящее же время мы бессильны что-либо предпринять, хотя по этому поводу написано немало. Тем не менее проблема возрождения Тассили может быть разрешена только таким путем; ведь трудно предположить, что в один прекрасный день туареги отправятся на нефтяные скважины Эджеле.

Глава
14
Двенадцатислойная живопись

Работа в Сефаре продолжается. Мишель Брезийон и Андре Вила, не отрываясь, рисуют с утра до вечера. Качество их прорисовок на кальке теперь безупречно. Мы с Мишелем штурмуем удивительную наскальную роспись, которая оказалась сложнее всех виденных нами. Расположена она в низкой пещере с занесенным песком полом. Длина ее — более 9 метров. Тщательно изучив роспись, мы обнаруживем, что она состоит из двенадцати слоев изображений, которые соответствуют такому же числу периодов, предшествующих периоду скотоводов. Следовательно, рисунки относятся к очень древней эпохе.

Даже с помощью Лажу мне понадобилось восемь дней, чтобы снять кальки, но их раскрашивание оказалось делом еще более сложным: ведь калькирование воспроизводит только контуры. Многие изображения частично наслаиваются друг на друга, и некоторые из них серьезно попорчены; это еще более усложняет работу.

Мы столкнулись с уникальным образцом наскальной живописи. Право, никогда еще ни одному археологу не доводилось иметь дело с росписями, состоящими из такого множества самых запутанных наслоений. Порой мы с Мишелем расходимся в мнениях: он утверждает, что тот или иной рисунок появился раньше другого, а я уверен в обратном.

Мы смачиваем стену водой, чтобы оживить краски, и задумываемся над проблемой освещения. Дело в том, что боковой свет справа подчеркивает красный и желтый тона охры, а такое же освещение слева выявляет скорее белые или зеленоватые тона, поэтому мы в разное время дня по десять раз возвращаемся к одному и тому же фрагменту росписи. После многочисленных сверок приходим наконец к единому мнению. Эта процедура иногда приводит к ошибкам, не говоря уже о том, что она всегда изнурительна: работать зачастую приходится в самом неудоб-

ном положении. Но какое это имеет значение, если именно таким образом мы лучше всего сможем ознакомиться с каждым стилем! Впоследствии это поможет нам разрешить археологические проблемы исключительной важности.

Система раскрашивания копий на месте вынуждает нас производить «расшифровку» живописи сантиметр за сантиметром. Подобная система несравненно лучше любого иного способа, будь то прорисовывание кальки или фотографирование даже с применением инфракрасных лучей: эти методы могут быть использованы лишь дополнительно для контроля, а сами по себе они недостаточны для полного воспроизведения росписи.

На нашей росписи мы снова встречаем маленькие фигурки, нарисованные лиловатой охрой: по-видимому, они принадлежат к самому древнему слою. Но в основном здесь изображены белые, обведенные красной охрой муфлоны, тянущиеся вереницей вдоль всей росписи. Есть здесь и слоны, и жирафы, и похожая на лошадь антилопа, а также муфлоны, относящиеся к какому-то другому периоду. Написанные желтой охрой и обведенные красной, они отличаются от белых муфлонов длинной шерстью на шее и ногах. Изображения муфлонов принадлежат той же художественной «школе», что и «круглоголовые» фигуры «марсианского» типа, и выдержаны в той же цветовой гамме. Здесь имеются два «марсианина». Одна из таких тонких и стройных фигур, нарисованных белой краской, шокировала Мишеля: он обвинил меня в том, что я заставляю его копировать... «безнравственные» сцены!

Наконец, наверху представлена военная сцена, изображающая вооруженных луками людей. Она относится к слою росписей скотоводческого периода. К моему великому изумлению, воины оказались женщинами и к тому же с одной грудью! Мы еще нигде не встречали женщин-лучников, и это открытие обогатило наши сведения об удивительных людях скотоводческого периода. Но почему одна грудь? Что это — условность изображения или результат ампутации? Невольно приходят на ум амазонки Беханзена* — кровожадные женщины, составлявшие охрану царя чернокожих, которые шли на удаление правой груди, мешавшей им при натягивании тетивы. Неужели у пастухов того периода тоже были свои амазонки?

Композиция «Маленькие муфлоны», как мы в конце концов ее окрестили, дала нам ценные сведения. Благодаря ей удалось установить относительную хронологию

всех двенадцати слоев. Сопоставляя наши данные с более ранними наблюдениями, мы сможем уточнить прежние представления об эволюции доисторического искусства в Тассили.

Я подчеркиваю, что речь идет именно об искусстве. Что же касается нашего вклада в установление хронологии всеобщей истории человечества, то это совсем другой вопрос.

Мы выяснили, что стили менялись, но у нас нет оснований утверждать, что то или иное изменение стиля всегда совпадало с изменениями этнического характера. Тем более нельзя настаивать на соответствии слоев и этнических групп. Можно только предполагать, что до прихода скотоводческих племен Сахару населяли племена негроидов. Что касается фауны, то при смене эпох мы не заметили в ней каких-либо явных изменений, свидетельствующих о перемене климата. Напротив, в течение очень долгого времени фауна, по-видимому, оставалась прежней, так как на древних слоях изображены те же животные, что и на росписях скотоводческого периода. Только в период лошади, отмеченный появлением военных колесниц, наблюдается заметная перемена. Из росписей исчезают такие крупные животные, как бегемот, носорог и слон (жирафа, антилопа и страус остаются). Это, вероятно, относится к периоду между IV и II тысячелетиями до н. э., когда началось высыхание Сахары. Не вызывает сомнений и то, что животные, изображенные тассилийскими художниками, совсем не обязательно должны полностью соответствовать фауне того времени.

В другом гроте, названном нами «Большой цирк», мы тоже собрали ряд интереснейших сведений об эволюции стилей. Здесь в наслоениях встречаются в основном фигуры с круглыми головами. По-видимому, этот стиль, существовавший в течение очень длительного периода, претерпел много изменений, и важно изучить все его разновидности.

Работа оказалась нелегкой. Некоторые рисунки находятся на высоте четырех метров, и, чтобы добраться до них, нужно быть настоящим акробатом. Мы кое-как связали обрывками веревки нашу разболтавшуюся за последние месяцы складную железную лестницу. Но она все равно угрожающе шатается под нами, особенно когда мы воюем с ветром, который срывает листы бумаги и вздымает клубы пыли. Приходится прибегать к другим средствам — ставим друг на друга столы. Наконец спустя несколько часов нам удается общими усилиями снять ко-

пию всего ансамбля росписей размером более десяти квадратных метров. Лишь несколько фигур оказались расположенными так высоко и настолько стерлись, что с ними мы ничего не смогли поделать. Зато мы лишний раз убедились, что художники доисторического периода должны были пользоваться лесами. Уровень почвы с того времени не изменился, и без лесов они просто не смогли бы выполнить свои росписи на такой высоте.

Мы уповаем, что когда-нибудь наш труд будет вознагражден. А пока приходится довольствоваться смертельно надоевшей лапшой — одно и то же блюдо днем и вечером... Не слишком роскошно! К тому же отшельничество начинает нас угнетать.

Но мы не совсем забыты среди скал — каждое воскресенье над нашими головами пролетает самолет из Алжира. Летчики нам знакомы: с одними мы летали, с другими встречались в столовой в Джанете. Им известно наше местонахождение, и они приветствуют нас покачиванием крыльев, а мы в ответ машем им руками.

Однажды над нами с громовым гулом проносится самолет; он летит так низко, что от шума у нас чуть не лопаются барабанные перепонки. Это совсем не в правилах наших друзей-пилотов! Лажу, забравшийся на вершину ближайшего утеса, чтобы снять план окрестностей, инстинктивно поднимает руки для приветствия. Потом, немного озадаченный, он присоединяется к нам, и мы вместе смеемся над шуткой, которую с нами сыграл пилот.

Но спустя два дня в нашем лагере появляется мой бывший проводник Серми в сопровождении второго туарега — оба в полном изнеможении. Серми передает мне письмо, и я по почерку узнаю руку нашего друга Росси, начальника поста Джанет:

«Дорогой Лот, пилот ДЦЗ, прибывший в Джанет, сообщил мне, что видел на Тассили европейца, который отчаянно махал руками и, по-видимому, просил о помощи. Я посылаю вам двух туарегов с поручением добраться до вас по возможности быстрее. Если эти сигналы имеют какое-либо значение, то пусть Серми немедленно возвращается. Если же это приветствие летчикам, то я прошу передать вашим молодым людям, чтобы они бросили эти шуточки. С дружеским приветом Р.».

Я прочел письмо вслух членам экспедиции. По их физиономиям было видно, что прибытие двух вооруженных до зубов туарегов их встревожило и они ждали неприятных известий. Но как только я кончил читать, беспокойство разрядилось взрывом общего хохота. Серми и его

товарищ искали нас двое суток, день и ночь, так как не знали, где точно расположен наш лагерь. Сначала они отправились в Джаббарен, потом в Тин-Беджедж, наконец, в Тамрит, где обнаружили следы, оставленные нами месяц назад. Ей-богу, туареги — превосходные следопыты, и их умение читать по следам говорит о незаурядной наблюдательности. Они ничего не ели в течение сорока восьми часов. Им выдается, как и нам, лапша, правда двойная порция, и чай — сколько душе угодно.

В своем ответе я успокаиваю и сердечно благодарю Росси. Этот инцидент подтверждает, что в Джанете нас не теряют из виду и что у нас есть друзья, на которых мы можем вполне положиться в случае действительной опасности.

Сефар приберег для нас еще несколько интереснейших открытий. Прежде всего это большая фигура, которая едва видна — настолько тусклы, а местами и вовсе стерты краски. На ее голове шлем с гребнем, напоминающий древнегреческие шлемы. Фигура того же типа, что и «Антинея» из Джаббарена: тот же серый аспидный тон, та же прическа с красными лентами и белой контурной линией. Разгадать это совершенное по своему выполнению произведение, как и другие изображения той же «школы», будет нелегкой задачей.

На противоположной стороне вади находится большое изображение негритянки, написанное в стиле «круглоголовых». Лицо ее закрыто. На той же стене нарисовано много маленьких фигурок, относящихся к скотоводческому периоду. Как реалистично и темпераментно выполнены сцены сражений лучников! В них столько движения и пыла, что перед нами как бы оживают все страсти участников схватки.

Среди сотен сделанных нами открытий одно особенно заслуживает упоминания. Лажу и я изучали стены гротов. Располагая бо́льшим временем, чем его товарищи, наш кинооператор первым приступал к осмотру новых мест. Если он обнаруживал что-нибудь интересное, мы вместе отправлялись посмотреть на его находку. Так мы уже обошли несколько гротов и собирались возвращаться в лагерь, когда я заметил в расщелине скалы темное углубление.

— Ты туда заглядывал? — спросил я.

— Нет,— ответил Лажу.— Мне кажется, там не может быть рисунков.

— Пойдем посмотрим!

Довольно хорошо укрытый грот достаточно глубок, и не исключено, что он служил когда-то жилищем. Мы ос-

матриваем его внутреннюю поверхность и замечаем длинную красную полосу, прерывающуюся в трех местах. Обычно мне почти всегда удавалось определить по целому ряду признаков, с каким сюжетом я имею дело, даже если роспись сильно стерта или покрыта плотным слоем глинистой пыли. Но на этот раз нечеткие изображения мне абсолютно ничего не говорят: я не могу разобрать никаких подробностей.

— Просто какие-то линии, ничего интересного! — заключает Лажу.

У нас с собой нет больше воды, чтобы смочить стену, а гельта находится довольно далеко. Тем не менее я говорю Лажу:

— Сходи все-таки за водой, я думаю, что это стоящее дело. А если здесь ничего не окажется, у меня хоть совесть будет чиста.

Мы смачиваем стену водой из кожаной фляги, и еще не успевает стечь вода, как у нас вырываются возгласы восхищения. Промывка — в который раз! — совершает чудо. Отчетливо выступают три предельно стилизованные негритянские маски. Они расположены в ряд на одном уровне. Их можно было бы принять за современную декоративную живопись: нос и рот схематичны, а вместо лица — овал.

Весь ансамбль достигает двух метров в длину. После внимательного изучения я обнаруживаю на головных уборах масок несколько разноцветных параллельных полос. Точно такие же полосы имеются у нашей фигуры со шлемом. Здесь те же цвета: аспидно-серый фон, красная охра, белый контур. Нет ничего общего ни в стиле, ни в сюжете, но техника выполнения, несомненно, одинаковая.

Видимо, художникам одной и той же эпохи принадлежат как реалистические, так и символические изображения. Не исключена возможность того, что эти произведения возникли в результате слияния элементов египетского и негроидного искусства и свидетельствуют о сосуществовании разных этнических групп. Во всяком случае подобные предположения должны вызвать у ученых и искусствоведов огромный интерес к рисункам Тассили.

На обратном пути мы натолкнулись в одной из пещер еще на две прекрасные росписи. На первой изображено странное животное величиной больше метра, похожее на тритона, написанное желтой охрой и обведенное красным контуром, на второй — огромное свиноподобное существо с торчащими клыками, относящееся к эпохе «Великого божества».

И наконец, последний результат наших исследований: мы обнаружили, что все выходы из долины загорожены каменными стенами и что мы находимся в своего рода небольшом укрепленном лагере. Я уже отмечал подобные факты в Джаббарене, в Уан-Абу, а поскольку рисунки скотоводческого периода встречаются в этих трех местах, я полагаю, что укрепления принадлежат скотоводческим племенам. Кроме того, в центре низменности сохранились основания трех древних хижин, напоминающих по своей форме жилища, изображенные на стенах гротов.

В лагере нас ожидают открытия совсем иного рода. С наступлением жарких дней повсюду появляются змеиные следы. Первую гадюку я убил у подножия дикого оливкового дерева, вокруг которого мы с Лажу долго бродили, надеясь найти на нем цветок, поскольку его нет ни в одном гербарии. Вторую змею я обнаружил в двух шагах от наших палаток: обследовав нашу кухню, она свилась кольцом под камнем. На третью я наткнулся под кустом арты, когда показывал Мишелю дорогу к только что обнаруженной гельте. Целое нашествие! Никогда мы не встречали места, подобного Сефару: оно так и кишело змеями. Этот уголок особенно благоприятен для размножения пресмыкающихся, потому что туареги очень редко устраивают здесь стоянки.

Лесажа сразу же по прибытии едва не укусила змея: он поставил ногу в нескольких сантиметрах от нее. Вила увидел ее первым и предупредил Лесажа. Тот отскочил назад, побелев как полотно. Он не скоро пришел в себя и еще несколько дней говорил о случившемся. Встреча действительно могла произвести впечатление: это была большая самка, с головой больше монеты в 100 су *, но от страха змея показалась Лесажу еще крупнее. Чудесным образом избежав опасности, он дал обет сразу же по возвращении в Марсель поставить в Нотр-Дам де ла Гард свечу длиной с эту змею. Возвратившись во Францию, Лесаж действительно выполнил свое обещание. Однако, по его мнению, расходы на свечу должна была взять на себя экспедиция. Казной экспедиции ведал Мишель, которому хорошо было известно ее довольно плачевное состояние. При общем одобрении он отказал Лесажу: ведь это не экспедиция давала обет, следовательно, она и не обязана брать на себя расходы. Тем не менее все отправились в церковь. Тут длина змеи сократилась до размеров маленького змееныша, и свеча, высота которой предполагалась три с половиной метра, стала обычной церковной свечкой.

Наш лагерь за лето превратился в настоящий зверинец. Вила коллекционирует добов — больших ящериц с колючим хвостом и миролюбивым характером. Вила устроил их всех, больших и маленьких, возле кухни, обвязав веревочкой за живот, чтобы они не удрали. Ему удалось доставить их живыми в Париж, где они и сейчас занимают одно из отделений вивария. У нас было также два зайчонка; мы нашли обоих в зарослях вади Сефара, близ которых их родители резвились у нас на глазах. Мы кормили зайчат разведенным сухим молоком, но один из них через несколько дней сдох. Зато второй стал совершенно ручным и вскоре начал есть побеги одуванчиков, которые мы ему приносили. К несчастью, он погиб на обратном пути в Джанет — его ящик слишком долго стоял на солнце.

Другим питомцем нашего лагеря был пойманный туарегскими мальчишками молодой грызун гунди, с которым мы тоже очень подружились. Все эти зверьки составляли чудесную семью, совсем как во времена Ноева ковчега. Но какая засуха вместо потопа!

Глава
15
Парашюты

Проблема снабжения экспедиции продовольствием становится все более острой. Большинство наших продуктов кончилось, сахар уже на исходе, три четверти мешков с мукой пусты. Каждый раз, когда я прошу у Джебрина раздобыть верблюдов для доставки продовольствия, он что-то бубнит под своим литамом *, а затем пускается в разглагольствования, что, мол, здесь нет пастбищ и верблюды теперь спустились на выгоны эрга Адмер. Капитан Росси в Джанете также не может предоставить мне вьючных животных. Неужели нам придется прекратить работу?

Я еще раз вызываю Джебрина, показываю ему мешки из-под муки и спрашиваю, не желает ли он питаться камнями — именно такая перспектива ожидает нас.

— Нет,— отвечает он невозмутимо.— Я за свою жизнь достаточно насмотрелся на камни. Если бы их можно было есть, люди племени кель-медак не были бы такими тощими. Чего-чего, а уж камней-то в нашей стране хватает!

Наконец однажды утром наш второй проводник, Агауэд, появляется с четырьмя осликами, и маленький караван поспешно направляется в Джанет. Среди почты, доставленной Агауэдом через два дня, я нахожу следующее сообщение: получено разрешение сбрасывать нам продукты на парашютах. Я давно этого добивался, и теперь наконец доставка по воздуху начнется по первому нашему требованию.

Готовлюсь к поездке в Джанет. Намереваюсь воспользоваться ею для более подробного обследования окрестностей, чтобы найти участок, годный для выброски грузов. Нельзя же сбрасывать парашюты на сплошной лес остроконечных утесов, среди которых мы живем! В четырех километрах от лагеря, в месте слияния вади Сефар и Ин-Итинен, я обнаружил плато. Правда, оно довольно скалистое, но другой, более подходящей площадки нет.

По прибытии в Джанет я узнал, что самолет, команда которого вызвалась провести операцию, только что разбился при неудачном взлете. В результате — 9 убитых, 2 тяжело раненных и разбитая вдребезги машина. Эта катастрофа поставила все снова под вопрос и вынудила меня отправиться в город Алжир. Впрочем, я все равно должен был встретиться там с вернувшимся из Франции Гишаром и вместе с ним подготовить первую выставку наших росписей.

В Алжире я добился решения о доставке грузов на парашютах. Было предусмотрено, что самолет «Норд 2500», предоставленный в наше распоряжение, сначала сделает

посадку в Форт-Флаттер, где «бензовозы» тоже ожидали груза.

С первым почтовым самолетом, вылетавшим в Джанет, я отправляю в лагерь нового члена экспедиции, художника Лесажа. Передаю с ним инструкции Брезийону, который должен координировать наземные операции. В частности, напоминаю:

1) площадкой для приземления парашютов будет служить участок (5×5 метров), найденный мной в четырех километрах к югу от нашего лагеря;

2) по углам площадки в качестве опознавательных знаков должны быть выложены придерживаемые камнями полосы белой бумаги; это следует сделать за три или четыре дня до операции, чтобы мы могли определить площадку с воздуха на пути в Джанет;

3) необходимо приготовить дымовые шашки, небольшой запас которых имеется в нашем лагере. В нужный момент они укажут направление ветра у земли;

4) Лажу и Вила должны подготовиться для кино- и фотосъемки этой первой в своем роде операции в горах Центральной Сахары;

5) по окончании операции Лажу должен немедленно вернуться в Джанет: на следующий же день ему предстоит вместе со мной принять участие в воздушных киносъемках;

6) и наконец, я прошу принять все меры к доставке продовольствия в лагерь и возврату контейнеров и парашютов в Джанет.

5 мая в 5.30 утра мы встречаемся на аэродроме Мэзон-Бланш с летчиками, назначенными для проведения операции. К экипажу прикомандированы парашютист — специалист по сбрасыванию контейнеров и фотограф с аппаратом для воздушных съемок.

Несколько минут веселой и взволнованной дружеской

беседы. За этим следует быстрая проверка, и самолет отрывается от земли. Мы летим на юг.

Первая посадка в Уаргле, где мы разгружаемся и сразу же берем новый груз. Затем следует Форт-Флаттер, вновь разгрузка и заправка самолета горючим. Мы берем курс на Джанет. С приближением к Тассили я занимаю место второго пилота, чтобы помочь командиру экипажа при предварительном осмотре местности. Боясь сбиться с курса и потерять время в поисках нашего лагеря в каменном лабиринте, мы долетаем до Джанета. Пролетев над оазисом, берем курс на Сефар, пользуясь моей картой. Приблизительный маршрут на ней был нанесен еще на земле по указаниям Джебрина.

Первый полет не дает никаких результатов, и я задаю себе вопрос, успели ли мои товарищи разместить опознавательные знаки. Однако я прихожу к выводу, что если бы им не удалось этого сделать, они обязательно зажгли бы дымовые шашки.

Круто повернув, вновь направляемся к Джанету. На этот раз летим несколько восточнее. Я быстро отмечаю Тамрит, затем нахожу путь из Джанета в Гат, и мы пролетаем над остроконечным каменным лесом, охватывающим массивы Тин Абу Тека, Тин-Тазарифт, Сефар. Но я ничего не вижу. Мы делаем левый вираж, и Гишар первым замечает белые бумажные полосы, четко обозначающие площадку.

Вскоре мы обнаруживаем на земле большой очерченный круг, внутри которого можно прочесть: Сефар. Круг расположен в самой середине нашего лагеря и виден очень четко. Мои коллеги хорошо поработали. Штурман устанавливает точный угол поворота, и парашютист бросает прямо над кругом вымпел с сообщением. В нем я пишу Брезийону, что сбрасывание парашютов с грузом состоится послезавтра, 7 мая, в 7 часов утра. Спустя несколько минут мы спокойно приземляемся на аэродроме в Джанете, где меня встречают офицеры поста и Лесаж.

Следующий день посвящается подготовке контейнеров. Специалист по сбрасыванию парашютов усердно занимается своим делом. Он размещает груз в плетеных из ивовых прутьев контейнерах, связывает их, тщательно укрепляет парашюты. Все это не так просто, как могло бы казаться, и требует большой сноровки. Но вдруг он останавливается: на 14 тюков имеется только 8 парашютов! Тогда решаем сбросить шесть тюков без парашютов. Приходится вновь перевязывать тюки, вынув оттуда съестные припасы, которые могут пострадать при свободном

падении. Откладываю в сторону муку, мыло, затем упаковываем все это в большие мешки с соломой. Тюки погружаем в самолет. В назначенный день, в 7 часов, мы пролетаем над Сефаром и видим наших товарищей, зажигающих в районе приземления дымовые шашки. Я бросаю им вымпел с сообщением, что вопреки программе шесть тюков будут сброшены без парашютов. Это потребует эвакуации людей с площадки для приземления грузов.

После крутого виража над Сефаром мы подлетаем к нашей площадке. Каждый на своем месте. Дверца самолета открыта. Грузы, предназначенные для сбрасывания на парашютах, прицеплены карабинами за трос, протянутый

вдоль кабины самолета. Остается только столкнуть их вниз. Второй пилот, устроившись сзади, держит по телефону связь с кабиной первого пилота, где находимся мы с командиром, капитаном Флашаром, и сообщает обо всем, что происходит внизу.

К началу сбрасывания обнаруживаем, что участники экспедиции находятся еще на площадке, и капитан из предосторожности приказывает выждать. Снова делаем разворот. Летим на высоте 100 метров, как полагается при подобных операциях.

Есть особая пьянящая прелесть в виражах над залитыми солнцем скалами Сефара. Но какое это должно быть фантастическое зрелище, когда с еще большей высоты откроется весь гигантский каменный лес, простирающийся за линию горизонта!

Возвращаемся к площадке и с облегчением видим, как члены экспедиции отбегают в сторону. Проверив угол сбрасывания и сделав обычное предупреждение, капитан нажимает на педаль, соединенную с сиреной. Это сигнал: самолет слегка кренится на крыло, и парашютист сбрасывает груз. Сильный поток воздуха поднимает в самолете облако пыли. Если бы наш парашютист не был привязан ремнями к стальному тросу, его наверняка тоже выбросило бы из самолета.

Груз падает на землю у восточной границы площадки. Мы видим поднимающееся снизу огромное облако и перепуганных мальчишек, удирающих со всех ног.

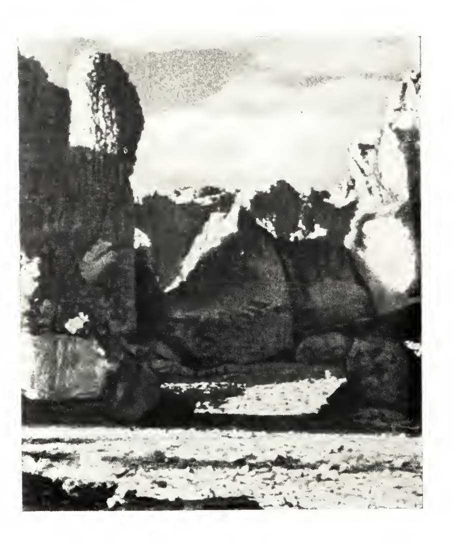
Второй пилот кричит в микрофон:

— Мешок с мукой лопнул!

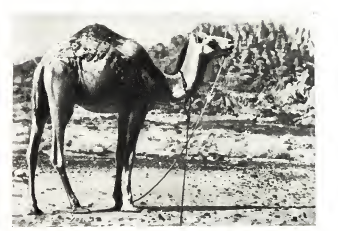
— О черт! — говорит капитан.— Веревки были слишком туго затянуты. Я немного снижусь.

Под нами длинная белая дорожка. Теперь площадка видна очень четко! Но как могло случиться, что Брезийон со своими товарищами не очистили территорию? На этот

Массив Сефар

Тассилин-Аджер. Скалы недалеко от дороги через перевал Ассакао

◀

На пути из Сефара в Тамрит

◀

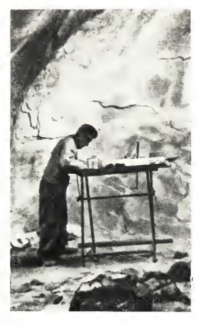
На перевале Тафалелет

Проводник экспедиции и туареги

◄

У лагерного костра в Сефаре

◄

Сефар. Перенос с кальки на бумагу

◄

Раскрашивание фресок в пещере «безголового человека»

Тассилин-Аджер. Типичный ландшафт

Снятие кальки

Большая пещера в Джаббарене

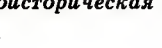
Тассилин-Аджер.
К северу от Сефара

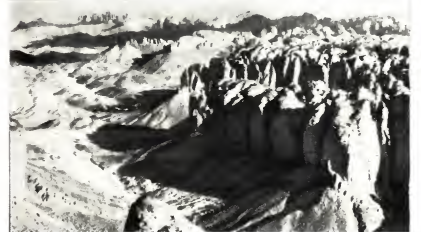
◄
Грот с фресками в Ауанрхете

◄
Тамрит. Дерево тарут

Тассилин-Аджер. «Каменный лес»

Доисторическая зернотерка

Уступ в районе Тафалелета

Неолитический кремневый наконечник стрелы

►

Сефар. Ниша в скале, служившая святилищем

Тан-Зумаитак. Общий вид поверхности стен

Тан-Тазарифт. Слон, за которым следуют муфлоны

Сефар. Муфлоны (вверху)

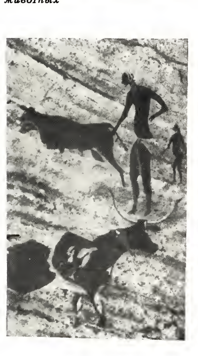
Джаббарен. Три фигуры лучников

Тамрит. Антилопы изображены на выступе стены грота (вверху)

Джаббарен. Сцена с лучниками

Тин-Тазарифт. Сцена приручения животных

Джаббарен. У большинства фигур головные уборы закругленной формы

раз, я полагаю, они наконец поняли! Пять раз повторяются заходы, и каждый раз успешно. Это потому, что Гишар и Лесаж помогают парашютисту. Как только сбрасывается груз, самолет снова возвращается к площадке, и в кабине самолета снова начинает завывать сирена. Все тюки падают в пределах площадки.

Капитан предупреждает меня об окончании первой части операции и объявляет, что поднимается на 200 метров для сбрасывания парашютов. На всякий случай еще раз пролетаем на высоте 150 метров, чтобы сбросить третий вымпел с сообщением о выброске 8 тюков на парашютах.

«Внимание! Готовы?» И снова позади гудит сирена, и самолет слегка накренивается. Чуть заметный толчок — и в воздухе распускается великолепный красный цветок, медленно плывущий к земле. Сильный ветер относит парашют в сторону. Это можно определить по дымовым шашкам, так как на сей раз Брезийон хорошо выполнил поручение. Внизу купол парашюта продолжает трепетать, и мальчишки, видимо, с трудом гасят его. Мы сбрасываем второй, затем третий контейнер — теперь парашюты белые. Вдруг сзади слышится шум. Второй пилот передает:

— Стропы парашюта порвались при выброске, контейнер разбился о землю.

— С такой высоты,— говорит мне капитан,— все разобьется вдребезги!

Я бросаю взгляд на список содержимого контейнеров и вижу, что в пятом были сахар, мука, соль, макаронные изделия. На земле большое белое звездообразное пятно. По его величине можно судить о силе удара и о размерах убытков.

Следующие 3 контейнера благополучно прибывают на место. Раскрывается последний, зеленый парашют — операция закончена. Я должен сказать, что она была проведена мастерски. Если 2 тюка и разбились, то в этом в какой-то мере повинна исключительно твердая поверхность Тассили. В конце концов при подобных операциях убытки неизбежны. Зато отныне экспедиция обеспечена продовольствием на два с половиной месяца. Впервые у нас такое изобилие картошки, апельсинов, лука, лярда, трески и прочих продуктов, не считая сливок, варенья, сухого печенья, которые украсят наш стол, давно уже ставший слишком однообразным.

Последний взгляд на проносящееся под нами плато, и капитан дает полный газ. Сделав великолепный вираж над каменным лесом, самолет, освобожденный от груза, вдруг круто взмывает ввысь!

14 № 3485

Это произошло совершенно внезапно. Никто не ожидал такой шутки от нашего славного капитана, обрадованного возможностью взяться наконец по-настоящему за ручки управления, и все повалились друг на друга, сбившись в кучу у заднего отсека кабины пилота. Гишар чуть не проглотил свою трубку, а Лесаж набил на лбу огромную шишку. Я уже не помню, кто из них вздумал сообщить нам о случившемся, знаю только, что он принял прикрепленную к стенке резиновую воронку с трубкой за микрофон. Лишь открыв рот, он понял, что этот аппарат служит для отправления некоторых естественных надобностей! На военных самолетах все устроено с таким расчетом, чтобы
354 не занимать полезную площадь.

Мы спокойно закусываем, болтаем, и наши «сбрасыватели», оправившись после пережитого волнения, со смехом вспоминают о своем приключении.

По пути намечаем маршрут для завтрашних аэросъемок. Я направляю самолет к великолепному каньону Тамрит, затем к склонам Арума. Мы узнаем массивы Ауанрхета и Джаббарена. Каким невзрачным кажется нам Тассили с такой высоты! Долетев до Ихерира, мы наконец направляемся по прямой на Джанет.

Тем временем Лажу бежит рысью на своих мускулистых ногах к Тафилалету с камерой и катушками пленки, заснятой во время парашютных операций. Он хочет по возможности быстрее послать их для проявления. Встреча назначена на 8 часов вечера у подножия перевала, откуда «джип» доставит его в Джанет. К 10 часам он появляется в столовой и подробно рассказывает нам о том, как на земле воспринималось сбрасывание грузов. Похоже, что весь лагерь охвачен восторгом: выброска парашютов прошла удачно, и все с нетерпением ожидают роскошных пиршеств. Что касается туарегов, то они были ошеломлены видом падающих с неба парашютов. В Тассили об этом будет еще немало толков.

На следующий день, в 7 часов утра, снова поднимаемся в воздух. Лажу, навьюченный камерами, тоже здесь. Накануне мы попытались сделать вертикальную аэросъемку через нижний люк самолета. Фотографу Шерле пришлось лечь на живот, высунув голову наружу. Гишар и Лесаж держали его при этом за ноги, чтобы он не вывалился или не был вытянут из самолета мощной воздушной струей. Однако поза оказалась слишком неудобной, и Шерле не смог справиться с привязанным к его шее тяжелым аппаратом для аэросъемки. Я понял, что от работы в столь пикантном положении, когда треть туловища фактически

висит в воздухе, не будет никакого толка, и велел прекратить съемку. Помимо всего прочего, это было слишком рискованно.

На сей раз мы ограничиваемся боковой съемкой через отвинченное стекло в двери. Лажу производит киносъемку всех массивов, где были найдены наскальные росписи, но работа часто прерывается: ему становится дурно, когда самолет ложится на крыло или попадает в воздушные ямы над каньонами. Тем не менее нам удается сделать более 200 фотоснимков различных участков Тассили. Они составляют большую панораму и удачно дополняют заснятые на земле кадры.

Мы долетаем до Ихерира, чтобы сфотографировать этот маленький центр земледелия и множество окружающих его озер. Некоторые из них, самые крупные в Сахаре, достигают более километра в длину. Капитан Росси как-то сообщил мне о существовании между Ихериром и Ахараром огромного памятника доисламского периода. Мы без труда находим его. Он расположен на склоне хребта, и его необычайные размеры — более 100 метров в диаметре — производят на нас сильное впечатление. Памятник имеет форму большого овала, внутри которого выложен из камней контур, напоминающий своими очертаниями замочную скважину. Туареги считают, что это древняя гробница одной из их цариц. Нам удалось сделать снимки. С самолета я вижу вокруг памятника много других гробниц, правда несколько меньших размеров. Все они расположены на открытых местах, и ось их ориентирована на восток. До сих пор нам не доводилось видеть ничего подобного в районах, где есть росписи. Возможно, что гробницы не имеют с ними никакой связи.

Наблюдение с воздуха позволило мне в несколько минут уяснить то, что невозможно было понять, находясь внизу, у подножия скал,— рельеф Тассили. Я не раз задавал себе вопрос, как на плато, представляющем однородную геологическую формацию, могут одновременно встречаться плоские площадки, куполообразные образования, колоннады из песчаника и т. д. Вначале, по-видимому, вся масса тассилийских песчаников была раздроблена на четырехугольные участки как бы в шахматном порядке; по мнению некоторых геологов, это было вызвано боковыми сжатиями. Такие участки, сохранившиеся в своем первоначальном виде, особенно хорошо видны с самолета; с земли их трудно заметить. Расселины между отдельными квадратами представляли собой места наименьшего сопротивления, поэтому они подвергались наи-

большему влиянию эрозии. Со временем расселины были в различной степени размыты и расширены таким образом, что все плато напоминает теперь рисовый пудинг, аккуратно разрезанный на равные части. В зависимости от степени эрозии поверхность песчаников приняла самые разнообразные формы: ровных четырехугольных площадок, участков с сильно закругленными вершинами, густого леса, причудливо изрезанных камней и, наконец, местами встречающихся отдельных шпилей. Такие шпили представляют собой предпоследнюю фазу эрозии. Последняя — это разрушение шпилей и их постепенное превращение в бугорки. Наличие всех этих различных форм создает столь разнообразный характер рельефа, что мы ни разу не встретили двух одинаковых массивов в Тассили. В результате нам всегда казалось, что мы находимся среди разрушенных городов с площадями, главными магистралями и множеством переулков. Этим же объясняется и то обстоятельство, что мы обнаружили здесь столько наскальных росписей: Тассили было удобно для поселений в доисторические времена.

Как ни парадоксально это звучит, но именно современное достижение людей — самолет — помогло нам разрешить загадку далекого прошлого.

Глава

16

Конец экспедиции

Прибыло подкрепление — вернулись Гишар и Лесаж; теперь выполнение программы наших работ в Сефаре стало реальным. Составлена опись наскальных росписей массива, и после распределения обязанностей все трудятся над снятием копий. Это довольно невеселая, изнурительная работа, которую нередко приходится прерывать (иногда даже на несколько дней) из-за песчаных бурь. Они не дают возможности укрепить кальку и вынуждают откладывать кисти в сторону. За короткое время над нами разразились две бури, после которых вода в вади закипела ключом, в один миг заполнив гельты. Мы начинали уже с тревогой поглядывать на них.

В периоды затишья Лажу отправляется снимать на кинопленку и фотографировать наиболее живописные участки массива. Однажды он отклонился от наших обычных маршрутов и направился к группе скал, где мы до сих пор ничего не обнаружили. Его внимание привлекло какое-то большое коричневое пятно или скорее наслоение; однако по контурам пятна невозможно было определить, роспись это или нет. Заинтересовавшись находкой, Лажу вернулся сюда с тремя товарищами и вместе с ними промыл поверхность стены. Как и в предыдущих случаях, под воздействием воды и губки проступили краски и контуры росписи, и все присутствующие замерли от изумления при виде того, что предстало перед их глазами. Они открыли великолепное произведение, которое, несомненно, войдет в число самых прекрасных произведений искусства всех времен. Что же там изображено? Мужчина и женщина — только и всего. Но какой мужчина и в особенности какая женщина! Женщина нарисована красной охрой в натуральную величину. Она сидит лицом к мужчине, выпрямив спину и слегка наклонив голову. Одна нога вытянута, другая согнута в колене — его мягкий изгиб подчеркивает тонкость щиколоток. Стройный стан поражает

правильностью пропорций. По тяжелой, несколько удлиненной форме груди видно, что эта женщина уже была матерью. Знание человеческого тела делает это поразительно совершенное произведение искусства достойным греков и не уступающим самым прекрасным творениям эпохи Возрождения. Размеры обеих фигур усиливают производимое впечатление, а мысль о том, что этот шедевр создан людьми каменного века, повергает нас в изумление и восхищение.

Кем же создана эта великолепная наскальная роспись? Людьми, жившими в скотоводческий период!

Я убежден, что позднее, когда наши копии будут собраны вместе и искусствоведы смогут свободно заняться их изучением, они, несомненно, признают художников скотоводческого периода первыми выдающимися представителями реалистического искусства. Они изображали не только животных; зачастую темой их творений были сцены из жизни людей. До сих пор нам не были известны подобные мотивы в творчестве людей, стоящих на столь низкой ступени исторического развития. Таким образом, тассилийские росписи — совершенно новый вклад в историю искусства, где их неизвестные авторы по праву займут почетное место среди великих художников мира.

Через несколько недель мы закончим работу и сможем с легким сердцем и чувством удовлетворения покинуть замечательные скалы этого великолепного доисторического «города». Мы сняли копии всех наскальных росписей, за исключением одной — «песчаного чудища»; она настолько велика, что выполнение ее копии оказалось технически невозможным.

В последние дни я решаю послать Гишара и Лажу в Тахилахи, чтобы они засняли обнаруженные там в 1950 году в одном из гротов росписи и заодно побывали в богатых водоемами местах неподалеку от Ихерира. Джебрин идет с ними в качестве проводника. Взяв с собой месячный запас продовольствия, караван направился к Тин-Беджеджу и вади Иддо. Ему предстоит десятидневный путь по довольно мрачному плато.

Однако вскоре с нашими путешественниками случилось забавное происшествие. Как-то утром один плохо обученный верблюд внес смятение в ряды каравана и перепугал всех животных, тут же сбросивших свою поклажу на землю. Повсюду в страшном беспорядке, как после побоища, валялись фотоаппараты, стол, привезенный Гишаром из Алжира радиоприемник, мешки с продуктами, бурдюки с водой. В довершение всего виновник беспоряд-

ка пустился наутек, и Джебрин уверял, что он не в силах заставить животное вернуться. Тут-то и обнаружилось «случайное» совпадение: рядом находились туарегские стоянки, и через три дня там устраивалась свадьба, на которой должны были присутствовать все жившие в окрестностях люди племени кель-медак, всего около 100 человек. И хотя Джебрин утверждал, что он не в состоянии найти замену сбежавшему верблюду, было совершенно очевидно, что все происшествие подстроено. Просто нашему проводнику захотелось провести праздничные дни со своими земляками, а Гишар и Лажу попались на эту удочку.

Нашим бедным ребятам пришлось принять участие в торжестве. В течение нескольких дней и ночей они набивали себе желудок вареной козлятиной и туарегскими лепешками и услаждали свой слух звуками тамтама. В результате маленький караван прибыл в Ихерир с опозданием на восемь дней...

Ихерир — очень своеобразный небольшой оазис. Там живут несколько десятков семей полутуарегского, полунегроидного происхождения. Каждая семья обрабатывает свой участок. В оазисе много пальм, фиговых деревьев и даже виноградников. Это самое богатое водой место во всей Центральной Сахаре. Впрочем, совершенно непонятно, почему тянущиеся цепочкой водоемы, некоторые из которых достигают километра в длину и десяти — двенадцати метров в глубину, не исчезают в русле вади.

Местные водоемы очень богаты рыбой, и когда-то я не раз лакомился свежей рыбой. Но на этот раз мои товарищи прибыли на берега озер Ихерира не с удочками и сетями, и местные жители в недоумении ломали головы, не понимая причины появления белых, которые зачем-то ходят вокруг таинственной кучи палок, привезенных на верблюде. Затем палки соединяются друг с другом и постепенно превращаются в предмет с заостренными концами, на который натягивают покрышку из холста и резины. Радостно возбужденные туареги, собравшиеся вокруг Джебрина, вдруг увидели плывущее по воде странное хрупкое сооружение. Оседланное Гишаром, оно весело разрезало водную поверхность и стрелой пересекло озеро.

Издавая восторженные крики, к берегу сбежались все жители селения. Эти французы, конечно, вступили в союз с дьяволом, откуда же иначе у них может быть столько хитроумных приспособлений? То им с неба падают тонны продуктов (туареги присутствовали при парашютной операции), а теперь они плавают по воде, как утки, иногда спускающиеся в Ихерир во время перелетов. Когда же два

руми* погрузились в воду, которой они столь долго были лишены, и с наслаждением в ней забарахтались, веселье зрителей достигло апогея. Это было редкое зрелище для туарегов, не умеющих плавать; Джебрин, заливаясь хохотом, кричал: «Агару! Агару-куфар!» (Лягушка! Христианин-лягушка!).

Но Гишар и Лажу не остановились на этом. Я поручил им проверить, водятся ли еще в Ихерире крокодилы. Моя маленькая складная байдарка, послужившая мне на Нигере и в некоторых водоемах Ахаггара, позволила им обследовать все бухточки, все скалистые впадины в озерах Ихерира, куда невозможно добраться по суше. Ихерир —

единственное место в Центральной Сахаре, где отмечено существование этих пресмыкающихся в наши дни. Капитан Тушар, первый француз, побывавший на Тассили, обнаружил в Ихерире их многочисленные следы, а два года спустя, во время посещения этих мест капитаном Ниже, один унтер-офицер убил крокодила, шкура которого до сих пор красуется в зоологической лаборатории Алжирского университета. Длина животного достигает двух метров. Другой экземпляр, убитый в 1924 году лейтенантом Бовалем, был приблизительно такой же величины. Небольшие размеры сохранявшихся до последнего времени крокодилов, видимо, объясняются тем, что они не могли ежедневно удовлетворять свой аппетит, и остается только удивляться тому, как они вообще умудрились выжить в таких условиях.

Очень странно, что крокодилы при всей их плотоядности веками жили здесь, несмотря на постоянное недоедание, и сохранились в озерах до наших дней. Пожалуй, это служит великолепным доказательством влажного климата древней Сахары в те времена, когда с севера на юг ее пересекала огромная сеть рек, на берегах которых фауна тунисских шоттов смешивалась с животным миром Нигера и Чада.

Сегодня в изолированных друг от друга озерах Ихерира единственным источником питания для крокодилов остались рыбы да случайно пришедшие на водопой коза или собака, хотя туареги зорко следят за своим скотом, не оставляя его без присмотра.

В 1934—1935 годах я побывал на многих водоемах, но нигде не обнаружил никаких следов этого пресмыкающегося. Местные жители подтвердили, что в озерах больше нет крокодилов и что последний был убит лейтенантом Бовалем в 1924 году. Гишар и Лажу также не смогли сообщить по этому вопросу ничего нового. У них сохранилось

лишь приятное воспоминание о времяпрепровождении на воде и даже в воде, что в Сахаре далеко не всем доступно.

Но вот работа закончена, и все собираются в Сефаре. Вернулись Мишель Брезийон и Вила, которых я посылал в Ала-н-Эдумент, и каждый участник экспедиции составляет перечень выполненных работ и заканчивает свои отчеты. Разобраны и сложены в ящики столы и лестницы; складывается оборудование, члены экспедиции начинают собирать свои пожитки. О, наш личный багаж невелик, но как упаковать собранные за все эти месяцы каменные орудия, черепки посуды, ботанические образцы и т. д.? Выбрасываем то, что уже не годится, не без некоторой грусти расставаясь с парой сношенных сандалий, разорванной рубашкой, старым консервным ножом, зазубренным осколком зеркала, железной проволокой для прочистки трубки — все эти предметы не имеют больше цены, но во время нашего пребывания в этих заброшенных краях они нам оказали столько неоценимых услуг! Мы осматриваемся кругом, не забыли ли что-нибудь, усаживаемся рядом с нашими убежищами, в последний раз вглядываемся в росписи, вдыхая раскаленный воздух засыпанного песком ущелья, по которому столько раз таскались со столами за спиной! Еще раз отправляемся к вади, чтобы взглянуть на дикое оливковое дерево, которое охранялось всеми во время его цветения. С нежностью бросаем взгляд на распустившийся среди камней маленький цветок. Захотелось еще раз обойти наши бывшие владения. И хотя вполне понятная усталость вызывала желание расстаться с доисторическими пещерами и вернуться в цивилизованный мир, когда этот момент наступил, все загрустили.

Джебрин, Агауэд и Рисса тоже чувствуют приближение конца наших совместных приключений и исполняют свои обязанности серьезнее, чем обычно.

В последнее путешествие собираются и ослики. Смотрим на них с улыбкой и неожиданно чувствуем, что мы к ним очень привязались за эти долгие месяцы. Нам кажется, что ослики тоже как-то изменились. Бедные животные, сколько ударов сыпалось на них, когда они недостаточно весело перебирали ногами! Теперь же мы с удовольствием глядим на их подвижные длинные уши, быстрые и умные глаза и испытываем к ним не только симпатию, но и почти любовь.

И лагерный костер не таков, как всегда. Хотя мы и говорим о приготовлениях к отъезду, мысли у всех заняты не ими. В последний раз смотрим на огромные скалы: их черный ажурный силуэт четко вырисовывается в лунном

сиянии июльской ночи и сливается с тысячами падающих звезд, которые непрерывно прорезают небосвод.

Дан сигнал к отправлению. Рисса собирает котелки, а Джебрин и Агауэд кончают навьючивать ослов. Маленькие копытца зацокали по песчаниковым плитам правого берега вади. Гишар идет рядом с Джебрином, посасывая, как всегда, трубку. Нагрузившись своими фотоаппаратами и опираясь на палку, идет Вила. Сейчас его походка легче, чем шесть месяцев назад: у него пропал живот. Рядом с ним с большой дубиной в руке шагает Мишель; повесив нос, он разглядывает камни у себя под ногами. Лажу забегает то вперед, то назад, непрерывно пребывая
 в движении, как бы стараясь запечатлеть в памяти малейшие подробности этой сцены для передачи потомству. Все молчат, бросая прощальные взгляды на уходящие вдаль каменные громады, среди которых протекала наша жизнь. Увидим ли мы когда-нибудь их или обстоятельства превратят нас в мелких чиновников и добропорядочных отцов семейств в домашних туфлях?

Спуск с акбы Тафилалет вносит некоторое оживление. Со спин осликов то и дело соскальзывают тюки, и их приходится ежеминутно поправлять. Под их копытами градом сыплются камни. Меланхолию как рукой сняло! Снова в ущельях раздается тысячеголосое эхо. Это Джебрин, или Рисса, или Гишар зовут на помощь.

Затем следует угрюмый рег Таразит. Гранитные скалы пышут сегодня страшным зноем, оставляя по себе одно из самых неприятных воспоминаний. Вот наконец и Джанет, где караван окончательно останавливается. Развьюченные ослики весело спускаются к водоему под присмотром Агауэда, призывающего криками и жестами к порядку самых недисциплинированных.

На этой сцене занавес падает: наши шестнадцатимесячные похождения закончились.

Итак, впечатления, сложившиеся у меня в первые же недели пребывания на Тассили, убедительно подтвердились: данная область — самая богатая в мире сокровищница доисторического искусства. Об этом красноречиво говорят итоги нашей работы. Скопировано 800 росписей; если их положить рядом, то они займут площадь, равную 1500 квадратных метров. Приведенные цифры наглядно свидетельствуют об объеме наших работ, но они ни в коей мере не отражают вклада, внесенного наскальной живописью Тассили во всеобщую историю искусства и историю древних культур Африки. Во имя этого вклада и велась наша работа. Подвиг моих коллег по экспедиции тем бо-

лее замечателен, что никто из них не был подготовлен к жизни в Сахаре. Они занимались сложной и непривычной для них работой, находясь в труднейших бытовых условиях, безропотно трудились дни и ночи, живя в стране с суровым климатом, изолированной от всего мира и лишенной всего живого.

Конечно, подвиг членов нашей экспедиции нельзя сравнивать с опасным восхождением или изысканиями в подземных пещерах. И то и другое эффектней и носит более спортивный характер. Наши «приключения» не имеют такого блеска и кажутся даже несколько однообразными. Ежедневные перетаскивания столов и лестниц, подвижническая работа в каменных гротах, ежедневный обед из лапши не производят большого впечатления. Но все ли представляют, что означает 16 месяцев непрерывной работы в сердце каменной пустыни, фактически отрезанной от остального мира? Я мог бы выразить свое мнение одним словом, но предпочитаю, чтобы оно было сказано другими. Иногда мелкие, ежедневно преодолеваемые трудности требуют от человека гораздо больше упорства, мужества, физических сил, чем самые выдающиеся спортивные победы. Быть может, для нас самая большая награда за все пережитое в Сахаре — сознание того, что мы подшили к делу Истории единственную в своем роде документацию — данные тысячелетней давности, оставленные неизвестными до сих пор народами, данные о жизни, творчестве и глубоко нас волнующей разносторонности натуры Человека.

Глава

17

А не открыли ли мы Атлантиду?

364 Наши открытия стали повсюду широко известны. И это неудивительно — материальные следы исчезнувших культур Сахары, обнаруженные к тому же в период обостренного интереса к ее нефти, не могли не вызвать всеобщего любопытства.

Разве не поразительно, что почти одновременно были сделаны два открытия, из которых одно уводит в прошлое, а другое — в будущее? Это совпадение сыграло огромную роль в судьбе Сахары. Еще совсем недавно она считалась самым обездоленным местом на всей планете и могла интересовать лишь каких-нибудь одержимых ученых да ищущих острых ощущений туристов-миллионеров. Теперь же проблема Сахары приобрела подлинную актуальность.

Не скрою, наши открытия многих удивили. Любой памятник доисторического прошлого — большое событие, но такого огромного ансамбля наскальных росписей, поражающих столь разнообразными и необычными сюжетами, нигде не удавалось обнаружить. Именно это обстоятельство и породило слухи о подделках, хотя говорили о них обычно довольно осторожно. Но попытки дискредитировать нашу работу ни к чему не привели за отсутствием улик. А ведь неплохо было бы иметь в Тассили свой Руфиньяк! *

Немало людей, повидавших наши копии, несмотря на всю благожелательность, отнеслись к некоторым изображениям критически и осторожно. По их мнению, стиль изображений казался настолько современным, что невольно вызывал сомнения в подлинности.

И все-таки мы действительно занимались подделками, рисуя красной охрой на песчаниковых плитах маленькие фигуры в стиле наших пастухов. Мы привезли их в Джанет и Париж, мистифицируя специалистов. Но пусть никто не волнуется! Мы ник[illegible]ывать или под-

водить: нам просто хотелось проверить, как ложится и держится краска на поверхности песчаника.

Все началось с того, что наши запасы гуаши истощились, и нам волей-неволей пришлось воспользоваться найденными тут же охристыми глинами, которыми рисовали художники доисторического Тассили. Мы установили, во-первых, что при помощи местных глин можно воспроизвести колорит и фактуру наскальных росписей и, во-вторых, что писать на песчанике очень легко; больше того, песчаник впитывает краску лучше, чем бумага для рисования, и кисть не оставляет на нем следов наплывов. Этим-то и объясняется поразительная тонкость и четкость линии, восхищающая нас в произведениях доисторических художников. Теперь тайна раскрыта, и Гишар доказал это, в шутку блестяще изобразив на песчанике несколько фигур.

Сейчас все подозревают нас в фальсификации, и если какому-нибудь музею или коллекционеру произведений искусства случайно предложат за несколько миллионов франков песчаниковую плиту с живописью Тассили, пусть покупатель будет осторожен и прежде всего промоет плиту водой. Если краски не смоются, можно платить не раздумывая, хотя лучше воспользоваться микроскопом и убедиться в том, что изображение не покрыто тонким прозрачным слоем лака, который в ходу у некоторых хитроумных китайских мастеров. Если же вода окрасится и рисунок поблекнет, то перед вами копия, или, точнее, подделка. Ведь существуют копии и подделки — название зависит от того, какими намерениями руководствовался копиист.

Из всего сказанного я хочу сделать следующее заключение: самый простой способ проверки подлинности тассилийской росписи — ее промывание. Красная охра доисторических изображений настолько глубоко проникла в скалистую поверхность, что смыть ее невозможно; желтые охры, часто наложенные толстыми слоями, особенно на некоторых изображениях «марсианского» типа, менее устойчивы, но все же плохо поддаются воздействию воды; белые же краски непрочны, и с ними нужно обращаться осторожно. Но, поскольку в тассилийских росписях редко встречается только желтая охра или белая глина, всегда есть возможность проверить их подлинность. Во всяком случае, поместив осколок песчаника с лицевой поверхности плиты под микроскоп, можно обнаружить глубокое окисление. Поэтому нигде по поводу Тассили не будет происходить баталий, вызванных открытиями в Руфиньяке.

Разумеется, помимо упомянутых мной откликов было и много других. После возвращения из Тассили в наш адрес стала поступать обширная корреспонденция, немало развлекавшая нас в часы досуга. Приходили письма с разноцветными марками самых разных стран: одни — исключительно серьезного содержания — от научных учреждений или иностранных ученых, другие же были полны самых фантастических предположений и домыслов. Некоторые корреспонденты старались во что бы то ни стало убедить нас в том, что наши «марсиане» в действительности были «жителями Юпитера», а наши так называемые открытия есть не что иное, как избитое подтверждение сведений, давно известных «посвященным» какой-то теософической секты.

Другие, самые ретивые, не задумываясь, писали о том, что мы открыли Атлантиду и пресекли таким образом всякие ученые споры, заставившие пролить столько чернил по поводу истории, изложенной древним философом Платоном в его знаменитых диалогах «Критий» и «Тимей». «Атлантида! Ведь вы нашли произведения атлантов! Это — следы затопленного разгневанными богами замечательного острова, на который вы вступили, сами того не зная! Это подтверждение того, что повествование Платона — не миф!» Некоторые приписывали мне даже дар предвидения и считали, что, отправляясь в Тассили, я заранее прекрасно знал, где нужно искать, чем и объясняются мои находки.

Должен ли я давать объяснения по поводу того, что никогда ничего подобного мной не было ни сказано, ни написано как до, так и после открытия росписей Тассили? Если я и назвал красивую женщину, изображенную в одной из пещер Джаббарена, Антинеей, то нетрудно догадаться, что это всего лишь неизбежная дань романтике. И действительно, знаменитая героиня романа Пьера Бенуа навсегда связала в представлении потомков Атлантиду и Антинею с Ахаггаром; Тассили же — не что иное, как дополнение к Ахаггару. Кстати, нужно сказать, что Пьер Бенуа совершил двойное чудо. Об Атлантиде, правда, говорили и раньше. Но этот писатель, снискавший себе широкую известность, создал такое талантливое произведение, что, того не подозревая, породил целую литературу об Атлантиде, которая в свою очередь повлекла за собой новые поиски мифической страны.

И все же атлантомания, если можно так выразиться, родилась не сегодня и не в последние тридцать лет, обогативших литературу об Атлантиде многочисленными произ-

ведениями. Со времени Платона фантазеры самого различного толка пытались возродить древний миф, проявляя избыток воображения и, осмелюсь сказать, невежества. И то и другое свидетельствовало лишь об их крайней наивности. Именно подобных фантазеров имел в виду ученый XIX века Сусмель, сказав, что «каталог высказываний об Атлантиде мог бы послужить довольно хорошим пособием для изучения человеческого безумия».

Если отбросить некоторые, далеко не всегда только наивные, а порой даже просто лживые теории, то нужно признать, что в идее Платона есть немало положительного. Она побудила многих ученых к проведению серьезных исследований, обогативших океанографию, геологию, антропологию, этнологию,— ограничусь пока перечислением только этих наук. Вопрос об Атлантиде сложен, и наши энтузиасты-атлантофилы должны подходить к нему с осторожностью.

Даже самым одержимым из них, конечно, непонятны, а быть может, и неизвестны наиболее авторитетные научные работы об Атлантиде. В самом деле, гораздо приятнее ограничиться рамками легенды, чем просиживать над расшифровкой каких-то скучнейших текстов. Домыслы подобных людей основаны на несостоятельных теориях, и, как писал Имбеллони, «философы и филантропы обрели в Атлантиде прекрасные климат и почву для того, чтобы поселить в этом утопическом, или, вернее, несуществующем месте детище своей фантазии».

Несуществующее место, которое находится повсюду! Было бы утомительно заниматься перечислением многочисленных авторов, занимавшихся этим вопросом и помещавших Атлантиду в следующих районах: в Азовском море, на месте озера Тритон, залива Сирт, острова Джерба, на Канарских островах, в Андалузии, Гренландии, в окрестностях Кадикса, в Марокко, на полуострове Бетика *, бывшем ирландо-арморикансĸом континенте *, Шпицбергене, Новой Земле, в Нигерии. Я остановился на этом, поскольку находились люди, не ограничивавшиеся Старым Светом и помещавшие Атлантиду даже в Америку.

О Сахаре как районе, где находилась Атлантида, первым в наш век заговорил профессор Лионского университета Берлиу. Он послужил Пьеру Бенуа прообразом персонажа его романа — старого университетского профессора Ле Межа, нашедшего в библиотеке Антинеи исчезнувшие отрывки из «Крития». Роман Пьера Бенуа в свою очередь вдохновил немецкого геолога Борхардта, поместившего Атлантиду в район тунисских шоттов и Ахаггара.

Эта теория породила историю в духе Рокамболя *. В 1925 году при раскопках древнего укрепления Абалессы, о котором я упоминал, говоря о римлянах в Центральной Сахаре, был найден скелет женщины, берберской королевы Тин-Хинан, которую туареги считают своей прародительницей. Американский миллионер, принимавший участие в раскопках, не задумываясь, сообщил всему миру, что найдены останки Антинеи, последней королевы атлантов. Однако, поскольку могила относится к IV веку н. э., Тин-Хинан должна была обладать необыкновенным долголетием, чтобы пережить на 7 столетий божественного Платона, умершего в 347 году до н. э. Мало того, исчезновение Атлантиды произошло за 9 тысяч лет до Платона. Надо полагать, что и сам автор этого экстравагантного сообщения был не очень уверен в истинности своего открытия: три или четыре года назад в широкой прессе появилось сообщение, что он отправился искать Атлантиду при помощи гидролокатора «Асдик» в район Азорских островов! О результатах поисков не было никаких упоминаний в печати, поскольку они, разумеется, ни к чему не привели.

Все это несерьезно. Сахара не могла быть местонахождением таинственного острова. Платон считает, что исчезновение Атлантиды — явление тектонического характера, а не делювиального; в таком случае должно было произойти землетрясение, во время которого остров опустился бы и затем покрылся водой. Если дело происходило именно так, то обнаружились бы следы провала земной коры. Однако современные геологические данные о Сахаре свидетельствуют о совершенно противоположном явлении — о поднятии этой части суши, происшедшем задолго до появления на земле человека.

В последние годы успешные исследования по древнейшей истории подтвердили, что очертания средиземноморского и атлантического побережий Африки не претерпели существенных изменений с начала четвертичного периода, в отложениях которого найдены следы пребывания племен, живших морским промыслом. Кроме того, оказалось, что Канарские острова как бы окаймлены наносами раковин, имеющимися также у побережья Марокко. Это доказательство того, что за десятки тысячелетий контур Канарских островов и берегов Африканского континента в общем не изменился. Вместе с тем в древнейших культурных слоях, обнаруженных на Африканском материке, и в частности в Сахаре, находят множество орудий разных эпох: шелльско-ашельской, мустьерской и леваллуа *,

по которым мы читаем летопись древней жизни Африки. Отсутствие следов верхнего палеолита восполняется таким обилием неолитических орудий, что напрашивается вывод: вряд ли в тот период существовал на земном шаре более населенный район.

Орудия были обнаружены как на побережье, так и в глубине континента, что указывает на стабильность сахарского плато со времени появления первого человека. Это обстоятельство должны учитывать сахарские атлантофилы. Оно сводит на нет знаменитую нелепую гипотезу о «краснокожих»: кое-кто относил к ним атлантов, приписывая последним культуру ацтеков и фараонов!

В действительности существуют две проблемы: пробле-
ма атлантов и проблема Атлантиды. Отправными точками в этих вопросах служат два текста: первый принадлежит Геродоту, второй — Платону.

Геродот упоминает об атлантах в главе, посвященной народам Ливии. Он перечисляет народы, жившие в районах, расположенных к западу от Нила в непосредственной близости от побережья (в восточно-западном направлении), а также народы, жившие южнее, в глубине континента. Таким образом, он размещает гарамантов в центре Феццана, где была их столица Гарама, которую отождествляют с современным городом Джерма. В десяти днях ходьбы от них, продолжает Геродот, живут атаранты, затем на таком же расстоянии — атланты, обитающие в горах Атласа. Текст Геродота вызвал много толкований, но в настоящее время Сахара известна настолько хорошо, что установить расселение народов, перечисленных Геродотом, не представляет больше неразрешимых трудностей; кроме того, греческий историк привел относительно точные данные об описываемых им районах. В частности, он говорит о соляных курганах, о домах из соляных блоков, замечая, что ливийцы должны быть довольны отсутствием дождей, ибо в противном случае стены домов не устояли бы.

Хорошо известно, что почвы сахарских котловин сильно насыщены солью, а все дома, построенные в оазисах Феццана, Ин-Салаха и т. д., при малейших осадках «тают» как снег. В Агорготте и Тауденни речь идет даже не о солончаках, а именно о соляных блоках. Подобные факты говорят о том, что Геродот, упоминая при описании стран Юга о столь типичных для пустыни соляных курганах, располагал очень точными сведениями. Откуда же ему были известны все эти подробности? Возможно, из рассказа проводников караванов, которые побывали в оазисах Фец-

цана и измеряли в днях пути расстояние от одного места до другого.

В десяти днях пути от гарамантов была страна атарантов. Судя по указанному расстоянию, они должны были жить в Тассили; дальше, в десяти днях от них, находился Атлас и его обитатели атланты. Если считать день ходьбы за 40 километров, то они жили в районе Ахаггара.

Кем же были атланты? Геродот говорит буквально так: «Они живут на горе, называемой Атласом, и носят ее имя». Это все, что мы знаем об их происхождении. Геродот нигде не упомянул об Атлантиде; впервые о ней, полвека спустя, заговорил Платон.

370 Относительно же Атласа нам известно, что греки называли в честь мифологического гиганта самые различные горы на полуострове Пелопоннес, в Сицилии, Трое, Эфиопии... Этим именем наделяли в те времена как вновь открытые, так и уже известные горные вершины. И действительно, с расширением географических познаний Атласские горы из века в век перекочевывают из одного района в другой. Так, Ахаггар был назван в свое время Атласом, а в следующем веке другие авторы присвоили это имя горам Марокко, которые берберы называли Дерен. Очевидно, отсюда и произошло название «атланты», но впоследствии оно было дано людям, никогда и не слыхавшим такого слова.

Из всего этого видно, в какие дебри могут завести гипотезы об Атлантиде, построенные на названиях. Самая большая ошибка — помещать ее в Марокко, ссылаясь при этом на Геродота. Ведь текст Геродота совершенно точен: он помещает «свой» Атлас в глубине Ливии, а не к западу, где, добавляет Геродот, вплоть до Геркулесовых Столбов*, еще можно встретить соляные курганы и людей. По сравнению с теми, кто делает подобные ошибки, можно простить американскому миллионеру его преувеличение. Если Ахаггар и не имеет ничего общего с Атлантидой, а Тин-Хинан — с Антинеей, то по крайней мере туареги вполне могут сойти за потомков атлантов, современников Геродота.

Вернемся теперь к Платону. Быть может, он тоже преувеличивал? Известно, что философ принадлежал к школе Сократа, признававшей существование населенных земель за пределами известных в то время морей, что, несомненно, повлияло на теорию об Атлантиде. Но в ту эпоху интересовались не географией, а философскими доктринами о политической жизни народа. Платон попытался в своих трудах дать описание совершенного государства,

и в «Критии» и «Тимее» в качестве примера упомянул о царстве атлантов.

Совершенно ясно: это был всего лишь вымысел. Для того чтобы сильнее поразить своих слушателей и читателей и не показаться им беспочвенным теоретиком, Платон поместил свое мифическое царство в место, о котором его современники кое-что слышали; в то же время никто не мог проверить, существовала ли эта страна в действительности. Кроме того, по географическим данным того времени, и в частности по Геродоту, с трудом которого Платон был, несомненно, знаком, атланты считались последним известным народом, жившим в самых глухих районах Ливии. Поэтому легко было ставить их в пример и изображать их общественную организацию так, как если бы она действительно достигла совершенства.

Что же касается вопроса об исчезновении Атлантиды — история острова так же вымышлена, как и все остальное,— то это произошло как кара, ниспосланная атлантам за нарушение законов богов.

Повествование Платона весьма смахивает на небылицу. Погружение Атлантиды он относит ко времени за девять тысяч лет до современной ему эпохи, что не мешает ему, однако, описывать организацию армии атлантов, ее боевые колесницы, кавалерию и т. д. Здесь уж он был совсем далек от истины: ведь первые лошади были приведены из Азии в Египет гиксосами приблизительно в 1800—1700 годах до н. э. и уже отсюда попали в Ливию. В египетских текстах есть об этом совершенно точные сведения, а наскальные изображения еще раз подтвердили более позднее появление лошади в Сахаре.

Поэтому большинство современников Платона не верили в существование Атлантиды. Легенда была воскрешена святыми отцами в средние века, они усмотрели в ней одну из фаз всемирного потопа. Затем она ожила с открытием Америки. С тех пор легенда приобрела громадную популярность — самым убедительным подтверждением этого служат две тысячи названий книг об Атлантиде.

Что касается нас — все совершенно ясно. Всем, кто задавал нам порой с трогательной наивностью вопрос: «Открыли вы Атлантиду? Да или нет?», я отвечал: «Нет». И вот почему: для того чтобы что-то открыть, необходимо, чтобы это «что-то» по крайней мере когда-то существовало.

Глава

18

Предварительный итог

372 Мы, правда, не открыли Атлантиду, но зато нам удалось добиться других, не менее важных результатов. Мы установили, что Центральная Сахара была в период неолита одним из самых населенных центров; мало того, мы обнаружили, что в этой некогда покрытой необозримыми пастбищами пустыне существовали многочисленные и отнюдь не легендарные культуры.

Те, кто посетил нашу выставку в Музее декоративных искусств (павильон Марсан в Лувре), были, вероятно, поражены великолепием наскальной живописи, созданной людьми скотоводческой эпохи. Я осмелюсь сказать, что этой «школой» созданы одни из самых прекрасных произведений, причисляемых ныне к «натурализму». Но ценность наших открытий состоит не только в этом.

Наскальные росписи и высеченные на камне изображения, обнаруженные в Сахаре, относятся, по-видимому, к четырем крупным периодам:

1. Период охотников, или период буйвола (ранний неолит?).
2. Скотоводческий период (неолит).
3. Период пастухов-всадников, имевших колесницы, или период лошади (древняя история).
4. Период верблюда (датируемый чаще всего началом нашей эры).

Кроме того, оказалось, что между двумя первыми периодами существует еще состоящий из множества слоев промежуточный период, который длился чрезвычайно долго.

Этот поразительный факт совершил коренной переворот в наших представлениях, так как до сих пор никто не предполагал такого многообразия культур в Сахаре.

В настоящее время, поскольку изучение собранных материалов только начато, я отношу росписи Тассили по крайней мере к шестнадцати слоям и тридцати различным стилям, причем большинство из них предшествует ското-

водческому периоду. Каждый слой — загадка, требующая разрешения, а на обработку всех материалов нужно потратить еще много лет, тем более что их опись, несмотря на 16 месяцев работы, далеко не закончена.

Сейчас можно ограничиться лишь общим обзором, основанным на периодизации стилей и наслоений, что, повторяю, нуждается в непременной проверке.

Стиль „круглоголовых" людей

Древняя стадия *

Самыми древними оказались нарисованные лиловатой охрой маленькие фигурки со схематически изображенными туловищами и круглыми, всегда преувеличенно большими головами. Чаще всего головы увенчаны рогами или какими-то другими украшениями, возможно перьями. Одежда (иногда ее нет) сводится к небольшой набедренной повязке с двумя или тремя спадающими вниз концами. Фигуры изображены вооруженными. Обычно это палка, но иногда встречаются лук и нечто вроде большого копья или гарпуна величиной в полтора человеческих роста. Сюжеты сцен непонятны, изображения животных встречаются редко (слон и муфлон).

Тип «круглоголовых» людей в набедренных повязках со спадающими вниз концами наиболее характерен для самых древних тассилийских наскальных росписей. Он встречается также в более поздних слоях. И хотя на смену лиловатой охре приходит красная, а туловища фигурок становятся более вытянутыми, форма головы остается прежней. С этим слоем непосредственно связаны по крайней мере пять последующих слоев, отличающихся друг от друга лишь некоторым усовершенствованием существовавшего стиля и большой динамичностью изображаемых сцен, в частности сцен плясок рогатых, похожих на дьяволят, человечков. Отметим, что, за исключением «дьяволят», здесь идет речь о монохромных изображениях. При изображении «дьяволят» наряду с лиловатой охрой применялась и желтая.

Эпоха расцвета

Появление полихромных росписей свидетельствует об эволюции стиля. Это по-прежнему стиль «круглоголовых», но размеры фигур стали больше, а их выполнение —

искуснее. Конечности, ранее обозначавшиеся линиями, утолщены, однако еще нет четких разграничений между плечом и предплечьем, голенью и бедром. Пальцы рук и ног лишь обозначены, а небольшие груди у женщин всегда расположены одна над другой. Мы нашли еще несколько монохромных фигур, подобных белым женщинам на росписи с негритянской маской в Ауанрхете; повсюду их контуры обведены охрой другого цвета, причем фоном наиболее часто служит желтая или зеленовато-желтая охра, а также светло-красная, обведенная темно-красной.

Росписи этого периода, как и предыдущего, состоят из нескольких слоев, различаемых лишь по некоторым техническим или декоративным деталям. Художники все с большей тщательностью изображают сцены, где кроме человеческих фигур появляются слоны, носороги, антилопы, муфлоны. Переход от головы к туловищу менее заметен, чем на рисунках, относящихся к предыдущим стадиям; очень любопытно, что внутри круга, изображающего голову, появляются параллельные черточки, треугольники, полукруги. Качество изображения заметно повышается: формы становятся изящнее, наблюдается большее стремление к передаче деталей — браслетов на руках и щиколотках, поясов, украшений на голове и плечах (перья, головные уборы) и в особенности рисунков на груди, животе, бедрах, ногах или руках, которые можно принять либо за насечки, либо за татуировку. Эти украшения в виде правильно расположенных точек удивительно напоминают татуировку у современных племен Верхнего Нила или Центральной Африки; таким образом, они, несомненно, подтверждают негроидное происхождение росписей, а это в свою очередь свидетельствует о том, что некогда негроиды жили гораздо севернее, чем в наши дни. Новые данные имеют важное значение, тем более что нам до сих пор ничего не известно о происхождении африканцев и о времени заселения ими континента.

Рисунки разных стилей

Пока невозможно точно указать хронологические рамки периода стиля «круглоголовых» людей; но к концу его во многих высокохудожественных произведениях чувствуется проникновение влияния Египта, породившее на негроидной основе три оригинальные группы наскальных росписей.

Прежде всего нужно отметить фигуру из Ауанрхета в африканской маске и с выгнутыми ногами; ее тело окрашено красной охрой и заштриховано мелкими белыми клеточками, а из рук и бедер как бы вырастают стилизованные цветы. Характер маски типичен для Западной Африки; подобные маски до сих пор используются племенами сенуфо с Берега Слоновой Кости во время обрядов инициации. Открытие подобной фигуры в самом сердце Тассили имеет большое значение: отныне мы знаем, что анимистические маски инициации были распространены еще в древности.

Далее следуют весьма странные композиции. Наиболее типичная из них — «пловчиха» — тоже находится в Ауанрхете. Это женщина с преувеличенно вытянутыми конечностями; она, по-видимому, плывет, держа за голову и увлекая за собой скорчившуюся человеческую фигуру. Ниже изображен другой человек, появляющийся из какого-то предмета, покрытого концентрическими кругами, который напоминает либо яйцо, либо, что менее вероятно, улитку. Толкование сцены требует осторожности, поскольку подобный сюжет встречается в наскальных росписях впервые. Можно лишь отметить, что эти фигуры находились рядом с изображениями, испытавшими влияние египетского искусства. Корни верований, распространенных в Египте эпохи фараонов, лежат в более далеком прошлом, поэтому не исключено, что здесь изображено путешествие умершего в загробный мир.

И наконец, следует выделить группу фигур, среди которых наиболее примечательна наша Антинея из Джаббарена. Эта великолепная роспись была обнаружена в низкой скалистой впадине. Рассматривать ее там было трудно, и возникает вопрос, почему столь высокохудожественное произведение создано в таком трудном для обозрения месте. Некоторое сходство отдельных деталей Антинеи с «Белой дамой» из Ауанрхета указывает на этнографическую связь между ними. В других местах Джаббарена мы нашли изображения мужских фигур в том же стиле. К сожалению, они очень сильно поблекли, но можно различить их прически, представляющие собой нечто вроде шлема из разноцветных полос, увенчанного каким-то круглым колпаком. Позднее, в Сефаре, нам посчастливилось обнаружить еще две довольно хорошо сохранившиеся фигуры того же стиля. Особенно выделяются три стилизованные и выполненные в тех же тонах маски, где подобная мужская прическа видна спереди. Эти росписи созданы в одно время, но они столь различны по своему характеру, что объяснение изображения чрезвычайно нату-

ралистичных фигур и стилизованных масок на одной росписи следует искать лишь в сосуществовании этнических групп. Изображение женщины с прямым носом свидетельствует о средиземноморском влиянии, хотя здесь можно также усмотреть некоторые характерные египетские черты. «Греческие воины» Сефара, несмотря на более широкий нос, тоже не имеют ничего общего с африканским типом. Что же касается трех масок, то они нарисованы в явно негроидном стиле. Такой негроидно-египетский симбиоз можно, вероятно, объяснить тем, что жившие здесь люди испытывали одновременно влияние и со стороны египтян, и со стороны негроидов. Огромное разнообразие тассилийских росписей делает подобное предположение вполне допустимым.

Египетское влияние проявляется в отдельных изображениях человеческих фигур в Джаббарене и Сефаре, типичных своими головными уборами и своеобразным выполнением в серо-голубоватых тонах с использованием красной охры и белой глины.

Геология и живопись

При первом же взгляде на тассилийские росписи поражает их многоцветность, несвойственная доисторическим художникам. Обычно их палитра небогата: основой служат красная охра, белая глина и окись марганца. Но в Тассили, на большом пространстве между массивами Тамрита и Джаббарена, имеются охристые глины, выходящие на поверхность. Различные пласты глины под более или менее интенсивным воздействием солнечных лучей меняют свою окраску. Нижние, самые защищенные от солнца пласты состоят из темно-красной, почти шоколадного цвета охры. Затем цветовая гамма светлеет: на смену приходит кирпично-красная, светло-красная и желтая охры. Последняя имеет массу оттенков, вплоть до зеленоватого.

По-видимому, охра вначале растиралась в порошок, затем смешивалась с каким-то связывающим составом. Состав краски еще окончательно не установлен, но после анализа кусочков охры, снятых с росписи на горе Уэната, оказалось, что туда входили молочный казеин и растительный клей из акации. Мы выяснили также, что состав охры в различные эпохи не был одинаков. Так, например, росписи в стиле «круглоголовых», выполненные желтой охрой, поначалу представляли собой нечто вроде нало-

женной довольно толстым слоем штукатурки. Росписи скотоводческого периода, напротив, были исполнены более жидким раствором, который глубоко проник в поверхность скал.

Стадия упадка

Эта стадия завершает стиль «круглоголовых» людей. В настоящее время наших знаний недостаточно, чтобы установить ее точную хронологию, хотя, вероятнее всего, она предшествует тем трем «школам», в которых начинает чувствоваться влияние Египта. Совершенно очевидно, что в этот период художественные достоинства росписей снижаются. Рисунок грубее, формы тяжелы, нет стремления к изображению деталей. Техника живописи становится примитивной: она сводится к обведению контура красной охрой (часто рядом проводится желтая линия), а пространство внутри контура покрывается белой краской. Все эти росписи исполинских размеров; чувствуется, что художники стремились не к красоте своих творений, а к тому, чтобы они производили как можно более сильное впечатление.

В одном из гротов мы обнаружили фигуру, занимавшую всю поверхность стены; высота ее — около пяти метров, а если учесть и нижнюю, разрушенную часть изображения, то и все шесть. Вряд ли нужно доказывать, что никогда еще не были обнаружены наскальные изображения таких громадных размеров: эта фигура побила рекорд по величине среди всех известных в наше время доисторических росписей. В Сефаре были найдены другие росписи того же стиля высотой в три с четвертью метра, они изображали какие-то божества. В том же археологическом слое, очень распространенном в Восточной Тассили, кроме подобных фигур встречаются многочисленные изображения животных, дающие полное представление о фауне той эпохи, включавшей слонов, жирафов, диких быков, антилоп, муфлонов, бородавочников, страусов, львов. Возможно, что некоторые из этих животных, особенно те, что расположены рядом с женщинами, воздевшими руки в знак мольбы или преклонения, играли магическую роль. Иногда животные изображались наподобие чудовищ античной мифологии: морда одного зверя, туловище другого и т. д., так что определить их принадлежность к тому или иному виду невозможно.

Эта стадия завершает большой период «круглоголовых» людей.

Вскоре после создания «Белой дамы» из Ауанрхета наступает эпоха, когда начинают ощущаться посторонние влияния. Быть может, они свидетельствуют о первых передвижениях народов, предшествовавших вторжению скотоводческих племен. Как бы то ни было, искусство негроидных племен, насчитывавшее уже много тысячелетий, приходит в упадок. Вскоре в Тассили появляются новые племена, не имеющие ничего общего со своими предшественниками. Они наводняют высокогорные долины, гоня перед собой стада быков. Стены тассилийских убежищ покрываются совершенно новыми по стилю и сюжетам наскальными росписями.

378

Скотоводческий период

На росписях, относящихся к этому периоду, небольшие фигуры людей и животных изображены с такой поразительной естественностью, что их можно с полным основанием считать произведениями величайшей в мире реалистической школы. Здесь нет ни схематизации, ни стилизации, ни символики — все это осталось в предыдущих слоях. Все фигуры даны в движении. Они блестяще воспроизведены в самых естественных позах и с такой точностью, которая говорит о необыкновенной наблюдательности авторов живописи. Художники этого периода в основном пользовались красной охрой. Кроме того, они употребляли белую краску и желтую охру при передаче масти животных, для выделения отдельных деталей, иногда для обведения контуров.

Излюбленная тема этого периода — быки. По количеству и мастерству их изображений можно судить о громадном значении скота в жизни людей той эпохи. Это красивые ловкие животные, не успевшие еще отяжелеть от жизни в закрытых загонах и на богатых травой пастбищах — переходы через саванны помогали им сохранять гибкость и ловкость. Их головы увенчаны длинными лиро- и серповидными рогами. Эти животные, по-видимому, соответствуют двум видам, хорошо известным в древнем Египте: африканскому быку, или Bos africanus, и коротконогому быку, или Bos brachyceros. Встречаются как живописные, так и графические изображения быков. Обычно представлены большие стада, которые ведут или подгоняют пастухи. Во время моего первого приезда в Тассили я обнаружил в Тамрите композицию, где насчитывалось 65 быков — самый большой ансамбль, известный в

наше время. На другой росписи, найденной в Джаббарене, животных меньше, она несравненно более художественна как по композиции, так и по красоте и гармонии тонов: здесь использована желтая, зеленая, лиловатая и даже голубая краска, что совершенно необычно для доисторического искусства. По-видимому, отдельным художникам были известны новые красящие вещества или особые составы.

С таким же мастерством воспроизведены и дикие животные. Пастухи-скотоводы были в то же время охотниками, и они изобразили настоящий зверинец, дающий точное представление о тропической фауне Сахары того времени. Здесь слоны, носороги, бегемоты, жирафы, лошадиные антилопы, газели, трубкозубы, львы, дикие ослы, страусы, рыбы. Все они могли существовать только при наличии тучных пастбищ и очень влажного климата, что, впрочем, подтверждается одной из росписей в Ауанрхете, где изображены 3 бегемота, за которыми охотятся люди в пирогах.

Люди и животные представлены в очень живых сценах. Вот, например, несколько человеческих фигур помещены в центре овала, воспроизводящего контур продолговатой хижины из соломы или эспарто *. Точно такие же плетеные хижины на глиняном основании возводятся по всему Судану. На росписях запечатлены также женщины у очага; мужчины с топорами в руках; дети, лежащие под покрывалом; собравшиеся в кружок и беседующие люди; брачные пары и другие сцены, раскрывающие перед нами быт пастухов, уже начинающих заниматься земледелием. Об этом свидетельствует композиция с женщинами, работающими в поле.

Люди той эпохи были очень воинственны. Они угоняли скот у других племен и защищали свои стада от набегов соседей. Эта сторона их жизни нашла отражение в поразительно реалистически выполненных росписях. Они настолько выразительны, что, несмотря на небольшие масштабы, на лицах воинов можно прочесть волнующие их чувства. Ни с чем не сравнимы великолепно скомпонованные сцены плясок, где одни женщины грациозно изгибаются в танце, другие, отбивая такт, хлопают в ладоши, третьи аккомпанируют на небольших инструментах, похожих на трещотки.

В групповых сценах этого периода изображены лишь небольшие фигуры. Однако художники-пастухи создали немало фигур почти в натуральную величину, достигая при этом исключительного художественного мастерства.

В Тин Абу Тека мы видели двух великолепно выполненных лучников высотой 1,6 метра. В Джаббарене мы обнаружили роспись, запечатлевшую группу женщин; их головные уборы в форме шлема или сахарной головы напоминают уборы, которые сейчас носят женщины фульбе Западной Африки *. Крупные живописные композиции, особенно та, которую мы назвали «Сидящие мужчина и женщина», поражают своей красотой. Никогда еще доисторические художники так талантливо не изображали человеческое тело. Эти росписи можно сравнить лишь с творениями греков, появившихся гораздо позднее. Иногда на них встречаются большие отдельные изображения животных. В Джаббарене и в Тин Абу Тека мы видели несколько таких быков, какое-то животное из семейства кошачьих и трубкозуба.

Вопрос о происхождении пастухов мог бы вызвать споры, если бы нами не были собраны вещественные доказательства того, что они пришли с Верхнего Нила. В частности, мы нашли на шести росписях скотоводческого периода изображение типично египетской лодки со знаками номов на весле. Столь необычные для Тассили лодки свидетельствуют о том, что пастухи-скотоводы явились, очевидно, с запада и испытали влияние египетской культуры.

Таковы основные слои, которые удалось установить на основании наших первых попыток расшифровать росписи Тассили. По правде говоря, существует еще несколько слоев, как, например, слой схематических фигур, нарисованных белой краской, слой людей с удлиненными, нитеобразными фигурами и конечностями; слой маленьких лучников в испанском стиле в Тимензузине и т. д. Однако я не располагаю достаточными данными для установления последовательности их возникновения.

Очень своеобразны композиции с охотниками, вооруженными то дротиками, то топорами, с телами, покрытыми рисунками. Иногда встречаются забавные, а то и гротескные профили: мы назвали этот стиль «юмористическим». Мы нашли также отпечатки рук, подобные тем, которые были обнаружены ранее в палеолитических пещерах Европы. В Тин-Тазарифте такие отпечатки были найдены на росписях скотоводческого периода — свидетельство того, что они появились позднее или по крайней мере одновременно с ними.

Периоды лошади и верблюда, относящиеся уже к исторической эпохе, хорошо представлены на росписях некоторых районов Сахары. Но в местах, обследованных

нами, росписи этого периода встречались крайне редко. Правда, мы нашли несколько очень интересных изображений колесниц, о которых я уже упоминал.

Снимая копии с росписей, мы попутно искали следы, которые могли оставить после себя эти удивительные племена художников неподалеку от своих творений. Нам удалось обнаружить довольно большое количество каменных жерновов, черепки посуды, буквально устилавшие пол некоторых убежищ. Я неоднократно производил раскопки у оснований стен с наскальными изображениями и несколько раз находил кухонные остатки. Но здесь помимо жерновов, зернотерок и черепков посуды встречались также каменные топоры, кремневые наконечники для стрел, скребки и остатки украшений, например бусинки от ожерелий, выточенные из скорлупы страусового яйца, подвески и браслеты из сланца.

По-видимому, все эти предметы принадлежали людям скотоводческих племен. В пепле были найдены куски древесного угля. После того как их подвергнут анализу на углерод-14 по радиокарбонному методу, нам станет известен возраст живописи скотоводческого периода. Судя по предварительным выводам, время появления пастуховскотоводов нужно отнести приблизительно за 3500 лет до н. э. Жили они в Сахаре очень долго, может быть, несколько тысячелетий. Различные слои росписей «круглоголовых» людей гораздо древнее. Первые слои, несомненно, относятся к неолиту, не знавшему ни жерновов, ни посуды. Основным орудием был грубо отесанный топор неправильной формы. Мы полагаем, что будем недалеки от истины, установив для этих изображений возраст 8 тысяч лет.

Из этого небольшого обзора видно, что с открытием наскальной живописи Тассили получено много новых данных для изучения прошлого Сахары. Нужно, однако, иметь в виду, что расшифровка росписей только начата, и в книге излагаются лишь отрывочные сведения — результат беглых наблюдений, которые уточнит кропотливая исследовательская работа в будущем *.

Комментарии

Стр. 250. Автор имеет в виду юго-западную Францию и примыкающие к ней горы северо-восточной части Пиренейского полуострова — области, называвшейся в древности Кантабрией.

Стр. 254. Рег — каменистая, галечниковая пустыня.
Эрг — песчаная пустыня.

Стр. 258. Номады *(греч.)* — кочевники.
Вади— сухие русла и долины временных или периодических водотоков в полупустынных и пустынных областях Северной Африки, заполняющиеся водой после дождей. В Сахаре они являются свидетелями существования в прошлые более влажные эпохи развитой гидрографической сети.

Стр. 259. Хамада (по-берберски «тассили») — щебнистые пустыни на сахарских плато.

Стр. 261. Везер — река во Франции. На ее берегах археологами были обнаружены знаменитые неолитические стоянки Лес-Эйзи, Мадлен и др.

Стр. 265. Музей Человека (Museé de l'Homme) — этнографический музей в Париже.
Бордж *(араб.)* — буквально «башня»; здесь — название укрепленных военных постов.

Стр. 266. Цирк — расширенные верхние части долин в горах, напоминающие амфитеатры и созданные различными процессами разрушения горных пород.

Стр. 269. Гельта — небольшие водоемы в пониженных местах и руслах уэдов, образующиеся за счет выхода грунтовых вод.

Стр. 272. Мехари *(араб.)* — быстроходный одногорбый верблюд.
Ляско — грот (Франция, департамент Дордонь) с доисторическими наскальными изображениями бизонов.

Стр. 279. Випера *(франц.)* — гадюка. Здесь автор имеет в виду так называемую рогатую гадюку, широко распространенную в песках Сахары.

Стр. 280. Рамадан — строгий пост, соблюдаемый мусульманами с конца февраля до конца марта (т. е. в течение девятого месяца мусульманского лунного календаря).

Стр. 292. Пьер Бенуа (1886—1962) — французский писатель, автор фантастического романа «Атлантида», в котором описывается экспедиция, якобы обнаружившая в Сахаре мифическое государство уцелевших атлантов, управляемое королевой Антинеей.

Стр. 293. Кус-кус *(араб.)* — арабское блюдо из зерен кукурузы, сорго или других злаков, сваренных с мясом.
Стр. 294. Чеброк, или теборак — низкорослое дерево из семейства мимозовых. Широко распространено в Судане, встречается также в районе Тассилин-Аджера.
Стр. 297. «Белая дама из Брандберга» — изображение бегущей женщины на одной из наскальных росписей, открытых и скопированных Брейлем в районе Брандберга в Юго-Западной Африке.
Стр. 299. Лоби (самоназвание — лобер) — группа племен Западного Судана, родственных по языку и культуре. Живут в республиках Верхняя Вольта и Берег Слоновой Кости.
Стр. 311. Каннебьер — центральная улица Марселя.
Мон — общее наименование племен Индокитая, населяющих горные районы Вьетнама, Камбоджи и Лаоса.
Эрменонвиль — замок и великолепный парк, где в полном уединении жил Жан-Жак Руссо.

Стр. 317. Дженун, джиин *(араб.)* — злой дух.
Стр. 318. У туарегов голова всегда закутана покрывалом, литамом, оставляющим только узкую щель для глаз.
Стр. 320. Ангкор — архитектурный комплекс сооружений IX — XIII вв. в Камбодже.
Стр. 323. Оранта — в средневековом искусстве тип изображения богоматери, молящейся с воздетыми руками.
Стр. 330. Гат (Ghat) — город и оазис в Ливии, недалеко от границы с Алжиром.
Стр. 333. «III легион Августа. Гору надо обойти» *(латин.)*.
Стр. 334. Гандура *(араб.)* — полотняный халат в виде туники.
Саруаль *(араб.)* — широкие штаны с напуском внизу.
Стр. 335. Троглодиты — люди, обитающие в пещерах.
Стр. 337. Речь идет о старых франках.
Мрокба *(араб.)* — растение из семейства злаковых, часто встречающееся в Центральной и Южной Сахаре.
Стр. 342. Беханзеи (1844—1906) — последний король Дагомеи, захваченный в плен французами в 1894 г.
Стр. 347. Размер монеты в 100 су равен примерно размеру нашей трехкопеечной монеты.
Стр. 360. Руми — так туареги называют европейцев.
Стр. 364. Автор намекает на то, что не все памятники, открытые в Руфиньяке, были подлинными.
Стр. 367. Бетика — древнее название южной части Пиренейского полуострова.
Арморика — древнее название Бретани; бретанский язык той же языковой ветви, что и ирландский.
Стр. 368. Рокамболь — герой многочисленных романов французского писателя Понсона дю Террайля (1829—1871), изобилующих невероятными приключениями.
Эпохи шелльско-ашельская, мустьерская и леваллуа — археологические культуры древнего каменного века (палеолита).
Стр. 370. Геркулесовы Столбы, или Геракловы Столпы,— древнее название Гибралтарского пролива, по обеим сторонам которого возвышаются скалы Гибралтар и Джебель Муса. По представлениям древних, Геркулесовы Столбы были пределом мира.
Стр. 373. Общепринятой классификации всех наскальных изображений Сахары до сих пор не существует. Однако

несомненно, что периодизация должна основываться не только на изучении художественных достоинств и стиля изображений, но и, пожалуй, прежде всего их содержании. В высшей степени важно учитывать, как в росписях и рисунках отражаются изменения фауны, обусловленные отчасти климатическими, отчасти историко-культурными факторами. Этого принципа придерживался французский исследователь Л. Жолео, который разделил все известные ему изображения на четыре группы[1]. Первую и, по его мнению, наиболее древнюю группу составляют рисунки «эпохи буйвола», к которой относятся реалистические изображения носорогов, слонов, жирафов и людей так называемого бушменского типа. Вторую, хронологически более позднюю группу образуют рисунки «эпохи африканского слона», когда появляются изображения домашних животных, в том числе связанные с культом солнца, а именно баран с солнечным диском на голове, а затем «солнечный бык». Следующую группу составляют рисунки, на которых встречается прирученная лошадь, наконец, последнюю группу образуют рисунки «эпохи верблюда». Эта классификация в общих чертах сейчас считается наиболее убедительной.

Периодизация, предложенная французским археологом и историком Р. Мони, которая является результатом изучения наскальных рисунков всех районов Сахары, в том числе и Тассилин-Аджера[2], также намечает четыре главных периода, определяемых в основном сменой фауны и датируемых следующим образом:

Древнейший период — изображения животных «эфиопской фауны»: носорогов, жирафов, слонов и др. Племена охотников и собирателей.	5000—2000 лет до н. э.
Скотоводческий период — изображения домашних животных: коз, овец и крупного рогатого скота. Племена скотоводов, занимавшихся также охотой и собирательством.	2500—1000 лет до н. э.
Период боевых колесниц — появление изображений лошади и повозок с колесом.	1200 лет до н. э.— начало н. э.

---

[1] L. Joleaud. Gravures rupestres et rites de l'eau en Afrique du Nord.— «Journal de la Société des Africanistes», t. III, 1933.

[2] R. Mauny. Préhistoire et zoologie: la grande faune ethiopienne du Nord — Ouest Africain du paléolithique à nos jous.— «Bulletin de l'Institut Francais d'Afrique Noire», t. XVIII, 1956, Série A, N 1, p. 246-279.

Пернод появлення верблюда — 200—700-е годы н. э.
а) изображения ливийско-берберского временн
б) изображения арабо-берберского н современного периода — 700-е годы н. э.— до наших дней.

Однако хронологические рамкн зтой периодизации теперь требуют изменения, так как исследоваиия пыльцы растеиий и костных остатков иовейшими методами позволили археологам уточнить возраст иекоторых находок, и древнейший период, по-видимому, следует датировать одним-двумя тысячелетиями раньше.

Стр. 379. Эспарто, илн альфа,— дикорастущий злак в Северной Африке, дающий прочное растительное волокно.

Стр. 380. Лот высказал предположение, что эти племена были непосредственными предками фульбе, одного из наиболее многочисленных иародов Западного Судана. Доказательство этому он видит в наскальиых росписях, где изображены женщины, прически которых иапомнили ему современные прически женщин фульбе, живущих в Фута Джалон — горном райоие в Гвинейской Республике. Изображения масок, встречающиеся в Тассилин-Аджере, Лот сравнивает с масками народа сенуфо, живущего в пределах Республики Верхняя Вольта, и заключает, что обитатели древней Сахары имели обряды, сходные с обрядами инициации этого народа.

Наблюдения эти безусловно интересны, ио малодоказательны. Культура народов, иаселявших Цеитральиую Сахару и оставивших по себе память в иаскальных рисунках и росписях, относится к V—III тысячелетиям до н. з. Трудно представить себе, чтобы женская прическа сохранялась неизмеииой иа протяжеиии тысячелетий. Четыре тысячи лет тому иазад ие существовало и народа сенуфо, как не существовало на территории Европы ии французов, ни итальянцев. Поэтому нельзя в обрядах сенуфо видеть сохранение древних традиций иаселения Тассилин-Аджера. О чем можио и следует, иа иаш взгляд, говорить — это всего лишь о явно африкаиских элементах в этиическом составе и культуре древнего населения Сахары.

Стр. 381. Через несколько лет после возвращения экспедиции Лота один из ее участников, Жан Доминик Лажу, отличный фотограф и кинооператор, отправился вновь в Тассилин-Аджер. Он провел там около десяти месяцев (в 1960—1961 гг.), посетил уже известные ему раиее ущелья и пещеры и переснял заново миогие росписн. Он ие ограничился зтим и обследовал другие местонахождения и в ущелье Озенеаре открыл новые, до того неизвестные рисунки. В 1962 г. Лажу опубликовал результаты своих работ; издаиный им альбом содержит самые лучшие воспроизведеиия наскальиых изображеиий Тассилин-Аджера. Поэтому в настоящем издании в отличие от русского издания 1962 г. в основном использованы фотографии Лажу.

Африка в исследованиях Б. Гржимека и А. Лота

386 В этот том серии «XX век: путешествия, открытия, исследования» вошли две на первый взгляд очень разные книги. Одна написана французским этнографом и археологом и посвящена в основном искусству и условиям жизни древнего населения Сахары. Другая написана зоологами из ФРГ и проникнута заботой о сохранении первобытной природы Восточной Африки.

Однако, несмотря на такое различие авторов и сюжетов этих книг, можно считать вполне оправданным и удачным включение их в один том серии, поставившей целью познакомить советского читателя с наиболее характерными произведениями литературы путешествий XX века. Дело даже не в том, что та и другая книги посвящены одному континенту. Важнее то, что Африка для авторов обеих книг явилась полем продолжительной экспедиционной деятельности, результаты которой открыли немало нового для понимания прошлого, настоящего и в определенной степени будущего этого континента. Авторов обеих книг проблемы Африки волнуют, и потому не остаются равнодушными к ним и читатели.

Отобранные для этого тома книги Лота и Гржимеков были переведены на многие языки, неоднократно переиздавались в разных странах, в том числе и в СССР, но они, бесспорно, остаются в числе тех произведений, которые продолжают привлекать к себе внимание в мире. Это объясняется и всеобщим возросшим интересом к Африке, строящей новую жизнь после освобождения от колониальных оков, и важностью сделанных авторами открытий или поставленных ими проблем, и, наконец, уважением к их напряженному труду в сложных условиях глубинных районов Африки. Нельзя не отметить и литературные достоинства обеих книг, отличающихся увлекательностью изложения, идет ли речь о повседневных заботах в полевых условиях или же о сущности научных проблем.

В силу многих исторических причин и природных особенностей научное исследование внутренних областей Африканского континента началось тогда, когда мировая географическая наука уже располагала значительно более полными сведениями по всем остальным материкам, не считая лишь части Арктики и Антарктики. Исследование Африки оказалось, таким образом, одним из поздних этапов географического познания Земли, а объективная история народов континента еще только воссоздается в наши дни. Между тем открытия последних десятилетий все более позволяют утверждать, что именно Африка, вероятнее всего, явилась как прародиной человечества в биологическом отношении, так и древнейшим центром цивилизации.

Общеизвестно, что мировая история неотъемлема от цивилизации Древнего Египта, где примерно 5 тыс. лет назад уже сложилась высокая культура орошаемого земледелия, крупного строительства, возникла письменность и развивалось искусство. Последние же исследования прошлого Северной Африки, в частности изучение Сахары, вклад в которое Анри Лота очень весом, позволяют отодвинуть на несколько тысячелетий в глубь истории возникновение древнейших очагов цивилизации в Африке и по-новому определить их географическое распространение.

Анри Лот познакомился с Сахарой в возрасте 26 лет в 1929 году. Вся последующая его жизнь оказалась тесно связанной с изучением этой пустынной области, одним из крупнейших знатоков которой он стал.

По крайней мере два десятилетия основным средством передвижения для экспедиций Лота в Сахаре был дромадер. Около 100 тысяч километров было пройдено им на верблюдах по Ахаггару, Тассилин-Аджеру, Аиру, Адрару-Ифора и другим районам Сахары. Маршруты Лота не раз достигали территории Чада, Судана и Северного Камеруна.

В первые годы своих сахарских исследований Лота интересовали преимущественно вопросы антропологии и этнографии народов Сахары. Уже в 1936 году Парижское географическое общество удостоило его за исследования в Сахаре премии имени Эдуарда Фоа. В предвоенные и первые послевоенные годы он более всего занимается изучением кочевого населения Сахары — туарегов, их образа жизни, географических условий кочевого хозяйства, историей этого народа, публикуя много статей. Завершением этих исследований стали монографии «Охо-

та у туарегов» (1951 год) и «Туареги Ахаггара» (1955 год).

Интерес к археологическим находкам, весьма частым почти во всех частях Северной и Центральной Сахары, возник у Лота с первого знакомства с этой пустыней. Но лишь в послевоенные годы археология заняла ведущее место в его исследованиях, принеся ему мировую славу после детального изучения наскальных изображений на плато Тассилин-Аджер. Еще в 1957 году, за год до выхода первого издания книги «В поисках фресок Тассили», Анри Лот был удостоен высшей награды Парижского географического общества — Большой золотой медали.

Открытие наскальных изображений в Тассилин-Аджере не принадлежит Лоту. Рисунки доисторических людей в Сахаре были известны издавна, а их изучение началось более столетия тому назад. В разных районах Сахары находки таких изображений фиксировались и описывались в ходе многочисленных научных экспедиций XIX века. Наскальные рисунки вблизи Мурзука в Ливии (к востоку от Тассилин-Аджера) изучал в 1850 году Генрих Барт. 10 лет спустя француз Анри Дювейрье обнаружил другие наскальные изображения также к востоку от Тассилин-Аджера. Затем сообщения о подобных находках стали поступать от исследователей Сахары одно за другим. Ровно 100 лет назад, в 1876 году, Дювейрье опубликовал в бюллетене Парижского географического общества подробное описание группы наскальных изображений в Северной Африке.

К началу XX века французам, работавшим в Сахаре, был известен уже ряд мест на обширном плато Тассилин-Аджера, где попадались наскальные изображения животных и людей, сделанные либо красками (условно «фрески»), либо выцарапанные на камне — то есть петроглифы. В 1933 году французский офицер Бренан, как об этом упоминает в своей книге и Лот, нашел в восточной части Тассилин-Аджера исключительное по числу и разнообразию содержания и техники исполнения скопление наскальных изображений. В 1934 году кратковременно сумел посетить этот район и молодой Лот, но вернуться сюда он смог лишь через 20 с лишним лет во главе хорошо оснащенной специальной экспедиции.

Ко времени начала этой экспедиции Лота, в 1956 году, уже сложилась определенная хронологическая классификация наскальной живописи в Сахаре (в частности, благодаря экспедициям французского археолога Рейгасса и сводным аналитическим работам о доисторическом насе-

лении Сахары Р. Мони) и основанная на этой хронологии периодизация развития хозяйственной деятельности человека в Сахаре с V тысячелетия до нашей эры и до I тысячелетия нашей эры (см. комментарии).

Работы Лота и его экспедиции обогатили науку новыми уникальными материалами, которые позволили более точно и обоснованно восстановить эволюцию природной обстановки в Сахаре примерно за последние 10 тысяч лет, воссоздать историю древнейшего населения этой части Африки и развития его хозяйственной деятельности. Сам Анри Лот больше подчеркивает результаты своей экспедиции, касающиеся искусства древнего человека в Сахаре. Это понятно: он заведует отделом доисторического искусства в Музее Человека в Париже. Однако находки экспедиции и осмысливание их значения самим Лотом и другими учеными важны не только для истории доисторического искусства. Открытия Лота вообще усилили интерес к исследованию Сахары, к изучению развития природной среды в этой ныне величайшей пустыне мира, к истории жизни в ней человека и к оценке потенциального хозяйственного использования Сахары в будущем с учетом ее прошлого.

Исключительное значение результатов именно экспедиции Лота объясняется, конечно, тем, что в изученном районе Тассилин-Аджера были обнаружены не отдельные наскальные рисунки, а самая большая «картинная галерея Сахары», создававшаяся в одном месте на протяжении тысячелетий. Именно это помогло уяснить последовательность изменений экологических условий жизни человека в Сахаре и уточнить этапы развития здесь древней цивилизации. Экспедиция Лота сделала возможным для ученых всего мира изучать собранные ею свидетельства прошлого Сахары, которые до экспедиции таились в одном из самых труднодоступных районов пустыни.

Наряду со многими зарубежными учеными, включившимися в анализ материалов экспедиции и трудов Лота, надо назвать и известного советского африканиста члена-корреспондента Академии наук СССР Д. А. Ольдерогге. В своих обширных научных предисловиях к русским изданиям книги Лота (1962 и 1973 годы) он отмечает, что хотя все еще нет общепринятой классификации всех наскальных изображений в Сахаре, но их периодизация должна основываться не столько на художественных особенностях, сколько на анализе содержания изображений. Труды Лота и его экспедиции дали достаточно данных для такого анализа, который с учетом результатов опре-

деления радиокарбоновым методом абсолютного возраста органических остатков из очагов древних поселений в Центральной Сахаре и с учетом новейших результатов геологических и палеогеографических исследований в Сахаре позволяет уточнить хронологию наиболее древних периодов в упомянутой классификации Мони. Древнейший период, который характеризуют изображения крупных животных (слоны, бегемоты, жирафы и т. д.) и охотников, начался не менее чем 8 тысяч лет назад. «Скотоводческий период», по Мони (изображения домашних животных), вероятно, начался не 4500, а 5500 лет назад, но продолжался примерно до времени, указанного в перио-
390 дизации Мони (1000 лет до нашей эры).

Такие уточнения вполне совпадают с современными палеогеографическими реконструкциями природных условий Сахары на основе данных естественных наук. Работы геологов и географов в последнее десятилетие показали, что в развитии природы в Сахаре в четвертичное время на грани плейстоцена и голоцена (то есть современного периода) существовал «озерный период», начавшийся около 12 тысяч лет назад и достигший максимального развития около 8 тысяч лет назад [1]. В это время по всей Сахаре существовали многочисленные и обширные озера. Они располагались главным образом в полосе от широты современного озера Чад до 24° северной широты, то есть там, где сейчас в среднем выпадает менее 100 миллиметров осадков в год, включая и экстрааридные районы Сахары с реальными осадками в отдельные годы всего 0—5 миллиметров. Около 7 тысяч лет назад началась регрессия и усыхание этих озер, но в неолите (5500 лет назад) произошло небольшое усиление увлажнения и временное расширение озер, сохранявшихся, но постепенно сокращавшихся 2—3 тысячи лет («скотоводческий период» Мони). Затем наступило резкое повышение засушливости, продолжающееся до наших дней и сопровождавшееся быстрым сокращением поверхностной влаги в Сахаре.

Длительность существования четвертичных сахарских озер означает, что продолжительное время на территории современной пустыни было меньшее, чем теперь, испарение, то есть меньшие температуры, большее количество осадков, более высокий уровень грунтовых вод и регулярный поверхностный сток. Короче, в Сахаре почти повсеместно в указанное время были именно те условия, кото-

---

[1] H. Faure. Lacs quaternaires du Sahara. Mitt. Internat. Verein. Limnol. Stuttgart. 1969, v. 17, 131—146.

рые оказались отраженными в наскальных рисунках Тассилин-Аджера, открытых за 16 месяцев работы Лота и его спутников на ныне мертвом плато.

Д. А. Ольдерогге в упомянутой работе приходит к выводу, что новейшие исследования в Сахаре, среди которых работы Лота занимают почетное место, заставляют пересмотреть прочно установившуюся в исторической науке традицию начинать изложение истории Африки и Передней Азии только с Египта, Палестины и Месопотамии. Культуры доисторической Сахары, включая возникновение собирательства и обработку зерен злаков, оказываются здесь более древними, чем где-либо на Ближнем Востоке.

Лагерь Лота более года стоял в центре Сахары, а рядом с лагерем оказались небольшие водоемы, даже маленький водопад и вековые кипарисы, семена которых уже не дают всходов в современных условиях, хотя породившие их красавцы деревья еще живут сегодня. Не удивительно, что в этом ландшафте и под впечатлением наскальных изображений Лоту и его спутникам без труда рисовались цветущие долины, леса, болота и животные, жившие когда-то в этом краю. «Добродушные слоны толпились возле воды, шевеля большими ушами. Пугливые носороги спешили к логовищам по узким тропинкам. Жирафы прятали головы в кустах мимоз. По долинам, пощипывая траву, бродили стада антилоп и газелей, находившие отдых под зелеными кронами деревьев».

Много тысяч лет назад эта идиллическая картина исчезла в Сахаре под неумолимым воздействием изменения климата, ускоренного активной человеческой деятельностью. Но и сегодня в Африке еще можно не только мысленно представить себе нарисованную картину, но и воочию увидеть ее. Надо только перенестись на несколько тысяч километров от Тассилин-Аджера в Восточную Африку, куда и приводит читателя книга Бернгарда и Михаэля Гржимеков.

Эта книга, вышедшая в первом издании в 1959 году, равно как и другие труды Б. Гржимека и еще одноименный с данной книгой кинофильм, открыли перед миллионами людей во всем мире чарующие красоты экзотической природы Тропической Африки, пробудив нередко приглушенные чувства любви и уважения к природе. Они заметно привлекли внимание к острым проблемам охраны природы в Африке и помогли созданию международных фондов защиты диких животных и «Друзей Серенгети».

Перу Б. Гржимека, доктора биологических наук, профессора зоологии, долгое время директора зоопарка во

Франкфурте-на-Майне, принадлежит более 10 научных и научно-популярных монографий, основанных на его исследованиях и наблюдениях животных в неволе и в многочисленных экспедициях (преимущественно в Африке): «Мы, животные, совсем не такие», «Наши братья с когтями», «Для диких животных места нет», «Больные птицы», «Дикие животные и белый человек», «Туло из Франкфурта» (хорошо известная по русскому переводу 1965 года книга о носорогах «Они принадлежат всем»), «Четырехногие австралийцы» (в русском переводе «Австралийские этюды») и др. Совместно с сыном и отдельно Б. Гржимек опубликовал много специальных статей о животном мире Африки.

Наилучшую оценку того, что дала для Серенгети неутомимая деятельность Б. Гржимека и его сына, жизнь которого оборвалась в его ранние годы в авиационной катастрофе вблизи кратера Нгоронгоро, читатель уже нашел в последней главе книги в словах Джона Оуена, директора национальных парков Танзании. Значение исследований Бернгарда и Михаэля Гржимеков в Серенгети известный советский зоолог профессор А. Г. Банников, основываясь также на собственных путешествиях в Африку, в предисловии к русскому изданию книги (1968 год) высоко оценил как далеко выходящее за пределы одного этого африканского национального парка. В сугубо научном отношении важность зоологических исследований Б. Гржимека и его сына заключается прежде всего в разработке методов подсчета диких животных на крупных территориях. Эти методы были затем широко применены для дела охраны фауны в разных странах мира, в том числе и в СССР. Однако наиболее ценен труд Б. Гржимека как большой вклад в поиск решений сложной проблемы сохранения африканской природы для будущих поколений населения Африки и всего мира.

В последнее десятилетие вопросы охраны природной среды и ее ресурсов вообще выдвинулись на одно из первых мест среди проблем, волнующих человечество. Одной из причин этого явилось небывалое в истории усиление воздействия человека на природную среду в связи с научно-технической революцией, возрастающими потребностями в природных ресурсах, «демографическим взрывом» второй половины XX века. Общие мировые проблемы охраны природы в условиях современной Африки тесно переплетаются с особенностями ее социально-экономического развития и осложняются спецификой взаимоотношения человека и природы в тропических областях, занимающих большую часть Африканского материка.

С особой остротой стоит вопрос о перспективах наиболее традиционного направления охраны природы в Африке — сохранения ее животного мира. Дикая фауна Африки испытывает, с одной стороны, такое же отрицательное воздействие возрастающей активности человека, как все элементы природных экологических систем. С другой стороны, крупные дикие животные испытывают особо опасное воздействие, направленное прямо против них: «законная» охота и браконьерство, сокращение площадей, обеспечивающих питание и водопой, и т. д. Масштабы истребления и гибели крупных млекопитающих, многих птиц и пресмыкающихся даже в наименее нарушенных человеком экосистемах Африки продолжают почти повсеместно оставаться весьма удручающими, чему мне на протяжении долгих лет работы в разных странах Африки часто приходилось быть свидетелем. Все это привлекает сейчас особо пристальное внимание к охране животного мира Африки как самих независимых стран этого континента, так и мировой научной общественности (ФАО, ЮНЕСКО, Международный союз охраны природы и природных ресурсов и т. д.)

К 1960-м годам в Африке глубокие политические и социально-экономические преобразования достигли такого размаха, что без их учета невозможно правильно оценить состояние и перспективы охраны природы на континенте. Число молодых независимых государств здесь за одно десятилетие возросло почти на 40 стран. Фактически все они оказались перед лицом сложной задачи замены колониальной экономики независимым народным хозяйством. На пути решения этой задачи много препятствий и среди главных — нехватка финансовых и материально-технических средств, квалифицированных кадров, слабая изученность природных ресурсов и т. п. Вполне понятно, что охрана природы в этих условиях далеко не всегда могла сразу занять должное место среди неотложных задач национального строительства в Африке. И все же с самого начала своего независимого развития почти все суверенные государства Африки так или иначе были вовлечены в решение наиболее насущных проблем охраны природы в своих странах, необходимость которой была законодательно закреплена в 1968 году особой конвенцией африканских государств.

Еще в 1967 году ФАО опубликовало сводку Т. Рини, посвященную анализу состояния сохранения и использования дикой африканской фауны. Книга была дополнена обзором положения об охране животного мира более

чем в 20 странах Африки. Это исследование также свидетельствует о значительном видовом и численном сокращении африканской фауны. Тем не менее исследования показали, что даже в критических ситуациях, вызванных «традиционными» формами истребления диких животных, обычно в Африке довольно продолжительное время сохраняется возможность добиться восстановления пострадавшего поголовья диких животных, если не произошли радикальные изменения условий в местах их обитания. Однако промышленное заражение водоемов, последствия применения некоторых гербицидов и дефолиантов и т. п. нередко становятся сегодня в Африке причиной массовой гибели животных, о судьбе которых часто просто не мыслилось при планировании тех или иных современных хозяйственных мероприятий.

Сейчас главные проблемы охраны природы в Африке значительно шире задач охраны животных. Поэтому экологический подход в решении этих проблем занимает все большее место в исследованиях и практических мероприятиях по охране природы в Африке. В связи с этим можно в определенной степени оптимистически оценить новые тенденции развития охраны природы в независимых странах Африки, проявляющиеся по мере укрепления их экономики и формирования национальных кадров специалистов.

Есть и некоторые специфические аспекты в деле организации охраны диких животных в Африке. Ее система, сложившаяся еще в колониальный период, преследовала первоначально в основном научные цели и обслуживание колонизаторского населения. Многим рядовым африканцам поэтому и до сих пор охрана животных представляется как бы пережитком колониальной эпохи, увлечением «белого человека». В то же время большинство африканцев психологически хорошо подготовлены к широкому участию в охране животного мира на новой социально-экономической основе, так как благодаря особенностям своих традиций, культов и т. п. в Африке животных часто рассматривают действительно как «меньших братьев» человека.

Известно и то, что большинство африканцев в прошлом и те, для кого охота и сегодня остается важным источником существования, как и все настоящие охотники, достаточно бережно относятся к диким животным. К сожалению, этим традициям нанесен серьезный ущерб развитием коммерческого интереса в Африке к «охотничьим трофеям», к производству доходных изделий из шкур,

рогов и т. д. Хотя масштабы браконьерства в Африке велики, но оно связано с довольно ограниченным кругом лиц, сделавших его профессией (отстрел колобусов для изготовления ковров в Эфиопии, зебр в Восточной Африке для поделок из их шкур, убийство слонов ради бивней и т. п.). Наличие у профессиональных браконьеров своего рода корпораций, постоянный характер связей с коммерсантами — все это облегчает борьбу с браконьерами, если административные органы серьезно берутся за дело, что наблюдается в Танзании и некоторых других странах Африки.

Сегодня в Восточной Африке, как и во многих других развивающихся странах, охрана дикого животного мира получает экономическую базу в связи с развитием (при этом преимущественно в государственном секторе экономики) так называемой туристской индустрии. Помимо валютных доходов в бюджет развитие международного туризма в этих странах способствует обеспечению занятости населения. Таким образом, еще одной тенденцией в развитии охраны природы в Африке становится придание ей коммерческого характера. Хотя при этом научные задачи оказываются как бы побочными, но они, пускай пока даже только по необходимости, занимают все более прочное место.

Эта намечающаяся сейчас в Африке тенденция сочетания мероприятий по охране природы с развитием коммерческого туризма преследует национальные экономические цели, но она, по-видимому, отражает и зарождение в Африке стабильных очагов рекреации мирового значения. Поэтому угроза в Африке сокращения дикой фауны, разрушения целых неповторимых природных комплексов, подобных Серенгети, означает не только потерю для науки, но и серьезный ущерб национальной экономике и, возможно, нарушение объективно складывающихся мировых процессов формирования рекреационных зон. Думается, что и необходимость решения новой проблемы современного человечества — организации отдыха тоже сыграет положительную роль в улучшении охраны природы Африки на пороге 2000 года, когда, по всем расчетам, население планеты удвоится по отношению к нашим дням.

Улучшению дела охраны крупных животных в Восточной Африке может помочь и тенденция включить в решение продовольственной проблемы здесь и ресурсы дикого животного мира саванн. Как и почти повсеместно в тропиках, в Восточной Африке тоже ощущается большая нехватка животных белков в обычном рационе питания на-

селения. Опыты показали, что отстрел до 10 процентов живого веса обычных популяций диких копытных в малонарушенных экосистемах саванн не представляет опасности для этих популяций и экосистем в целом. Более детальные расчеты были сделаны по данным исследований в 1967 году именно в Серенгети и показали важное значение для национальной экономики рационального использования дикой фауны при контроле над ее охраной и отстрелом.

Упомянутая уже общеафриканская конвенция об охране природы, вступившая в силу в 1969 году, возлагает в каждом независимом африканском государстве охрану природы и ее ресурсов на ответственную специализированную организацию. Национальные парки, по этой конвенции, всюду переходят под полный государственный контроль, и в этом определенная гарантия, что и в Серенгети, и в других местах будущие поколения еще увидят многих экзотических животных, оказавшихся под угрозой исчезновения. Конвенция обязывает каждую африканскую страну охранять диких животных не только в существующих и будущих заповедниках разных типов, но и обеспечивать повсеместно оптимальное для животных соотношение между территориями в естественном состоянии и осваиваемыми в хозяйственных целях. Установлен и общеафриканский перечень взятых под охрану видов животных, убийство и отлов которых полностью запрещен (кроме научных целей). Среди этих животных все человекообразные обезьяны, многие хищники, значительная часть копытных, в том числе окапи, некоторые зебры, газели и т. д.

Конечно, оптимистические прогнозы в отношении будущего Серенгети и вообще животного мира Тропической Африки не могут основываться только на наличии конвенции. Эти прогнозы оправдаются, если организация охраны природы встанет на прочную научную и материальную базу. Некоторые вопросы, касающиеся экономической базы охраны природы, мы осветили. Что же касается научной стороны дела, то успех будет обеспечен, если охрана природы в Африке будет пониматься не только как защита дикой фауны, но и как охрана всей природной среды и ее ресурсов, когда проблема будущего фауны станет неотъемлемой от сохранения почвенного и растительного покровов, чистоты вод и атмосферы, вообще от сохранения целых природных комплексов.

М. Б. Горнунг

Содержание

Бернгард и Михаэль Гржимек

Серенгети не должен умереть

Анри Лот

В поисках фресок Тассили

Гржимеки Б. и М.

Г 75 Серенгети не должен умереть. Пер. с нем.— Лот А. В поисках фресок Тассили. Пер. с франц. Послесл. М. Б. Горнунга. М., «Мысль», 1976.

398 с.; 20 л. ил. (XX век: Путешествия. Открытия. Исследования).

Том включает две книги, посвященные исследованиям Африки. Одна из них — рассказ о французской экспедиции А. Лота, работавшей на территории Алжира, где она изучала наскальные рисунки, созданные в давно прошедшие времена. Цель исследований — восстановление далекого прошлого величайшей пустыни мира Сахары, ее природы, жизни обитавших там людей. В другой книге, написанной учеными из ФРГ Б. и М. Гржимеками, рассказывается о знаменитом заповеднике Серенгети, расположенном в Восточной Африке на территории Танзании. Книга посвящена жизни животных, там обитающих, и охране природы.

Г $\frac{20901\text{-}111}{004(01)\text{-}76}$ подписное 57(069)+902.6

Бернгард и Михаэль Гржимек

СЕРЕНГЕТИ НЕ ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

Анри Лот

В ПОИСКАХ ФРЕСОК ТАССИЛИ

Редакции географической литературы

Заведующий редакцией
И. К. Мячин

Редактор
С. Н. Кумкес

Младший редактор
З. В. Кирьянова

Редактор карт
Г. Н. Мальченский

Художественный редактор
В. И. Сурикон

Технический редактор
Ж. М. Конобеева

Корректор
Ч. А. Скруль

Оформление
и макет серии
Д. А. Аникеена

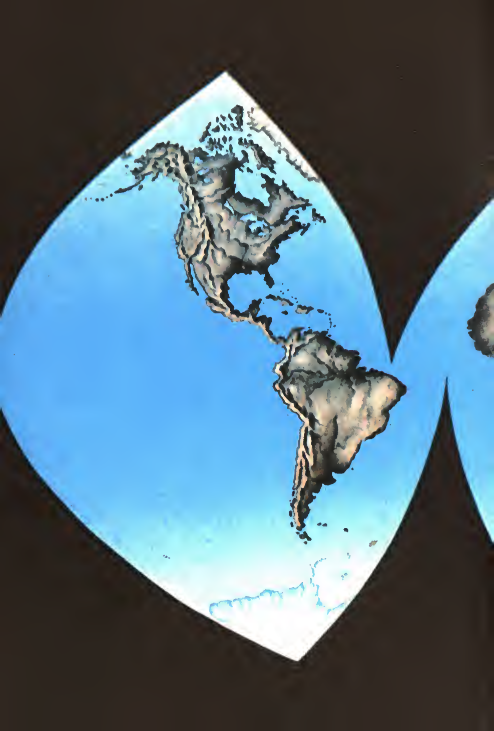
Суперобложка художника
В. Ф. Найденко

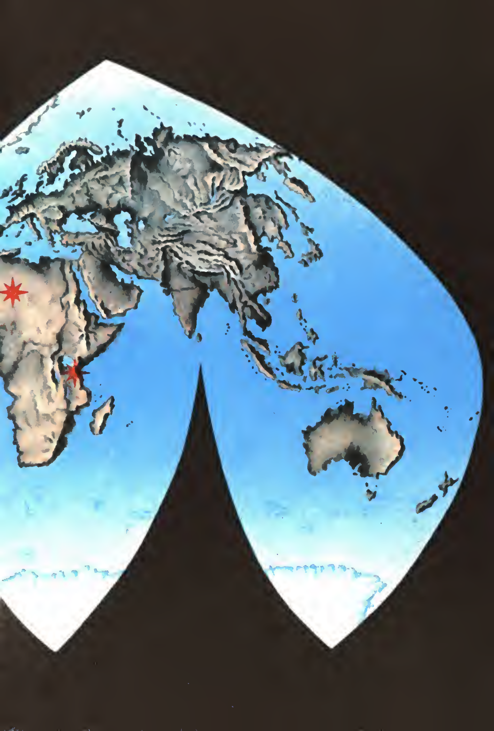
Гранюры художника
Л. С. Быкона

Сдано в набор 11 ноября 1975 г. Подписано в печать 26 февраля 1976 г. Формат бумаги $60\times84^1/_{16}$. Бумага типографская, № 1. Усл. печатных листов 25,57 (с вкл.). Учетно-издательских листов 25,35 (с вкл.). Тираж 150 000 экз. Заказ № 3485. Цена 2 руб.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

2 руб.

